



**ВЕНГЕРСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОРВИНА»

ВЕНГЕРСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Составление, вступительная статья и примечания

ДЮЛЫ ОРТУТАИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОРВИНА»

ВЕНГЕРСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Перевел с венгерского
Симон Маркши

Издательство «Детская литература»
Москва, 1974

© Диола Ортуган, 1957

Отпечатано в Венгрии, 1974

Типография «Кнер», Дема

Памяти Яноша Хонти

Весьма неясно, что это за текст. Видно, что это не просто заголовок, а начало статьи или письма. Текст сильно размыт, но можно различить некоторые слова и фразы. В начале, возможно, упоминается имя Яноша Хонти. Далее следуют несколько абзацев, в которых, судя по структуре, автор рассказывает о жизни или деятельности этого человека. В конце текста, возможно, есть заключение или подпись. Из-за плохого качества изображения невозможно точно расшифровать содержание.

ВЕНГЕРСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Bonum quanto communius, tanto divinius.

Pelbart Temesvari, Stellarium, lib, I.

(Благо тем божественнее, чем
больше сопричастных ему.)

I

I. Первое в истории упоминание о венгерских народных сказках носит презрительный характер (что, впрочем, характерно и для европейской сказки в целом). Так называемый «Аноним», безымянный летописец короля Белы, заявляет прямо в прологе к своим «Gesta Hungarorum» («Деяния венгров»), первом из сочинений, касающихся происхождения венгров и завоевания ими нынешней их страны: «Et si tam nobilissima gens Hungariae primordia suae generationis et fortia quaeque facta sua ex falsis rusticorum vel a garrulo cantu joculatorum quasi sompniando audiret, valde indecorum et satis indecens est». («И если бы столь благородный народ венгерский узнавал о началах своего происхождения и о своих доблестных подвигах из лживых крестьянских побасенок или из болтовни бродячих певцов, слушая их, будто замороженный, — это было бы и непристойно и недостойно в высшей мере».) К этим «falsis fabulis rusticorum» автор возвращается позже и в самом тексте: бывший студент Парижского университета, «Аноним» (в духе своего времени) противопоставляет достойное доверия «писание» («scriptura») ненадежному и обманчивому баснословию. Мы не можем, к сожалению, обратиться здесь к анализу этого весьма важного для нас текста и не станем выяснять, в какой степени «лживые крестьянские побасенки» могут считаться — по форме и по содержанию — предшественниками крестьянских сказок, собирание которых началось лишь в первые десятилетия прошлого века. В любом случае обнаружить непосредственную связь между ними едва ли было бы возможно. Стоит, однако же, остановиться хотя бы мельком на выражении «quasi sompniando», указывающем на убаюкивающую, навевающую грезы атмосферу сказки, тем более, что нам известны сходные пассажи

и европейской литературе (причем они не всегда ограничиваются лишь презрительными выпадами против сохраняемых устной традицией сказочных историй). Например: «Nec est Arthur de quo Britonum nugae hodieque delirant; dignus plane quem non fallaces somniant fabulae, sed veraces praedicarent historiae». William of Mulmesbury, «Gesta Regum Anglorum», «Patrologia Latina», CLXXIX, 965. («Таков Артур, о котором и ныне несут всевозможный вздор британцы, хотя об нем не в сказках бы лживых грезить, а правдиво повествовать в истории — он вполне достоин того».) Первый венгерский историограф, — как это с очевидностью следует из приведенного выше текста «Анонима», — знает, что ко времени Завоевания (896) существовала общераспространенная традиция устного сказочного повествования; знает он и о зачаровывающем воздействии такого повествования на слушателей. Презрительные отзывы подобного свойства можно встретить и в более поздних хрониках; крестьянские сказки подвергались осуждению непрерывно, вплоть до церковных проповедей XVIII века. Такие отзывы свидетельствуют, однако, что сказка жила и процветала; более того, некоторые венгерские писатели XVI века пользовались сказочной формой для распространения прогрессивных идей Реформации. Да и сам «Аноним» неоднократно ссылается как на стихи бродячих певцов, так и на сказки, переходящие из уст в уста.

2. Историческая проблематика венгерской народной сказки требует исследований в нескольких направлениях. Некоторые ученые занимались вопросом о том, существует ли в материале наших сказок особый слой, который был бы характерен исключительно для венгерских народных сказок, или, иначе говоря, указывал бы на их восточные корни, относящиеся ко временам до Завоевания. Существует ли такой слой и можно ли — по типам, мотивам, по определенным устойчивым формулам — отделить его от материалов западноевропейской сказки? Для ранних, романтических представлений большая часть наших сказок была неотчуждаемым национальным достоянием. Но даже и ныне, после многих сравнительно-исторических исследований и

многих дискуссий, вынести окончательное суждение навряд ли возможно.

Шандор Шоймоши (1864—1945) утверждал, что некоторые из шаманских религиозных представлений, характерных для венгров до Завоевания, вошли в число наших сказочных мотивов, что соответствующих мотивов в западном сказочном репертуаре нет, и, стало быть, мы должны рассматривать так наз. «восточный», шаманский слой в наших народных сказках как их древнейшую составную часть. В качестве одного из таких мотивов, восходящих к шаманским религиозным представлениям, Шоймоши называет часто встречающийся в наших сказках мотив замка, вертящегося на утиной ноге (или на ноге какой-либо другой птицы). Но он сам же заметил, что этот мотив ни в коем случае нельзя считать специфически венгерским, поскольку он обильно представлен в сказках Восточной Европы, особенно в русских сказках. С другой стороны, Янош Хонти отмечает, что мотив вертящегося замка появляется очень рано в кельтском эпосе, а потому, равно как и на основании других западноевропейских аналогий, Хонти отклоняет предположение Шоймоши. Более новые работы (в первую очередь, исследования Вилмоша Диоссеги, а также материалы, собранные автором этих строк и опубликованные лишь отчасти) свидетельствуют, что мы имеем дело не с отдельными мотивами, но что скорее в венгерских сказках обнаруживается некоторый набор генетически взаимосвязанных (сколько можно судить) элементов и мотивов из повествований и концепций шаманского культа.

Можно также упомянуть, что советский ученый Лавров не так давно, в 50-х годах, наблюдал процесс проникновения элементов шаманского обряда в сказки чукчей, которые, расставшись с родовым строем, отказались и от древних верований и суеверий. Пока обряды сохраняли свою религиозную и социальную значимость, истории, с ними сопряженные, не могли войти в фольклор. Когда же их религиозная «подлинность» и социальная общеобязательность начали клониться к упадку, а затем и вовсе перестали существовать, мотивы и элементы их проложили себе путь в устные

повествования, единственная цель которых — развлечение слушателей. Сходные процессы наблюдал и Малиновски, который (как и другие исследователи вслед за ним) проводил границы между мифами, легендами, фантастическими быличками и сказками в южномеланезийском эпосе как раз на основе их социальных функций и значения.

Подобным образом все более и более проникали в сказочный эпос и венгерские суеверия. Эта эволюция закономерна: именно так элементы религиозного ритуала, религиозных верований и суеверий переходили в сказочный (то есть уже не являющийся объектом веры) материал в самых различных исторических условиях. (Вполне понятно, что мы лишь схематически очерчиваем весьма сложный исторический процесс.) Мы можем возвести древнейшие и генетически взаимосвязанные элементы венгерской народной сказки к шаманским обрядам времен Завоевания и даже более ранним. К таким мотивам принадлежат: «дерево до небес» (см. № 8 нашего сборника); «замок, вертящийся на утиной ноге»; «ученик шамана (в сказках — волшебника) и его испытания»; «расчленение героя сказки на части», равно как и формула, которую он произносит после воскрешения: «Ох, и крепко же я спал!» (см. №№ 3 и 8); сюда же, далее, мы можем причислить и мотив зеркала «Весь свет покажу» (№ 3), сопоставляя его с шаманским магическим зеркалом, хотя мы и знаем, что он фигурирует среди мотивов «Gesta Romanorum». Если даже некоторые из этих мотивов соприкасаются со сказочными элементами какого-либо иного круга, их регулярное появление в сказках родственного типа, так же, как и упорное, последовательное их бытование в венгерском сказочном репертуаре позволяют предполагать, что они представляют собою уцелевшую часть древнего и некогда единого шаманского культа, единого комплекса религиозных представлений.

Как мы уже упоминали, трудно отделить эти мотивы от материала, известного и другим фольклорам, но еще труднее выделить подобным же образом сказочные формулы. Упомянутая выше формула «Ох, и крепко же я спал!» обнаруживается и вне сферы шаманских культов (ср. Stith Thompson, Motif-Index», E 175: Death thought

sleep; Hambruch, *Südseemärchen*, Jena, 1912: во многих сказках); в этом случае наша гипотеза может быть подкреплена лишь тем, что формула появляется не sporadически, не случайно. Еще более сложную задачу принял на себя Шандор Шоймоши, попытавшись связать с тем же древнейшим слоем венгерской устной традиции формулу зачина «Hol volt, hol nem volt» (буквально: «Где было, где не было»). Меж тем как Ф. Панцер (Fr. Panzer, «*Märchen, Sagen und Dichtung*», 1905, S.17ff.) включает эту формулу в число арктических сказочных зачинов славянского происхождения, Шоймоши указывает, что подобные «арктические» зачины часто попадают в кавказском сказочном репертуаре (в мингрельских, грузинских, армянских и др. сказках), а также у турок-сельджуков, откуда они и проникли в другие культурные ареалы — по чистой случайности. Для турецкого, кавказского и венгерского фольклоров они закономерны, для других ареалов — случайны; стало быть, они принадлежат к древнейшему слою, восходящему к эпохе до Завоевания. Шоймоши включает в этот же круг еще ряд сказочных оборотов, например, вопрос: «Как ты сюда попал, куда и птица-то не залетает?» — или же ответ старухи, помогающей герою своим волшебством, на приветствие того же героя: «Твое счастье, что ты меня бабушкой назвал». Согласно Шоймоши, последняя из двух формул сохраняет, в то же время, воспоминание о матриархате.

Вот и все немногое, что можно сказать о древнейшем слое венгерского сказочного эпоса, том слое, который всего больше отличает венгерскую сказку от западноевропейской. Впрочем, даже и эти отличия нельзя назвать неоспоримыми. И, однако, мы вправе рассматривать такие мотивы и формулы как цельную группу взаимосвязанных явлений, относящихся к шаманской культуре венгерского народа.

3. Первый период целенаправленного собирания венгерских народных сказок приходится на конец XVIII столетия. Но это отнюдь не означает, что, помимо упоминаний в хронике «Анонима», гипотетически восстанавливаемых элементов шаманского культа да нескольких устойчивых формул, никакими иными доказа-

тельствами непрерывного существования венгерского сказочного эпоса мы не располагаем. Есть различные, хотя и достаточно скудные данные, относящиеся и к пяти «промежуточным» столетиям. Они позволяют установить самый факт существования сказок и фантастических быличек, но, как правило, судить об их содержании не дают.

К данным такого рода принадлежит особая группа топонимов, которые мы встречаем в исторических документах и записях, начиная с XI века, в самых различных частях страны, у различных этнических групп. До сих пор ученые оставляли эти данные почти без внимания. (Лишь Арнольд Ипойи указывал на этот пробел в своей «Мифологии».) Приведем несколько примеров в контексте памятника. (Цифры обозначают год написания документа и (или) копии с него.) 1075—1217: *Usque ad Caput lacu qui ördögösara uocatur.* (Вплоть до начала озера, именуемого *Чертова грязь*). 1270: *Quod quidem fossatum vulgariter ördögbarázdjaja nuncupatur.* (Какой ров в просторечье именуется *Чертовой бороздой*.) Нет необходимости цитировать дальше целыми фразами. Вот, однако, еще несколько топонимов, свидетельствующих, что сказочный эпос продолжал жить и развиваться: 1342 — *ördög-kútja* (*Чертов колодезь*), 1344 — *ördög szántása* (*Чертова пашня*), 1416 — *ördög-kő* (*Чертов камень*), 1446 — *baba (i.e. boszorkány) völgye* (*Ведьмина долина*), *ördögmaró völgye* (*Долина чертовой травы*, речь идет о волшебной траве), 1560/1580 — *ördög ereszkedője* (*Чертов косогор*), 1295/1403 — *ördögös fő* (*Чертова голова*).

Среди имен собственных подобного же рода мы встречаем такие, как: 1454 — *Antonio Ördögűző* (*Изгоняющий чертей*), 1429 — *Johanne Ördögös* (*Чертов*) и т. п.

Возьмем другую группу топонимов: 1256/1270 — *Sárkánybegy* (*Драконова гора*), 1262 — *Sárkányos-fő* (*Драконова голова*), 1391 — *Sárkány szigete* (*Драконов остров*), 1418 — *Sárkánykő* (*Драконов камень*), 1462 — *Sárkány ároka* (*Драконов ров*) и т. п., 1476 — *Bűbájos tó* (*Заколдованное озеро*). Сюда же можно отнести такие географические названия, как *kígyókő* (*Змеиный камень*), *kígyólyuk* (*Змеиная дыра*), появляющиеся в документах уже с 1279 года. На местный этиологический миф намекает и

запись 1390 года: *Iungit unum magnum lapidem Medveko*
lupscratum (Присовокупил высокую скалу, именуемую
Медвежьим камнем).

Приведенная выше подборка географических названий и имен собственных свидетельствует, по нашему убеждению, что в устной традиции жили различные волшебные сказки, религиозные легенды, фантастические былички и местные этиологические мифы. Мы располагаем также некоторыми документальными данными, *возможно*, намекающими на содержание сказок, но разгадать значение этих намеков мы не в силах. Так, например, в документе 1578 года есть упоминание о «блюде двух дураков», которое можно соотнести с одним из шванков о короле Матфее (Матяше).

Примеры нетрудно умножить. Ограничимся ещё одним: 1520 — *Demetrius Babszem* (*Бобовое зернышко*). Очевидно, что уже в ту пору складывались фамилии, образцом для которых служили имена сказочных героев (в данном случае — *Babszem Jankó*). Впрочем этот Янко Бабсем встречается довольно редко, и не исключена возможность, что он попал в венгерский фольклор через посредство сказок братьев Гримм. Воздерживаясь от дальнейшего нагромождения фактов, остановимся на том, что документальные материалы первых столетий после Завоевания с полной определенностью доказывают существование устного прозаического эпоса и в частности — сказочного эпоса.

4. Кроме документов, доказательства доставляют и историографы королевского дома Арпадов — читатель уже имел возможность в этом убедиться по отрывку из «Анонима». Хронисты сознательно служили интересам усиливающейся королевской власти, и конфликт между «писаной истиной» и презираемой устной традицией обострялся враждебностью последней по отношению к крепнущему феодальному государству и господствующей социально-экономической системе. Тем не менее мифы, продолжающие жить в устном предании, и так или иначе связанные с ними легендарные и сказочные истории находят доступ в официальную историографию, как бы презрительно ни относились к ним историографы. Не только сам «Аноним», — вопреки соб-

ственным порицаниям, — заимствует подобные истории из устного предания; еще более примечательно, что в хрониках XII—XIV веков число фольклорных заимствований непрерывно возрастает. Так «Хроника Кезап» (1282—1285) дает мифическую генеалогию венгров, подчеркнутую, предположительно, из так наз. «*Protogesta*» XI века, до нашего времени не сохранившихся; среди прочих важных для исторической науки, хотя и спорных данных, хроника приводит рассказ о волшебном олене — преследуя оленя, два богатыря, Гунор и Магор, находят себе жен и затем становятся родоначальниками гуннов и венгров (мадяров). Научные источники придворных историографов и их произвольные построения нас, в данном случае, не интересуют, и мы хотели бы обратить внимание читателя лишь на то, что волшебный олень и преследование зверя, который манит за собою охотника (как это показывает материал, собранный в чрезвычайно путаной книге Пшмадта), принадлежат к широко известным мифологически-сказочным мотивам и занимают важное место в таком, например, собрании, как «Тысяча и одна ночь». Согласно прекрасной работе Кароя Керени, мифическая история о преследовании оленя в венгерской хронике представляет собою результат ученой компиляции, гуманизирующей сказочное чудо.

Отдельные мифические и сказочные элементы из цикла легенд о царе Соломоне вошли в историю вождя Леля, потерпевшего поражение под Аугсбургом в 955 году. Схема мотивов такова: 1) герой, стоя под виселицей, 2) прибегает к заранее обдуманной хитрости, 3) просит свой рог, чтобы протрубить в него напоследок, и в результате 4) тот, кто осудил плененного героя на смерть, гибнет от его руки и 5) становится его слугой в загробном мире. Этот анализ, предложенный Шандором Шоймоши, с достаточной ясностью обнаруживает, что — за исключением лишь последнего, пятого мотива — мы встречаемся здесь с циклом легенд о царе Соломоне и что средневековый вариант этого цикла был уже известен наравне с древним. (Ср. А. Wesselski, «*Märchen des Mittelalters*», Berlin 1925, S.197ff.) Венгерские лингвисты высказывают предположение, что легендами и сказками обросла еще одна фигура из той

же истории — Бульчу, но что это произошло в нижнем слое общества, в среде крестьянства.

Сказочные элементы содержались и в повествовании о знаменитом поединке Ботонда; «Аноним» упоминает, что этот эпизод почерпнут из крестьянских рассказов, а потому говорит о нем очень кратко, не вдаваясь в подробности. Ботонд, рядовой венгерский воин, и к тому же низкорослый, одолевает у стен Константинополя хвастливого великана-грека. Каждый сражается от имени своего народа. К числу героических деяний Ботонда принадлежит то, что он пробивает палицей громадную дыру в медных городских воротах; дыра так велика, что в нее может пройти пятилетний ребенок. (Ср.: Сид у ворот Парижа.)

Нечего и пытаться отделить в рассказе хрониста элементы, восходящие к поединку Давида с Голиафом и другим легендарным поединкам, от элементов собственно сказочных.

В легенде о вожде Чанаде герой, в доказательство своей победы, предъявляет язык, вырезанный изо рта убитого врага. Лгун, который приносит голову без языка, желая прослыть за героя, с позором изгоняется, а Чанад получает от короля замок и большую награду. Общеизвестно, что этот мотив часто встречается в героических преданиях и эпической поэзии Востока, а также знаком античной греческой традиции. Вместе с тем это важнейший элемент в кульминации одного из самых популярных сказочных сюжетов (АТх 300). Заметим попутно, что в ночь перед битвой Чанад взывает с молитвою к Святому Георгию, убийце дракона; отсюда, возможно, следует, что весь мотив попал в хронику через посредство религиозной легенды. В нашем кратком обзоре мы не пытаемся доказать ни того, что определенные легендарные и сказочные мотивы, сохранявшиеся устной традицией, проникли в хроники из сказочного эпоса, ни обратного — будто такие элементы перешли в фольклор из писаний хронистов. Источники, которыми мы располагаем, слишком скудны, чтобы можно было реконструировать ход развития мало-мальски точно, а потому мы ограничимся лишь одним утверждением: и эпические устные предания, и тексты хронистов отражали одну и ту же общую традицию,

которой присущи сказочные черты. Ничего более определенного и настоящего сказать нельзя.

Среди наших великих королей всего теснее с легендой и сказкой сопряжены фигуры Владислава (Ласло) Святого и короля Матфея, среди достопамятных исторических событий — Татарское нашествие (1241). Многие из этих легенд и сказок венгерский народ помнил еще в прошлом столетии, а цикл о короле Матфее жив и по сей день и распространен весьма широко. Истории о героических подвигах Владислава Святого были отчасти легендами из хроник, отчасти народными преданиями (в числе последних есть известные в различных вариантах и у разных народов — например, о герое, восстающем из мертвых, чтобы спасти свою страну). Многие местные предания и исторические анекдоты повествуют о бедах времен Татарского нашествия и о спасении народа благодаря хитрости. Лишь очень незначительное число таких анекдотов и преданий уцелело в первоначальной своей форме. Чаще они сохранялись в составе какого-либо литературного памятника, и записи нового времени дают возможность заключить, что большое количество вариантов носит вторичный характер (сюжет возвратился в уста народа из учебников и т. п.).

Особое место занимают новеллистические сказки, связанные с фигурой короля Матфея; впервые истории такого рода появляются в хрониках XVI века. Король Матфей (1440—1490) был одним из наиболее значительных венгерских государей, а по убеждению народа — самым великим среди них. Пословицы и поговорки поминуют его имя, выражают желание, чтобы вновь ворвались времена его справедливого царствования. Поговорка «Король Матяш умер — справедливость исчезла» была известна и словенам, и карпатским украинцам. Память о нем сохранялась не только в придворной поэзии и историографии, но очень быстро сделалась частью устной традиции, о чем, помимо венгерских памятников, свидетельствует народная песня с далматинского побережья Адриатики, сложенная в XVI столетии. Заметим попутно, что фигура короля Матфея вошла в фольклор соседних с венграми народов: он — один из крупнейших народных героев в словенской эпической поэзии и у лужицких сербов, а соби-

ратели фольклора карпатских украинцев уже в конце прошлого века издали во Львове целый том сказок о короле Матфее, указывающих на многовековую традицию. Король Матфей присутствует также в народном эпосе румын, хорватов, словаков. (Краткая библиография дана в «Примечаниях».)

Трудов историографов-гуманистов Бонфини и Галетто и их косвенного воздействия на фольклор мы касаться не будем.

Тексты настоящего сборника позволяют убедиться, как много чрезвычайно важных типов сказки и исторического анекдота связано в венгерском фольклоре с образом короля Матфея; эти сказки перебрасывают мост между историей и живой устной традицией, мост, существующий и поныне. Некоторые ключевые эпизоды цикла появляются уже в книге Иштвана Бенцеди Секея «Хроника достопримечательных событий во всем мире» (Краков, 1559), а затем в «Хронике деяний венгров» Гашпара Хелтаи (1575). Во второй хронике оговорено, что такие истории живут и в устном предании; это особенно поучительно уже потому, что в другой своей книге Хелтаи просто приводит выдержку из известного труда Бонфини о короле Матфее, написанного на латинском языке. Совершенно очевидно, что не прошло и столетия после кончины короля Матфея, а литературное мышление (тогда только зарождавшееся) уже четко различало между устной традицией, ткущей свои покровы вокруг фигуры великого короля, и придворной историографией. Нам это представляется доказательством силы устной традиции.

Мы не намерены задерживаться дольше на наших хрониках. Приведенных примеров довольно, чтобы увидеть: венгерская историография XII—XIV вв. сохранила немало элементов местных преданий и анекдотов. Она черпала их из устного творчества крепостных крестьян. И обратно: некоторые предания из хроник, в результате различных перипетий, просочились в устную народную традицию.

5. Ценным источником для нас служат также различные виды духовной литературы (проповеди, притчи, размышления, жития святых и т. д.), иначе говоря, ли-

тературная продукция, создававшаяся в монастырях Венгрии между XIII и XVI веками. Подобно тому, как европейская фольклористика в целом принимает в расчет материал, заключенный в «*Legenda Aurea*», «*Scala Coeli*», в различных «*Specula*» и «*Catalogus de Sanctorum*», так же точно будет поучительным и для нас заглянуть в рукописи, содержащие произведения религиозной литературы, просмотреть труды Пелбарта Темешварского (1435—1504) и Ошвата из Лашко (1450—1511), увидевшие свет во многих изданиях. Мы находим в них обильную примесь легендарных и сказочных мотивов и элементов; под покровом притчи скрываются анекдоты; звучат ноты новеллистического повествования, авантюрного, романтического рассказа. Взаимодействие, взаимопроникновение письменной и устной традиций обнаруживает себя и здесь. Мы не можем согласиться с Вессельски и многими другими исследователями, которые усматривают в этой области лишь одностороннее движение — от литературы к фольклору, и уже один лишь венгерский материал, сам по себе, внушает сомнения в том, что сказки, легенды и притчи столь существенно разнятся друг от друга, столь решительно не сходны по художественной форме и мировосприятию, как это утверждает в своей книге («*Einfache Formen*», Halle /Saale 1929) А. Йоллес, чье мнение и в наши дни разделяют многие известные ученые. Если вообще позволительно высказываться по поводу фундаментальных проблем в кратком предисловии, мы бы хотели отметить, что скрещивание жанров и переходные формы между ними наблюдаются и в религиозной литературе. Стефан де Борбон (Этьен де Бурбон), автор XIII века, сообщает во введении к «*Tractatus de diversis materiis praedicabilibus*», что он, ради нравственного поучения и по примеру Спасителя, вплетает в свои проповеди сказки, притчи, даже смешные анекдоты, и при этом оговаривается, что такие анекдоты освежают память. И он был не одинок. Венгр Пелбарт Темешварский рассказывает об исповеди зверей (сказочный сюжет, известный у многих народов и переложенный в стихи Лафонтеном) и прямо заявляет, что цель его — разбудить спящих своих слушателей и заставить их вступить на путь покаяния. Другие примеры, иллюстрирующие скрещивание и

заимопереплетение жанров, более сложны. Прототип сказки № 1 настоящего сборника мы встречаем уже в знаменитом «*Exemplum mirabile*» из рукописи Эрди (1527); элементы сказочные, легендарные и религиозные слиты в нем самым причудливым образом. Другая венгерская рукопись включает легенду о Макарии, где сказочный мотив странствий героя в загробном мире так же смешан с новеллистическими и религиозными перипетиями.

Значительное число легендарных историй изображает битву Святого Георгия со змием и чудесное спасение королевны, и во многих пунктах повествование в рукописном источнике соприкасается с мотивом поединка с драконом из хронологически более поздних сказок. Религиозные легенды упоминают об удивительных «человечках из дырки» и о подземной стране карликов, мы находим в них вариант сказочного сюжета о благодарном мертвце, (ATh 505—508), вариант так называемой легенды о Мадее (ATh 756, ср. N. P. Andrejew, «*Die Legende vom Räuber Madej*, FFC 69, Helsinki, 1927), притчи, напоминающие истории о Маркальфе. В некоторых притчах мы сталкиваемся с вопросами-загадками; подобные «испытания мудрости» появятся позже в устной народной традиции — в некоторых анекдотах о короле Матфее.

В Венгрии, как и в других странах Европы, наибольшее воздействие на рукописную и печатную духовную литературу оказала «*Legenda Aurea*» в различных изданиях. Это воздействие заметно и в сочинениях Пелбарта Темешварского. Сборники проповедей, принадлежащие этому автору, были, вероятно, самыми популярными в Венгрии, и влияние их не ограничивалось пределами нашей страны. Из двух главных его трудов один, «*Stellarium*» (1480), выдержал в течение двадцати лет шестнадцать изданий, другой, «*Pomerium*» (1493), — восемнадцать. К этому надо прибавить рукописные копии и, в особенности, устное распространение — с церковной кафедры, по-венгерски. Не вызывает ни малейшего сомнения, что отдельные истории этих сборников проникли в фольклор. Не случайно А. Вессельски включил в свое тщательно составленное собрание («*Märchen des Mittelalters*») тексты из Пелбарта Темеш-

варского. Многократно перепечатывались сборники проповедей и притчей Ошвата из Лашко, ученика Пелбарта Темешварского; его притчи также выбраны из числа народных, устных рассказов и метких слов, равно как и из различных письменных источников. Немногих примеров будет достаточно. У Пелбарта Темешварского мы встречаем уже искусно построенный вариант сюжета «Правда и Кривда» (АТh 613); он ссылается и на шванки, хотя в «Stellarium» осуждает обычай плясать и рассказывать шванки перед храмом Божиим в праздничные дни. Далее, он приводит, «ради пробуждения дремлющих», известный шванк, знакомый фольклористам еще из известного древнеиндийского сборника басен, новелл и анекдотов «Панчатантры». В другом месте он облачает в чисто религиозные одеяния сказочную историю о юноше, который послушался трех неразумных советов.

Мы могли бы привести немало других примеров, но единственную нашей целью было показать, что и в венгерской религиозной литературе средневековья присутствуют устные сказочные жанры и что связь их с живой устной традицией может быть прослежена. Такое переплетение характеризует не только католическую литературу, оно имеет место и в проповедях, религиозных писаниях и полемических сочинениях Реформации. Самый убедительный этому пример дает Пётр Борнемисса (1535—1585) в IV (самостоятельной) части своего собрания проповедей, вышедшей в свет в 1578 году и озаглавленной «Искушения диаволовы». Автор обильно черпает из западноевропейских, преимущественно итальянских и немецких, литературных источников (новелла, шванк) — ради изобличения врагов (католиков и знати), а также разоблачения всевозможных диавольских козней. В его притчах перед нами появляются не только Маркольф с товарищами, не только различные фантастические былички, диавольские искушения, заклинания и колдовство, но и такие чисто сказочные мотивы, как способность понимать язык зверей (АТh 670; № 23 нашего сборника). Местные предания, этиологические мифы, сказки новеллистические, волшебные, сатирические, испытания мудрости — в неисчерпаемом резервуаре жанров, который

представляет собою сочинение Борнемиссы, можно отыскать все.

Именно в силу своего посреднического характера эти религиозные произведения различного чекана ясно свидетельствуют об одном: они в изобилии передавали венгерскому народу эпические сокровища европейской культуры того времени и, одновременно, обращались к живой устной традиции, тем самым доставляя нам доказательство ее существования.

Заметим, наконец, что венгерское слово «*mese*», обозначающее сказку, появляется впервые в нашей рукописной литературе в начале XV века, отвечая по смыслу латинскому «*exemplum*», «*aenigma*» (пример, иносказание). На протяжении XV столетия оно употребляется главным образом в значении «выдуманная история», «притча», «иносказание». Правда, в словаре Мурмеллия слово «*fabula*» (басня, сказка) еще передается как «*beszéd*» (речь); тем самым проводится различие между вымышленной «*fabula*» и правдивой «*historia*», для которой выбрано выражение «*lött dolog*» (ничто действительно случившееся). Слово «*mese*» — финно-угорского происхождения и, вероятно, относится к более позднему, угорскому периоду; в угорских параллелях оно также имеет значение «речь», «рассказ». Таким образом, семантическое развитие этого слова, его обособление для обозначения жанра сказки примерно таково же, как у соответствующих слов в европейских языках. (Ср. Bolte-Polívka, «Anmerkungen», IV, S.I ff.)

6. Светская литература XVI—XVIII веков также дает надежные доказательства тому, что сказки находили доступ из устной традиции в письменные памятники, и, тем самым, свидетельствует о полнокровной жизни народной сказки, хотя первые полные записи сказочных текстов появляются лишь в конце XVIII столетия. Не лишне упомянуть, что уже в середине XVI века увидел свет перевод Эзоповых басен, сделанный на основе нескольких немецких пересказов. Особенно велико значение книги «Сто басен», опубликованной в 1566 году и принадлежащей перу уже упоминавшегося выше писателя и типографа Гашпара Хелтаи, по происхожде-

нию немца из Трансильвании. Он перевел известный сборник Штайнхёвеля, воспользовавшись расширенным и дополненным его изданием и даже присоединив от себя один весьма популярный сюжет, которого в немецком оригинале не было, — о вельможе, которого унес черт. Но, хотя с XVI века и вплоть до наших дней Эзоповы басни появлялись во все новых и новых изданиях и даже вошли в школьные учебники, устная сказочная традиция была едва затронута влиянием нравоучительных сказок о животных Эзопова образца. Этот пример лишней раз призывает к осторожности при оценке тезиса об одностороннем влиянии литературы на фольклор.

В том же XVI столетии, в 1577 году, в Коложваре (ныне Клуж) вышла в свет народная книга «Соломон и Маркальф» — издание, которым мы, скорее всего, также обязаны Гашпару Хелтаи или его сыну. Некоторые из грубоватых шванков этой книги и поныне живы в венгерском сказочном эпосе, и самое имя «Маркальф» сохранилось в шуточной истории о бедняке, обманувшем черта. Сведения о жизни народной сказки и, в частности, шванка содержат также «лубочные» ярмарочные издания (впрочем — в сравнительно скромных масштабах); часты намеки на сказки или сказочные обороты речи, на волшебную страну, на загробные странствия сказочного героя и в рукописном эпистографическом наследии светских лиц. Очень поздно по сравнению с остальной Европой (где они к тому времени уже вышли из моды) появляются у нас «Gesta Romanorum», зато, однажды появившись, они становятся излюбленным чтением даже среди низших слоев общества. Их перевел Янош Халлер, трансильванский магнат, находясь в тюремном заключении (между 1678 и 1682 годами). Первую часть его «Тройной истории» составляет роман об Александре Великом, вторую — рассказы из «Gesta Romanorum» (оригиналом служило хагенауское издание 1508 года), третью — история Троянской войны (по одной из старинных обработок). «Тройная история», в особенности вторая ее часть, стала, как уже сказано, излюбленным чтением во всех слоях общества. Известно, что крестьяне читали ее даже в нашем столетии. Архетипы многих наших ска-

зочных формул, равно как и некоторых новеллистических сказок надо искать в этом сочинении. Иные из сказок настоящего сборника обнаруживают непосредственное влияние «Gesta Romanorum». Во многих случаях, однако, следует говорить не о прямых заимствованиях из «Gesta», но скорее о том, что сходные фольклорные сюжеты и мотивы окрепли, приобрели более четкую форму благодаря популярности этого на редкость действенного сочинения, широко распространенного в виде дешевых ярмарочных изданий. (Заметим в скобках, что в XVII веке был выполнен перевод части «Панчатантры», однако он остался в рукописи и никакого воздействия на фольклор оказать не сумел.)

В светской литературе этого периода, — даже в разного рода поэтических произведениях, сборниках изречений, метких слов и цитат, — так много сказочных реминисценций, что мы не можем себе позволить обратиться к отдельным авторам и названиям. Уже в календарях 1756 и 1763 гг. появляются сказочные истории, очень близкие по тону к народным сказкам. Йозеф Туроци-Тростлер полагает, что происхождение их проследить невозможно, хотя подобные мотивы бытуют в венгерском фольклоре и по сей день. Следует также заметить, что в эту пору уже издаются сборники шванков и анекдотов, как венгерских, так и чужеземных. В качестве примера можно назвать «Надыпедского Демокрита» (1762) Йозефа Хермани Диенеша, который — среди прочего — обработал фацетии Поджо (сборник долгое время оставался ненапечатанным), и «Вечно смеющегося Демокрита» (1782) Яноша Коши с историями и сказками из Перро и Мармонтеля. Шванки и анекдоты из этих сборников народ рассказывает и поныне.

Между тем проповедники по-прежнему мечут в сказку проклятьями и клеймят сказочников позором. В 1783 году Дёрдь Верештон объявляет: «Я думаю, что нет другого такого народа, который рассказывал бы столько глупых небылиц про волшебную страну, сколько венгры! Об этом болтают даже девицы за прялкой и на помочах. Ленивые слуги и подмастерья, праздно сидящие на ярмарке суеты и тщеславия, вместо того, чтобы трудиться, убивают время дурацкими выдумками

про волшебных королей, волшебных барышень и даже волшебных жеребцов. Но они сами не знают, что плетут, ибо незрелым своим и дурно направленным умом приписывают божественную мудрость волшебникам и колдуньям!» А несколькими годами позже Антал Фаркаш сокрушается в своей книге «Школа добродетели» (Канша — ныне Кошице — 1790): «Молодые господа-дворяне, сидя дома, развлекаются большею частью беседами о ружьях, свистульках, играх и добрых охотничьих псах, а ежели поведут иные увлекательные речи, то не прекрасные истории рассказывают друг другу, а всякую бесполезную чушь, вроде того, что было то или не было, а только за седмижды семью землями, за морем-за Океаном жила одна старуха, и до того ловко она оглоблю доила, что Ютке-хозяйюшке этак корову свою не выдоить». И в этом случае — как прежде у «Анонима» — история противопоставляется сказке. Упомянув о презренных суеверных побасенках, почтенный пастор даже цитирует традиционный зачин венгерской волшебной сказки. Но уже близится то время, когда о народной сказке можно будет судить не по чужим упоминаниям, а по собственному ее голосу.

II

1. Мы подошли вплотную к той эпохе, когда народная сказка уже не скрывается более под покровом реминисценции, не переряжена в одежду иного литературного жанра, не звучит намеком в поговорке или поговорке, но выступает в своем истинном облике — благодаря первым начаткам целенаправленной деятельности собирателей фольклора. Говоря об «истинном облике», мы допускаем преувеличение: в Венгрии, как и в любой другой европейской стране, эти «первые начатки» характеризуются литературною правкою записей, так что публикации сказок представляют собою более или менее решительную стилизацию оригинального текста. Собиратель выступает одновременно и в роли стилизатора. Лишь очень редко сказка не несет никаких (или почти никаких) следов литературного приглаживания и приукрашивания.

В январе 1782 года газета «Венгерский вестник», выходившая в Пожони (ныне Братислава), обратилась с призывом к читателям: венгры должны последовать примеру англичан и французов и начать коллекционировать свою народную поэзию. Вслед за первым призывом прозвучали еще несколько, и мало-помалу собрание презируемого до той поры фольклора началось и в нашей стране. С этим движением теснейшим образом была связана борьба за признание национального языка, забота о судьбе венгерского литературного языка. Таким образом, собрание народного творчества и включение его в литературу оказывается частью идеологической подготовки к борьбе за национальную независимость Венгрии, к битвам 1848 года; вместе с тем, оно подготавливало почву для национальной, народной поэзии Шандора Петёфи и Яноша Арапия.

Первый сборник венгерских народных сказок составил в 1789 году Иштван Сильц, помещик из комитата¹ Сабольч.

Долгие годы сборник пролежал в рукописи, которая, помимо восьми любопытных и важных для нас народных сказок, содержит также несколько легенд Фейта Вебера в венгерском переводе и даже переписанные из немецких книг сентиментальные рассказы. На этом основании некоторые венгерские исследователи утверждали, что и сказки в сборнике Сильца также переведены с немецкого. Однако такой вывод совершенно бездоказателен. Он опровергается, прежде всего, тем, что нельзя установить никакой связи между известными тогда немецкими собраниями (например, Музеуса) и коллекцией Сильца. Далее, составитель пометил каждую сказку (в конце) аббревиатурой «sign.» (signavit), в ряде же случаев сообщил фамилию рассказчика, прибавляя аббревиатуру «narr.» (narravit). Отсюда следует, что часть сказок записана им не по памяти, а непосредственно от сказочника. Из восьми сказок две представляют собою лишь фрагменты. Хотя известная литературная правка заметна и здесь, все же манера исполнения достаточно характерна для венгерской

¹Comitatus – букв. графство (*ср.-вековая латынь*): так назывались области венгерского королевства (*Прим. перев.*).

сказки, а одна из них (сюжет о благодарном мертвце) всего несколько лет спустя была с успехом использована в драматическом произведении. Остальные сказки сборника принадлежат к следующим типам: «Амур и Психея», «Благодарный зверь», «Волшебный помощник», «Турандот». Представлены также сюжеты о змеборце и вырезанном языке и образчик докучной сказки (небылицы). Многократно встречается характерный для сказки прием трехкратного повтора. Есть и устойчивые сказочные формулы.

Итак, несколькими годами позже вариант мотива «Благодарный мертвец» появляется на сцене — в комедии «Темпедён», принадлежащей перу Михая Чоконаи Витеза, крупнейшего венгерского поэта той эпохи и — так же, как и Сильц, — уроженца одного из комитатов за Тисою. Манера устного повествования воспроизведена поэтическими средствами с удивительной точностью. Старый цыган Сусмир рассказывает сказку так, что мы и сегодня воспринимаем ее как подлинное произведение фольклора. Нелишне заметить, что сказка эта служит драматургу для показа конфликта между прогрессивными и консервативными взглядами: девушка, настроенная консервативно, без ума от народных сказок, тогда как ее сестра, поклонница европейского просвещения, презирает сказки. Чоконаи, о котором известно, что он собирал народные песни и интересовался жанром итальянской и венской волшебной драмы, часто говорит о сказках с любовью и теплотой; вместе с тем, он с величайшим пренебрежением отзывался о дрянных книжках про колдунов и волшебников, которыми торгуют на деревенских ярмарках.

Из родного города Чоконаи, Дебрецена, происходит сохранившийся до нашего времени рукописный дневник 1797 года, в котором упоминаются тринадцать народных сказок (вел дневник один из тамошних студентов). Названия позволяют судить о сюжетах; вот некоторые из них: АТb 301, 510, 875, 706. Характерно, что все названия указывают на тот же этногеографический ареал, что и записи Сильца и наблюдения Чоконаи.

Среди собирателей народного творчества того времени заслуживает упоминания — в связи с народной сказкою — монах ордена пиаристов, священник Анд-

раш Дугонич (1740—1818). В своих романах, пользовавшихся широкою известностью, он неоднократно упоминает об обычае рассказывать сказки, называет типы сказок, а в ценном сборнике «Венгерские пословицы и достопамятные изречения», I—II (Сегед, 1820) ссылается на местные предания, сказки о короле Матфее, легенды, шванки; ссылки эти содержатся в сопроводительных объяснениях к пословицам. (Укажем, кстати, что сборники наших пословиц и поговорок, начиная с XVI века, представляют собою немаловажный источник для сказковеда — благодаря вкрапленным в них намекам на сказки, местные предания и анекдоты.)

Между тем, как первый сборник венгерских народных сказок остался в рукописи, первое печатное собрание увидело свет не по-венгерски, а по-немецки. Его издал в Вене, в 1822 году, Дёрдь Гаал (1783—1855), библиотекарь одного из князей Эстерхази; среди различных трудов Гаала числится также сопоставительный сборник пословиц (1830). Венскому библиотекарю было, конечно, не так просто собирать венгерские сказки, но и считать эту задачу неисполнимой тоже не следует: он искал и находил сказителей среди солдат расквартированного в Вене гусарского полка. В архиве Венгерской Академии Наук хранятся донесения солдат этого полка, которые, по приказу своего командира, полковника Мариашши, неуклюжими каракулями записывали по памяти сказки. Некоторые донесения начинаются так: «Рядовой гусар Янош Ковач почтительно докладывает господину полковнику, что было то или не было, а только...» В предисловии к своей книге («*Märchen der Magyaren, bearbeitet und herausgegeben von Georg von Gaal*», Wien 1822) Гаал сообщает, что она потребовала от составителя целых десяти лет напряженного труда. Он пишет, что долгое время не мог найти такого сказителя, какова была для братьев Гримм знаменитая фрау Фиман, однако, в конце концов, повстречался с пожилым нижним чином, который не знал никакого языка, кроме венгерского, и рассказал много различных сказок. Таким образом, уже первая печатная коллекция венгерских народных сказок показывает, как велико значение хорошего рассказчика. Гаал признается так-

же, что интерес к сказкам в нем пробудили собрания Музеуса и, в первую очередь, братьев Grimm. На главный порок сборника Гаала указал уже Вильгельм Grimm, который подчеркнул в своей рецензии, что составитель подвергает устный оригинал сильной переработке. Несомненно, так оно и было, и Гаала немало не оправдывает даже то, что мы теперь знаем во всех деталях, как обрабатывали свои сказки сами Grimмы. Несмотря на это, труд Гаала имеет для нас большое значение, поскольку в нем впервые представлены чуть ли не все жанры нашего сказочного эпоса. (Правда, в книгу попали и несколько чуждых народному творчеству сентиментальных историй из «ярмарочной литературы»). И хотя выход в свет сборника Гаала был отмечен в венгерской печати всего одной короткой рецензией, переиздания немецкого текста, а затем и венгерское издание свидетельствуют о популярности сборника и о той роли, которую он сыграл в свое время. Между 1846 и 1848 годами Янош Эрдеи выпустил трехтомник «Народные песни и предания»; прозаический материал почерпнут преимущественно из сборника Гаала. При том, что литературная обработка снизила ценность оригинальных текстов во много раз, многие детали заслуживают отзыва Ференца Тольди, крупнейшего венгерского литературоведа той эпохи: «Это плоть от нашей плоти». Из восьмидесяти сказок рукописного собрания свет увидели далеко не все. В числе напечатанных — волшебные сказки, забавные истории, рассказы об отставных солдатах, шванки, религиозные легенды, наконец, материал, заимствованный из «лубочной литературы» и народных книжек о Понтиане и Аполлонии.

Не прошло и трех лет, как появился еще один сборник — «Magyarische Sagen und Märchen», Brünn 1825, — составленный Яношем Майлатом. В 1837 году знаменитое издательство «Cotta» выпустило тот же сборник в расширенном и дополненном виде, в двух томах. Впрочем, у этого собрания гораздо меньше общего с венгерской народной сказкой, чем с современною немецкой новеллой (Тик, Пфеффель и др.). Сказочная интонация звучит лишь от случая к случаю, ткань повествования лишь изредка напоминает композицию народной сказки. Со всем тем мы встречаем у Майлата важные для

нас наблюдения. Так, он сообщает, что пастухи и крестьяне нередко рассказывают сказки целую ночь напролет, и описывает связанные с этим обычаи.

Мастерство венгерских сказочников приобрело к этому времени достаточно широкую известность. Любопытное свидетельство доставляет австрийский путеводитель: «Von Volkspoesie hat aus den alten unruhigen Zeiten wenig sich erhalten. Reichtum an Bildern, orientalisch-phantastische Märchen, lyrische Sprünge charakterisieren diese Dichtungen, die hauptsächlich, wie bereits erwähnt, in Märchen und Sagen, dann in Liedern bestehen. Es gibt in Ungarn, wie im Oriente, eigene Märchenerzählerinnen, deren manche im ganzen Lande berühmt sind». A Schmiedl, «Reisehandbuch durch das Königreich Ungarn...», Wien 1835, S. 27. («От народной поэзии давних беспокойных времен сохранилось немного. Богатство образов, по-восточному щедрая, сказочная фантазия, лирический беспорядок — вот характерные приметы этого рода искусства, которое, как уже упомянуто, обнаруживает себя в сказках и легендах, а также в песнях. В Венгрии, как и на Востоке, есть свои сказительницы; иные из них прославлены на всю страну») Это упоминание существенно для нас уже потому, что сообщает не только о самих сказках, но и о знаменитых сказительницах.

Не стоит задерживаться на таких сборниках, — венгерских или немецких, безразлично, — вроде работ Т. Пульски или А. Меднянски, в которых интонация народной сказки почти полностью заглушена нарядным литературным слогом в стиле бидермейер. Лишь для характеристики эпохи безразлично, что первый призыв собирать подлинное народное творчество вызвал к жизни книги такого рода.

И все-таки и в этот, начальный период собирания венгерских народных сказок уже вторая треть XIX века принесла существенные результаты. Именно тогда сказка начинает играть первостепенную роль в самых значительных произведениях изящной словесности. В лучшей пьесе Михая Вёрёшмарти (1800—1855), великого поэта эпохи реформ, сказочной драме «Чонгор и Тюнде», чудесно соединены несколько мотивов волшебной сказки, причем, помимо обычных героев сказочного приключения, — королевны и королевича, — на сцене

появляются две потешные фигуры крестьян из шванка и глуповатые чертенята, которые дерутся из-за волшебного предмета. Шандор Петёфи (1823—1849) также обратился к волшебной сказке и шванку, создавая сказочную (но, одновременно, и остро политическую) поэму «Витязь Янош»; в стихе поэмы отчетливо звучит подлинная интонация народной сказки. Третий великий представитель венгерской поэзии, которая расцвела в пору Освободительной борьбы 1848—1849 гг., — это Янош Арань (1817—1882). Его знаменитая поэма «Толди» получила первый приз на литературном конкурсе в 1847 году. Миклош Толди, исполинской силы герой из времен короля Людовика (Лайоша) Великого (1342—1381), жил и в устной сказочной традиции венгров.

Наряду с поэтическими обработками все решительнее выступает на первый план народная сказка в истинном своем облике. Все больше появляется в печати таких текстов, где, несмотря на литературную стилизацию, различима подлинная манера сказителя. Янош Криза, который в Берлине, молодым богословом-университарием, познакомился с идеями Гердера, уже в 1842 году делал фольклорные записи сам и руководил работой других собирателей. Возвратившись на родину, он посвятил себя не одной фольклористике: в собственных стихах он борется за освобождение крепостных крестьян, а позже — за национальную независимость Венгрии. Его сборник «Дикие розы» (1863) уже содержит сказки, которые мы вправе рассматривать как точные записи. Известные литературные поправки наличествуют, естественно, и тут — это ясно из писем Кризы, — однако его собрание можно считать первым, в котором слышится голос крестьянина-сказочника. Несколько ценных текстов из этого собрания включены и в нашу книгу.

В шестидесятых годах прошлого века несколько томов сказок опубликовал Ласло Мерени. Янош Арань резко осуждал принцип «украшающей стилизации», которого держался Мерени. Ныне его собранием можно пользоваться лишь как складом данных, подтверждающих существование того или иного типа или сюжета.

Гораздо ближе подходит к истинной интонации на-

родной сказки Ласло Арань, хотя в какой-то мере неизбежно «переписывает» и он. Его сборник «Подлинные народные сказки» вышел в свет в 1862 году. Вспоминая детские годы, он и его младшая сестра Юлишка записали те сказки, которые когда-то слышали в своей деревне. Такая запоздалая запись «по памяти», разумеется, не столь достоверна, как наши современные записи. Тем не менее слог Ласло Араня замечательно воспроизводит народную манеру исполнения, и вот одно из доказательств: некоторые из его кумулятивных сказок известны как в более ранних, так и в более поздних записях — и те, и другие подтверждают тексты Араня.

Одновременно с Кризой начал собирать сказки Арнольд Ипойи (1823—1886) с 70 сотрудниками; фольклорный материал был нужен Ипойи для его «Венгерской мифологии» (вышла в свет в 1854 г.). Всего он собрал несколько сот сказок; небольшую их часть напечатал много лет спустя — в 1913 году — Лайош Калмань.

В те же десятилетия начинается систематическая публикация произведений народного творчества. В 1872 году вышел первый том «Собрания венгерского фольклора»; том за томом, эта серия обнаруживает все более надежную точность записей. По сравнению с нынешними стандартами точность эта еще весьма относительна, но в заключительные годы того, первого периода уже складывается твердое убеждение, что собиратель не имеет права переписывать, исправлять оригинальный текст.

Тогда же появились и первые теоретические работы, посвященные народным сказкам. Жаль, что ни Криза, ни гегельянец Янош Эрдеи не написали о сказке ничего существенного. Самое значительное, что мы можем найти у Кризы, — это его замечание, что обычай рассказывать сказки бытует среди беднейших, самых низких слоев населения Трансильвании, там рождаются произведения народной поэзии. Галь главным образом обращает внимание читателей на трудности, с которыми сталкивается собиратель; никакого иного значения его заметки не имеют.

Первую научную работу о народной сказке написал в 1847 году Имре Хенсельманн, полностью стоявший на

позициях солнечно-мифологической школы и отчасти разделяющий взгляды братьев Grimm. Он сопоставлял венгерские, славянские, румынские и западноевропейские сказки (последние — на основе нескольких западных изданий) и пытался доказать, что все они имеют одну-единственную центральную тему: борьба космических сил, прежде всего — борьба против мощи зимы. Все сказки есть символическое изображение этой борьбы, она составляет древнейшее, сокровенное содержание сказок. Толкования Хенсльманна столь же головоломно-наивны, как и другие работы мифологической школы. Старался он и классифицировать сказки, но его тройное деление (символические сказки, характерные сказки, шванки) совершенно непригодно. Ипойи — следуя мифологическим построениям братьев Grimm — хотел выстроить собственную мифологию. Труд его резко критиковали за монотеистическую концепцию развития; однако Ипойи в своих толкованиях использовал живой фольклорный материал, в первую очередь — сказки, и в этом его большая заслуга. Он был первым венгерским исследователем, который, опираясь на громадное число фактов, пробовал сопоставлять сказки всех европейских народов. Он обратил внимание на то, что за пословицами и поговорками во многих случаях скрываются позабытые местные предания, анекдоты, малые этиологические мифы. Он указал также, что популярность народной книги о Соломоне и Маркальфе подтверждается, в частности, многочисленными поговорками и меткими словами, которые сложились у венгров на ее основе. Он был одним из тех, кто требовал организованного собирания сказок в нашей стране.

Наиболее важное теоретическое выступление того периода принадлежит Ласло Араню. Это его речь, произнесенная в 1867 году и названная «О наших народных сказках». Он делает исторический обзор собирательской и исследовательской работы в Венгрии, подвергает критике взгляды Хенсльманна, излагает теории Grimma и Бенфея, которые — несколько эклектично — отчасти одобряет, отчасти оспаривает. Он предпринимает попытку классификации венгерских народных сказок, и принципиальные взгляды, из которых он исходит, определяя основные сказочные жанры, при-

надлежат к числу самых продуманных в тогдашней европейской фольклористике. В первую группу он объединяет символические сказки (на самом деле, речь идет о волшебных сказках, и Арань разбивает их на три подгруппы), далее следуют сказки о животных, затем шванки, местные анекдоты и, наконец, маленькая группа кумулятивных, или цепевидных сказок. Он пытается также определить наиболее типические приметы венгерской народной сказки — в противопоставление сказкам других народов; со времен Гердера эта идея стала одной из центральных у исследователей народного творчества. В заключение он осуждает бытующую в Венгрии практику переписывания собранных текстов и присоединяется к мнению своего отца, Яноша Араня: сказки следует записывать так, чтобы они казались сошедшими с уст самых лучших народных сказителей. Принцип этот характерен для той поры, с некоторыми ограничениями он сохраняет свое значение и позднее. Вот почему мы вправе называть точность тогдашних записей лишь относительной точностью.

2. Второй период в собирании и изучении венгерских народных сказок начинается в заключительные десятилетия прошлого века, вместе с основанием Венгерского этнографического общества (1889), и длится до конца первой мировой войны. Четырнадцать томов «Собрания венгерского фольклора» (1872—1924) отражают постепенный прогресс в точности записей (вплоть до попыток фонетической записи). Наши собрания становятся пригодны не только для определения сюжетных связей сказки, ее типа и мотивов, но и для анализа сказочного стиля, для наблюдений за этапами устной традиции. С сегодняшней точки зрения, однако, мы находим там ошибки, о которых — признавая все достоинства серии — едва ли можно умолчать. Сами рассказчики обойдены вниманием почти полностью. В начальных томах даже географические названия приблизительны и неточны. Позднее появляется имя рассказчика, но без каких бы то ни было сведений о нем. Остаются неотмеченными и обстоятельства, в которых рассказывалась сказка; о живой жизни сказки, о ее месте в системе обычаев крестьянского общества мы вынуждены су-

дять лишь по случайным, отрывочным замечаниям. Сказочные тексты занимают наших исследователей, прежде всего, в качестве филологического материала. С другой стороны, соби́рание носит еще достаточно случайный характер, почти никто не думает о том, чтобы издать материалы, относящиеся к той или иной этнической общности, в наиболее полном виде, хотя Антал Хоргер, Янош Берзе Надь и Бела Викар уже обнаруживают эти намерения, и решительно никому не приходит в голову собрать воедино весь репертуар кого-либо из выдающихся сказочников. И тем не менее мы полагаем, что перевес не на стороне ошибок: томы «Собрания венгерского фольклора», равно как и другие сборники сказок, и научные, и популярные, — среди последних выделяется работа Элека Бенедека, — стремятся показать венгерский сказочный репертуар с исчерпывающей жанровой полнотой.

Один из фольклористов этого времени должен быть назван отдельно от всех прочих — столь велики были его заслуги в деле соби́рания народного творчества в целом и народных сказок в частности: речь идет о Лайоше Калмане (1852—1919). Все его труды (при жизни автора увидели свет семь томов, и лишь сравнительно недавно опубликовано рукописное собрание, составившее еще четыре тома) были направлены к тому, чтобы как можно полнее собрать фольклор одной этнической группы, а именно — венгерского населения, проживающего на юге Большой Венгерской низменности, точнее — крестьян Сегеда и его окрестностей. Он собрал богатые и ценные материалы по всем фольклорным жанрам, но особенную ценность представляют собою его коллекции народных баллад и народных сказок. Из рукописного наследия Лайоша Калманя видно, что и он от случая к случаю «исправлял» какое-нибудь словечко в оригинальном тексте, но, вместе с тем, его записи сделаны с такою точностью, с такою лингвистической и фольклористической аккуратностью, каких венгерская наука еще не знала. Вдобавок целый том его собрания, вышедшего под общим заголовком «Традиции», отведен полному репертуару одного сказителя, Михая Борбея. (Позволим себе заметить заодно, что из этого же времени нам известна замечательная

коллекция сказок немецкого населения Венгрии, точно так же сохраняющая репертуар одного сказочника, немца из города Шопрон. Сказки его — с большими перерывами и по несколько раз — фиксировал Й. Р. Бюнкер: Joh. R. Bünker, «Schwänke, Sagen und Märchen in heanzischer Mundart», Leipzig 1906.) Важны замечания Лайоша Калманя об обычаях, связанных с рассказыванием сказок, о жизни сказки, хотя его исследования и не способны дать ответа на наши нынешние, год от года все усложняющиеся вопросы. Сам он неоднократно подчеркивал, что не считает себя теоретиком, но, прежде всего, практиком, собирателем. Нет слов, чтобы подобающим образом выразить нашу признательность Лайошу Калманю за его труд.

Можно было бы вспомнить и других крупных собирателей того времени, например, Дюлю Шебештьена, но подробное перечисление не может быть нашей целью. Среди фольклористов-теоретиков этого периода первым и самым выдающимся был Лайош Катона (1862—1910), основоположник сравнительно-исторического направления в венгерской фольклористике. Он получил докторскую степень в Граце, и уже диссертация его посвящена проблемам фольклора и истории литературы в сопоставительном аспекте («Über Magyarische Folklore, zur vergleichenden Literaturgeschichte»). Его главным руководителем был Г. Шухардт; близкими друзьями оставались они и позднее. Уже до диссертации Катона непосредственно занимается исследованиями как в области языкознания (вопросами креольского языка), так и в области фольклора, но теперь — с одобрения Г. Шухардта и Г. Мейера — он посвящает этим исследованиям всю свою жизнь. Он был одним из основателей Венгерского этнографического общества и принимал участие в редактировании журнала Общества — «Этнография» (с 1890 года). Его работы неизменно демонстрируют единство концепции в сравнительно-исторических исследованиях литературы и устного народного творчества, — при том, что во многих важных работах рассматриваются фундаментальные и методологические проблемы фольклора и этнологии, проблемы развития этнографии в самостоятельную науку. Он резко критикует прежние школы сказковедения, тру-

дится над созданием сравнительно-исторического метода и еще до возникновения финской историко-географической школы, за несколько лет до трудов А. Аарне пытается создать венгерский указатель сюжетов (к сожалению, дело не было доведено до конца). Вместе с Ганом, Гомме и румыном Шыйнсену он был предшественником финской школы и впоследствии от души приветствовал направление Крона и Аарне. Его переписка с Й. Кроном по этому поводу весьма поучительна и заслуживает всяческого внимания. Его тщательные текстологические работы (издания венгерских «Gesta Romanorum», «Притч» Пелбарта Темешварского) мы вправе рассматривать как ценнейшие у нас в Венгрии достижения филологического позитивизма; они и поныне могут быть использованы в историко-фольклорных и историко-литературных исследованиях. Катона вырастил целое поколение венгерских фольклористов; сюда нужно включить и младших его современников, и друзей.

Характеризуя деятельность Лайоша Катоны, мы, по сути вещей, охарактеризовали самые плодотворные тенденции в теоретических исследованиях того времени. Можно привести и имена: Дёрдь Кирай, Дюла Шебештьен, которые, главным образом, занимались древнейшими венгерскими легендами и фольклором времен Завоевания, Шандор Шоймошши, Бернат Хеллер, Енё Биндер, Аладар Бан и др., изучавшие в сопоставительном плане отдельные сказочные типы или мотивы, занимавшиеся сравнительной текстологией в ее применении к фольклору. Но в таком кратком обзоре мы едва ли можем сказать о них что-либо более вразумительное, кроме того, что они старались развить метод своего учителя. Венгерские ученые уже достаточно широко познакомились с различными направлениями в европейской фольклористике и все единодушно разделяли позиции финской школы как в методологии собирания текстов, так и в вопросах обработки и истолкования собранного материала. Некоторые из них, например, Шоймошши, завершили свои основные исследования уже между двумя мировыми войнами, но направление их работы определилось как раз в ту пору, о которой идет речь. Впрочем, твердой границы между периодами

не существует: следующий период во многих отношениях связан с тенденциями предыдущего. Это касается и его ошибок, и достижений.

3. Третий период в истории венгерского сказковедения начинается, по нашему представлению, после первой мировой войны. Как мы уже указывали, отчасти продолжают применяться методы, сложившиеся параллельно с современными европейскими теориями, главным образом — с теорией финской школы. Так, Янош Берзе Надь организовал целую сеть общественных собирателей народного творчества из учителей южной половины Задунайского края; сообранные ими ценные материалы, в том числе отличные сказки, составили трехтомную публикацию («Венгерские народные предания из комитата Бараня», Печ, 1940). Янош Берзе Надь (1879—1946) был последователем финской школы. Ему принадлежит множество небольших статей, а также сопоставительный указатель венгерских сказочных сюжетов в нескольких рукописных томах. Цель этой работы — исправить схему Яноша Хонти («Verzeichnis des Publizierten ungarischen Volksmärchen, Helsinki 1928, FFC.81); отдельные типы сказок снабжены подробными разъяснительными примечаниями. Если бы указатель Берзе Надя увидел свет между двумя мировыми войнами, он, бесспорно, был бы очень полезен, но с тех пор самый принцип составления устарел. Новый указатель венгерских сказочных сюжетов подготовила Агнеш Ковач со своими сотрудниками, принимая в расчет уроки и результаты международных дискуссий последнего времени.

Новую методологию как для практики, так и для теории сказковедения стремится создать автор этих строк совместно с группой сотрудников, разделяющих его точку зрения. Формированию наших взглядов способствовало знакомство с методами русской и советской фольклористики, состоявшееся через посредство одной из замечательных работ Азадовского («Eine sibirische Märchenerzählerin», Helsinki 1926, FFC.68). Это направление ставит своей задачей не только осмысление и интерпретацию сказочного текста, но, прежде всего, исследование практики устного предания, закономерностей

жизни народной сказки. Та же задача ставится при изучении древних текстов, литературных памятников (ср. G. Sokolov, «Russian Folklore», New York 1951, *passim*.) Методика эта наметилась уже в 60-х годах прошлого века. Мы нашли ее в высокой степени продуктивной, и поныне, следя за дискуссиями различных западных школ (можно сослаться на все еще не завершившиеся споры учеников Й. Швитеринга и Г. Хенссена, на работы школы Г. В. фон Сидова, соответствующие исследования Б. Малиновски, новейшие публикации Л. Уффер, Тилльхагена и др.), мы видим, что она хорошо объясняет не только социальное функционирование сказки, но также генезис и динамику сказочного текста. По сей день мы твердо держимся того взгляда, что сравнительно-историческое изучение текста должно быть органически соединено с как можно более подробным исследованием самого процесса сказывания сказки. Это означает, что следует выявить сопряженные с этим процессом традиции и обычаи, а *весь репертуар сказителя рассматривать как некое органическое целое*, следует изучать роль слушателей сказочника — этого малого коллектива — в передаче и распространении сказки и в формировании общественного вкуса. (В применении к народным песням сходные принципы уже в 1907 году выдвинул С. Дж. Шарп, известный английский исследователь музыкального фольклора; к сожалению, в этой области мало что сделано, хотя, как показывают некоторые монографии, такая методика приносит свои плоды и здесь.)

Вот почему в томах «Нового собрания венгерского фольклора» мы, с одной стороны, собирали и истолковывали полный репертуар кого-либо из выдающихся сказителей, а с другой — самым пристальным и тщательным образом рассматривали отдельные мелкие этнические общности. Так, автор этих строк исследовал сказки Михая Федича, Линда Дег — сказки Петера Пандура, а позже — вдовы Палконе. Публикуя собранные тексты, мы пытались определить место каждой сказки в международном сказочном репертуаре и, одновременно, выясняли, есть ли в индивидуальном репертуаре выдающихся сказителей элементы, характерные только для них или для них по преимуществу, и в какой

мере такие элементы могут быть частью общей традиции. Агнеш Ковач обследовала полный репертуар сказочников одного села (Кетешд), Иштван Бано — нескольких сказителей одной области (Бараня). Все эти тома новой серии служили одной цели — определить закономерности исполнения сказки, путь традиции, взаимоотношение коллективного и индивидуального начал. Мы хотели установить, как велико воздействие на традицию (воплощаемую коллективом в конкретных исторических обстоятельствах) со стороны нового рассказчика и его слушателей. Многие ставили под сомнение эту методологию на том основании, будто она стирает значение коллектива, сосредоточивая внимание на индивидуальных и случайных талантах, тогда как специфический предмет фольклористики есть именно коллективное, общее в устной традиции. Мы считаем такой взгляд ошибочным. Исследования устного народного творчества должны раскрыть закономерности фольклора и создать филологию устной традиции, но мы не сможем понять так называемого «общего», пока не познакомимся с различными типами исполнителей, носителей традиции, более или менее одаренных (или даже вовсе бездарных). Сначала нужно *собрать полный репертуар* многочисленных рассказчиков, каждый из которых есть индивидуальность, лишь это поможет нам постигнуть искомые закономерности. К этому и была направлена как наша практическая деятельность, так и теоретические работы. Само собой разумеется, мы находимся лишь в начале пути, мы еще далеки от того, чтобы с полной уверенностью судить об общих закономерностях — ведь именно в области собирания сказок венгерской науке предстоит сделать еще очень многое.

Если бы из всего, сказанного выше, сложилось впечатление, что за последние полтора века венгерская наука собрала много сказок, это было бы заблуждением. Мы далеко отстали от финских, эстонских, русских (и советских) и, в особенности, ирландских фольклористов. Это тем более огорчительно, что, по нашему мнению, венгерская народная сказка относится к той группе национальных сказочных репертуаров, которые отличаются и богатством, и красотой исполнения.

Едва ли нужно подчеркивать особо, что венгерские

фольклористы (в дополнение к названным выше следует назвать такие имена, как Имре Катона, Лайош Хегедюш, Йозеф Вег, Андраш Береш, Мартон Иштванович) стремятся зафиксировать крестьянские сказки как можно вернее. В минувшие годы нам приходилось бороться со многими трудностями, между двумя мировыми войнами мы в течение долгого времени не пользовались никакой официальной поддержкой. Теперь к нашим услугам различные звукозаписывающие устройства (в первую очередь, магнитофоны), более того, существуют граммофонные пластинки с оригинальными записями сказок. Мы прилагаем все усилия, чтобы ликвидировать наше былое отставание и в количественном отношении, и, хотя старинная традиция сказывания сказок все более отстает в прошлое, тем не менее и в нашей стране возможности собирания фольклорных материалов еще не исчерпаны. Наряду с теоретическим изучением личности сказителя и процессов исполнения сказки, в нашей области знания были в эту пору и другие продуктивные направления. Разумеется, сохраняло свою действенность все то, чему выучила нас финская школа, — в первую очередь, наших ученых привлекали работы В. Андерсона, Яна де Фриза, К. Крона, А. Аарне, — и, хотя от случая к случаю мы критиковали эту школу за некоторую жесткость и догматичность, никак нельзя разделить точку зрения А. Вессельски, столь непримиримо отрицающего все результаты и достижения сказковедения, столь непреклонно отстаивающего примат письменной традиции как в возникновении, так и в сохранении сказочных текстов. (Нам кажется, что полемические выступления В. Андерсона против Вессельски вполне убедительны.) Из сказанного выше вытекает, что наши ученые, наряду с конкретными исследованиями, должны уделять все большее внимание тем направлениям в теории, которые вскрывают разнообразные связи между сказкой и обществом.

Здесь следует вспомнить еще двух венгерских ученых. Один из них — Карой Марот (1885—1963). Хотя областью основных его интересов был гомеровский эпос и догомеровская поэзия, в ряде важных работ он рассматривает целый комплекс теоретических проблем

фольклористики (происхождение народной поэзии, взаимоотношение устной и письменной традиций, роль творческой личности в фольклоре и т. д.). Ему обязана нынешняя венгерская фольклористика своими самыми важными теоретическими обобщениями.

Наконец — но не в последнюю очередь! — мы считаем своим долгом назвать Яноша Хонти (1910—1944), который погиб мученической смертью в принудительно-трудовом лагере, так же, как его старший коллега Бернат Хеллер. Еще совсем молодым, восемнадцати лет отроду, он подготовил для «Folklore Fellows» упомянутый выше указатель венгерских сказочных сюжетов, а несколько лет спустя вышла его книга о соотношении между сказкой и героическим преданием («Volksmärchen und Heldensage», Helsinki 1931, FFC.95), которая до сих пор остается предметом споров. Хонти работал в двух направлениях: с одной стороны, не выходя за пределы строго филологических методов, он занимался сравнительно-историческим анализом сказочных и балладных текстов, и одновременно, с другой, — в немалой мере под воздействием Фробениуса, — требовал от сказковедения гетеанской *Ergriffenheit*. Он требовал «вольного», не связанного тесными филологическими путями сказковедения и свои цели изложил в книге «Мир сказки» (Будапешт, 1937). Он проявлял большой интерес к кельтской филологии, надеясь — с годами все крепче — отыскать в ней разгадку происхождения европейской сказки. В последний период жизни большое влияние на него оказывали взгляды А. Йоллеса. И в то время, как иные из нас — вслед за русскою школой, школой Малиновски и фон Сидова — обращались с вопросами к миру сказки, за исходный пункт беря общество и процесс рассказывания, он искал ответа изнутри — со стороны мировосприятия и морфологии сказки.

Жизнь его — трагически обезглавленный торс, вопросы его остались без ответа. Память его берегут наша боль и наша любовь.

Теперь, завершив исторический обзор, обратимся к самим сказкам. Мы не надеемся указать на какие бы то ни было черты, еще не отмеченные знатоками европейской и евразийской сказки. Это несколько не удивительно, ибо главный наш вывод в том как раз и состоит, что венгерская сказка сложилась и развилась в очень важном переходном пункте евразийского мира сказки.

1. О том, как рассказывали и слушали сказки в Германии в конце XVIII века, мы узнаем от самого Музеуса, который живописует сгущающиеся в комнате вечерние тени, старую матушку за прялкой или отставного солдата, мирно попыхивающего трубкой, и безмолвно внимающих им ребяташек. К 20-м годам прошлого века относится выразительное описание Т. С. Крокера: у жарко полыхающего кухонного очага старик-ирландец рассказывает сказки, истории о призраках и привидениях, а крестьяне слушают в мертвой тишине. В русской религиозной легенде, восходящей еще к XII веку, показан богатый бездельник, которого один слуга обмахивает, другой чешет ему пятки, а третий рассказывает сказки; в многочисленных русских письменных источниках мы читаем о знаменитых сказочниках Ивана Грозного, о сказителях среди дворовых людей русской знати XVII—XVIII веков, о сибирских бродягах, которые добывают себе пропитание рассказыванием сказок. Мы могли бы привести еще примеры, относящиеся к тому же обширному ареалу евразийской сказки.

Сходные свидетельства существуют и касательно венгерской сказки. В самом деле, уже «Аноним», наш первый хронист, словами «*quasi sompnando auditet*» воссоздает ту атмосферу, в которой звучала и воспринималась народная сказка. Своим упоминанием — хотя и осуждающим — о крестьянах (*rastici*) он связывает обычай рассказывать сказки с низшими социальными слоями венгерского народа. Впрочем, именно из непрерывных, век за веком, осуждений узнаем мы и о том, что сказки рассказывали (и нередко!) также в обществах молодых дворян или благородных девиц в поме-

пичьих усадьбах: еще в XVIII веке знатные барышни слушали сказки цыган-крепостных. Известно, что и в кругу буржуазии было модою рассказывать сказки и смешные истории. В XIII—XVI веках безбожных «скоморохов» и сказителей слушали прямо у церковных врат. Есть сведения, что в XVIII веке сказка помогала переносить долгие и тяжкие годы солдатчины, бытуя в таких насильственно созданных малых коллективах, как полк или казарма. Вечером, после отбоя, солдаты не засыпали и подолгу рассказывали друг другу сказки. Рассказывали по очереди, и кто не мог рассказать ничего, того предавали позору посредством особого обряда. Существовало также особое средство, при помощи которого сказочник мог узнать, с интересом ли его слушают или лучше прекратить рассказ. Если в ответ на свой вопрос: «Кость?» — он слышал: «Мясо!» (или, в иных случаях, «Черепок!») — он продолжал, если же ответом ему было молчанье (или всего один-два выкрика), умолкал и он.

Вот как рассказывал в 1938 году 86-летний Михай Федич о далекой поре своего детства:

«В старину ламп не было, где пряли — от очага свет, кругом огня женщины сидели. Мужчины тоже приходили. У всех балахоны безрукавные, они балахоны сложат, на полкинут да сядут, а не то расстелят и лягут книзу брюхом — кому как нравится. Там, на полу, и пели они, мужчины то есть, и сказки сказывали. Тихо было. Я все больше в углу сидел, слушал, что услышу, умом удерживать стараюсь. Мужчины рассказывали, кто-нибудь повестит: «Ну, теперь я скажу!» Только и всего, и начинает. Как он доскажет, другой вызывается, а ежели не вызывается, нудят его: ты, мол, сказывай. Как лес валили, тут я и сказывал, и учился тоже. Изба там большая, семьдесят душ нас помещалось. В той избе целую ночь, бывало, сказывали. Кто сказывает, нет-нет да и крикнет во всю мочь: «Кость!» Тут, ежели ответят ему: «Черепок!» — тогда он дальше сказывает, а ежели двое-трое только отзовутся, он уж тогда не говорит, потому как за сказкою то одного, то другого сон сморит: полный ведь день работали! А я, хотя б он и неделю целую сказывал, глазом бы не сомкнул!..»

Это признание страстного, азартного сказочника и,

одновременно, достоверное — по меньшей мере, в основном — свидетельство об обычае рассказывать сказки на отдыхе и за работой, об обычае, по меньшей мере, вековой, а не то и двухвековой давности.

Общезвестно, что народную песню можно мурлыкать себе под нос в одиночестве, народная же сказка существует лишь в том малом живом коллективе, которому она принадлежит. Никто не рассказывает сказки самому себе. Поэтому важнее всего прочего — связь между коллективом слушателей и рассказчиком; она определяет само существование сказки, тип дальнейшей ее передачи, художественные процессы ее исполнения, пересказа и пересоздания. Хороший сказитель неохотно выступает в присутствии лишь одного или двух слушателей, и мы убедились на собственном опыте, что исполнению сказки, ее стилистической действительности и целостности вредит, если собиратель запирается со сказителем с глазу на глаз, а не фиксирует его рассказ под реплики и смех аудитории, напряженно-внимательной, соучаствующей. Подобное явление отметил Балис, говоря об одном литовском сказочнике («Four Simposia on Folklore», Ed. Stith.Thompson, Indiana University Press 1953, p.76). Народная сказка только там живет истинной жизнью, где ее с охотой слушают в пределах малого коллектива (деревня, хутор и т. п.), где сказитель встречает одобрение и осуждение. Аудитория вдохновляет сказителя, обновляет и украшает его исполнение, побуждает к соревнованию с соперниками по искусству, и все это в целом формирует сказку, обогащая ее, осложняя все новыми и новыми мотивами. Перед нами один из путей преобразования и эволюции традиционного сказочного репертуара: в создании вариантов принимает участие коллектив слушателей. Одновременно слушатели и контролируют сказочника — то критическими замечаниями, то требованием держаться ближе к старым, привычным формам. Не только венгерские исследователи, но и многочисленные ученые в других странах Европы обратили внимание на то, в какой мере коллектив и частое повторение определенной сказки способствуют установлению стабильных форм. В процессе исполнения сказки постоянно обнаруживаются эти два противоборствующие начала: тяга

сказителя к самостоятельному творчеству (и слушатели нередко ждут и даже требуют нового) и, с другой стороны, верность традиции.

Исследование коллективов «сказитель — слушатели» (в Венгрии этим вопросом в последние годы подробно занимались Агнеш Ковач, Линда Дег и Илона Добош) показывает, что сеть таких коллективов (больших или меньших) пронизывает всю жизнь венгерского крестьянства. Мы знаем совсем малые коллективы, ограниченные семейным кругом: родители или, чаще, дед с бабушкой рассказывают сказки ребятишкам; но известен также бытующий кое-где обычай, чтобы молодой супруг забавлял сказками молодую жену. Сказки для детей главным образом — помимо дедушки и бабушки — рассказывает мать, однако в Венгрии это правило далеко не общее. Мы различаем (в согласии с классификацией Линды Дег) внутрисельские и межсельские случаи и коллективы. Внутрисельские коллективы «сказитель — слушатели» возникают в связи с различными трудовыми процессами (даже тяжелой страдой жатвы, в часы ночного отдыха, но обычно — за увязыванием табака в кипы, за уборкою кукурузы, за работою в поле или на винограднике, у вечернего костра дровосеков в лесу), а также долгой порой зимнего перерыва в деревенских трудах, под вечер и вечерами. В конце прошлого и начале нашего века, когда посиделки еще не вышли из моды, главным развлечением молодежи, — наряду с играми и пеньем песен, — были сказки стариков. Межсельские коллективы мы встречаем, в первую очередь, среди пастухов и рыбаков (они не считают себя крестьянами!), среди солдат, в артелях, подрядившихся на строительные работы в городе. Впрочем, такие коллективы складываются и в среде промышленных рабочих (в молодежных общежитиях), и в мастерских деревенских кустарей.

По нашему мнению, эти две группы коллективов отличаются одна от другой еще и следующим: внутрисельские более стабильны, и если временами прекращают свое существование, то столь же периодически возникают снова, тогда как межсельские образуются случайно и на более короткий срок. Такая двойственность налагает свой отпечаток на сказочную традицию:

стабильность сказки, повторение и относительная устойчивость типов и композиции (что особо подчеркивает В. Андерсон) обеспечиваются внутрисельским коллективом постоянного склада, а через межсельский коллектив в сказочный репертуар деревни просачиваются все новые элементы и сюжеты. Итак, если в Швейцарии Л. Уффер уже не находит крестьянских коллективов «сказитель — слушатели» и в поисках хороших материалов обращается не к крестьянам, то в Венгрии ситуация иная.

К числу особенностей венгерских коллективов «сказитель — слушатели» (особенностей, для которых известны международные параллели) принадлежит то, что в них есть настоящие специалисты по определенным жанрам сказки. Один преимущественно рассказывает эротические шванки, другой предпочитает религиозные легенды или волшебные сказки, и слушатели всякий раз требуют именно того, в чем сказитель особенно силен. Есть мастера, вплетающие в свою сказку злободневные намеки на присутствующих, что служит поводом перебить рассказчика, вставить шутивное замечание. (Подобные реплики мы начали фиксировать лишь в последнее время.) Пожелания слушателей ведут к тому, что хороший сказочник отшлифовывает любимые и всего лучше удающиеся ему сказки, ярче раскрашивает самые любопытные моменты и, тем самым, способствует лучшему запоминанию этих сказок. С другой стороны, все тот же коллектив резко критикует скверное исполнение и живо затыкает рот неумелому или бестолковому сказителю. Известно также, что в некоторых коллективах (главным образом, случайных — у дровосеков, солдат, рыбаков, пастухов) охотно слушают очень длинные сказки, занимающие, с перерывами, по несколько дней; само собой разумеется, что это вызвано условиями жизни и труда. В таких случаях сказитель умышленно растягивает и разузуривает сказку, как только может (то же было в обычае и у сибирских бродяг!). Все это оказывает непосредственное влияние на текст сказки, его формирование и способ передачи.

Иногда же складываются и совсем особые обстоятельства: большие ярмарки, скитанья, батрачество, работа в другой части страны или за границей еще на

рубеже прошлого и нынешнего веков сталкивали венгерского крестьянского сказителя со все новыми и новыми чужими коллективами, знакомили со все новыми сказочниками и темами. Такие связи, равно как и этнические и лингвистические стыки, создают предпосылки для «кочевья» сказок, часто кажущегося скачкообразным.

Если влияние внешних обстоятельств, влияние коллектива прямо и косвенно отражается в тексте сказки и способах ее передачи, то, по меньшей мере, столь же сильное воздействие оказывает на формирование текста сказитель. Сегодня мы видим все отчетливее, что и коллективы-то складываются лишь там, лишь в тех местах поистине процветает сказочная традиция, где живет талантливый сказитель. В ходе нашей собственной собирательской деятельности мы постоянно встречались с тем, что и в деревнях, где народная сказка еще жива, попадаются сказители весьма различной одаренности. Сходные наблюдения за рубежом утверждают нас в мысли, что так бывало всегда. (Не иначе обстоит дело и в литературе: вокруг немногих выдающихся творцов кишит множество посредственных эпигонов-«пересказчиков».) Наша задача состоит в том, чтобы собрать полные репертуары как можно большего числа сказителей; только тогда откроется возможность лучше узнать природу устной традиции, уяснить закономерности созидательного и разрушительного процессов, от которых неотделимо сказывание сказки. Не может быть и речи о том, будто — как утверждают очень многие — текст в устной передаче только разрушается. Наш опыт скорее убеждает в обратном, а именно, что лишь тогда начинает разрушаться, «выветриваться» баллада или сказка, когда коллектив уже не живет ею, когда ее хранит лишь индивидуальная, со временем все более слабеющая память. Наблюдатели зафиксировали лишь отдельные моменты этих процессов, и отсюда возникла порочно односторонняя формулировка закона Zersingen¹. Наши личные наблюдения во многих случаях свидетельствовали, что фрагментарность, схематичность или просто плохое исполнение сказки неотделимы от

¹Букв. «распеть в клочья» (нем.). (Прим. перев.)

личности сказителя, и, когда нам доводилось слышать настоящего сказочника, которого ценит и коллектив, которого по разным случаям всегда приглашают первым, как воскресал тогда «выветренный» текст, как обогащался новыми красками у нас на глазах! С такими сказками, записанными недавно, читатель встретится и в этой книге (разумеется, они кишат неряшливостями живой речи, поскольку никакой последующей литературной отделке не подвергались). Вместе с тем, судя по нашему опыту, один и тот же сказитель исполняет одну и ту же сказку всегда по-разному — когда богаче, когда беднее, — хотя бы интервал между двумя исполнениями был и невелик.

Говорить о венгерских сказителях мы можем на основании лишь самых новых работ. Правда Янош Криза уже в 1863 году с любовью упоминал нескольких бедняков-сказочников из Трансильвании и даже назвал их по именам, но, кроме этого, мы не знаем о них ничего. В том же году крупный исследователь венгерской народной баллады Агошт Грегушш писал в одной из своих статей: «Многое зависит и от того, слышим ли мы ту или иную сказку от первоклассного сказителя или же от неумелого. Вот почему собиратели должны выискивать первоклассных сказителей». Итак, верный принцип был предложен, однако прошло долгое время, прежде чем он начал применяться на практике. Пользуясь разрозненными данными из прошлого, а также работами последнего времени, мы можем предложить следующий тезис: хорошие сказочники, как правило, выходят из среды бедного, более того — беднейшего крестьянства, из рядов сельского пролетариата. Это было установлено уже Виссером («*Plattdeutsche Märchen*», Jena 1927, S. XVI ff.) и подкрепляется другими наблюдениями за рубежом. Зажиточному, солидному хозяину не к лицу, по крестьянским понятиям, сказывать сказки, даже слушать — и то не очень пристало. До крайности редко делал богатый крестьянин исключение из этого правила, а если уж делал, то рассказывал какой-нибудь анекдот. Сказка и прежде цвела, и поныне живет у бедняков, бедняки поставляют и лучших сказочников. Михай Федич всю жизнь был поденщиком, жил в крайней нужде, а в последние годы перед

смертью побирался, бродил из села в село. Его участь разделял (до освобождения Венгрии) Михай Лаца; очень трудно жила и вдова Палконе, дочь безземельного крестьянина. Все эти рыбаки, пастухи и крестьяне, известные нам как лучшие сказочники Венгрии, почти исключительно принадлежали к беднейшему слою венгерского крестьянства. Эта социальная позиция, определяющая мировоззрение сказочников, объясняет, почему классовое сознание, ощущение своей угнетенности выражено в их сказках с такой отчетливостью и определенностью (через символы, аллюзии и т. п.). В устах бедного крестьянина неизбежно наполняется горьким гневом, а нередко и дикой злобою угнетенных средневековая притча (см. № 29) или рассказ о бедняке-работнике (см. № 30). В конечном (но не в последнем) счете именно жажда справедливости со стороны бедного крестьянина, сельского пролетария составляет фундамент той тенденции, в согласии с которой побеждает неизменно самый бедный, самый слабый, терпят унижение и поражение злые и высокомерные господа, а силу дракона сламывает самый младший, осмеянный за мнимую глупость парнишка. Эти избытые, на первый взгляд, темы в кругу слушателей-бедняков пробуждаются к новой жизни, внушая веру в грядущую справедливость.

Здесь нелишне отметить, что после 1953 года наши лучшие сказители — наряду с гончарами, резчиками, певцами, ткачихами и т. п. — были удостоены званья Мастера народного искусства и получили существенное материальное вознаграждение, а престарелые (среди них и Михай Лаца, и вдова Палконе) — высокую пенсию. Таким образом, и социальное, и материальное положение венгерских сказочников в корне переменялось.

В Венгрии мы встречаем те же различные типы сказителей, что и в других странах (см. описания Соколова, Чичерова, Л. Уффер, Тилльхагена и др.). Известны сказочники, которые сознательно стремятся воспроизводить выученный от предшественника текст как можно ближе, в тех же самых словах и выражениях, не говоря уже о композиции. Разумеется, верность эта лишь относительная. Другие сказители (такие, например, как

Федич, Пандур или Палконе) с особой охотой вносят разного рода изменения. Федич неоднократно подтверждал, что умышленно и свободно варьирует мотивы и что ценность его исполнения тем выше, чем дальше сумеет он отклониться от исходного варианта. Такова манера исполнения у многих хороших сказителей, в этом убеждает и анализ текстов из старых собраний; вот почему венгерским сказкам никак не свойственна та застылость композиции, какую обнаруживают очень многие западноевропейские сказки. Отсюда, однако, не следует заключать об «алогичности» наших сказок, как это делает Ян де Фриз в одной из своих монографий, касаясь свободной комбинации мотивов в восточных сказках. В сказку вплетаются и житейские обстоятельства, и личный опыт сказителя, по словарю сказки можно угадать, в какой крестьянской работе, в каком ремесле всего искуснее исполнитель. Стиль рассказа позволяет проследить, строго ли еще хранит рассказчик особенности своего диалекта или же элементы его уже смешиваются с чужеродными; мы можем проследить все крепнущее воздействие городского языка — подражание «господскому говору» и т. п. Естественно, находит свое отражение и различие между сказителем и сказительницей; оно проявляется и в композиции, и в отделке деталей, и даже в психологической трактовке сказочного героя и героини, которую мы находим, например, у Палконе, с одной стороны, а с другой — у Михая Борбея или у Федича. Все эти факты — а число их легко увеличить — направляют нас к одному выводу: эволюция сказочного текста, его дальнейшая судьба, варианты, переходные формы очень во многом зависят от сказителей. Поэтому с некоторых пор мы обращаем внимание также и на то, кто среди слушателей выдающегося сказителя становится его «учеником», а кто едва способен пересказать услышанное, как поначалу запечатлевается сказка в памяти 10—12-летних ребятшек и каково будет дальнейшее ее развитие, ее история. (Именно так обрабатывал автор этих строк материалы, записанные от сказителя Михая Лаца.) Для подобных исследований потребуются многие годы, и, возможно, результаты окажутся несоразмерны затраченным усилиям, и все же, по нашему разумению, их стоит продолжать. Автор этих

строк уже давно принял за правило в своей совирательской практике задавать своим рассказчикам вопрос: от кого, когда и где выучена сказка?

Старые фольклорные записи, наблюдения над жизнью деревни свидетельствуют, что обычай рассказывать сказки бытовал почти повсюду в Венгрии и что предпочтение отдавалось длинным волшебным сказкам, бойким, свежим анекдотам, веселым историям, высмеивавшим односельчан. Старики-сказители вспоминают, что сельское общество всегда ценило сказочников, которые «говорили складно и помнили помногу». Сказка была органической частью деревенской жизни и солдатской судьбы, а у бродячих артелей пустые вечера на чужбине постоянно заполнялись либо родною сказкой, либо выучиванием никогда до той поры не слыханных историй.

Ныне все бесповоротно расстроилось. Мы уже не можем говорить в прежнем смысле слова о живой традиции крестьянской сказки. Исчезают те обстоятельства, в которых сказывались сказки, иными словами, изменяются и характер, и содержание сборов коллектива, старые сказочные темы выпадают из круга коллективных интересов. Предметом обсуждения все больше становятся проблемы и случаи из повседневной жизни. Упорнее всего держатся анекдоты и местные насмешливые истории. Волшебная сказка с ее особою атмосферой, способной ввести невероятные сказочные приключения в рамки действительности так, что слушатели отождествляют себя с героями сказки, становится переживанием все более редким. Конечно, есть еще много прекрасных сказителей, известны этнические группы, в которых сказочная традиция еще жива (хотя сам по себе обычай рассказывать сказки год от года выходит из употребления). И все же мы вынуждены признать, что у нас на глазах протекают два процесса: жанр волшебной сказки постепенно отступает на задний план, а слушатели мало-помалу покидают сказителей. Это означает, что активная роль коллектива слушателей в сохранении сказочного текста и контроле над ним подходит к концу. Э. Норденшельд описывает где-то, как остаются в одиночестве у лагерного костра старые сказители-индейцы на юге Бразилии: молодежь

больше не верит в их сказки. Все больше одиноких сказителей и у нас, в Венгрии. Мы считаем это закономерным.

2. Переходя к формальным, стилистическим приметам венгерской сказки и ее исполнения, прежде всего надо сказать несколько слов о подчеркнутой драматизации как в манере исполнения, так и в стиле. Мы отнюдь не утверждаем, что драматическое исполнение и композиция составляют исключительную принадлежность венгерской сказки. То же самое сообщают многие исследователи русской народной сказки, и мы сами слышали чешских и словацких сказителей с большими драматическими способностями, — которые обнаруживались даже в коротких шванках, — с блестящим чувством диалога. Сопоставительные исследования открывают множество подобных примеров и в Европе, и за ее пределами. Одним из них может служить и венгерская народная сказка.

Разумеется, в самой композиции сказки, особенно волшебной сказки, есть нечто от драмы. Три приключения, следующие за введением и расположенные по возрастающей степени опасности для героя, причем третье и самое опасное приключение уже заключает в себе события, ведущие к развязке, — при всей примитивности приемов это напоминает построение драмы. Но это еще не все. Драматичность венгерской народной сказки обнаруживает себя и в том, что чуть ли не каждый хороший сказитель строит свою сказку как ряд эффектных сцен. Отсюда следует, что речь идет не об индивидуальной находке, но об общей традиции венгерского стиля исполнения, не о случайности, но о закономерности. Эти следующие одна за другою сцены всегда представляют собою диалог персонажей (см. №№ 4, 17, 19); простое описание действия, рассказ в третьем лице — редкость. Есть сказки, в которых этот вводный или поясняющий текст почти совсем исчезает, становясь, по сути дела, условным знаком, и вся история, все события разворачиваются в бойких, живых спорах, в диалогах (см. №№ 20 и 22). А если кто, вдобавок, имел случай следить за всеми перипетиями сказки вместе с крестьянской, благоговейно внимающей ауди-

торией, тот может доподлинно свидетельствовать о драматической манере исполнения хороших сказителей: они акцентируют поворотные пункты в диалогах, говорят на разные голоса, изображая различных персонажей, одним словом, употребляют все средства, чтобы пробудить интерес и напряженное внимание у своей восторженной аудитории.

Анализируя формальные особенности венгерской сказки, необходимо напомнить то, о чем мы уже говорили в связи с личностью сказителя. Глядя на старые, частично переписанные, частично «улучшенные» сказочные тексты, мы поначалу не хотели верить, с какой многоречивостью, с какой любовью к деталям сказывают их (в первую очередь — волшебные сказки) наши сказители. (Справедливости ради заметим, что добросовестно сохранные сказки были нам известны и по старым собраниям.) Для венгерской сказки характерна обильная детализация, которая, однако, не наносит ущерба драматической силе исполнения. Хорошие сказители буквально утопают в нагромождении мелких подробностей и эпизодов, охотно расширяют композиционные рамки, вводят новые мотивы. Пытаясь ответить на вопрос, что свойственно венгерской сказке по преимуществу, Ласло Арань писал: «Сложность — вот что, в основном, отличает нашу, венгерскую сказку от сказок соседних народов. Ни один из них не ниже в таком беспорядке разнородные детали, как это делают венгры, особенно — на Алфёльде; у немцев рассказчик часто забывает кое-что, и братья Гримм во многих случаях отмечают, что такой-то текст сведен ими из двух сказок, — венгерские собиратели, напротив, должны сражаться с длиною сказок и с интригой, усложняющейся от сказки к сказке. Причину этого я вижу... в образе жизни нашего народа, в праздных вечерах, которые столь часто выпадают на долю нашим пастухам и хуторянам, и в молчаливом от природы нраве венгра, который дает ему терпенье дослушать рассказ до конца» (Arany László összes művei, II, Tanulmányok, Budapest 1901, 96 old.). Этот по-деревенски инертный, пастушеский образ жизни, в котором Ласло Арань видел причину особой композиции венгерской сказки, давно исчез, но и по сей день все так же рассказывают свои

сказки наши лучшие сказочники. Амплификация до того им дорога, что формула зачина часто разрастается в особую, хотя и небольшую по размерам докучную историю на потеху слушателям, а традиционные обороты в сказках-небылицах непрерывно расширяются и усиливаются. Тягу к амплификации мы можем наблюдать во многих мелких элементах у Палконе, так же, как и у Федича, свободно вплетающего дополнительные мотивы. Бывает, что Федич приближается к границе пустословия и в пределах одной фразы, например — посредством нагромождения глаголов.

Вот почему, изучая типы венгерских народных сказок, мы постоянно сталкиваемся с переходными формами: несколько типов беспрепятственно соединяются в одной композиции. Не так давно мы занимались вопросом о том, какие типы, какие мотивы сочетаются особенно часто и какую закономерность средства можно раскрыть в этих взаимосвязях и взаимопритяжениях. Мы полагаем, что эта закономерность средства способна — наряду со многими иными принципами — объяснить возникновение новых типов и их групп, исторические перемены в устной традиции. Так, по нашему мнению, возникают настоящие семьи типов («Амур и Психея», «Благодарный мертвец» и др.) — складываясь из близких друг другу, но все же самостоятельных типов. Благодаря взаимному притяжению (на основе средства) сказочных мотивов и типов становятся возможными столь характерное для сказки единство стабильности и вариативности, а также длинная цепь переходных форм.

Итак, один из самых частых в венгерской народной сказке приемов — это комбинирование сюжетов или, но малой мере, обогащение сюжета мотивами, свободно заимствованными из сказок иного типа. Как сказал по какому-то случаю Михай Федич, один из самых любимых сказителей автора этих строк: «Кто знает хоть пару сказок, или там десяток, тот хоть и сотню из них сложит, — был бы только дар к тому». В другой раз он объяснил, что хороший сказочник может и сократить и удлинить сказку по своей воле: «Сказке и здесь конец может быть, прямо за порогом, и как хочешь далеко, хоть на опушке леса». Сказочники владели даром суве-

ренного творчества, смелого варьирования, да и поныне им владеют. Это прекрасно подтверждается словами одного из сказителей Линды Дег, сорокатрехлетнего рыбака Ференца Цапара: «И неделя целая проходила, пока я сказку доскажу. Начать-то можно с чего угодно. Со стола, с тарелки — что на глаза попадетя. Сказка — как все равно... как вон тот саженец. Растет, его обрезают, прививают, чистят, ветки будут, листья, плоды. Целую жизнь растет, как человек. Кто загодя узнает, что из него получится? Вот и сказка так же. Однажды начал я рассказывать про то, что одна, мол, девица ларчик нашла. Подобрала, глядит, что внутри, открыла, а там дракон. Он ее схватил да унес. После я полную неделю рассказывал, что с ней случилось. Как нам угодно, так сказка и рассказывается, главное — чтоб основу положить, а уж поверь что хочешь клади».

С этими чертами нашей народной сказки связана и третья ее формальная примета: красочность, изобразительность. Мы надеемся, что не национальные предрассудки водят нашим пером, когда мы обращаем внимание читателя на яркий блеск, многоцветное богатство формы, искрящееся остроумие венгерских сказок. (Тем же волшебным очарованием украшены столько других сказочных репертуаров, помимо венгерского!) Здесь следовало бы еще сказать о красочности, гибкости и силе венгерской народной речи, о меткости характерных ее оборотов: своим вкусом и запахом, сияющими красками, тонкостью оттенков наша сказка обязана богатству этой речи. Правда, доказать это с помощью перевода, даже самого лучшего, очень трудно. Мы хотели бы, чтобы тексты этого сборника хоть в какой-то степени подкрепили наши утверждения.

В манере исполнения венгерских сказок есть чарующая двойственность (впрочем, и в этом мы также не стоим особняком среди европейских народов): чудеса, совершающиеся на каждом шагу, изображаются вполне реалистически. Именно реалистическое изображение мелких деталей вносит в сказки и сказочные мотивы, известные по всему евразийскому континенту, но, в данном случае, звучащие по-венгерски, нечто от венгерского пейзажа, венгерской крестьянской жизни, а отчасти даже формирует характеры сказочных героев по образ-

цу венгерского национального темперамента. Но иначе и быть не может. Как раз этот фольклорный вариант реализма и позволяет (наряду с другими признаками) отличить венгерского сказочного героя от его евразийских сородичей. Место действия венгерской народной сказки, куда бы ни забрел ее герой, — это мир венгерского крестьянина: деревня, хутор. Даже королевский город — это скорее деревенька, чем уездный городок. Королевский двор напоминает солидное хозяйство богатого крестьянина, и один из колдовских контрастов народной сказки состоит в том, что таинственные приключения, замогильные чудеса, волшебство переплетаются с мелкими подробностями повседневной жизни. Сам волшебный реквизит сказки — плевок, капля крови, гребень, захудалая кляча и иное, тому подобное, — неразрывно связывают самое невероятное приключение с самыми привычными картинами крестьянского кругозора. Мы не станем даже касаться той особенной прелести, которую сообщает сказке умение изложить самое немислимое событие, самую гротескную мысль самым естественным тоном.

Благодаря этой манере исполнения и слушали сказку с таким проникновенным доверием, будь то в зимних деревнях, засыпанных снегом и накрытых ночной мглой, будь то у костра, далеко в степи или под темную сенью леса.

Однако не только в этом причина доверия к народной сказке, настолько глубокого, что слушатель отождествлял себя с героем сказочного приключения, сопереживал его радости и горести. Повторим еще раз: почти все жанры венгерской народной сказки выражают социальные упования народа, его чувство собственного достоинства, жажду справедливости и мести. Об этом много писали различные исследователи, рассматривая сказочные чудеса, победу самого младшего и самого слабого из сыновей как своего рода нормативный мир мечты, мир, каким он должен быть (А. Йоллес, Хонти); в недавнее время и Ян де Фриз согласился, что авантюрные истории, обратившиеся в сказки, отражают социальное беспокойство и подавленные желания угнетенных классов общества — чувства, вполне оправданные (Jan de Vries, «Betrachtungen», FFC.150, S.175). Быть

может, нам следовало бы подробнее остановиться на социальных тенденциях народной сказки. Народ хранил, слушал и творил сказки не в последнюю очередь именно потому, что этот художественный жанр отчетливее всякого другого говорил — когда откровенно притчею, когда хорошо понятным намеком — об его тревогах, страданиях под жестоким ярмом угнетения, о ликующей надежде на победу слабейшего. Не один крестьянин признавался, до какой степени отождествляет он свою крестьянскую участь с судьбой сказочного героя, борющегося против дракона, коварных врагов и ложных друзей, — слушатели сказочника толковали эти символы в высшей мере конкретно. С другой стороны, весьма поучительно, что в числе самых любимых, чаще всего исполняемых сказок — сказка про молодого работника, который беспощадно мстит скверному хозяину (или попу). Для этой группы типов известно большее число вариантов (см. №№ 29 и 30). Мы знаем по опыту собственной работы, что исполнение таких сказок оказывает буквально магическое воздействие на слушателей, которые и не скрывают, почему им особенно дороги эти сказки. Мы уже упоминали об этом в связи с общественным положением и классовым сознанием бедняков-сказителей. Впрочем и сказки о короле Матфее, и даже религиозные притчи почти постоянно выражают элементарные социальные требования — справедливости, свободы, нелицеприятного правосудия. Ясно, что смысл народной сказки к этому не сводится, в них есть и игривость, и наслаждение чудом, и любовь к авантюрной занимательности — все, что на протяжении столетий веков умеет дарить радость крестьянской аудитории, жаждущей узнать неведомый мир. Однако, чем тяжелее угнетение, тем больше отражаются в сказках социальные противоречия, и тем более важное место в ряду факторов, хранящих сказку от гибели, занимают эти самые противоречия. Уделом венгерского крестьянства было крепостное иго, долгие века дикой, беспросветной нищеты, нескончаемые страдания. Эта крестьянская участь еще и сегодня просвечивает сквозь легкие, яркие, прихотливо льющиеся фразы наших сказок.

3. Стит Томпсон в большой работе, посвященной народным сказкам, уделяет несколько слов и месту, занимаемому в Европе венгерской народной сказкой («The Folktale», New York 1946, p. 18). Сколько можно судить, он считает существенными в венгерской сказке (так же, как в чешской и южнославянских) лишь с трудом различимые германские черты, хотя сам же указывает на промежуточное ее положение между западным и восточным европейскими ареалами. Насколько трудно показать весь сказочный репертуар какого бы то ни было народа в одной антологии, настолько же трудно выделить несколько характерных черт, свойственных этому репертуару по преимуществу. В евразийском мире сказок есть несколько крупных ареалов, и место венгерской народной сказки, вне всякого сомнения, — среди восточноевропейских сказок. Вместе с тем венгерский народ ассимилировал в своих сказках немало элементов древнего наследия. В то тысячелетие, что предшествовало Завоеванию, венгры, народ финно-угорского происхождения, находился в неразрывной связи с тюркскими племенами, и эта двойственность еще до Завоевания определила грунтовые тона его культуры. Мы не станем углубляться в проблемы происхождения и прародины венгров, но мы знаем заведомо, что, прежде чем добраться до нынешней своей страны, наш народ испытал центрально-азиатское, кавказское и иранское культурные воздействия, что мы вступали в контакты с древнеславянской и византийской культурами и что после 896-го года наша страна сделалась одним из чувствительных связующих узлов на границе между культурами Запада и Востока. Все это, бесспорно, усложнило историю венгерской культуры (а внутри нее — крестьянскую культуру), сочетав и спаяв воедино множество противоречивых начал.

Венгерские народные сказки, в самом деле, стоят на границе между западно- и восточноевропейским миром сказок и этому обстоятельству в немалой мере обязаны своею красочностью и своим богатством. У нас есть сказки, которые позволяют разделить, отличить друг от друга многие историко-культурные пласты: в одной сказке сталкиваются культурные течения многих веков. Если мы поведем речь о типических, характерных

особенностях венгерской народной сказки, едва ли мы сумеем что-либо добавить к тому, что уже было сказано о манере исполнения и о стилистических приметах (да и тут постоянно придется вспоминать сходные черты в сказочном репертуаре других народов!), и только назовем еще это посредствующее между Востоком и Западом положение. Географическое положение Венгрии, обеспечивающее столько контактов и коммуникаций, — одна из главных причин многослойности наших сказок, их богатства, напоминающего о многих и сложных исторических и этнических связях. Совершенно прав Р. С. Богге, который, характеризуя десять национальных сказочных репертуаров, утверждает, что проходимые лингвистические рубежи важнее этнического родства («A Comparative Survey of the Folktales of Ten Peoples», Helsinki 1930, FFC.93, p. 6).

Соглашаясь с этим, мы не должны упускать из виду и такие элементы в наших сказках, которые нельзя объяснить заклиненностью Венгрии между двумя большими массивами — германским и славянским — и которые указывают на наше историческое прошлое и древнейшие этнические связи. Они-то и образуют самый старинный слой венгерской сказки.

Предисловие — неподходящий жанр для того, чтобы анализировать характер венгерской народной сказки в сопоставлении со сказками других народов, как А. фон Лёвис оф Менар сопоставлял немецкие и русские сказки, а Э. Кёхлин — немецкие и французские (A. von Löwis of Menar, «Der Held im deutschen und russischen Märchen», Leipzig 1912; E. Koechlin, «Wesenszüge des deutschen und des französischen Volksmärchens», Basel 1945). Быть может, мы к этому еще обратимся впоследствии. Ныне же достаточно будет сослаться на ценный анализ, предложенный Р. С. Боггсом в его упомянутой выше работе и на спорные аспекты его трудоемких статистических сравнений. Боггс не пощадил усилий для того, чтобы выработать статистический метод, с помощью которого оказалось возможным сравнить десять сказочных репертуаров (в их числе и венгерский) и отметить некоторые особые черты каждого из них. Но его статистика — и Боггс сам это подчеркивает — очень часто вводит в заблуждение. Так, типичным для венгерской

народной сказки он считает поразительно высокий процент волшебных сказок: к ним относится больше половины всех материалов, указанных в каталоге Хонти. С другой стороны, отмечает Боггс, число шванков и анекдотов — ниже среднего. У других народов пропорции между различными сказочными жанрами иные, чем у венгров. Нельзя отрицать, что таким образом мы могли бы легко составить общую характеристику любого фольклора — если только эта методика надежна. Но она лишь верно ориентирует, верно ставит проблемы — и в этом смысле служит важным подспорьем, — однако решения не дает. Прежде чем рассмотреть вопрос о пропорциях, приведем один пример. Боггс ссылается на сказку «Три апельсина» (АТЬ 408) и высказывает мнение, что, кроме испанской версии, существует лишь несколько венгерских, эстонских и литовских вариантов. Но мы знаем, что эта сказка бытует и у других народов, например, у норвежцев, и что венгерские цифры нельзя принимать в расчет, поскольку напечатанные с тех пор, а также остающиеся в рукописях материалы существенно поднимают «венгерский процент». Но это еще далеко не все: на основании доступного до сих пор материала можно заключить, что жанровые пропорции внутри венгерской народной сказки даже отдаленно не совпадают с теми, которые установил Боггс, опираясь на указатель Хонти.

О том, что указатель Аарне-Томпсона сегодня уже никак не покрывает материалов по сказочным репертуарам отдельных народов, говорилось не раз. (Мы еще вернемся к этому во вступительной заметке к примечаниям.) Н. П. Андреев, составивший систематический указатель русских сказочных сюжетов, отметил, что на долю волшебных сказок приходится лишь около 30% всего русского репертуара, на сказки о животных — 10%, а остальные 60% относятся к так называемым «бытовым сказкам» (анекдотические истории из повседневной жизни). И вот что примечательно: половина этих «бытовых сказок» в Западной Европе полностью неизвестна (Sokolov, «Russian Folklore», p. 439). Но и внутри национальных рамок выявляются достаточно большие различия в жанровой структуре сопоставимых сказок. Так, один из самых известных русских со-

бирателей, Никифоров, изучая сказки Заонежья и Пинеги, установил, что из 162 заонежских и 122 пинежских типов сказки только 68 являются общими для обоих районов, остальные же обнаруживают многочисленные расхождения как формальные, так и по содержанию, тогда как между этими двумя районами нет существенных различий ни в этническом, ни в культурном, ни в историческом отношениях.

Итак, обрисовывать национальные особенности сказки, опираясь на имеющиеся у нас статистические и процентные данные, — пока еще дело достаточно ненадежное. Агнеш Ковач, работая над указателем венгерских сказочных сюжетов и пользуясь *только печатными* материалами, установила следующие процентные соотношения между отдельными жанрами:

сказки о животных (АТх 1—229):	3,5%
волшебные сказки (АТх 300—749):	50%
легендарные сказки (АТх 750—849):	12,5%
новеллистические сказки (АТх 850—999):	8,5%
сказки о глупом черте (АТх 1000—1199):	1,5%
сказки, высмеивающие деревню (АТх 1200—1349):	4,5%
шванки (АТх 1350—1874):	12%
небылицы (АТх 1875—2500):	6,5%
прочие	1%

К этому можно прибавить, что неизданных, рукописных текстов существует, по малой мере, столько же, сколько печатных. С другой стороны, собиратели очень часто ищут лишь волшебные сказки, а местными историями, анекдотами, короткими сатирическими сказками пренебрегают. Но работы последних десятилетий убеждают нас в том, что собирание этих жанров быстро перевернет приведенные выше и, как будто, закономерные соотношения. Оказывается, что коротких шванков, анекдотов, местных историй — нечислимое множество, и старики припоминают, что их всегда очень любили и слушатели, и сказители. Итак, повторим: на сегодняшний день мы не можем сделать из соотношений сказочных жанров никаких мало-мальски точных выводов касательно национальных особенностей сказки. Эти данные, сами по себе, полезны, поскольку цифры, хотя

и приблизительно, но все же говорят о жанровых соотношениях; однако мы полагаем, что интенсивное собирание изменит их. По нашему мнению, это всего лишь один из методов, один из подходов к проблеме внутренних различий в великом кругу сказок Евразии.

Возможно, что более результативным следует считать путь, который избрал Лёвис оф Менар (через сопоставление русских и немецких сказочных героев и прочих элементов сказки), или же углубленное сравнение сказок одного типа (как в работе Кёхлина). Все это и еще многое иное необходимо, чтобы мы смогли дать определение выраженному в сказках национальному характеру. Гердер первым объявил, что фольклор есть одно из самых чистых и самых надежных выражений национального, народного характера, и столь многие среди нас разделяли и разделяют его убеждение. Так оно и есть, конечно, только методы наши все еще недостаточно тонки, чтобы перевести на язык абстрактных понятий то, что с такою уверенностью и непосредственностью сообщает об истории, культуре и характере нации какая-нибудь народная песенка — несколькими строчками текста, простою мелодией — или какая-нибудь сказка, известная по всей Европе. Иногда одной черточкой во внутреннем или внешнем облике сказочного героя, одного словесного оборота, одного идиома довольно, чтобы почувствовать: эту сказку могли рассказать только по-венгерски, только по-итальянски, только в немецком или в английском городке. Сказка прямо открывает о себе и о своем народе все, что мы лишь описываем примерно и робко пытаемся сформулировать.

А теперь время предоставить слово венгерским народным сказителям. Это они сберегли, облекли плотью, пересоздали все то, что мы принесли с собою из далеких столетий и что получили от народов Европы.

Дюла Ортуган

ПРО КОРОЛЕВИЧА, КОТОРЫЙ ИСКАЛ БЕССМЕРТЬЯ

Было то или не было а только за семижды семью землями и еще того дале, за Морем-за Океаном, возле печки-развалюхи висела старушечья юбка о семидесяти складках, а в тех складках жила белая блоха, а у ней в самой в середке был славный королевский город, а в том городе — старый король, а у короля — единственный сын, и король большие полагал на него надежды и потому выучил всем, как есть, наукам, а после отправил в чужие края — все поглядеть, послушать, на себе испытать. Пробыл королевич на чужбине многие годы, пока, наконец, батюшка домой воротиться не велел. Но от долгих странствий вовсе переменялся у королевича нрав, задумчивый сделался, угрюмый, старый король только дивится и гадает, что это могло быть такой перемене причиною, а вслух никому свою заботу не сказывает, про себя держит, как вдруг приходит ему на мысль, что влюбился королевич, оттого, конечно, все и задумывается.

Случилось раз, что король и королевич были в обеденной палате наедине, с глазу на глаз, вот старый король взял сына за руку, повел в боковую горницу, что вся была увешана портретами всяких пригожих девиц, и говорит ему:

— Любезный сынок, очень ты невеселый, хорошо б тебе жениться. Гляди, в этой горнице дочки всех императоров, королей и князей на портретах нарисованы, выбирай себе по сердцу, и которая всех больше полюбится, ту я тебе и высватаю. Только бы увидеть, что ты повеселел!

— Ох, любезный король-батюшка, — отвечает королевич, — не любовь и не женитьба у меня на уме, а об том я печалюсь, что всем людям, и королям тоже, когда-нибудь, а надо померсть. И хочется мне такую найти

державу, над которою смерть власти не имеет. Вот я и решил про себя: хоть до колен ноги сотру, а потолок не остановлюсь, покамест такую державу не сыщу.

Стал старый король сына отговаривать, говорит ему, что невозможно это, рассказывает, что вот уже пятьдесят лет королевством правит и всегда был своею жизнью доволен, да тут же сыну и предлагает, что передаст, мол, королевство ему, только бы он глядел веселее и дома остался. Но королевич от своего не отступился, на другое утро мечом опоясался и пустился в дорогу.

Через несколько дней вышел он из отцовских владений, бредет по дороге и вдруг еще издали замечает громадное дерево, а на макушке будто орел качается. Подошел он поближе — и, вправду, большой орел на самой макушке дерева сидит, лапой по веткам колотит, ветки в разные стороны так и летят. Смотрит королевич во все глаза, а орел спорхнул к нему, через голову перекувыркнулся, королем обернулся и спрашивает королевича:

— Чему дивишься, братец?

— Чему дивлюсь? А тому, конечно, зачем ты по макушке дерева лапой колотишь.

Отвечает ему король-орел:

— Видишь ли, дело какое: на меня и на весь мой род заклятье положено — до той поры не умрем, покамест я это дерево, до последнего корешочка, в цепю не разнесу. Однако уж вечер, нынче работать больше не буду, пойду домой и тебя, путника, с дорогой душою на ночь приючу.

Королевич согласился, пошли они вместе во дворец короля-орла, а у того была чудо какая пригожая дочка, она с отцом и с захожим королевичем поздоровалась, на стол собрала, ужин подала. За ужином среди прочего-иного спрашивает король-орел гостя, для чего он в путь пустился. Королевич ему объясняет, тогда, мол, только остановлюсь, когда встретится мне держава, над которою смерть власти не имеет.

— Ну, любезный братец, — говорит король-орел, — выходит, ты в такое место как раз и попал! Слышал, что я тебе сказывал? Ни надо мною, ни над моею родней никакой у смерти власти нет, покуда я это громадное

дерево, — со стволом, со всеми корнями, — в мелкую щелу не разнесу. А до тех пор шестьсот лет пройдет. Женись-ка ты на моей дочке и можете жить себе здесь, со мною вместе, в свое удовольствие.

— Ох, дорогой мой брат и государь, оно бы хорошо, да только через шестьсот лет все равно помирать надо, а я такое место открыть хочу, над которым у смерти никогда бы власти не было!

Королевна тоже его удерживает, потому как они уж и сдружиться успели, а он — ни под каким видом!

В конце концов, чтобы без памятного подарка не расставаться, дает она ему на прощанье ларчик, внутри, на донышке, ее портрет нарисован, и говорит:

— Ну, королевич, раз ты ни под каким видом со мною оставаться не хочешь, возьми на память этот ларчик. Когда от нешего хождения устанешь, открой ларчик, взгляни на мой портрет, а после, как задумаешь, так и помчишься: захочешь — высоко в воздухе, испугаешься сильного ветра — над самую землей, быстро, как мысль или как вихрь.

Поблагодарил королевич, ларчик в карман убрал, а на другой день распрощался с домом короля-орла и дальше отправился.

Прошел он сколько-то большою дорогой, после приморился и вспомнил про ларчик. Достал, открыл, посмотрел на королевнин портрет, задумывает про себя: «Хочу нестись быстро, как ветер в вышине!» — и тут же взвился и понесся, как ветер. Много уж пронесся и вот летит мимо громадной горы и видит, на вершине какой-то плешивый старичок заступом и мотыгою землю в корзину накладывает и к подошве сносит. Остановился королевич, смотрит во все глаза, плешивый тоже остановился, спрашивает у королевича:

— Чему дивишься, братец?

— Чему дивлюсь? А тому, конечно, куда это твоя милость землю в корзине носит.

— Ох, братец, — говорит старик, — на меня заклатье положено — ни я сам, ни кто из моих помереть не можем, покуда я эту гору в этой вот корзине вниз не спесу и место не разровняю. Однако уж время к вечеру, нынче работать больше не буду, — и с этими словами перекувыркнулся через голову, обернулся плешивым коро-

лем, подступил к захожему королевичу и позвал к себе, ночевать.

Пришли они вместе ко дворцу короля-плешивца, а у него дочка еще во сто раз краше, чем у первого. Она их ласково встретила, мигом ужинать собрала. За ужином король-плешивец спрашивает захожего королевича, долголь ему еще идти. Королевич, как и в тот раз, отвечает, что тогда только остановится, когда съест такую страну, над которою смерть власти не имеет.

— Значит, ты в такое место как раз и попал! — говорит ему король-плешивец, точно как король-орел говорил. — Я ведь тебе сказывал, на мне заклятье лежит, никто из моих помереть не может, покамест я эту большую гору, всю, как есть, вниз не снесу, а до тех пор еще восемьсот лет пройдет! Венчайтесь-ка вы с моею дочкой, я так вижу, что вы друг дружке не противны, и можете себе жить да поживать восемьсот лет в свое удовольствие!

— Оно конечно, — говорит королевич, — только я туда хочу добраться, где у смерти никогда бы власти не было.

Тут он заторопился, сказал «покойной ночи» и ушел к себе в спальню. На другой день все встали ни свет, ни заря, и королевна снова пыталась было королевича удержать, да он ни за что не оставался. И вот, чтоб не ушел королевич без памятного подарка, дает ему королевна на прощанье золотой перстень, который ежели на пальце повернешь, мигом, где ни пожелаешь, там и окажешься. Королевич перстень надел, поблагодарил, распрощался и снова в путь. Прошел сколько-то большой дорогою, потом вспомнил про перстень. Вот повернул перстень на пальце и думает про себя, хочу, мол, на краю света оказаться. Зажмурился на миг, снова открыл глаза, а кругом богатый королевский город. Пустился он по улицам, видит множество народа чудного обличья, и одеты все по-чудному. На двадцати семи языках заговаривал с ними королевич, на всех, которые знал, — никто не отвечает. Пригорюнился он: что ему здесь делать, ежели он ни с кем сообщаться не может? До тех пор бродил, унылый, туда-сюда, пока случайно не повстречался с человеком в такой самой одежде, что и у них носили. Обратился к нему королевич

на своем языке, тот отвечает. Спрашивает королевич, первым делом, что это за город. Человек отвечает, что это столица Синего королевства. Сам Синий король помер, осталась пригожая королевна, семью землями правит, потому как больше никого во всем королевском роду нету. Королевич обрадовался и просит того человека, не может ли он показать, где королевский дворец.

— С удовольствием! — говорит.

Привел королевича ко дворцу и там с ним распростился.

Вошел королевич, а королевна на ступеньках сидит, вышивает, королевич прямо к ней и подошел. Поднялась королевна со своего места и, как узнала, что это не простого звания человек, а королевский сын, повела его в покои, приняла по-королевски. Поговорили они о том, о сем, услышала королевна, что у королевича на уме, и просит остаться с нею, помочь державою править. Объясняет ей королевич, что он там только согласен поселиться, где смерть власти не имеет.

Тогда взяла королевна королевича за руку и привела к дверям какого-то покойчика, а в том покойчике весь пол иголками утыкан, до того густо, что больше уж ни одной воткнуть нельзя.

— Видишь, — говорит, — королевич, сколько иголок? Ну, так вот, положено на меня заклятье: пока я все до последней иголки не использую, за вышиванием не иступлю, ни я сама, ни кто другой из моей семьи помереть не можем. А до тех пор еще тысяча лет пройдет. Если ты у меня останешься, вдосталь до того времени поживешь и поцарствуешь.

— Оно конечно, — говорит королевич, — да только через тысячу лет все равно помирать придется. А я такую страну ищу, над которой у смерти никогда бы власти не было.

Уж как только ни упрашивала его королевна с вышиванием, как ни отговаривала, в конце концов, объявил ей королевич наотрез, что не останется, а дальше пойдет. Тогда встала перед ним королевна и сказала:

— Раз ни под каким видом не могу тебя удержать, прими от меня на память золотой прутик. Коли придет нужда, он чем хочешь обернется, — только загадай!

Поблагодарил королевич за подарок, убрал прутик

в карман, распрощался с королевною и снова в путь отправился.

Только вышел из города, глядь, впереди широкая река, и на том берегу реки небесные занавеси до земли спадают, дальше идти нельзя — край света. Пустился королевич вдоль воды, встречу течению. Отшагал уж немало и вдруг видит: славный королевский замок в воздухе над рекою висит, только ни дороги, ни моста к нему нет — понапрасну искал. Но уж очень хотелось ему в этот славный замок заглянуть, и вспомнил он про золотой прут, что от королевны с вышиванием получил. Вынул королевич прутик, бросил наземь и загадал: «Обернись, прутик, мостками к замку!» — он мигом золотыми мостками до самого замка и протянулся. Королевич, не долго думая, вспрыгнул на золотые мостки и пошел в замок. Вступил в ворота, а там разные чудища караул держат, никогда еще этаких не видывал! Испугался королевич, приказывает своей сабле: «Сабля, вон из ножен!» Выскочила сабля из ножен, нескольким караульным головы снесла, а у них сейчас новые отрастают. Еще пуще испугался королевич, сабле в ножны приказал вернуться, сам стоит, глазами моргает. Королева, хозяйка замка, всё в окно видела, скорее посылает слугу, чтоб караульные королевича не тронули, и еще велит слуге, чтобы этого чужестранного путника к ней привели.

Так оно и случилось. Слуга быстро сбежал вниз и провел королевича мимо караульных в замок, к королеве.

Вот прибыл он к королеве, королева и говорит ему:

— Вижу, что ты не простого звания человек, но еще хочу узнать, кто ты таков и зачем сюда пришел.

Назвался королевич, сказал, какого он короля сын и зачем в путь пустился — чтобы такую страну открыть, над которою смерть власти не имеет.

— Ну, тогда ты правильно пришел, — говорит королева, — потому что я королева жизни и бессмертия, здесь тебе смерти бояться нечего.

Сейчас усадила королевича, приняла с дорогой душой, к столу пригласила.

Ровно тысячу лет прожил королевич в том дворце, и так быстро время миновало, будто полгода.

А когда миновала тысяча лет, приснилось королевичу однажды ночью, будто он дома с отцом, с матерью веселится, и так он но дому затосковал, что утром, чуть встал, сразу королеве бессмертия и объявляет, домой, дескать, идти хочу, с отцом, с матерью еще разок повидаваться.

Удивилась королева бессмертия этим его речам и говорит:

— Ох, королевич, что это тебе в голову взбрело! Ведь твой отец с матерью больше восьмисот лет, как померли, об них уж ни слуху, ни памяти нет, прах — и тот истлел!

А все ж не смогла королевича отговорить.

— Ну, коли так, погоди, по крайней мере, пойдем со мною, соберу тебя в дорогу.

Повесила королева ему на шею две фляжки, золотую и серебряную, и повела, не мешкая, в какую-то боковую комнатку. Показала в углу маленькую откидную крышку, открыла и говорит:

— Этой влагою, что здесь, под крышкой, налей до-полна серебряную фляжку. Это такая влага, что ежели ты кого ею опрыскаешь, будь он хотя и о тысяче жизней, — тут же помрет!

После повела его в другую комнату, и тоже в углу маленькая откидная крышка была. Откинула и ее королева, наполнила золотую фляжку и говорит:

— Эта влага течет из скалы вечности. Ежели кто хоть четыре или даже пять тысяч лет, как помер, а ты хоть косточку от него сыщешь и этой водою опрыскаешь, сей же час оживет в самом лучшем виде!

Королевич поблагодарил королеву бессмертия за подарки, попрощался и с нею, и со всем замком и в путь тронулся.

Скоро добрался он до того города, где жила королева с вышиванием, но едва узнал место — так все переменилось. Спешит в королевский дворец, а там такая тишина, словно бы и живой души нет. Поднимается по лестнице, входит в зальце и там застаёт королеву: к вышиванию прильнула, спит. Он подкрался тихо-тихо, окликает ее, она молчит. Потянул за одежду — не шевелится. Оттуда побежал в тот покойчик, что полон был иголок, глядь — ни одной иглы! Последнюю

иголку сломала королева над вышиванием, с тем и померла королева. Скорей хватает он золотую флягу, прыскает из нее на королеву. Начинает королева оживать, голову подымает, голос подает и, первым делом, говорит королевичу так:

— Ох, милый мой друг, спасибо, что разбудил! Наверно, я долго проспала.

— И до конца света всё спала бы, — говорит королевич, — если б я тебя не воскресил.

Тут поняла королева, что она была мертвая, а королевич воскресил ее, поблагодарила ото всей души, обещалась отплатить добром за добро.

Попрощался королевич, пошел прямо к королю-плешивцу. Еще издали заметил, что большая гора вся снесена, а как близко подошел, видит, подсунул король корзину под голову, заступ и лопату рядом с собой положил, помер. Опять скорее достает королевич золотую флягу, прыскает на короля-плешивца — воскресил и его. Он тоже обещал добром за добро отплатить, попрощался с ним королевич, пошел к королю-орлу, а король-орел то громадное дерево всё, как есть, разнес, с корнями, со стволом, от самого малого сучка ни пылинки не осталось. Лежит король-орел, крылья распластал, клюв в землю уткнул, помер. Уж мухи жужжат. Достает королевич золотую флягу, поливает из нее короля-орла, и он тоже оживает, с силами собирается и говорит:

— Ох, и долго же я спал, спасибо, что разбудил, милый, любезный друг!

— И до конца света всё спал бы, — говорит королевич, — если б я тебя не воскресил.

Тут понял король-орел, что был мертвый. Узнал королевича, поблагодарил, обещался отплатить добром за добро.

После попрощался королевич с королем-орлом, отправился дальше и скоро пришел к отцовскому городу, но еще издали заметил, что королевский дворец сквозь землю провалился, ни слуха, ни духа не осталось, а как близко подошел, видит, на месте дворца — серное озеро, все синим огнем так и горит, что твоя сливовица.

Потерял королевич всякую надежду найти отца с матерью, закручинился и назад повернул, но как стал из

города выходить, окликает его кто-то сзади такими словами:

— Погоди, королевич, очень кстати ты сюда попал, вот уж тысяча лет, как я тебя все ищу без передышки!

Обернулся королевич, а это старуха Смерть его окликает, будь она проклята! Скорей схватился за перстень на пальце, повернул и быстро, как мысль, очутился сперва у короля-орла, потом у короля-плешивца, потом у королевы с вышиванием, и всех просил выставить все свое войско, чтобы задержать Смерть, пока он до королевы бессмертия доберется. Но Смерть повсюду гналась за ним до того проворно, что, когда королевич уже ступил одною ногой в замок королевы бессмертия, Смерть ухватила его за другую, ту, что еще наруже оставалась, и закричала:

— Стой! Ты мой!

Увидала это королева бессмертия, кричит из окна, бранит Смерть, что, мол, тебе здесь нужно, ты над моею землею власти не имеешь!

— Верно, — говорит Смерть, — да только одна нога на моей земле и, стало быть, моя.

— Верно, но вторая, как-никак, моя, — говорит королева бессмертия, — а что толку, ежели мы его разорвем? Половинка что мне без пользы, что тебе! Вот я что скажу: входи, на этот случай я разрешаю, мы побьемся об заклад, да так и решим дело.

Смерть согласилась, вошла в замок королевы бессмертия, и королева предложила, что одним пинком подбросит королевича к седьмому небу, утренней звезде за спину, и ежели так ровно сумеет подкинуть, что он упадет обратно в крепость, тогда он достанется королеве, а ежели за крепостной стеною упадет, достанется Смерти. Смерть не против, побились они об заклад. Тут королева бессмертия поставила королевича посередине крепости, подсунула ногу под обе его ноги и так подкинула королевича к звездам, что он вовсе из глаз исчез, но от натуги королева чуть пошатнулась и теперь сильно тревожилась, как бы королевич не упал за стеною, а потому смотрела во все глаза, когда он вернется. Наконец появился он, — как все равно оса, не больше, — королева увидала, примерила, куда он должен упасть, оказалось — в точности на крепостную стену. Испуга-

лась королева, да южный ветерок пособил, так что королевич как раз в крепости, у самой стены оземь бы грянулся, ежели б королева не подросла и, будто легкий мячик, не поймала бы. Отнесла она королевича в замок, а у него голова чуть кружится, тогда поцеловала его королева, он и опомнился. Тут велела она своим придворным найти каждому по метле, поджечь и этими огненными метлами вымести Смерть из крепости королевы бессмертия, а Смерти наказала, чтобы она больше сюда ни ногой! А королевич с королевою и по нынешний день живут в чести да в довольстве. Кто не верит, пускай поищет на краю света реку, а над рекою крепость, что в воздухе висит, а в крепости — хозяйку, королеву бессмертия, и как найдет, сейчас и уверится.

2

ЗМЕЙ-КОРОЛЕВИЧ

Было то, а может и не было за семижды семью землями, за Морем-за Океаном, за Стекланною горой. Там, пониже замка, стояла ива, страсть какая громадная, у той ивы — девяносто девять сучьев, на девяносто девяти сучьях — девяносто девять ворон, и кто мою сказку слушать не станет, пусть они тому глаза и выклюют!

Жили однажды на свете король с королевой. Всё горевали, что нет у них дитяти.

— Это ты виновата, жена, ты виновата, ты не хочешь, чтобы был у нас детеночек!

— Молчи, у меня у самой сердце не меньше твоего болит! Ну, да ежели Господь дать не хочет, силою как возьмешь?

Вот однажды пошел король со своею бедою в парламент. Очень огорчилась королева: мало ей муки, что детей нет, — так муж еще и чужих об том повещает! Протянула она руки к небу и говорит:

— Господи, Боже мой, почему я не достойна родить дитя? Но уж ежели дитя не хочешь дать, дай хоть змееночка, чтоб и у меня хоть какое потомство, а было!

Не успела договорить, а змееночек уж и вот он!

— Господи, снова я против тебя согрешила! Оттого и благословил меня Господь этой мерзкой тварью! Что хозяин-то мой скажет, когда узнает? А чужие-то что говорить станут, когда узнают, что у короля змеенок родился?

Тут же вызывает мужа по телефону, чтобы домой шел.

Прибегает муж, что такое?

— Гляди, — говорит, — какой у нас сынок! Я попросила, Господь и дал.

— Да зачем же, — говорит, — ты этакое просила?

— Да от огорчения сказала, что, дескать, ежели дитяти недостойна, пусть хоть змееночка даст! Он сразу и родился. Что делать будем?

Говорит ей король:

— Крестить его не надо, потому что мне будет стыдно, если хоть поп узнает, какое потомство дал нам Господь, а имя мы ему после придумаем. Грудью, — говорит, — его не корми, но и голодом не мори, надо, чтобы он ел. Только титыку в рот не давай — как бы вреда какого не было!

Ну, ладно. Постлали они для змееночка в корзине постелю, хорошую, мягкую постелю, положили змееночка. Унесли корзину в самую чистую, парадную горницу, куда никто и не ходил-то никогда, там поставили. Принесла ему королева поесть, попить. Выучился змееночек есть. Все съедал до крошки. Очень быстро рос, со дня на день заметно. Родители, конечно, горюют, и говорить нечего. Оттого горюют, что стыдятся своего змееночка. Никогда, думают, не сможем его людям показать, вечно от чужого погляда прятать да хоронить будем!

Вот сделался змей толщиной с тележное дышло, лежит в корзине, кольцом свернулся, голову будто пес гончий держит, кругом посматривает. Мать уж входить к нему боится, такой он стал страшный, мерзкий да громадный. Раз принесла она ему обед, наелся змей и вдруг засвистал, до того свистит — стены трясутся. Прежде никогда такого не бывало.

Говорит королева мужу:

— Слышишь, король, как свистит наш сынок? Не знаю, что такое с ним приключилось.

— Ступай, спроси, что-нибудь, наверняка, приключилось, потому как до сей поры никогда он так не свистал.

Идет к нему мать.

— Скажи, сынок, что с тобой, чего тебе нужно? К чему свистишь?

— А к тому, матушка, что жениться хочу.

— Ох, милое мое дитяtko, кто ж за тебя пойдет?

— Я скажу, матушка, кого привести. У соседнего короля есть дочка, такая пригожая — суцья красавица! На ней хочу жениться! Тебя свахой пошлю. Скажи, королевич ее сватает и ответа ждет. Больше ничего и не говори, только одно, поедем, мол, со мною на смотрины, и, ежели приглянетесь друг другу, тогда, мол, останешься.

Уж и не знаю, что был тогда за мир, но только отпустил отец дочку с королевою, пусть поглядит на королевича, а ежели понравится, то пускай и остается. Вот привезла ее королева, но не прямо к змею. Сперва в другую комнату завела, где они с королем почасту сидели.

— Ну, вот, — говорит она королю, — съездила, привезла.

— Что привезла, это хорошо, но пускать ее к нашему сынку нельзя, сперва надо накормить-напоить, после уж к сыну вести. А заранее не показывай.

Ладно. Собрали мигом к столу, а королевна и говорит:

— Где ж королевич?

— Сейчас придет. Тебе надо отдохнуть, потому как ты уморилась с дороги, поесть-попить надо. К этому времени и он вернется.

Сели, едят, пьют, разговоры разговаривают. Только королевна так вся и дрожит, на королевича взглянуть не терпится, какой он, по сердцу ли придется ай нет. А королевич все не идет. Королева говорит:

— Пойдем, захватим его врасплох, может, он у себя в комнате. Пойдем поглядим.

Взошли они, а в комнате пусто. Тут старая королева в дальний угол направилась, в дальнем углу полка была сделана, и там, на полке, стояла корзина. Услышал змей-королевич, поднял голову, смотрит. Заметила девица.

— Ой, что это там за змея?

— А это наш сынок, — говорит королева.

Вскрикнула девица, без памяти повалилась.

— Господи, — говорит, — Создателю мой, не оставь своим заступлением! Неужто я, королевская дочь, получше жениха не стою? Выпустите меня отсюда!

Подняли девицу, умыли холодной водою. Опомнилась она.

— Милая моя дочка, — говорит королева, — пойдем, он тебя не тронет, он смиренный, не тронет тебя. Он очень тебя любит и замуж зовет.

— Лучше я себе горло перережу, — говорит, — и пусть похоронят, где придется, чем замуж за него пойду! Вы, верно, ума решились — чтобы я за змея вышла?! Как вы смели меня из батюшкина замка увозить? Зачем оттуда увезли, сюда привезли? Зачем там не сказали, что у вас за сынок?

— Потому я не сказала, что боялась, не поедешь ты тогда со мною. Ну, останься, — говорит, — здесь, потерпи. Вот увидишь, не пожалеешь — он с тобою так будет обходиться, что лучше и нельзя!

— Да хотя б еще в тысячу раз лучше обходился, — говорит, — все равно не нужен он мне! Смотреть на него противно, такая это мерзкая тварь, сил нет, какая мерзкая! Чтобы я с ним в одну постелю легла? Да лучше руки на себя наложу!

А королева просит-молит, чтоб потерпела она, чтоб не тревожилась так, не боялась.

Заперла королева дверь на ключ, оставила девицу со змеем. Нельзя ей никуда выйти. Подбегает к одному окну, к другому. Решетки на окнах, железные переплеты. Не вырвешься никак. Король с королевою ушли из дому. Бегает девица из угла в угол, вот-вот рехнется с горя. Бегает из угла в угол и так плачет, так руки ломает! Как убежать? Что делать? Ну, день еще пройдет кое-как, а ночью-то как быть? Плачет, горькими слезами заливаешься, да никто ее не пожалел, никто не выпустил.

К вечеру приносит королева еду. Девица глаз с двери не спускает, чтоб наружу выскочить, да королева опять заперла дверь на ключ, нельзя выйти. Пришлось остаться. А еду как вечером поставила королева, так

утром и нашла — не съела девица ни глоточка, кусок в горло не лезет. Во всю ночь не присела, в голос голосит, из другой комнаты слышно, как убивается девица. Ушли король с королевою, чтоб не слышать, а ее не выпустили. Так, день за днем, целая неделя. Ничего не кушает королевна, не ложится, только из угла в угол мечется, а змей всё ее утешает:

— Не бойся, мой ангел, не трону я тебя! Если б ты знала, как я тебя люблю, ты б меня не боялась.

— Ох, да не люби ты меня! И почему только не прибрал тебя Господь, когда ты на свет родился?! Тогда б ты не ждал, что я стану твоею женой!

И она все жаловалась, а он все только упрашивал ее ласковыми словами. И все следом за нею ползал.

Как миновала первая неделя, думает про себя королевна: теперь уж все одно, всю неделю глазом не сомкнула, что день, что ночь — ей без разницы, не ест, не пьет, до того притомилась, что сама чувствует — помирать придется. Нет, надо лечь, отдохнуть!

Змей лежит на брюхе, щурится. После пополз потихоньку. Постеля была постлана, королева, как вошла, первым делом постелю для них приготовила. Девица уж уснула, потому что очень от бессонницы приморилась. Вдруг просыпается — змей по голой ноге скользнул, в постелю ползет. Как она завопит, король с королевою мигом с кровати соскочили:

— Убивает наш сынок девицу!

Прибегают, а беды-то никакой и нет, только змей на постелю заполз. А девица до того вопит — чуть глаза не повылазили.

— Поди прочь от меня, мерзкая тварь! Поди прочь, гнусная тварь! Не приближайся!

А змей просит умильно:

— Дай я лягу рядом с тобою, я ведь тебя не трону.

Увидали король с королевою, что происходит, вышли, двери затворили.

Оставили их одних.

И так — целую ночь, всё брань да слезы. Наутро встали.

— Ночь позади, — говорит, — и я от него отвязалась, ну а следующей ночью что будет? Был бы у меня хоть нож или что — зарезалась бы, да и дело с кон-

цом! Не могу я терпеть, когда он в постелью залезает, так боюсь, просто душа вон!

Да что попусту толковать? Всякую снасть, которою себя убить можно, оттуда вынесли. Опять ночь настала, опять то же самое. Заполз змей в кровать. А тут уж и кушать начала девица. Королева принесла, она к столу села. Со змеем порознь едят. Думает про себя: теперь уж все одно, если уж кручиниться, так, по крайности, не на пустой желудок. С тех пор кушала исправно.

Однажды ночью ложится она, и снова змей приползает. Взяла девица да и положила между ними подушку, маленькую подушечку положила посередине, чтобы змей по одну сторону подушечки, а она — во другую.

— Понапрасну я кричу, понапрасну слезы проливаю, все равно он приходит. По крайности, совсем близко не подберется!

Положила она, стало быть, подушечку и с тем уснула.

Вдруг просыпается, и что же? Лежит рядом королевич, такой красавец, что и на солнце-то еще можно смотреть, а на него — никак. Уж такой красивый парень, просто загляденье! Смотрит она, смотрит, во сне ли видит, наяву ли? Ну, такой красавец — ни разу в жизни такого не видывала, с того часа, что глаза впервые открыла! Никогда еще такого парня не встречала. Думает про себя:

— Откуда он взялся, этот парень?

Оглянулась. Змея нигде не видно. Обняла королевна парня, и он проснулся. Говорит ему девица:

— Откуда ты взялся, королевич?

— Я у себя дома, ниоткуда я не взялся, я здесь живу!

— Значит, — говорит, — ты змей?

— Был, — говорит, — а теперь уже нет: выполз из змеиной кожи.

— Так и не заползай обратно, ради всего святого! Ты красивый парень, зачем ты натянул на себя эту мерзкую шкуру? Господи, как я тебя боялась, как брезговала — ну просто душа вон! Но, ежели ты королевич, почему забрался в змеиную кожу?

— Так уж пришлось.

А почему и как это вышло, не рассказал. Только одно сказал, что так будет еще сколько-то времени. Обрадо-

валась королева. Глядит на своего милого, не наглядится, любитесь, как он вдруг переменялся.

Но потом начала королева горевать, что ночью он королевич, а днем снова змеиную кожу натягивает, днем снова змей становится. Она никому не сказывала, даже король с королевою не видали, как он человеком скидываться умеет. Всё только просила, чтоб не надевал больше на себя змеиной кожи.

— Нельзя, — говорит, — ведь это моя кожа, моя шуба.

Что ж, думает она про себя, теперь уж можно и спать со змеем, лежать с ним рядом, потому что он скидываться умеет, даже королевичем может обернуться. Да еще каким красавцем! Может, когда-нибудь и бросит эту свою шкуру. Хоть бы поскорее!

Жила по соседству колдунья, и прослышала королева про эту колдунью, будто она всякому ворожейству умеет. Пошла она к ней однажды, когда старого короля дома не было. Приходит к колдунье, а та ей и говорит:

— Что с вами? Отчего вы такая тощая? Кожа да кости, чисто скелет! Что у вас случилось? Есть, что ли, нечего, али горе какое, али кручина, али еще что?

— И не спрашивайте, — говорит, — большая у меня беда! Не думайте, будто я оттого тощая, что есть нечего, еды у меня вдосталь.

— Отчего ж? Какая такая может быть у королевны беда?

— Может! Знали б вы, какой у меня жених!

И она рассказала, как ее увезли и как привезли, и что ей не сказывали, что сынок у них — змей. Тут и колдунья узнала, что у короля сын — змей. Прежде никогда не слыхала, никто об этом и не говорил. Говорит ей королева:

— Ночью становится королевичем, да таким пригожим, что на солнце-то еще можно глядеть, а на него — никак. Как заря — снова натягивает змеиную кожу. Вот отчего я и горюю, оттого что не бросает он свою змеиную шкуру, а что ни день обратно в нее залезает. И так я его боюсь, когда он змей, ну просто душа вон! Ужасно он большой, громадный змей.

— Знаешь что, королева? Я тебя научу, что делать. Ежели ты, — говорит, — хочешь, чтобы он от змеиной

шкуры избавился, тогда, как вы ляжете вместе и он уснет, встань, разложи огонь в печке и эту шкуру, когда печка разгорится, эту самую шкуру в нее и брось, пусть сгорит. Он подыметя, первым делом, станет спрашивать, где, мол, змеинная шкура, где моя шуба. А ты ему скажешь, что не видала. Тогда он скажет: «Что это здесь за вонь?» Тогда ты ему скажи, волосы, мол, чесала, а что вычесала, в печку бросила, оттого и вонь.

Так королева и сделала.

— Ну, — говорит, — если он, и вправду, избавится от змеиной шкуры, столько дам вам серебра да золота, что навсегда про нужду забудете, на одном хлебе сидеть не будете, вот сколько дам!

— Делай, — говорит, — как я тебе сказала, и увидишь, все будет ладно.

Воротилась королева домой. Настал вечер, легли. И в эту ночь проснулись они, и опять такой был королевич пригожий, такой пригожий, будто цветик. Думает королева про себя: ежели потеряю его, сердце разорвется, — уж очень он пригожий! Змеинная кожа под спиной у него была. Встала королева потихоньку, разложила огонь в печке. Как разгорелся огонь всего жарче, вытянула мало-помалу змеинную кожу, бросила в печку, спалила.

Вскорости поднялся королевич.

— Где моя шуба? И что здесь за скверный запах?

— А я, — говорит, — волосы чесала и, что вычесала, в печку кинула. От того и запах.

— Не лги мне, я твое сердце насквозь вижу, вижу, что ты ее сожгла. Но горевать ты будешь, не я. Знай, — говорит, — что надо было еще подождать всего только месяц. Один месяц, одну неделю, один час, одну минуту, одну секунду — и тогда миновал бы тот срок, на какой я был заклят, и дольше уж не надо было бы носить эту змеинную шкуру. Но раз ты так распорядилась, сожгла шкуру, меня не спросившись, раз ты посмела ее сжечь, ты за это поплатишься и пожалеешь об этом. погоди!

Встал королевич с постели.

— И ты вставай, — говорит, — давай наглядимся друг на дружку, пока я еще дома.

Вышел он, принес сухой ореховый прут и пшеничное зернышко.

— Слушай, жена, что я тебе скажу. Я ухожу. Так ухожу, что и слуха обо мне не будет. А тебе оставляю этот сухой ореховый прут, посади его, ходи за ним, что ни день, поливай, да смотри, чтобы как-нибудь его не повредили, а поливай только собственными слезами да колодезною водой, и когда этот сухой ореховый прут зазеленеет и принесет орехи, тогда отправляйся меня искать. Когда возьмешь с собою орехи и еще хлеб из этого пшеничного зернышка, тогда только отправляйся на поиски.

Потом одел обруч ей на пояс, а на палец — золотой перстень и сказал:

— Ты родишь ребенка, когда я обойму твой стан, и тогда снимешь перстень или же он сам соскочит, когда я тебя за руку трону. Но до тех пор не вздумай отправляться на поиски, покуда не расколешь ореха с этого сухого прута. Посей это зернышко пшеницы и присматривай за ним как можно лучше, после сожни, будет больше зерен, еще посей, и так до тех пор, пока не сможешь испечь хлеб. Тогда и отправляйся меня искать. А раньше и думать нечего.

Плачет жена горькими слезами, чтобы простил ее муж, потому что, мол, не сама она так придумала, а научили ее.

— А ежели научили, у них же и помощи проси — пусть они ж тебя и утешат!

— Не покидай меня здесь, прости меня! Разве тебе не жаль меня бросить, когда я уж и тяжела?

— Ежели тяжела, до тех пор не разрешишься, пока я твой стан не обойму. И перстень с пальца не соскочит, покуда я тебя за руку не трону.

С этими словами королевич поцеловал ее и ушел. Плачет королевна до того горько — чуть сердце не рываается. Спрашивают король с королевою:

— Что ты плачешь?

— Королевич пропал!

— Куда?

— Пропал! И вот что мне сказал — до тех пор нельзя мне его искать и до тех пор не сыщу его, пока этот сухой ореховый прут не примется, не даст снова листвы, не

принесет орехов. Еще надо мне посеять пшеничное зернышко и после до тех пор высевать из года в год, пока хлеба испечь не сумею. Тогда возьму с собой этот хлеб и эти орехи и тогда сыщу его. И до тех пор не рожу, покуда не сыщу его и он не обоймет мой стан. Как же мне не плакать? Когда это будет?

— Послушай-ка, — говорит король, — не иначе, как ты чем-то проштрафилась, вот он и рассердился. Иначе он бы тебя не покинул.

Но она не посмела открыть королю — свекру, значит, — и свекрови, что она натворила. Почему огорчился принц, не посмела она рассказать.

Ну, ладно. Посадила она ореховый прут, поливает, каждый день божий поливает, то водою, то собственными слезами. Плачет, не перестает. И пшеничное зернышко посеяла. Сделала кругом заборчик, чтобы курица как-нибудь не выковыряла или еще что. На другой год выросла пшеница. Не знаю, один был колосок или несколько, знаю только, что сжала она в урочный срок и снова посеяла, и ухаживала исправно, и поливала без конца. И так дал Господь, что принялся сухой ореховый прут и пустил ростки. Одно скажу: пока вырос, дал ветки, пока зацвел, семь лет миновало. Королевна такая стала толстая, что уж чуть дышит. Плачет горькими слезами.

— Теперь, пожалуй, — говорит, — и хлеб испечь можно. Из одного зернышка вон сколько, — говорит, — получилось, и орехи тоже будут, а только куда идти, как искать? Ну, да все равно, пойду с Богом! До тех пор буду бродить, покуда что-нибудь об нем не услышу.

Вот собралась она в дорогу, захватила с собою сколько-то денег, взяла тот хлеб и отправилась. Идет, идет, из одной страны в другую, из другой в третью, все дальше бредет, дальше.

Вот однажды выходит на поле, голое поле, и конца-краю ему не видно. Надо идти, а ее уж и ноги-то не держат.

— О, Господи, — говорит, — уже вечер, а вон какой лес впереди, и надо через него как-то перейти. Что со мной будет ночью, ежели через лес идти придется? Господи, сделай так, чтобы там был хоть какой-нибудь домик! Пусть даже черти в нем живут — все равно я

взойду и попрошусь на ночлег, лишь бы под открытым небом не ночевать!

Добралась она до опушки, смотрит, а между деревьев огонек просвечивает.

— Кто бы там ни жил, все равно взойду. Может, пустят переночевать.

Подошла. Стучится в дверь, слышит, откликаются изнутри:

— Взойдите!

Видит, сидит у огня старуха. Очаг широкий, как в старину, бывало, устраивали. Старуха совком угли мешает. Обернулась, а нос у ней такой долгий, что кончиком до груди достает.

— Бог в помощь, бабушка!

— Бог в помощь! Как ты сюда попала, куда и птица-то не залетает?

— Злая судьбина занесла. Окажите такую вашу милость, пустите переночевать, чтобы мне не спать под открытым небом, чтобы дикие звери меня не растерзали.

— Что ж, дочка, я-то тебя пущу, только не знаю, как сыночек мой, не осерчает ли, когда вернется, — сейчас-то его нет. Ну, да может, и не осерчает.

— Ох, ежели осерчает, я тогда лучше уйду.

— А зачем ты в такую даль забралась? Куда путь держишь?

— А я у вас спросить хотела, куда мне путь держать, милая бабушка, потому как вы много пожили, много видели, слышали, бывали и там, и сям, — может, и про змей-королевича что слышали?

— Твоя правда, милая дочка, много я прожила, состарилась, а только про змей-королевича не слыхала. Вот что я тебе скажу, нынче почуй, завтра дальше пойдешь. Завтра к вечеру увидишь такой же дом, как мой. Там живет моя большая сестра. Не сможет ли она что рассказать, ведь она еще старше.

— Очень вам, — говорит, — благодарна за добрый совет.

Быстро поужинала, постелила себе постелю, легла. Мало спустя приходит сын. Врывается в двери.

— Матушка, — говорит, — что это здесь чужим духом пахнет? Кто это здесь спит?

— Не серчай, — говорит, — сыночек, одна бедная

странница попросилась, я ее и пустила. Она змей-королевича ищет. Не слышал ты где про него, сынок?

— Сами знаете, матушка, — говорит, — я весь мир обхожу, во все дырки свечу, — старухин сын Месяц был, — на дно колодцев — и то глаз запускаю. Полями, — говорит, — иду, лесами, водами и повсюду гляжу-поглядываю, а про него никогда и слуха не было.

До того опечалилась бедная женщина, что больше глазом сомкнуть не сумела. Столько плакала ночью, что подушка под головою промокла. Утром говорит ей старуха, что и сын ничего не слышал. Что поделаешь? Встает бедняжка, умывается.

— Пойду я, — говорит, — милая бабушка, не нашла я утешения в горьком моем горе.

— Непременно так сделай, как тебе сказывала, дочка! Найди мою ббльшую сестру, не знает ли чего она, ведь она старше.

— Ладно, бабушка, спасибо.

— Вот что, дочка, — говорит, — дам я тебе золотое веретено. Убери его получше, оно тебе еще пригодится.

Поблагодарила она, веретено убрала и отправилась. Так оно и случилось: под вечер приходит к другому дому.

Стучится в дверь, снова откликается кто-то слабым голосом:

— Пожалуйста! Взойдите!

Входит она в комнату, а там сидит старая старуха, еще старее давешней. И нос у нее долгий-предолгий, до пупка достает. Еще дольше, чем у давешней. Смотрит она, да только из-за носа почитай что ничего и не видит. Вот какой был нос! Смотрит, стало быть, а королева и говорит:

— Добрый вечер, милая бабушка!

— Милости просим, дочка! Как ты сюда зашла, куда и птица-то не залетает?

— Занесла меня сюда злая судьба, недобрая участь. А вас вот о чем прошу, вижу, годы ваши большие, не пустите ли переночевать, окажите такую вашу милость, пустите!

— Отчего ж не пустить, — говорит, — Господь приютит, усталый отдохнет. Может, правда, сынок мой

осерчает, ну да я его угомоню. Я, — говорит, — Солницу мать.

— Тогда, — говорит, — дозволейте спросить, добрая старушка, вы ведь во многих местах бывали, много слышали, знаете много — не слышали ли где вестей про змей-королевича?

— Нет, не слыхала, дочка, хоть и долго живу на свете, состарилась, а про него никогда не слыхала. А вот сынок мой не сможет ли что сказать? Ну, покамест иди покушай, а я тебе постелю, потому как вижу, устала ты.

Потому как бедняжка все плакала и горько жаловалась. Очень пожалела ее старуха.

Вот легла молодая, не успела еще уснуть, как приходит Солнце. Входит, вваливается.

— Что такое? — говорит. — Что это здесь за чужой дух, матушка?

— Ох, сынок, не сердчай, пришла бедная странница, на ночлег попросилась, я и приютила бедняжку, горе у ней большое.

— Отчего так?

— Оттого, — говорит, — что ищет змей-королевича. Ты про него нигде не слышал, сынок?

— Матушка, — говорит, — я весь свет обхожу, над водами, над лесами, повсюду. Везде, — говорит, — свечу, везде припекаю, во все окна заглядываю, а про него никогда не слышал.

Мать говорит:

— Вот бедняжка! Когда она услышит, что и ты ничего не знаешь, у ней сердце кровью обольется. Ну, да ладно, — говорит, — пусть еще наведается к моей большей сестре, все равно ей по пути, не сможет ли сестра что рассказать.

Встали утром, старуха и говорит:

— Нет, и сынок мой ничего сказать не может. Ничего про змей-королевича не слышал. Но вот что: нынче вечером, о ту же пору, что вчера, доберешься ты до дому моей большей сестры, она еще старше меня — не сможет ли она чего рассказать? А уж ежли и она не сможет, тогда не знаю, что тебе и присоветовать.

И с этими словами подает ей цевку.

— Вот, — говорит, — дочка, моя меньшая сестра

дала тебе веретено, а я дам золотую цевку, смотри, береги ее, она тебе еще пригодится.

После накормила бедняжку завтраком и в путь проводила. Ушла королева. Идет, бедная, идет, идет, идет, да не столько прошла, сколько слез пролила. Наконец, добирается до того дома. Смерклось уже, темень. А королева подходит храбро, в дверь стучится.

— Пожалуйста, — говорят, — взойдите!

Входит королева. А у хозяйки такой нос, что в колени упирается. Обернулась старуха.

— Откуда и куда, дочка?

— Бог в помощь, добрый вечер, бабушка!

— Бог в помощь, милая дочка! Как ты сюда зашла, куда и птица не залетает?

Отвечает королева:

— Злая судьбина завела, милая бабушка. Не пустите ль переночевать?

— Как же, как же, милая дочка, Господь приютит, усталый отдохнет. Милости просим!

Мигом усадила ее, спрашивает, зачем пришла.

— Милая бабушка, — говорит, — вижу, годы ваши большие, во многих местах вы бывали, много слышали, много знаете, так скажите мне, не слышали ли где вестей про змей-королевича?

— Нет, милая дочка, я не слыхала, вот сынок мой не сможет ли чего рассказать, когда домой воротится, а я ничего не знаю.

Мигом накормила ее ужином, постелю постелила, отдыхать уложила. Легла молодая, а уснуть не может. Ждет, что дальше будет, не услышит ли каких вестей от старухина сына.

Вдруг что-то громко зашумело, и вошел Ветерок, который хлеба колышет. Впорхнул в двери.

— Матушка, что это здесь за чужой дух?

— Не сердчай, — говорит, — милый сынок, это я бедную странницу почевать пустила. Не слыхал ли ты где про змей-королевича? Она его разыскивает.

— Нет, — говорит, — матушка, не слыхал. Я и в хлебах, и в лесах, и в лугах — повсюду бываю, а про него никогда не слыхал. Вот больший брат домой воротится, не сможет ли он чего рассказать?

Поел Ветерок и спать улегся. Малое время спустя

такой поднялся наруже грохот, такой шум, будто сейчас крышу с домика сорвет, — такой налетел ураган.

Вдруг входит кто-то.

— Добрый вечер, Бог в помощь, матушка!

— Милости прошу, милый сынок!

— Что это здесь за чужой дух?

— Не сердчай, сынок, бедная странница пришла, ночевать попросилась, я и пустила. Да, — говорит, — пока ты еще за стол не сел, хочу тебя спросить, не слыхал ли ты где про змей-королевича? Его как раз бедняжка и разыскивает.

— Еще бы! — говорит. — Только вчера от его крепости угол отломил!

Ох, до чего ж королева обрадовалась, как это услышала, чуть сердце от радости не разорвалось, как весть про змей-королевича, наконец, услышала!

— Значит, сынок, ты знаешь, где он живет.

— Как не знать! — говорит. — Ты разве не слыхала, что я от его крепости угол отломил?

Потому как это был сам Ураган.

— Ну, сынок, — говорит старуха, — окажи такую милость, снеси ее туда утром, бедняжка уж еле дышит, вон как ее разнесло.

— Рассветет, тогда и поглядим, что будет.

Ладно. Накормила она сына досыта, легли, уснули. Утром встали.

Старуха и говорит:

— Ну, дочка, сейчас я тебя утешу.

А она уж сама все слышала, потому как до той поры не спала, покуда Ураган домой не воротился.

— Так вот, — говорит, — воротился мой сынок и сказал, что вчера отломил угол от крепости твоего змей-королевича. Я его попросила, чтоб он тебя туда снес, потому как тебе самой не добраться, и он пообещался.

Ну, ладно, мигом собрала она королеву поесть, а та от радости ни есть, ни пить не может. Ничего не хочет, только ждет, когда отправятся, чтоб туда чем скорее попасть. Старуха дала ей золотой клубок. Клубок пряжи из чистого золота.

— Гляди, дочка, вот что я тебе дам, а ты убери, он тебе еще пригодится.

Поблагодарила молодая за клубок, убрала получше.
Говорит ей Ураган:

— Садись ко мне на спину и зажмуриь глаза.

Села она к Урагану на спину, зажмурилась. Гоп-гоп! Что загадаю, так тому и быть! Не успела дух перевести, а они уж на месте — возле крепости, возле замка. Ссадил ее Ураган и говорит:

— Ступай к воротам, там караул стоит, проси, чтобы пропустили. Ежели пропустят, входи, а дальше уж твоя забота.

{Да, позабыла! Ну, да уж теперь не стану рассказывать!}

Вот вошла она в крепость и напрямик к королевскому дворцу. Стала перед окнами прохаживаться. Достала золотое веретено и похаживает перед дворцом. После королева села у окна и видит: какая-то торговка продает золотое веретено. Тут же посылает она служанку позвать эту торговку с таким красивым золотым веретеном и спросить, вправду ли продается веретено. Девушка сбегала вниз и спрашивает, продается ли, мол, веретено. Сбегала, стало быть, и спрашивает:

— Продается веретено?

— Продается.

— Тогда, — говорит, — пойдите со мной во дворец.

Обрадовалась молодая, пошла. Королева говорит:

— Сколько просишь за веретено?

А она и отвечает, как ее старуха научила:

— Нисколько не прошу, только разреши мне поспать одну ночку с твоим хозяином — даром отдам веретено.

Думает про себя королева: невелико дело!

— Ладно, — говорит, — а до той поры можешь пойти в город, погулять, потому как он только вечером воротится. Он на охоту уехал, вечером только дома будет, тогда и ты приходи.

Бедной женщине совсем ни к чему это гулянье, села она в какой-то угол и там полный день просидела, проплакала. Что дальше будет?

Вот настал вечер, воротился король домой. Мигом собрали ужинать, он поел-попил, после искупался. Вода уж налита была, посадили его в большую лохань. Искупали змей-королевича. А покамест купали, принес слуга вина с сонным зельем и подал ему, он весь стакан одним духом и осушил. Прямо в воде и уснул

король. Так уснул, что уж и сидеть не может, на бок валится. Сразу взошли двое королевских стражников, — постеля уж постелена была, — уложили его на шелковую простыню, одеялом покрыли. Спит. Тут старая королева, злобная королева отворила дверь и втокнула ее.

— Ступай, — говорит, — понюхай, каким ветром у него из задницы тянет, ступай!

С этими словами втокнула ее и дверь захлопнула, заперла. А она только и ждала, чтобы все уснули, потому как слуга и стражник в соседней комнате спали, а туда и дверь не была закрыта, только ковром завешана, чтобы, если что случится с королем, они бы рядом были и сразу бы явились. Ну, так вот, королевские стражники еще не уснули, а она уже заговорила:

— Пришла я к тебе, милый, любезный супруг! Подымись, обойми мой стан, чтобы мне разрешиться, тронь пальцем золотой перстенок, чтоб соскочил перстенок, потому как я чуть жива. Принесла я тебе хлеб из пшеничного зернышка, орехов с орехового прута. Подымись, подымись, милый, любезный супруг!

И так — до зари, но только не проснулся он, все равно как мертвый.

Горько плачет молодая, ходит кругом постели, твердит без конца:

— Подымись, милый, любезный супруг, ведь я так тебя искала! Я пришла, — говорит, — принесла, что ты велел, освободи ты меня, потому как я чуть жива!

Рассвело совсем, тут вдруг королева дверь распахивает:

— Вон отсюда, дрянь, поблядуха!

Выгнала. Пошла она, закручинилась. Что делать? Спустилась вниз, задумалась. Одна ночь уж миновала, а проку никакого. Что ежели и эта ночь так же, без толку пройдет? Достала она золотую цевку, в руках вертит, будто разматывает. Увидала это королева из окна.

— Беги-ка, девушка, позови эту торговку, может, продаст свою золотую цевку.

Сошла она вниз, спрашивает:

— Продается?

— Да, — говорит.

— Тогда, — говорит, — пожалуйста во дворец, к королеве.

Она и взошла, другого приглашения ждать не стала. Вот королева и говорит:

— Что просишь за цевку?

— Та же цена: чтобы одну ночку твой хозяин со мной поиграл.

«Ну, — думает про себя королева, — невелико дело! Дам ему сонного вина — и пускай идет. Я за своего хозяина не боюсь».

— Покамест, — говорит, — ступай.

Спрашивает, может, она есть хочет или еще чего, — пожалуйста, мол. Нет, ничего, мол, не надо. А у бедняжки уж целую неделю крохи во рту не было. Вышла бедняжка, забила в какой-то угол, сидит, причитает:

— Господи, еще только раз могу я к нему попасть, а ежели и тогда ничего не успею — помру! Прямо на том месте сердце и разорвется, нет больше никаких моих сил!

У нее уж и руки опухать стали, пальцами ухватить ничего не может, такие стали опухлые. страсть как ее разнесло!

Снова настал вечер, король с охоты воротился. Приходит она.

— Обожди, — говорит, — король еще не ложился. Обожди!

Втолкнула ее в какую-то каморку. Плачет бедняжка. После отворила, выпустила.

— Ступай, — говорит, — понюхай, каким ветром у него из задницы тянет.

А короля снова сонным вином опоили. Входит она, не стала дожидаться пока стражники уснут. Даже об том не заботится, что, может, королева не спит (она в соседней комнате была, королева), — снова начинает:

— Бедная я, несчастная, подымись, милый, любезный супруг, подымись! Я пришла к тебе снова. Подымись, — говорит, — любезный супруг, принесла я тебе хлеб из пшеничного зернышка, орехов с орехового прута. Обойми мой стан, чтобы мне разрешиться, тронь меня за руку, чтобы соскочил перстенок, потому как сердце мое сейчас разорвется, на этом самом месте разорвется!

Только понапрасну она плакала, не проснулся король.

Вот на третий день достает бедняжка золотой моток и опять перед замком прохаживается. Увидала из окна королева, что она золотую пряжу продает. Мигом посылает за ней служанку. Приходит она.

— Продается, — говорит, — у тебя эта золотая пряжа?

— Продастся.

— А цена какая?

— Цена без запроса — чтобы ты разрешила одну ночку с твоим мужем переспать.

— Согласна, — говорит.

Купила пряжу.

— Покамест, — говорит, — можешь идти в город, куда хочешь, погуляй до вечера, потому как только к вечеру мой воротится. Тогда и ты приходи.

Ладно. Ушла бедняжка. Забилась в уголок. Плачет горькими слезами:

— Господи, что со мною будет, ежели и эту ночь прохлопочу понапрасну?

Король между тем снова на охоту поехал. Дорогой говорит ему слуга:

— Ваше королевское величество, надо бы кой-что тебе сказать, да я не смею.

— Ну, — говорит, — раз уж начал, так скажи.

— Хотите, — говорит, — милуйте, хотите — жизни решайте! Вот, стало быть, дело какое. Уж две ночи подряд вынимаем мы тебя из лохани, в постелю укладываем, ты започиваешь, и тут королева какую-то женщину выпускает и приговаривает: «Ступай, понюхай, каким ветром у него из задницы тянет!» И с этими словами дверь запирает. Та женщина ждет немножко, я так думаю, хочет, чтобы мы уснули или чтоб королева тоже задремала, а ее чтоб никто не слышал, и после начинает: «Я пришла, милый, любезный супруг, подымись, тронь меня за руку, чтобы соскочил золотой перстенок, потому как, — говорит, — до того меня разнесло, что вот-вот тресну. Принесла я хлеб из пшеничного зернышка, орехов с орехового прута. Подымись, подымись, милый, любезный супруг! Пожалей ты меня, наконец!»

Теперь уж он глазом не сомкнул. Не спал, потому как в тот вечер слуга сонное вино в воду, в лохань, значит, выплеснул, вот он и не уснул, только прикинулся, будто сном его сморило. На бок в лохани повалился, подняли его двое слуг, вынули, на постелю положили, — спит, дескать, король. Втолкнула королева молодую:

— Ступай, понюхай, каким ветром у него из задницы тянет!

Захлопнула за нею дверь.

Король сосчитал про себя до трех и сел (он ведь лежал). Мигом признал жену. Обнял ее стан. Тут же она и разрешилась, такое пригожее дитяtko с золотыми волосиками на свет родила, краше солнца! И ветоши не надо, и свечей не надо — сияет младенец, светло стало в комнате. Обрадовался король, а тут еще не один младенец родился, двойня родилась! Оба мальчики, и у обоих волосы золотые. Ох, и радовался же король! Тронул ее за руку, мигом соскочил перстень. Король скорее укладывает жену наместо себя в постелю. Радуетя на ребятишек! Посылает стражника за помощью, чтоб повитуху привели. Сходил стражник за императорскою повитухою, она мигом над новорожденными захлопотала, искупала, запеленала, на лавки по обе стороны стола уложила. Король до того радуется — на цыпочках ходит: чтоб не топать, жену чтоб не тревожить. Одедся он. Стал жену потчевать всякими добрыми яствами, питьями. А ей так худо, что и думать про еду неохота. Король ночь напролет не спал, все только прохаживался возле жениной постели, все прохаживался. Утром, чуть рассвело, приходит, наконец, и королева, дверь распахивает:

— Вон отсюда, поблядуха!

Король как подскочит:

— Ты кому сказала «поблядуха»? Кто здесь поблядуха?

До того перепугалась прежняя королева, что чуть не сомлела. Что такое приключилось?

А король кричит:

— Взять эту женщину, бывшую королеву, и в подвал ее!

Схватили ту королеву, бросили в подвал. После со-

звал он советников, чтоб посоветовали, которая из двух лучше — венчанная или невенчанная. Которая лучше, которой честь оказать, которую оставить? Говорят советники:

— Венчанную, с которой повенчались.

— Как так? — говорит. — Подлюгу взять, а супругу прогнать?

— Нет, — говорят, — надо супруге честь оказать.

— Ну, — говорит, — тогда слушайте, что я вам повещу. Вывести из конюшни двух самых буйных жеребцов и привязать злобную тварь к ихним хвостам! И старую ведьму, ее мать, — тоже! Потому что она покрывала дочку, чтобы ничего наружу не вышло. А стало быть, и сама того же заслужила.

Привязали обеих к конским хвостам. Двое парней взяли по кнуту и, как следует, хлестнули жеребцов. Двенадцать раз обскакали они кругом крепости, так что и кости вдребезги. Но и осколки король велел пригвоздить к крепостной стене, все порознь, и сжечь дотла, чтоб ни порошинки не осталось.

После устроили богатые крестины, большой бал. Созвали изо всей округи королев, герцогов, баронов. Привезли крестных, епископа привезли, повенчались и так ладно жили, будто голубь с голубкою. И сейчас все живут, если еще не померли.

3

ЗОЛотоволодые бРАТЕц и сЕСТРИцА

Жил однажды на свете королевич. Надумал он, что пора ему жениться. Вот стоваривается он со своим конюхом:

— Поедем-ка на белый свет поглядим!

Отправились, едут по белу свету, из страны в страну, и в одном городе увидели королевский дворец.

Королевич сразу догадался, что дворец королевский. Сверху три барышни глядят. Как они поближе подъехали, королевич говорит конюху:

— Слышь-ка, езжай потише. Я вперед ускачу и буду тебя дожидаться, а ты прикинься, будто мы с тобою

врозь, и послушай, что они про меня говорить станут.

С тем и ускакал королевич.

А конох под окнами расхаживает, прогуливается без дела.

Старшая барышня говорит:

— Ах, — говорит, — ежели бы этот королевич меня замуж взял, я б из одного стебелька конопляной одежды надела б на всю страну и на все войско!

Другая, средняя, откликается:

— Ах, — говорит, — а ежели б меня, я б из одного пшеничного зернышка хлеба напекла б на всю страну и на все войско!

А третья говорит:

— Ах, — говорит, — а ежели б меня, я б ему таких двух ребятешек с золотыми волосиками родила, что не только по всей Венгрии, в целом свете других таких не сыскать бы!

На том у них разговор и кончился, больше ни слова не прибавили.

Пришпорил конюх лошадь, поскакал туда, где королевич дожидался.

— Ну, — говорит, — что ты слышал?

— Чудные, — говорит, — дела. Едва ль это правда!

— Ну, а все-таки? — говорит.

— Самая старшая так сказала: «Ежели бы королевич меня замуж взял, я бы из одного стебелька конопляной одежды надела на всю страну и на все войско!»

— Хм, это хорошо, замечательно!

— Другая, средняя, так говорит: «Ах, — говорит, — ежели б меня королевич взял, я б из одного пшеничного зернышка хлеба напекла на всю страну и на все войско!»

— И это хорошо, — говорит, — совсем недурно!

— А третья вот что сказала: «Ежели б меня взял, я б ему таких двух ребятешек с золотыми волосиками родила, что не только по всей Венгрии, в целом свете других таких не сыскать бы!»

— Ох, и это замечательно! — говорит. — Слышь-ка, — говорит, — одежда нам не так, чтобы уж очень нужна, и хлеб тоже, а вот что бы, в самом деле, нужно, так это ребятешки с золотыми волосиками. Знаешь что? Поедем обратно! Ты внизу чем-нибудь займешься, что за-

надобится, все получишь, а я к ним, наверх подымусь. Стану за всеми одинаково ухаживать, со всеми любовь крутить, покуда не решу, что пора домой ворочаться и одно что-нибудь выбрать. Которую из трех в жены взять, сам не знаю. Я тебе после весть подам, ты к нам подымешься стакан вина выпить. Тогда и укажешь, которую брать. А до той поры за всеми одинаково стану ухаживать, со всеми любовь крутить.

Ну, ладно, поднялся королевич к барышням, в два счета любовь закрутил. Скоро до того дело дошло, что уж и выбирать надо.

— Ох, — говорит, — совсем я про конюха моего позабыл! Даже стакана вина ему не поднес.

— Да что вы, у него все есть, всего вдосталь!

— Нет, у меня другое на уме! Лучше я сам ему налью, тогда и узнаю, какое у него житье.

Вот оно как, надо звать без задержки.

Позвали конюха.

— Иди-ка сюда, иди-ка, — говорит, — я было про тебя позабыл, выпей-ка стакан вина.

Налил он вина, конюх взял стакан, всем одинаково доброго здоровья пожелал, а после к одной обращается:

— Благослови Боже нашу хозяйку, долгих ей лет жизни! — и с тем выпил вино.

Тут королевич стал особенно за этой ухаживать, и так оно шло, пока не настало время домой ехать. Тогда надумали они венчаться. Как обвенчались, так сразу и в дорогу собрались. Обе старшие сестры с ними хотят, а он говорит, нет, оставайтесь, мол. Так нет же, эта сестрица, Пшеничка,¹ до тех пор все скулила да ныла, покамест не пожалел ее король, он теперь уж король был, не королевич больше, потому как женился.

— Пускай едет, хорошо, пускай едет, пускай по ее будет!

Поехали, значит, домой. Он своей страной правит, все делает, что королю положено. Малое время спустя

¹ Так будет постоянно называться средняя сестра, отправляющаяся вместе с молодыми, — по обещанию, которое она дает в вводной части сказки. (Прим. составителя.)

объявляет ему другой король войну. А молодая уж понесла.

Король все на войне, все на войне, а молодой уж и срок вышел, рожать пора. Была во дворце одна старуха, Бабка-Железный нос. Она как-то с Пшеничкою снюхалась, чтоб молодую извести, а Пшеничка чтоб королевскою женою стала. Или, вернее сказать, Бабка-Железный нос хотела было свою дочку ему всучить. Да только увидала, что не бывать тому, потому как Пшеничка рядом была, поближе к королю.

Разрешилась молодая, двух ребятишек с золотыми волосиками на свет родила, а повитухою Бабка-Железный нос была, она близнецов прочь уволокла. Аккурат тогда же сука гончая ощенилась, она двух щенят наместо ребятишек и подложила. А ребятишек они тоже извести задумали.

— Ну, так что ж с ними делать будем?

— Подпихну их, — говорит, — диким коровам под копыта, пускай задавят, затопчут!

А бык тут же и говорит коровам:

— Вы, стельные, младенцев кормите, а вы, яловицы, согревайте. Чтоб королевские ребятишки целы да невредимы были!

Время бежит, ребятишки растут. Сколько-то спустя говорит Бабка-Железный нос:

— Схожу-ка погляжу, что с ними случилось.

Глядь, корова лежит, а ребятишки с сиською с коровьей играют. У Бабки в глазах помутилось.

— Теперь что ж с нами-то будет?

Приходит она, говорит Пшеничке:

— Беда!

— Что такое?

— Живы ребятишки! Поглядела б ты, как они там с коровьей сиською играют!

Они, и взаправду, играли, ребятишки-то.

Ну, после говорит:

— Ох-ох, что мы наделали, что с нами будет? Ну-ка, еще другое попытаю.

Унесла оттуда ребятишек, бросила их середь дикого табуна. Пускай, дескать, затопчут! А там то же самое, жеребец сразу говорит:

— Слушайте все! Вы, жеребые, младенчиков кор-

мите, вы, праздные, грейте! Чтоб королевские ребя- тишки целы да невредимы у нас были!

Они тут же все наладили, те, что жеребье, легли, праздные кругом стали, греют младенчиков. Растут ребятишки.

После Бабка снова говорит:

— Схожу, погляжу, как там.

Глядь, а ребятишки еще лучше стали! Уж играют, с кобылами возятся. Приходит она, стонет, плачет:

— Ой-ой! Что мы наделали!

— Что такое?

— Живы-здоровы ребятишки, да какие пригожие, других этаких и не сыщешь! Ай-яй-яй, — говорит, — что будет, что станем делать? Ну, да еще попытаю, — говорит, — кину их свиньям, они их на клочки разорвут.

И правда, кинула. Но и там то же, кабан сразу го- ворит:

— Вы, супоросые, младенчиков кормите, вы, празд- ные, грейте! Чтоб королевские ребятишки целы да невредимы были!

Мигом обступили свиньи ребятишек, кормят, всё де- лают. Ребятишки играют, возятся, болтают друг с друж- кой, они уж всё говорили. Вот снова собирается Бабка:

— Схожу, — говорит, — погляжу, что с ними ста- лось.

Глядь, а такой красоты, такого пригожества в целом свете не сыщешь. Приходит она, плачет:

— Что мы наделали! Пропали наши головы, впереди вода, позади огонь! Что теперь с нами будет? Что де- лать станем, куда денемся?

После придумали: посадили обоих в ящичек, закры- ли, а неподалеку широкая река текла, и по-над нею мастеровые и всякий прочий народ на ярмарку да с ярмарки ходили, вот они принесли ящичек на мост и в воду кинули. Уплыл ящичек.

— Ну, теперь уж не об чем тревожиться, уплыли они, теперь уж далёко, теперь отцу напишем, какие у него в дому дела делаются.

Написали они королю, что родами случилось, — дескать, вместо двух ребятишек с золотыми волосика- ми разрешилась молодая двумя щенятами.

— Ничего, — говорит, — коли так Богу угодно, ждите, покамест я домой ворочусь.

Снова стали они раздумывать, как бы ее поскорее погубить. Пишут ответ:

«В комнату нельзя взойти, такой дух тяжелый, вонь такая. Ничего поделывать не можем».

«Ну, ежели так, — пишет, — тогда надо ее у ворот в стену замуровать и сверху написать, чтобы всякому, кто мимо ни идет, ни сдет, плевать бы на нее, как она того и заслужила, и стражу к тому месту приставить».

Они в точности исполнили.

А тем временем один рыбак рыбу ловил да тот ящичек и выловил. Ящичек не так, чтоб тяжелый, вытащил его рыбак из воды, в лодку положил. Причаливает он к берегу. Чует, болтается что-то в ящичке, а что, понятия не имеет. По-над речкою торговцы ездят, наверно, с возу у них упало, или, может, еще как. Жена в окно увидала, навстречу выбежала.

— Что несешь, муженек?

— И сам не знаю, какой-то ящичек.

Занес он ящик в дом, открыл, а там двое младенчиков с золотыми волосиками, в свои ж золотые волосы укутаны. Они чуть не ослепли от блеска, стоят, глазами моргают. После один одного младенца на руки подхватил, другая — другого. Муж мальчика взял, жена — девочку. Случайно так вышло.

— Это мой мальчик! — говорит муж.

— А девочка моя! Это нам Господь дал!

Они бездетные были.

— Это нам Господь послал, — говорит, — чтоб и у нас детки были.

Они через эти золотые волосики быстро разбогатели, потому как остригли ребятишек, волосы кой-кому в городе показали, много за них выручили. Подросли ребятишки, стали их учить, в школу посылать и все прочее такое. Уж они большие стали, парень все в лесу пропадает, охотится, на кларнете играть выучился, красиво играет, любит эту забаву.

Родителей они, ясное дело, за настоящих отца с матерью считали, потому как не знали, ни кто они, ни откуда происходят. Но вот случилось однажды девочке по воду пойти, пошла она с кувшином к колодезю.

Погода была дождливая, грязь, слякоть, стала она кувшин поднимать, поскользнулась, кувшин о закраину колодезя ударился да в руках у ней и раскололся. Огорчилась она, что, мол, теперь будет, что матушка скажет? Идет она домой, слезы роняет, тужит.

— Что с тобой случилось? Где кувшин?

— Разбился.

— Тьфу, ты, пропасть! И принесло же вас водою, пригнало пеною! Как же ты его разбила? Что ты с ним сделала?

— Да я поскользнулась.

— Ах, чтоб тебя!

Думает девочка про себя:

«Вы нам не родная матушка, ежели этакое выговорить можете. Нет, не родная!»

Приходит домой братец, говорит она ему:

— Слышь-ка, братец, что я проведала, какую тебе весть скажу!

— Какую?

— Они нам не родные!

— Не может быть!

— Рассуди сам, вчера, — говорит, — или даже нынче пошла я по воду. Погода была сырая, слякоть, грязь, я стала кувшин подымать, а кувшин полный, выскользнул у меня из рук, стукнулся о закраину колодезя, раскололся кувшин. Затужила я, пришла домой, плачу, слезы роняю. Увидала мама, да нет, — говорит, — теперь уж не мама, что она сказала, это только мачеха могла выговорить. «Что с тобой случилось? Где кувшин?» — «Разбился». — «Ах, чтоб тебя! Водою вас принесло, пеною пригнало, лучше б вы в материнской утробе сгинули! Как же ты не глядела? Как же он разбиться сумел?» Как, да как!

Он говорит:

— Стало быть, она нам не родная мать, а приемная. Ну, ничего. Знаешь, что? Пойдешь завтра по воду, испытанье сделаем, кувшинов много: стукни опять о закраину, расколи и ступай обратно, как будто печалишься, плачешь как будто, что с кувшином беда приключилась.

На другой день он на охоту отправился, она по воду пошла. Набрала воды, а может, и набирать не стала,

сразу разбила. «Что из того?» — думает. Ей уж не до веселья было, не до радости, после как она догадалась, что мать с отцом не родные. Пошла домой, плачет.

— Что такое? Где кувшин?

— Разбился.

— Ах, чтоб тебе в материнской утробе сгинути! Водю вас принесло, пеною пригнало, лучше б вы в материнской утробе сгнули! — Чуть было с кулаками на нее не кинулась. — Как же это ты два кувшина друг за дружкой разбить сумела?

На том пока и кончилось. Воротился домой братец, говорит она ему:

— Так оно и есть, братец. Что раньше наружу не вышло, то нынче вышло, все вышло. До того обозлилась, кричит, не переставая, водою, дескать, вас принесло, пеною пригнало. Нет, не родная она нам!

— Ничего, сестрица, не беда. Я тут же отправлюсь места искать, службы, а ты покамест здесь обожди покойно.

С тем в путь и отправился.

Бредет парень из одного леса в другой. Вот как-то раз зашел он далеко-далеко в лес, то птицу для развлечения подстрелит, то еще что-нибудь, а чаще ружье на плечо повесит, возьмет в руки кларнет, музыку красивую заиграет. Идет, значит, он по лесу, и вдруг выскакивает ему навстречу дракон.

— Это еще что? — говорит. — Как ты смеешь тут разгуливать, когда тут и птице пролетать нельзя?

А он ни слова в ответ, знай на кларнете на своем красивую музыку играет.

Говорит ему дракон:

— Слышь-ка, я тебя помилую, но только чур: чтоб мне так же красиво играть выучиться, как ты сам играешь.

— Ладно, — говорит, — выучишься, — теперь уж он ответил. — На вот! Возьми в руки!

Прикладывает дракон пальцы — никак не подходят, да и двигать-то пальцами толком не может.

— Хм, неладно дело.

— Что такое?

— Пальцы твои, — говорит, — к дырочкам не подходят, разогнуть их надо.

— Как разогнуть-то?

— В дерево, в щель засунуть, они и распрямятся.

Подводит он дракона к большому дереву, громадное дерево нашел у дороги. «Ну, — думает, — это ему, пожалуй, не выдрать».

— Вот сюда, — говорит, — и сунем твои руки, чтоб распрямились.

— Да как же?

— А вот уж не знаю. Ага, погоди-ка, у меня есть топор.

Дал он дракону топор, велел клинья делать. После принялся большое дерево колотить, пока большим топором не расщепил, а другим топором клинья загонять начал. Все шире щель, все шире, под конец обе руки поместились, по самые запястья взошли.

— Вот так и держи руки.

Вышиб он клинья, сомкнулась щель, защемила дракону руки, больно ему! Говорит дракон:

— Слышь-ка, может, будет уже?

— Да, — говорит, — пожалуй, что и будет. Вынимай!

Рванулся дракон, все дерево затряслось, а руки где были, там и остались.

— Не вынимается! — говорит. — Забей клин, чтоб открылось.

— Нет, слышь-ка, не бывать тому. Ты меня помиловал, и я тебя помилюю. Вот и хватит с тебя.

Сказал да прочь пошел. Выходит он на опушку, а там тьма народу, разные мастера, все на ярмарку хотят, да только из-за того дракона не смеют. Как завидели его, не знают, что и подумать.

— Как же это вы не забоялись, как через лес пройти сумели?

— Это только я знаю, — говорит, — да еще Господь Бог.

Посулили ему целое богатство, ежели он их через лес проведет.

— Слышьте-ка, не надо мне богатства! Знаете, что я вам скажу? Что мне надобно, то быстро можно сделать, у вас, как я погляжу, всякая снасть под рукой. — Высмотрел местечко на опушке леса, при дороге. — Сколотите мне маленький домишко, комнату да кухню.

Весь народ мигом за работу взялся, в два счета все

готово было. Подают ему ключ. После с великою радостью отправились всем скопом, а все ж побаиваются идти. Он впереди, народ за ним. Как до дракона дошли, до дерева, значит, остановил он их.

— Ну, теперь дайте сюда, поближе, покажу вам этого силача! — А они, хоть и с топорами и с иною всякою снастью, все равно боятся. Подошли. — Ну, полюбуйтесь на вашего силача. Он меня пощадил, я — его, только руки в щелку засунуть помог. А вы делайте с ним, что хотите.

В ключья его разнесли, одни запястья из щели торчат. Прикончили дракона, ушли с весельем.

Воротился парень домой, к сестрице.

— Ну, сестрица, — говорит, — что есть твоего, все собирай да и в путь!

Приметили это старики.

— Что вы надумали, детки?

— Так ведь нас, — говорит, — водой принесло, пеною пригнало, нам бы в материнской утробе сгинуть! Вы нам не матушка, не батюшка, пойдем, стало быть, от вас прочь.

— Нет, детки, нет, не уходите, не бросайте нас!

— Не о чем и толковать! Господь с вами и с нами тоже.

Отправились в свой домишко. Волосы золотые продали, еще кой-что, вскорости выучились, как с деньгами обращаться, из бедности выбились, потихоньку и покупать стали всякое нужное.

Только и до того города слух про золотые волосы дошел, откуда они родом были. Услыхала Бабка-Железный нос, про что в городе толкуют, откуда ветер дует. Говорит она Пшеничке:

— Чую, худой ветер дует.

— Что такое?

— Там, дескать, и там такие и такие брат с сестрою объявились, такие и такие у них волосы. Может, — говорит, — это те самые, которых мы в воду кинули. Схожу, погляжу на них и выведаю точно, они или нет.

Прибежала Бабка-Железный нос, повела с молодой девицею разговор, то, другое, пятое, десятое, да как сюда попали, да откуда сами родом и всякое прочее

такое. В конце концов, все в точности ей рассказала девица:

— У рыбака мы выросли, в таком и таком месте, и так мы думали, что это наши родные батюшка с матушкой. А под конец случилось, что кувшин у нас разбился, тут они себя и выдали, неродные оказались, потому как сами открыли, что нас, мол, водой принесло, пеною пригнало. Догадались мы, что они нам не родные, и ушли от них. Так сюда и попали.

— Ах, ты, Господи! — говорит. — Там-то и там-то, а где, и сама не знаю, растет куст сирени, вот радость была бы, ежели б братец вам с того куста три листочка принес! Ох, и славно бы вам жилось, они бы вас веселили, музыку играли! Только не сказывайте ему, что это я вам сказала, скажите, что во сне увидали.

Дала ей девица блюдо золота за совет.

Воротилась Бабка-Железный нос и говорит Пшеничке:

— Ну, теперь, и вправду, впереди огонь, позади вода, пропали мы!

— Что такое?

— Они и есть! — говорит. — И какие пригожие стали, какие пригожие! Братца я не видала, он всегда на охоте. Но я его в опасное место спровадила, может, он там голову сложит. Тогда девицу я бы сама извела, сгубила бы, а так, — говорит, — покамест братец при ней, не смею.

Вот приходит братец домой, сестрица на стол собирает.

— Ты только подумай, братец, что мне приснилось!

— Что?

— Задремала я, — говорит, — и снится мне во сне, будто где-то, а где, не припомню, растет сиреневый куст, а на том кусте три листочка, и они песни играют, одна другой лучше. Ежели б ты эти листочки принес, как славно бы нам жилось! По крайности, я бы уж больше не скучала.

— Ладно, сестрица, принесу, ежели только возможно.

Назавтра, как светло стало, собрался он в дальнюю дорогу, где той дороге конец, и сам не знает. Шел, шел сколько-то времени, после стемнело. Увидал он малень-

кий огонечек — и туда, на ночлег проситься. Постучался, поздоровался:

— Добрый вечер, Бог в помощь, любезная бабушка!

— Милости прошу, любезный сынок, — говорит, — твое счастье, что ты меня бабушкой назвал, потому как, ежели б бабушкой не назвал, не миновать бы тебе смерти, будь ты хоть и о тысяче жизней!

Сбросила она рубаху, окрестила парня в родные сыновья, ублажила, обласкала, ужином накормила, на постелю шелковую уложила.

Вот почивал он до утра. Утром снова обласкала его старуха, будто родного сына. Одедся он. Накормила его завтраком.

— Ну, — говорит, — теперь сказывай, зачем в путь пустился.

Она уж знала, зачем, да только, думает, не солживит ли парень?

— Так и так, — говорит, — сестрице моей во сне привидилось, будто есть где-то сиреневый куст, а на том кусте три листочка музыку красивую играют.

— Нет, я про это слыхом не слыхала, а вот слуг своих спрошу, может, они что знают.

Взяла она длинный кнут, вышла и ну кнутом щелкать, ну щелкать! Явились бесы в вороньем обличье, громадные, будто облака. Подлетают.

— Чего тебе надобно?

— Так, мол, и так, ничего об том не слыхали?

— Ничего.

— Может, из вас кого не хватает?

— Старшой отстал.

Это они про самого старого толковали. После и он явился, когда она еще раз-другой кнутом щелкнула.

— Ну, чего тебе?

— Слышь-ка, — говорит, — есть у меня тут сынок, и вот об чем я прошу, есть где-то, сама не знаю где, сиреневый куст, а на нем три листочка, так вы за теми листочками слетайте. Слыхал ты что про это?

— Слыхал, слыхал, знаю! — говорит. — В хорошее, однако, место ты нас посылаешь, в хорошее место! Ежели он из моей воли выйдет, так и мне головы не сносить. Ну, да все равно, как прикажешь.

— Так ли, сяк ли, а листочки чтоб достать!

— Ладно, скажи ему, чтоб выходил.

Сел парень верхом, прибыли они в то место, подлетели к какой-то дверце, сидят, отдыхают.

— Слышь, — говорит, — будь осторожен, как только можешь, сейчас мы взойдем внутрь. Эта дверца перед нами отворится, и отовсюду станут тебя окликать, возьми, дескать, меня с собой, возьми, возьми! А ты не озирайся, только на мою голову гляди и одной рукой мою шею обойми и держись, а я с тобою под тот куст подлечу, где те три листочка музыку играют. Одной рукой за шею держись, а другой листочки сорвешь и в карман сунешь. Главное — шею мою не выпускай и не озирайся ни туда, ни сюда, только на шею да на голову мою гляди!

Он про это твердо помнил, покамест они перед дверцею ждали, а у галки хвост длинный был, он не утерпел, обернулся, галке хвост дверью и зацемило. Выдрало хвост.

— Ах, видишь, что ты наделал? Ежели б на миг единый раньше оглянулся, ни тебя уж на свете не было б, ни меня. Вот как ты, стало быть, свое слово сдержал!

Выговаривает ему бес, а он бормочет:

— Да я не знал!

— Надо исполнять, что тебе велено, а не то самому худо будет. Ну, да уж ладно, — говорит, — только в другой раз не забывай!

Долетели, сели, принес его бес назад.

— Ну, прибыли?

— Прибыли, слава Богу!

— Есть листочки?

— Есть.

— Стало быть, все ладно!

Ублажила его старуха, обласкала, ужином накормила (они вечером воротились), после он лег, започивал. Утром снова обласкала, завтраком накормила.

— Ну, теперь отправляйся, сынок. Сгинуть бы ей, не родившись, той, что против тебя умышляет, но, дай срок, сами под свои же колеса и попадут!

Пошел он домой. Дома тут же листочки повесили, заиграли листочки, ох, и хороша же музыка!

— Вот видишь, — говорит сестрица, — какое у нас веселье! Теперь уж я не соскучусь!

А он, как жил, так и дальше живет, в лес ходит, птиц стреляет, дичину всякую, тем они и кормятся.

Раз как-то вспало на ум Бабке-Железный нос:

— Схожу, погляжу, не воротился ли он. Ежели нет, то уж и не воротится, тогда я девицу изведу, погублю.

Пошла она. Еще издали музыку слышала.

— Ух, беда! Злая беда, лютая! Что станем делать?

Взошла, поздоровалась.

— Ну, что, — говорит, — хорошо я вам присоветовала, правда?

— Благослови вас Бог! — говорит.

— Знаете что? — говорит. — Я вам еще кой-что скажу. Есть, — говорит, — на свете зеркало, где, и сама не знаю, только знаю, что прозывается то зеркало «Весь свет покажу». Оно с неба свисает, и ежели б его сюда доставить, были бы вы как раз всего белого света посередке. Только не сказывайте никому, что это я вам сказала, скажите, что во сне увидали.

Старая Бабка-Железный нос так полагала, что теперь-то уж он непременно сгинет. Она все время только об одном и хлопотала, чтобы он дорогою да розысками голову сложил, тогда с сестрицею она легко разделалась бы, а до тех пор не смела. Дала ей сестрица еще блюдо золота.

Ушла Бабка. Дома рассказывает Пшеничке:

— Ох, худо нам с тобою, а будет и того хуже. Что с нами станется! Что мы наделали! — Сидят обе, причитают. — Ну, да теперь уж все одно, по самые уши увязли, не выскочишь. Я его еще в одно опасное место спровадила, может, он там сгинет, — говорит, — может, сгинет! А с девицею я тогда легко расправлюсь!

Приходит он из лесу домой. Она на стол собирает.

— Подумай только, — говорит, — что мне приснилось! Я задремала на минутку.

— Что же?

— До конца я не досмотрела, — говорит, — и, где именно, не увидала, но только есть где-то зеркало «Весь свет покажу», и в нем весь свет видать, всё, как есть! Ежели б ты еще и это зеркало принес! Как бы славно нам тут жилось, на весь свет поглядывали бы, что, да как, да где, да еще музыка вдобавок! Славно бы нам жилось, лучше всех!

— Принесу, сестрица, только бы Господь пособил. Ежели, и вправду, есть такое зеркало, я уж разужнаю, где оно.

На другой день, чуть рассвело, пускается он в путь, да только куда идти? Конечно, к той бабушке, куда ж еще! Там ему все разобъяснят, дорогу укажут. Пока добрался, уж свечерело.

— Бог в помощь, добрый вечер, любезная бабушка!

— Бог в помощь и тебе, сынок, милости просим! Что такое, что ты опять в путь пустился?

— Да уж так пришлось.

— Ох, — говорит, — сгинуть бы ей, не родившись, той, что против тебя умышляет! Ну, ничего, — говорит, — сама себя и загубит. — Опять ублажила его, обласкала, ужином накормила. — Ложись, почивай.

Накормила его ужином, започивал он.

Утром говорит бабушка:

— Ну, сказывай, зачем пришел.

— А вот, — говорит, — приснилось сестрице, будто есть где-то на белом свете зеркало «Весь свет покажу», а где, и сам не знаю.

— Конечно, — говорит, — и я тоже не знаю.

— Его бы мне и добыть.

— Что ж, попытаемся, — говорит.

Они уж позавтракали, убрались, вышла она, стала кнутом шелкать. Являются слуги, спрашивают у ней:

— Чего тебе надобно? Что случилось?

— Так, мол, и так, ничего об этом не слышали?

— Ничего.

— Может, из вас кого не хватает?

— Да, — говорят, — старшого.

Ну, она еще раза два хлестнула, прибыл старшой. Как прибыл, спрашивает:

— Ну, чего тебе? Наверно, опять сынок твой здесь?

— Здесь, — говорит.

— Так в чем же дело?

— Так, мол, и так, — говорит, — слышал ты про зеркало «Весь свет покажу»?

— Слышал, — говорит, — знаю, где оно. Оно, стало быть, твоему сыну и нужно?

— Оно самое.

— Да, в хоршее место ты нас посылаешь! Садись-ка

сумку переметную для него шить, потому как живым он оттуда не вернется.

Села она сумку шить, как галка велела. Как кончила, галка говорит:

— Ну, иди, садись на меня верхом.

Улетели. Когда уж близко были, видят, свисает с неба золотая цепь. Остановились они передохнуть. Говорит ему галка:

— Передохнем-ка, слышь. Зараньше тебе говорю, не забывай своего слова и моего слова не забывай, какое сейчас от меня услышишь. Одной рукой чтоб за мою шею держаться, другой — за цепь чтоб хвататься. Ежели не оторвется, брось. Остановиться я не могу, а назад воротиться — сколько угодно. Гляди, стало быть, в оба и, что тебе велено, исполняй, а иначе — конец твоей жизни!

Дальше полетели. Он, однако ж, снова забылся, может и от радости, когда и цепь увидел совсем близко, и зеркало — блеск такой, что глазам больно. Ухватился он одною рукой — не поддается цепь. Эх, была не была! Уцепился и другой рукой, галка из-под него вылетела, цепь оторвалась. Стал он вниз падать, но, покамест падал, зеркало в карман сунуть успел. И куда же он угодил? В глубокую воду, и вдребезги не разбился, на кусочки не разлетелся, а весь как все равно студень сделался. Упал он, а галка уже ждет, кинулась в воду, подхватила его в сумку. Аккурат он в сумку уместился.

Прилетели обратно.

— Ну, что, прибыли?

— Прибыли.

— А сынок где?

— Вон, в сумке. Ведь сказано ему было, чем дело кончится! Да все попусту, не послушался он моего слова. От радости ошалел. Я ему говорю, одной, мол, рукою хватайся, а он обеими уцепился, цепь и оторвалась. Я ведь остановиться не могу, воротиться могу, хоть раз, хоть два, сколько угодно, покуда он цепь не ослабит, так что она уж сама в руке останется. А он на радостях сразу же обеими руками уцепился.

— Ну, ничего!

Вынула его и до той поры мыла, да купала, да маслом

натирала, покуда он во сто крат лучше не сделался против прежнего. Пробудился он.

— Ух, и крепко же я заснул! — говорит.

— Ты до скончания времен, сынок, заснул! Почему ты галкина совета не послушался, такой-сякой!?

— Почему не послушался? Да уж так, мамочка, так уж, любезная матушка, того-сего...

— Ну, уж ладно! Главное, что зеркало достал.

Переночевал он, а поутру в путь пустился.

— Ступай домой. Сгинуть бы ей, не родившись, той, что против тебя умышляет! Ну, да уж недолго осталось, скоро она достучается!

Вот пошел он домой, показал сестрице зеркало. Все видно в зеркале, все до капельки, что под небесным сводом делается. И матушку свою они увидали, как на нее плюют. Пожалели они ее:

— Бедняжка, заплевали ее всю! Кто она может быть? Кто такая?

Ну, ладно. Вот вспало на ум Бабке-Железный нос:

— Схожу-ка, — говорит, — может, он явился. Ежели нет, то уж точно не явится, тогда я девчонку изведу.

Взошла, а в дому радость превеликая:

— Братец зеркало принес!

— Принес-таки?

— Принес!

Стали они в зеркало глядеть.

— Смотри, — говорит, — и вправду, «Весь свет покажу», все в нем видать, посмотри-ка вот, посмотри! Видишь крепость на острове середь кипящего моря, как она все кругом себя вертится?

— А это, — говорит, — дворец Прекрасной Эржики. Ежели бы ваш братец замуж ее взял, славно бы вы зажили, одни бы дома не сидели.

— Я скажу братцу, он возьмет! Так ли, сяк ли, — говорит, — а непременно возьмет ее братец замуж!

— Только не сказывайте, что это я вам сказала, во сне, мол, увидали.

Снова получила Бабка блюдо золота, она внакладе никогда не оставалась.

Вот после приходит братец домой, сестрица поесть ему собирает. Сел он за стол.

— Подумай только, братец, что мне приснилось!

— Что?

— Погляди, — говорит, — видишь крепость, вот, на острове, середь кипящего моря, она все кругом себя вертится? Там, — говорит, — Прекрасная Эржика живет. Ежели б ты ее за себя взял, тогда и ты бобылем бы не жил, и я бы уж, — говорит, — так не скучала. Тогда ступай себе, куда ни вздумаешь, мы, по крайности, вдвоем дома останемся.

— Возьму, — говорит, — сестрица, только бы Господь пособил.

После започивали. Как рассвело, снова отправился он к той бабушке. Идет, торопится, к вечеру поспел.

— Бог в помощь, добрый вечер, любезная бабушка!

— Ай-яй-яй, — говорит, — зачастил ты ко мне, сынок. Ну, да не беда, скоро конец.

Ублажила она его, обласкала, ужином накормила, на шелковую постелю уложила.

Утром снова обласкала, завтраком накормила.

— Ну, сказывай, какое твое желание!

— Так и так, — говорит, — любезная бабушка, увидели мы в зеркале, что есть где-то, а где, и сам не знаю, на острове середь кипящего моря крепость Прекрасной Эржики, и все она, та крепость, кругом себя вертится. Там Прекрасная Эржика живет, вот бы мне ее замуж взять! И я б тогда бобылем не жил, и сестрице лучше было бы, одна бы дома не сидела.

— Да я про нее ничего не знаю! — говорит. — Сейчас спросим.

Щелкала она кнутом, щелкала, хлестала-хлестала, явились слуги.

— Чего тебе надобно?

— Так, мол, и так, ничего об этом не слыхали?

— Ничего.

— Может, кого из вас не хватает?

— Да, старшой отстал.

Хлестнула она еще раз-другой, он и прибыл.

— Ну, чего тебе опять? Опять сынок твой здесь?

— Здесь, — говорит.

— Чего ему надобно?

— Знаешь ты, где крепость Прекрасной Эржики, что на острове середь кипящего моря?

— Вон куда ты нас послать надумала?

— Да, — говорит.

— Ну, в хорошее место ты нас посылаешь, не хуже прежних, особенно ежели он опять слушаться не будет! Я его доставлю, только место, и впрямь, лучше не надо! Ну, ладно, пускай выходит, пускай верхом на меня садится.

Вот полетели они, после отдохнуть сели на берегу моря, на травке. Лежат и смотрят на крепость, как она среди острова кругом себя вертится.

— Ну, слушай, — говорит, — уж в двух местах мы с тобой побывали, и оба раза маху ты дал, теперь гляди в оба, чтоб не промахнуться, потому как, ежели промахнешься, я-то улечу, а ты там останешься. Что я скажу, в точности исполни! Я тебя через печную трубу пронесу и в кухне останусь, в кухне буду сидеть. А ты дверь отворишь, я тебе покажу, какую, увидишь Прекрасную Эржика, она за столом сидит, вышивает. Отворяй дверь и говори: «Добрый день, Бог в помощь, Прекрасная Эржика, пойдешь со мной ай нет? Ежели нет, оставайся!» Только и всего, больше ни слова, и сразу беги да хватай меня за шею.

Вот спустились они в кухню. Говорит ему галка, какую дверь отворять. Он отворил, смотрит на него Прекрасная Эржика.

— Добрый день, Бог в помощь, Прекрасная Эржика! Пойдешь со мною ай нет? Ежели нет, оставайся!

Скорей обратно бежать, за галкину шею ухватился. А его шею Прекрасная Эржика обняла, обхватила. А сорока только: «Чу!» — и в трубу! На другом берегу опустилась.

Тут обернулась Прекрасная Эржика:

— Тебя, — говорит, еще мать под сердцем носила, ты еще с крупицу каши был, а я уж тогда во сне видала, что ты меня из моей крепости уносишь. Только я не верила, а теперь вот верю, потому как, и на самом деле, унес. Что ж тебе теперь от меня надо?

— Чтоб ты замуж за меня пошла.

— Ладно.

Прилетели они домой к бабушке.

— Ну, привез, сынок?

— Привез, слава Богу!

— Ну-ка, пойдём!

Там речка текла, уложила она Прекрасную Эржику в речку, на одну ногу наступила, за другую взялась — на две половинки разодрала. Так и повалили из нее всякие гады да лягушки!

— Видишь, сынок? Она бы тебя убила, будь ты хоть и о тысяче жизней.

Вымыла ее бабушка дочиста, обратно сложила, срослись обе половинки. Во сто раз пригожее прежнего стала Прекрасная Эржика, потому как прежде набита была бесами да чертями.

Ну, теперь уж успокоились. Накормила их бабушка.

— Ну, — говорит, — как до дому добираться думаете?

— Как-нибудь добредем.

— Нет, так не годится! Обожди-ка! — Вышла она со своим кнутом, щелкнула, хлестнула, вдруг стеклянная карета шестернею подкатывает, перед домиком останавливается. — Видите, вот вам и карета, поезжайте. — Еще они замок с собой увезли, он в золотое яблоко оборотился, бабушка его парню в карман положила. — На, — говорит, — спрячь в карман, дома разломишь, из него снова замок получится, как раньше.

Сели они в карету, поблагодарил он бабушку за все ее одолженья, отправились они.

Прекрасная Эржика сзади сидела, а он за кучера, впереди. Говорит ему Прекрасная Эржика:

— Слышь-ка, брось поводья, не придерживай коней, они сами все знают, где остановиться надо, где поворотить. Пусти коней, вот и вся забота.

Помчались кони, как вихрь, до их малых хором доскакали, стали, как вкопанные.

— Ступай, — говорит, — соберите свои пожитки, только что полегче увезти, а прочее иное бросьте, невелика потеря.

Взяли они зеркало, всякое такое, что полегче, собрались. Теперь уж Прекрасная Эржика с сестрицею сидела, разговаривала. Они разговаривают, а он лошадами правит.

— Брось ты поводья, не смотри ты на коней, они опять сами остановятся, где надо.

Полетели кони и где же стали? Перед матушкой ихнею, где она в стене замурована была! А отец на

дворе прогуливается, смотрит, что это там за карета остановилась.

Рассерчал он, потому как услышал, что Прекрасная Эржика сказала. А она говорит:

— Ну-ка, выходите. Это ваша матушка, и, ежели вам противно ее поцеловать, тогда накиньте на нее шелковый платок и через платок целуйте, как матушку целовать положено.

Серчает король, батюшка ихний, мечется как угорелый. Не понимает, что говорят, об чем речь. Тут подходит к нему сын, а он уж до того осерчал, просто страх!

— Как биться будем, на саблях или на кулаках?

У отца сабля была. Ладно, стали они рубиться, и скоро сын выбил у отца саблю из руки. Налетает он на отца:

— Сейчас бы так голову и снес, ежели б захотел!

После отошел, поднял отцову саблю, носовым платком обтер, отцу подал. Снова они сшиблись, вылетела сабля у отца из руки. Снова он замахнулся:

— Так бы голову и снес, ежели б захотел!

После опять отошел, поднял отцову саблю, носовым платком обтер, опять отцу подал. Отец еще пуще разозлился, и снова, только они сшиблись, выбил сын у него саблю. Но уж тут он и свою бросил, к отцу на шею кинулся.

— Батюшка, я ваш сын потерянный, меня похитили, а нынче Господь Бог воротил! Подумать только, что вы могли бы меня поранить, а я — голову вам снести!

Упал отец наземь, слова вымолвить не может. Тут карета во двор заехала, и они по сей день всё живут, ежели еще не померли.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПАРНИШКА

Вот странствовали однажды по земле Господь Исус Христос с Петром-апостолом и пришли в какое-то село. Как раз свечерело. В такое место послал Господь Петра ночлега просить, где три брата жили. Эти трое разде-

лились, и землю поделили, и дом. Они еще и в возраст-то не вошли, ни средний, ни больший, подростыши были. С краю была боковушка маленькая, ее меньшому брату отдали, а сами вдвоем в передней половине жили. Сперва там попросился на ночлег Петр-апостол. Да что у них было-то? Пустой дом, на ночь тростника охапку на пол кинут, утром уберут. Отвечают они:

— Не можем мы вас пустить, здесь и так двое хозяев живут, а зайдите-ка вы, дяденька, в другую комнату, там только один хозяин живет.

Взошел он туда, с меньшим братом поздоровался, он тоже подростыш был.

— Не пустишь ли переночевать, сынок?

— Сколько вас?

— Двое.

— Я, — говорит, — охотно, да сами видите, какова у меня утварь. Ежели спать ложусь, со двора постелю приношу, солому то есть, по полу раскидаю, да и ложусь. Ежели вы не против, то и на вашу долю принесу.

Вышел святой Петр наружу.

— Пойдем, — говорит, — вот какой будет ночлег.

— Не беда, все ж не под небом спать будем, а под крышею.

Взошли они. Здоровается и Господь Иисус Христос:

— Добрый вечер, Бог в помощь, сыночек!

— Милости прошу, батюшка, и вам Бог в помощь!

Вскочил парнишка, подбежал к нему, за руку взял, поцеловал руку.

— Дай нам Бог, — говорит, — получше друг дружку узнать.

После принялся парнишка ужин себе готовить, а гостей усадил. Вот стряпает он что-то такое к ужину, наверно, картошки печет. После опять вскочил, соломы принес пополам с тростником.

— Отдыхайте, — говорит, — сделайте такую милость. Я тут ужин себе готовлю, будь такая моя возможность, я бы и на вашу долю приготовил, только худо у меня насчет этого...

— Не беда, сынок, — говорит Господь Иисус Христос, — у нас свои харчи есть, все равно лучше так, в дому, чем под открытым небом.

Беседуют они, спрашивают о том, о сем. Парнишка

с ужином управился, все съел, сколько было, а сколько было, то его брюхо знало. После того пошла у них беседа, рассказывают то, другое. Вдруг Господь Иисус Христос говорит:

— Сынок, дай воды напиться.

— Ох, — говорит, — обождите малость, я свежей принесу. Мне бы и так сошло, но, коли уж послал Господь Бог гостей, а я их ничем употчевать не могу, так хоть водицею свежей напою. К колодезю сбегаю. Он рядом, колодезь, я мигом обернусь.

Умчался паренек, да сразу и воротился, подает Господу Иисусу Христу кувшин.

— Вот, — говорит, — милый дедушка, а стакана у меня нет, я всегда так пью.

— Ладно, сынок.

Напился Господь Иисус Христос, Петру кувшин подает.

— Нет, — говорит, — не хочу.

— Тогда, сынок, ты попей.

— Спасибо, — говорит, — сейчас неохота.

— А все ж отведай, больно уж хороша вода.

— Да я знаю, какой у ней вкус, — говорит, — сколько себя помню, всё только из того колодезя и пьем.

— Нет, сынок, нынче не такой.

Отказывается парнишка, да Господь Иисус Христос до той поры уговаривал, покуда он не уступил. Хлебнул парень и призадумался.

— Что такое? Ежели б другой кто принес, я бы так сказал, что вина принесли!

Еще поднял кувшин, побольше отхлебнул. Мигом развязался у него язык. Петру-апостолу предлагает. Взял Петр-апостол, тоже стал пить.

— Эх, сыночек, — говорит, когда распробовал, как следует, — откуда ж ты это принес?

— Как откуда, дяденька? Из колодезя!

— Быть того не может, сынок!

Господь Иисус Христос послушал их, а после снова протянул руку к кувшину, отпил еще.

— Вот видишь, сынок! Попей еще, правда ведь вкусно?

— Очень вкусно, милый дедушка.

Прикладываются исправно, беседа все громче да ве-

селее, а за беседою и в третий раз пошел по кругу кувшин. Парнишка уж и песню завел, вовсе запросто разговаривают. Двое хозяев в передней половине слушают да досадают. Ужинали они ай нет, кто ж их ведает?

— Взойдем-ка, — говорят они друг дружке, — у нашего братца веселые постояльцы объявились.

Взошли. Тут же и их угостили. Пьют, веселятся, даже песни поют. Вызывают братья парнишку.

— Откуда ты взял это доброе вино?

— Послушайте, вот как Бог свят, я воды из колодезя зачерпнул! Как оно так обернулось, не знаю!

— Неправда! Врешь!

— Да нет, право слово, из колодезя.

Так и не поверили.

— Ну, ладно, взойдем обратно.

Взошли они, тоже в беседу вступили, да теперь уж посмелее, а кувшин все по кругу ходит, они на полу в кружок уселись. Двое других хозяев тоже песню затянули. Поют, а в кувшине все столько же. Сколько ни пьют, ничего не убавляется. Дивятся все трое хозяев.

— Пьем, сколько душа просит, а вина нисколько не убывает. Вот ведь удача какая! Чего только на свете не бывает! Отхлебнешь раз, другой, третий, а кувшин все равно полный.

То разговоры разговаривают, то поют, наконец, осоловели все трое братьев.

— Ну, пора уж и на покой!

Притихли все, примолкли.

Наутро, как светло стало, гости в путь собрались. Поблагодарили парнишку за приют и отправились. Трех дворов не миновали, останавливается Господь Иисус Христос.

— Слышь, Петр, я что придумал?

— Что, Господи?

— Ступай назад и позови парнишку к нам на службу, а то как бы старшие братья его не убили, станут выспрашивать, откуда воду принес, а он ничего, кроме правды, и сказать не может, из колодезя, мол. После и до драки дойдет, потому как не поверят они ни за что на свете.

Воротился святой Петр-апостол.

— Знаешь, зачем я пришел, сыночек?

— Ежели скажете, дяденька, то узнаю.

— Поступай-ка ты к нам на службу.

Задумался паренек.

— Сказать по правде, — говорит, — мы ведь только повстречались, а ведь как весело время провели! Да, лучше мне с вами уйти, здесь все равно досыта никак не наешься. А с вами, может, и посытее буду. Сейчас только соберусь, дяденька, и пойдем. — Пожитков не много набралось. — Ну, — говорит, — дяденька, я готов.

Ушли они.

Бредут втроем, разговаривают, ежели парнишка что рассказывает, они слушают, потом они рассказывают, парнишка слушает. К вечеру пришли они в большой лес, высмотрели место, где деревья погуще, поразвесистей.

— Остановимся-ка здесь, куда мы сейчас пойдем? До деревни или до города далеко, а ночью ноги бить ни к чему. Сейчас ведь лето, где вечер ни застанет, там и почевать можно, вот и нам незачем дальше идти. Только дров соберите, разложим костер, сала пожарим, поужинаем.

Так они и сделали, пошли дрова собирать. Парнишка говорит Петру-апостолу:

— Дяденька, я и соберу, и принесу, а вы только наломайте.

Парнишка был проворный, долго искать ему не пришлось, знай выбирает, что отломить полегче. Целую кучу наносил. Вот уж и костер горит. Господь Иисус Христос говорит:

— Довольно, сынок. До утра не погаснет.

— Так и хвороста кругом довольно, милый дедушка, пусть огонь пожарче горит, даром что лето. Ежели не за чем иным, затем хотя бы, что при свете беседа лучше.

— Что ж, твоя правда, сынок.

Принялись они сало жарить, ужинать садятся. Отужили.

— Ну, Петр, — говорит Господь Иисус Христос, — расскажи-ка ты нам какую-нибудь сказку поскладнее.

Начал Петр, рассказывает, до конца досказал. Господь говорит парнишке:

— Благодарю, сынок! Видишь, какую складную сказку дяденька рассказал.

А он и не знает, что сказать. Он слушал, сказке конец — да и все тут.

Говорит Господь Иисус Христос Петру-апостолу:

— Петр, ступай, выломай вон из того куста прут. — Выломал он. — Вытяни слугу прутом, пускай пойдет, выучится, на каком дереве «спасибо» растет.

Вытянул Петр слугу прутом, оборотился слуга золотым оленем и в чащу убежал. Исчез в лесу. Не видно слуги. Легли они отдыхать.

Вот снова рассвело. Приходит слуга.

— Вытяни его, Петр! — Вытянул он, оборотился олень слугою. — Ну, сынок, знаю, проголодался ты, собери дров, позавтракаем.

Парнишка пошел за дровами, принес. Развели огонь, сало пожарили, позавтракали, после потолковали о том, о сем. Так день незаметно и прошел. К вечеру снова еду готовят, ужинают. Отужинали.

— Ну, Петр, расскажи сказку поскладнее.

Начал святой Петр сказку, рассказывает, они слушают. Мало-помалу, слово за словом до конца добрался. Закончил святой Петр свою сказку. Все молчат, ни слова. Ждет Господь Иисус Христос, чтоб парнишка «спасибо» сказал.

— Благодарю, сынок! Видишь какую складную сказку дяденька рассказал. — А он не знает, на каком дереве «спасибо» растет. — Вытяни его, Петр, прутом! Пускай пойдет, выучится, на каком дереве «спасибо» растет.

Вытянул его святой Петр-апостол. Оборотился он золотым кабаном и в чащу ушел. Где ходил, где бегал, того и сам не ведает. Как там ни было, а до самого утра прилечь не удалось.

Утром воротился он. Вытянул его Петр прутом, снова он слугою сделался. Стали они завтрак готовить. Позавтракали, опять о том, о сем толкуют. Парнишка рассказывает про свою судьбу, как ему в жизни приходилось — когда совсем бедно, а когда и того сквернее. Так, дескать, дни и проходили. После и Господь Иисус Христос про странствия свои рассказывал. Свечерело.

— Ну, что ж, поужинаем, прожили день, слава тебе, Господи.

Жарят сало, ужинают. Отужинали. Говорит Господь Иисус Христос святому Петру:

— Ну, Петр, расскажи сказку поскладнее.

Рассказал он.

Кончил рассказывать, все молчат. Говорит Господь парнишке:

— Благодарю, видишь, какую складную сказку дяденька рассказал.

А он ничего сказать не умеет.

— Вытяни, Петр, слугу прутом. Пускай пойдет, выучится, на каком дереве «спасибо» растет.

Вытянул его Петр, оборотился он золотым соколом. Поднялся он в вышину, засвистал красиво, туда порхнул, сюда, после улетел.

До той поры летел, пока целую страну пролетел и еще половину. Тут сел он на макушку дерева, на ночлег расположился. А в ту сторону много мастеровых ехало с телегами, на ярмарку ехали. И ученики с ними. По случайности и он там же расположился, в птичьем образе. Вот те мастера взяли сказки рассказывать, то один рассказывает, то другой, а он тоже слушает, с макушки дерева, то есть. Как доскажут сказку, так ученики-мальчонки шум поднимают:

— Спасибо, дяденька, очень уж складная была сказка! Спаси вас Господь Бог! Много вам благодарны! Расскажите еще!

Приметил он это.

Кончили мастера сказки рассказывать, ученики благодарить кончили, тут уж и ободняло совсем. Взмахнул он крыльями и назад полетел, где Господь Иисус Христос с Петром-апостолом ночевали. Радуетя, потому как сказок наслушался и благодарить научился.

— Ну, Петр, вот и слуга явился, вытяни-ка его.

Вытянул он, тут же слугою оборотился сокол. Собрали они завтракать. Позавтракали. После до вечера разговаривали, один одно, другой другое. Вечер настал.

— Собирайте дрова, ужинать будем.

Ужинают они, костер разложили, сало пожарили. Кончили ужинать.

— Ну, Петр, расскажи сказку.

Рассказал он сказку, кончил, а парнишка насилу дождался, чтоб сказать:

— Ох, спасибо, дяденька, ох, и хороша сказка, расскажите другую!

— Нет, сынок, будет и одной.

Говорит Господь Иисус Христос святому Петру:

— Вот видишь, выучился малый, па каком дереве «спасибо» растет.

После до тех пор разговаривали, покуда сон не сморил. Подкинули дров в огонь и спать легли.

Назавтра, как стало светло, Господь и говорит:

— Разведем-ка костер, позавтракаем. Довольно мы на этом месте отдыхали, дальше пойдемте.

Позавтракали. Собрались потихоньку. Вот в путь отправляются, бредут, бредут и вдруг — распутье: две дороги сошлись, одна — оттуда, другая — отсюда. Говорит Господь Иисус Христос слуге:

— Ну, сынок, вышел твой год, больше нам слуга не нужен. А только знаешь, что я тебе скажу? Ступай ты тою дорогой, а мы этой пойдем. Жалованье за службу вот какое тебе будет: захочешь — золотым оленем сможешь оборотиться, захочешь — золотым кабаном, захочешь — золотым соколом. Это будет твое жалованье, а еще скажу тебе, как будешь идти тою дорогой, к рыжему на службу не нанимайся, он либо убьет тебя, либо надует. Смотри не забудь! — Поблагодарил парнишка. Дал ему Господь Иисус Христос еды на дорогу. — Это, чтоб ты голода не знал, покуда не поселишься где-нибудь.

До того обрадовался парнишка, не знает, как и благодарить Господа Бога за щедрое пожалованье. Принялся он молиться, потому как отслужить-то ведь надо! Идет потихоньку и молится. Сколько-то спустя, город впереди завиднелся. Подъезжает конный какой-то, парнишка здороваается. Ответил ему конный. Догадался, что парнишка смысленный, проворный, и говорит ему:

— Куда идешь, сынок?

— Места ищу, дяденька.

— Послушай, сынок, нанимайся ко мне! Я тебя принимаю.

— Нет, дяденька, не наймусь.

— Почему же, сынок?

— А мне дедушка сказал, чтоб к рыжему на службу не наниматься, потому как либо убьет меня рыжий, либо надует. А вы рыжий.

— Эх, сынок, — говорит, — да тут все рыжие!

— Ничего, до той поры идти буду, пока русого не повстречаю или чернявого.

Ускакал конный и скорее назад в город воротился, другою дорогой. Примчался домой, он у короля конюший был, и как раз одного конюха не хватало, он нанять хотел. Велел он оседлать другого коня, другую одежду надел. Сел верхом, обратно поехал, парнишке навстречу. Не признал его парнишка, поздоровался, ответил он.

— Добрый день, Бог в помощь!

— Бог в помощь. Куда идешь, сынок?

— Службы, — говорит, — ищу, не знаю, сыщу ли.

— Такой парень, да чтоб не сыскал! Нанимайся ко мне.

— Нет, не наймусь.

— Отчего так?

— Был один дедушка, он сказывал, чтоб к рыжему на службу не наниматься, потому как либо убьет рыжий, либо надует.

— Ох-ох-ох, сынок, да здесь, сколько ни ищи, одни рыжие!

— Не беда, до той поры идти буду, покамест русого или чернявого не встречу.

А город уж совсем рядом. Опять повернул конный неприметно, поскакал другой дорогою назад, домой прилетел.

— Седлайте другого коня!

Сам переоделся тем часом. Быстро заседлали, вывели ему коня, вскочил он верхом, погнал во весь дух, чтоб парнишку за городом еще перехватить. Подъезжает, здоровается:

— Бог в помощь, сыночек, куда идешь?

— Места ищу.

— Нанимайся ко мне.

— Нет, не наймусь.

— Отчего, сынок?

— Был один дедушка, он мне наказывал, к рыжему на службу не нанимайся, потому как либо убьет рыжий, либо надует.

— Сынок, здесь сколько ни ходи, сколько ни ищи, одни только рыжие!

— И неохота верить, а приходится, третьего встречаю, и все рыжие. Сомнение берет.

— Вот видишь, а я что говорю? Так оно и есть, сколько здесь ни броди, кругом одни рыжие! Нанимайся ко мне!

У него то на уме было, чтобы непременно нанять парнишку, прежде чем он в город взойдет. А после он так сказал:

— Я у короля конюшим, вас пятеро будет у меня под началом. Один уволился, на его место ты заступишь, потому как всегда пятеро должны быть.

Дал он ему задаток, все дал. Покамест в город не вошли, парень даже и доволен был, что уж хозяина нашел.

Да только, как вошли они в город, огляделся он и говорит конюшему:

— Ну, — говорит, — пожалуй, что уж и сбылось дедушкино слово.

— Как так, сынок?

— А вы мне сказывали, что тут, сколько ни ищи, повсюду одни рыжие. Стало быть, и такие люди, как вы, могут врать? На самом-то деле, как везде, так и тут: кто русый, кто рыжий, кто чернявый.

А тот в ответ:

— Как-никак, сынок, а про меня нельзя сказать, будто я не рыжий.

Добрались они до конюшни. Поздоровкались все друг с дружкой (остальные конюхи тоже там были):

— Здорово, товарищ! Здорово, товарищ!

Ну, одним словом, поздоровкались. Потом конюший лошадей стал показывать, передавать, значит.

— Вот эта твоя будет, и вот эта, — сколько всего было, — будешь за ними ходить. Пойдем, снасть тебе дам.

Дал ему щетку, скребницу, всякое. Так оно и устроилось. Да только ненадолго. Потому как и король в конюшню захаживал, и конюхи на кухне кормились. Присметили парня, какой он смысленный. Говорит король конюшему:

— Наместо нового конюха другого приищи, а его мы

к себе в слуги возьмем, выучим его. Я так вижу, что ему среди лошадей не место. Ему среди господ место.

Очень конюший огорчился. Откуда нового конюха достать?

— Это меня не касается, хоть из-под земли!

Быстро, однако, нашел, три дня только миновали, а на четвертый уж нашел. Докладывает конюший королю:

— Нашел, ваше величество!

— Вот и ладно, — говорит, — а этого на кухню пошли, учить его станем. Слуга все ему здесь покажет, какая будет работа.

После и того отослал, сам нового слугу под надзор взял:

— Ну, пойдём-ка со мною, покажу тебе, что ты будешь работать, что сперва, что потом, когда что делать надо, когда чему срок.

Он выучился, смысленный был, и трех дней не прошло, а он уж чуть ли не лучше старого слуги все знает. Очень он во дворце понравился:

— Вот ведь, сколько я замечаю, много слуг здесь болталось, но, замечаю, такого никогда еще не бывало, он даже ноги ставит не так, как те, прочие! Спрошу-ка, из какой постели он вышел, что столько у него смекалки. Из крестьянской или же из господской?

Спрашивает король:

— Скажи-ка мне, сынок, из какой постели ты вышел. Из крестьянской или же из господской? Сделай одолжение, скажи.

— Извольте, ваше величество: из самой что ни на есть низкой, ниже не бывает.

— Как же это так, самая что ни на есть низкая?

— А так, ваше величество, что я на земле нежился, на соломенной подстилке с тростником. Ниже не бывает постели, разве что под землю выкопать.

— Ого, — говорит, — сынок, ты, я посмотрю, за словом в карман не лезешь!

— Прощения просим, ваше величество, да я только правду одну сказал, чистую правду. Что на самом деле со мною было.

— Ну, сынок, — говорит, не знаю, сколько ты у меня пробудешь, но кой-что я приметил, не все, на все вни-

мания не хватает, а вот что в глаза бросается, что у тебя и шаг, и поступь не как у иных-прочих. Один только пример назову. Их много, примеров, да этот как раз у меня на памяти. Других всегда дожидаться приходилось, чтоб с работою со своею справились, а нынче огляделся я, со вниманием смотрю — нет, все готово! Когда ж ты поспел?

— Как взялся, так сразу до конца и довел. А иначе нельзя!

— Ну, служи на здоровье!

Сколько-то спустя, но недолго, начала королевская дочка на слугу засматриваться. Приятно ей, ежели кто по имени его назовет, хоть сама и не видит его, а все ж радуется: имя услышала. Однажды отец ей говорит:

— Осторожно, дочка, — говорит, — как бы тебе в слугу не влюбиться!

— Ах, папочка, — говорит, — такого слуги у нас еще не бывало.

Вот проходят дни, бежит время, происшествий никаких, убытков нет, все хорошо, лучше не надо. Только конюший все жалеет, нет-нет да и помянет:

— Много у меня под началом слуг, а только он, бывало, потреплет коня рукой, конь и стоит, как вкопанный. — Говорит он королю: — Да, ваше величество, жалко мне его, потому как будь у меня такие парни под началом, вдесятеро забот поубавилось бы, а так то на одного разозлишься, то на другого.

— Зря ты об этом толкуешь, — говорит король, — мы тоже очень даже им довольны, он уж больше против других умеет. Мы тоже так понимаем, что никогда еще до сей поры не было у нас в палатах такого слуги. Что дальше будет, и ума не приложим.

— Я-то все ждал, ваше величество, что вы его ко мне воротите.

— Ну да, как бы не так!

Время бежит, годы проходят. Вот раз письмо прибывает, от другого короля. На битву пускай, дескать, выходит, в такое и такое место. Неладно дело! Все было тихо-мирно, никто и не гадал, и не думал, что этакое приключится. Ну, да ничего не поделаешь, какая ни есть причина, а была. Вот настало время в поход выступить. Вместе с королем и конюший отпирвился, и слуга

тоже. Собрались и — в путь. Ехали, ехали, покуда до той страны не доехали, где сражению быть должно. Тут выстроил король своих солдат.

Как расположились, конюший сразу трех коней в конюшню поставил, а слуга вместе с другими слугами на кухне прохлаждается, он ведь малый расторопный был. Король в горнице был, там и еще люди были. Вдруг, сколько-то спустя, озирается король, ощупывает себя, а только того, что ищет, нигде не находит.

— Ох, беда!

А всё ж никому ни слова не сказал, вышел в конюшню, к конюшему. Говорит король конюшему:

— Слышь-ка, беда великая случилась!

— Что такое, ваше величество?

— А то, — говорит, — что я бы полцарства отдал, дочку бы в жены отдал, ежели бы кто меня от этой беды избавил! Забыл я дома победное кольцо, надо его сюда доставить.

— Ох, и вправду, беда, великая беда, ваше величество, — сокрушается конюший, — до дому-то как далёко! Еще не родился такой человек, чтобы столько пробежал. Ни под каким видом!

Король еще пуще закручинился и в горницу воротился. Никому так ни слова и не сказал, побоялся, как бы не засмеяли его. А конюший туда-сюда ходит, кулаки стиснул:

— Вот ежели б я это исполнил! Вот счастье бы привалило!

Он тоже неженатый был, тоже хотел бы кольцо принести. Ходил он, ходил, после в кухню взошел, смутный такой. Глядит, а слуга веселый-развеселый.

— Что, — говорит, — весело тебе?

— Весело! — говорит. — А об чем мне горевать? Поесть, попить найдется, голодный не останусь, это уж точно! Я ведь и на стол подавать помогаю, ежели не иное что, так хоть косточку обсосу или тарелку вылижу, а голодный не останусь.

— Ладно, ладно, брось шутики шутить, пойдем, я тебе кой-что шепну, скажу тебе кой-что.

Отозвал его в сторону и говорит:

— Слышь-ка, беда!

— Что такое?

— Эх, знал бы ты, так и не спрашивал бы! Представь себе, — говорит, — пришли мы воевать, и вдруг его величество так закручинился, так закручинился!

— Отчего?

— Победное кольцо забыл дома!

— А! — каблуками щелкнул, — это ничего, невелика забота, пускай не тревожится, я принесу!

Успокоился немного конюший, а про награду ничего не сказал.

Конюший в конюшню воротился, а он, погода, из кухни вышел. На короткое время, как будто выйти понадобилось человеку. Загадал, чтоб золотым оленем обернуться, и побежал, поскакал, помчался, после приморился, да уж много успел пробежать. Тут задумал кабаном оборотиться, ого! так вперед и кинулся! Опять приустал, да теперь уж немного до рубежа осталось.

— Ни к чему мне насмерть себя загонять, ведь я могу и полегче дорожку выбрать.

Загадал он, чтоб золотым соколом оборотиться. Взмыл кверху, крыльями взмахнул, засвистал, быстро дома очутился.

Королевна в своей горнице вышивала, он на окошко сел, засвистал. Увидала его королевна, от радости не знает, что и делать. Думает про себя: «Ох, какая птица, как бы ее в горницу заманить?»

Подошла она, окошко отворила потихоньку, чтоб не испугалась птица, не улетела.

— Хоть бы она взошла ко мне!

Как отворилось окно, взошла птица. Ох, и радуется королевна! Бочком-бочком к окну, чтоб птица не заметила, захлопнула окно!

— Ну, птичка, Господь тебя ко мне послал!

Погладила она птицу. Что за птица такая?

Тут загадал он человеком обернуться и — глядь-ка! — принцесса слугу гладит! Говорит принцесса:

— Так это ты?

— Конечно! — говорит.

— Ох, какую же ты пригожей птичкою был! Можешь опять такую же сделаться?

Загадал он и мигом золотым соколом скинулся.

— Ах, какой красивый у тебя хвост! Ежели я его выдеру, тебе не будет больно?

— Нет.

Выдрала она у сокола хвост. Загадал он, снова слугою обернулся. Спрашивает барышня:

— А еще другие фокусы знаешь?

— Как же! — говорит.

Загадал он, чтоб золотым оленем обернуться. Гладит королевна пригожего оленя.

— Какие у тебя красивые рога! — говорит. — Не будет больно, ежели я обломаю?

— Нет, — говорит.

Обломала она оба рога. Стала из оленя лань.

— Ах, а больше ничего не умеешь?

— Как не уметь! — говорит.

Загадал, чтоб золотым кабаном оборотиться.

— Ох, — гладит она кабана, — какая у тебя щетина красивая! Не больно будет, ежели я выщипну?

— Нет, — говорит.

Выщипнула она щепоть.

Тут загадал он, снова слугою скинулся.

— А теперь я скажу, зачем пришел. Его величество победное кольцо дома забыл, вот зачем я пришел.

Кинулась королевна в отцову горницу, быстро кольцо на умывальном столе отыскала. Вынесла кольцо.

— Вот оно!

Он в карман сунул.

— Ну, Господь с вами, и со мной тоже!

А там, откуда он прибыл, там думали, он так просто вышел, свежим воздухом подышать.

Вышел он наружу, загадал, золотым оленем скинулся. Поскакал, пробежал сколько-то. Приустал он, а чтоб вовсе притомился, этого не стал дожидаться, загадал, чтоб кабаном оборотиться. Дальше пустился, да как шибко! Опять не стал того ждать, чтобы очень притомился, и обернулся золотым соколом. Засвистал и мигом на том дворе сел.

Снова загадал, слугою скинулся и назад в кухню взшел, как будто только за дверями и был. Сразу принялся направо-налево прыгать, со слугами забавляться. А конюшему пришли на ум слова, которые слуга ему сказал. «Надо бы на кухню сходить!» Смотрит, а слуга знай себе попрыгивает, покамест он тужит да печалится.

«Эх, ежели б я сумел это дело обделать, как хорошо бы: полкоролевства и королевна впридачу!»

Раскидывает он умом, и так, и этак прикидывает. После кличет слугу, а тот все разные штуки откалывает.

— Эй, поди-ка сюда!

Подбегает слуга:

— Что такое?

— Ты мне что сказывал? — шепчет конюший.

— Да оно уж вот оно!

Развеселился конюший:

— Ну-ка, дай сюда!

Пошарил в кармане, подает.

А конюшему ничего боле и не надо! Так весь и раздулся! Только успел в конюшню воротиться, приходит король, вовсе затужил, вздыхает:

— Ох-ох-ох, что же со мной будет теперь, что будет?

Говорит ему конюший:

— Ваше величество, есть у меня просьба.

— Какая?

— Сделаем уговор — и все ладно будет.

— Какой уговор?

— А вы что посулили?

— То, мол, и то посулил.

— Ну, вот, сделаем уговор — и все ладно будет.

Тут же написали уговор:

«Кто предоставит мне в руки победное кольцо, тому я дарю свою дочку и полдержавы».

Написал он и своим именным перстнем припечатал.

А кольцо уж у конюшего в кулаке зажато. Как подал ему король уговор, он кулак разжал:

— Пожалуйте!

Сунул кольцо ему в руку. Радость у короля великая, но и у конюшего тоже. Не знает он, что и делать, никак не опомнится на радостях. Позвали его ужинать, а он на радостях и есть не может, понапрасну только потчуют:

— Кушайте, кушайте, господин конюший! Может, вы нездоровы?

— Нет, я хорошо сам себя чувствую, здоров я, но уж больно мы далёко от дома, оттого и чувствую себя плохо. Что завтра с нами будет?

— Ну, все равно, можно кой-что от ужина в чашку положить или в бумагу завернуть, а вы с собою в конюшню унесите, может, еще есть и захочется?

Поел он кой-как, отведал того, сего, кончился ужин. Встали из-за стола.

Конюший тоже поднялся, покойной ночи пожелал.

— Пойду-ка уж в конюшню, мое место середь лошадей, как бы чего с ними не приключилось. Самн представляете, в чужом месте и скотина не так себя ведет. Глаз да глаз нужен!

Прощался он, вышел, насилу дверь нашел на радостях. Всю ночь радовался, а под утро затревожился:

— Так, это слажено, но один узелок еще надо распутать. Хорошо бы придумать, как бы слугу этого в расход пустить. Ежели бы он вышел, уж я бы как-нибудь справился, удавил бы его и коню под круп подпихнул бы. После прибежал бы и доложил, конь, мол, слугу насмерть залягал. Тогда бы уж все в порядке было бы. А только я знаю, не выйдет он. Попробую заманить его сюда, может, и уговорю. Правда, покойной ночи я уж сказал, а все-таки схожу-ка к нему еще раз. «Знаешь, мол, зачем я пришел?»

— Ежели скажете, господин конюший, тогда узнаю, — отвечает слуга спесиво.

— Слышь-ка, скушно мне, очень я беспокойный, пойдем ко мне в конюшню. Глядишь, я и успокоюсь, поспокойнее стану. Поговорим малость, глядишь, и сон сморит.

— Нет уж, увольте, у меня от конского духа нос отвык, — отвечает слуга. — Нет, не пойду! Этот конский дух мне что нож острый. Уж вы простите, извините, все для вас сделаю, а это — нет, ни за что!

— Жаль, жаль, — говорит. — А я бы успокоился, ежели б ты пришел.

— Нет, не могу, не приду.

Ушел конюший, голову повесил, попрощался.

Дорогою думает он про себя: «Стало быть, этот план не удался, что ж дальше делать? Как бы мне всё это к лучшему обернуть? Покамест еще нельзя знать, кому она на пользу окажется, моя затея! Нельзя еще знать, себе я голову снял или ему. А только одному из нас беды не миновать, это точно!» Так он мучается и сомне-

ваются, такие думы думает. Либо одному, либо другому худо придется. «Ежели мы оба домой воротимся, королева расскажет, кто был во дворце. Тогда мне конец. Что со мною сделают, прямо и не знаю, сам яму вырыл, сам же в нее и упаду. Что бы придумать, что бы такое сделать? Что ежели, к примеру, встать перед королем и все ему открыть: «Ваше величество, прощения прошу!» Король скажет: «За что?» А я в ответ: «Это не я кольцо доставил». Спросит король: «А кто?» — «Слуга». Нет, и так нехорошо! Все равно он на меня разгневается! Что же мне делать, как бы так исхитриться, чтобы все к лучшему для себя обернуть? Неужто никак не найдусь, ничего не придумаю?»

Все размышляет, снова начинает:

«Почему я сразу, вперед не сказал? Был бы я теперь чист, а так сам себя в ловушку загнал. Господи, Отец наш небесный, смилуйся надо мной, не будет мне больше от короля ни почета, ни уважения, ежели наружу выйдет, что не я кольцо доставил, а слуга. Господи, Боже мой, никак с мыслями не соберусь! Нет, гиблое мое дело, понапрасну я болтаю, Отец наш небесный только правого оправдает! Эх, понапрасну я голову ломаю, не мне решать, не мне приказывать. Понапрасну голову ломаю, не оправдаться мне. Теперь уж все одно. Надо же было в эту ловушку угодить! Ежели все откроется, на свет выйдет, не знаю, и жив останусь ли. Да уж все одно, так тому и быть! Как в песне поют, какая любовь ни долгая, а когда-нибудь все равно порвется. И будет, довольно! Ого, и вправду, довольно, светает уж! Задам-ка лучше корму коням, нечего больше думать, за работу примусь. Как Господь захочет, так пускай и будет. Сделаю работу, а там кто радоваться будет, а кто и тужить, да только мне скорей туга выпадет, а не радость. Дodelываю работу, коней вычистил, прибрал, отворяется дверь, и кто ж заходит? Король!»

— Слышь-ка, радость у нас большая!

— Что такое, ваше величество?

— Отменилась битва!

— Слава тебе, Господи!

— Да, — говорит, — это мне больше по душе, чем в бою сходитья, замирились мы. Но что я тебе посулил,

от того не отступлюсь, потому как ты был мне верный слуга, да и я разве обижал тебя когда? Ежели б я думал, что ты не старый слуга, а так, какой-никакой, тогда б я и от слова своего мог отступиться. Но ты ни разу меня не прогневал, и сам не скажешь, что я с тобою был плох.

— Нет, не скажу.

— Тогда приготовься. В путь выступаем, домой. А там, погоди, такое будет, чего никогда еще не бывало!

Повеселел немного конюший. Ничего, думает, все в порядке. Прибирается, и тут ему снова так в голову и ударило: узелок-то ведь все не распутан! Какой уж тут порядок! Как узелок развяжется? Пока прибирался конюший, все время об одном этом раздумывал, об узелке. «Ну, ладно, поглядим, может дорогою что случится. Положимся на Господа Бога!»

Слуга тоже в конюшню прибежал, сияет, тоже добрую весть услышал.

— Доброго утра, господин конюший, Бог в помощь! Славное выпало нам нынче утро! Все печали позабыть можно, радость великая привалила!

Конюший говорит:

— Какая радость?

— Ах, — говорит, — ежели я скажу, вы единым духом за дверь выскочите и обратно заскочите!

— Ну, так скажи, не тяни!

— Ладно, скажу. Наш государь с остальными замирлся, войны не будет, домой отправляемся!

— Эх, ты дурень, я про это раньше твоего знаю! Государь только-только отсюда ушел, сам все рассказывал.

— Ну, тогда, — говорит, — поздравляю! — И каблуками щелкнул. — Ох, и тяжелый от коней дух! Пойду-ка наружу, покуда он еще ко мне не пристал.

Прибежал он на кухню, поздоровкался. На кухне хлопчут, завтрак готовят.

— Ну, стало быть, отвоевали, слава тебе, Господи!

Ему говорят:

— А ты рад?

— Конечно рад, ежели ни с кем ничего худого не случилось!

Говорят дневальному, чтоб сбегал, конюшего завтра-

как кликнул, потому как господа уже за стол сели. Кончился завтрак, убрали со стола, кушанья унесли.

Слуги тоже завтракать стали, повара говорят:

— Слава тебе, Господи! Упарились мы, больно уж много было гостей, ну, да, с Божьей помощью, справились. Не знаем прямо, как Бога и благодарить! Столько собралось, мы уж думали, не управимся. И раньше гости случались, да мы, бывало, и ухом не поведем, потому как мало их, а тут вон сколько собралось на нашу шею!

— Да, я тоже в голове почесал, — говорит главный повар, — хоть и не кусал никто, а зачесалось. Что делать с этакой кучей гостей, не будет ли жалоб каких? Ну, да слава тебе, Господи, все хвалят, никто не жалуется.

Кончили и слуги завтракать.

— Ну, теперь вы скажите. Как по-вашему?

— Слава Богу, все вкусно было, всего вдоволь.

— Вот я как раз того и хочу! Прямо могу сказать, никогда еще и никто про моюстряпню скверно не говорил, всегда только одно хорошее слышу. Нынче мне оттого беспокойно было, что больно уж много гостей собралось, я уж очень давно на этой кухне в котлах мешаю, а тут прямо и не знал, как выпутаюсь. Одному повару тоже пришлось туго, а он правильно сделал, я уж подумал: вот и я тоже так. Ему говорят: «Мог бы ты приготовить сто разных кушаний?» У него голова хорошо варит, он и отвечает: «Почему же нет? Хоть и двести, ежели угодно». — «Нет, — говорят, — двести не нужно, только сто. Поглядим, на что он годен, пусть приготовит сто кушаний. Да не просто так, а об заклад побьемся. Нам ведь это не раз плюнуть — сто кушаний съесть. А мы уговоримся, что доотвалу наедаться не обязательно — отведать, и всё. Ну, повар, подтягивай штаны, покажи, на что ты годишься!»

Стал повар биться-метаться, будто рыба на песке. Все новые кушанья придумывает, дело легко идет, но когда уже много набралось, призадумался он. Прыгает направо-налево, отсюда ухватит, оттуда, а полная сотня все не набирается.

«Чем меньше остается, тем сильнее в голове сверлит: что ещестряпать? Это уж было! И это тоже! Конечно,

я все в книжицу записываю да все заглядываю в книжку, как бы, по ошибке, одно и то же в другой раз не приготовить. Там у меня все помечено. Сколько еще не хватает? Считаю. Да, не хватает! Немного, правда, а доделать, ох, как трудно, потому как чего только я уже не придумал, уж и ума не приложу, что дальше готовить. Туда прыгну, отсюда ухвачу, еще что-нибудь выдумаю. Все ладно, слава тебе, Господи! И правда, немного не хватает, а все-таки их куда больше кажется против тех, что уже на стол поданы!»

Мало-помалу до девяносто девятого добрался, а уж сотого ни под каким видом сочинить не может. Побежал в хлев, может, там сообразит.

«Взошел я в хлев, там стельные коровы стояли, озираюсь и вижу, один маленький теленок пачкать начинает, и такой цвет хороший, настоящий лимонный. Очень мне понравилось, я даже засмеялся, потому как он пачкает, а оно не рвется, конец до земли достал, тогда только порвалось. Мне очень понравилось, схватил я горсть и скорей на кухню. Оно сотовое и было. Приготовил я. Они себе в книжицы записывают, я — себе. Спрашивают: «Ну, как, всё?» — «Всё» — «Ну, теперь мы тебе объявим, какое кому кушанье всего больше понравилось. Самое вкусное сотовое было! Скажи, повар, что это могло быть, такое ужасно вкусное?» — «Да, — говорит, — как вам сказать, это вроде как в при словье, что мы друг дружке сказываем: как, мол, из двух обносков новую рубаху сметать?»

Смотрят они на повара, глазами моргают. Что такое? Об чем он?

«Говорить ли, нет ли? Нет, как-никак, а приходится, потому как оно всего больше по вкусу пришлось. Ладно, говорю, прощенья просим, сказать я скажу, только чтоб тошно после не было. Это кушанье из трех оборотов. — «Из трех оборотов? Это как так?» — «А так, с позволенья сказать, что сперва корова траву шипала, после из травы молоко сделалось, а молоко теленку досталось. Ломаю я себе голову над сотым кушаньем, ничего придумать не могу, из кухни прочь выскочил. В хлеву коровы с телятами стоят. Один теленок как раз пачкать начал, когда я взошел, висит у него под хвостом, до земли не достает. Я гляжу. Вот уж и до земли

достало, а все не отрывается. Тут мне так в глаза и бросилось, какое оно красивое, вот тебе, думаю, и сотое кушанье! Цвет такой красивый, желтый, в точности воск, голодный человек, думаю, в охотку поест. Да, думаю, для сотого блюда как раз хорошо будет. Поднял с земли, оно и к руке-то не прилипло, несу, ровно птичку. Долго возиться не пришлось, потому как оно уж сварено, поджарить — и всё. А это долго ли? Мигом на стол подал». — «Ну, — говорят все в один голос, — кто б мог подумать, что оно такое вкусное? — Переглядываются все. — Правда, мы только отведали, это ведь сотое было кушанье, а все ж оно против всех прочих вкуснее».

Вот что повар рассказал.

Тем часом у короля целую кучу подарков для повара навалили, зовут его:

— Ну, господин повар, ни ног вы своих не пожалели, ни головы, это все вам.

— Премного благодарен уважаемым господам за их доброту!

— И вас благодарим за службу.

После оседлали коней, в путь пустились. Слуга и король оба радуются, а конюший кручинится. Что с ним будет? Дорогою король спрашивает:

— Что такое? Об чем ты тужишь?

— Нет, — говорит, — я тоже радуюсь, что силу пытаться не пришлось.

— А вон ты какой невеселый!

— Да я, — говорит, — ваше величество, о будущем задумываюсь, об том, что меня ждет.

— Как я сказал, так и будет. За мной дело не станет, я свое слово сдержу.

А слуга из этого ничего не понял, из разговора из этого.

— Они про свое знают, я про свое. Они про мое не знают, я про ихнее.

Едут, едут, когда завтракать время, завтракают, когда обедать — обедают, так дни и проходят. Уж и до родной земли недалеко. Уж и город близко. Раз случилось, что приотстали слуга с конюшим.

— Ох, господин конюший, ужасно пить охота!

— Да как же здесь напиться?

— А скоро будет колодезь, здесь, неподалеку, из него и напьемся.

Едут они, про будущие времена разговаривают, а король впереди скачет. За беседою и до колодезя добрались. Есть вода!

За колодезем пригорок был невысокий, и король за тем пригорком скрылся.

— Как же мы пить станем? Ведь не из чего!

Вода не глубоко была, от устья не больше, как метр.

— Чем бы достать?

Конюший говорит:

— Слышь-ка, — лошадей они привязали, — я тебя за ноги ухвачу и вниз спущу, пей, сколько душе угодно.

— Что ж, хорошо!

Спустил. Слуга пьет, пьет, вдруг конюший взял да и выпустил:

— Пей досыта!

Отвязал лошадь, вскочил в седло и вслед за королем помчался.

А конь слуги у колодца остался. Он до той поры бился, покуда повод не порвал, тоже следом кинулся. Конюший уж нагнал короля. Как лошадь завиднулась, король подумал, это слуга. Подскакала лошадь ближе, глядит король, а в седле пусто.

— Черт возьми, что с ним стряслось?

— Я не знаю, что он там, за пригорком делал. Он, — говорит, — отстал, а я дальше поехал. Что после случилось, не могу сказать.

Тут уж они почти что дома были. Король думает: «Наверно, он убежал, не понравилось ему что-то».

Так и рассудили, что убежал. С тем и домой прибыли, что убежал, мол, слуга.

Конюший велит расседлывать, распоряжения конюхам отдает, а король во дворце рассказывает, что случилось. Затужила королева, а ни слова не вымолвила. Смотрит на нее отец:

— Вот что, дочка, теперь уж никуда не денешься, я слово дал. Ты ведь сама знаешь, не только что королю, любому порядочному человеку стыд и срам, ежели он слова своего не держит. А королю и невозможно никак. Что из уст вышло, хорошо — нехорошо,

а так тому и быть. Ты ведь, — говорит, — читала эту историю, что с одним королем приключилось? Он у старшего брата жену и дочку-малолетку украл, из другой страны увез. Живет в свое удовольствие, а подданные так считают, что это его законная супружница, никто ничего не знал, никто на свадьбе не был. Но ты знаешь, обман раньше или позже, а наружу все равно выйдет. Святой Иоанн в те поры на земле был, и случилось ему туда заглянуть. Сказал он проповедь насчет этого, что грех, дескать, чужую жену уворовать и жить с нею в свое удовольствие. Еще так-сяк, ежели просто чужую, а он у родного брата увел. «Кто в вашей стране такой грешник?» — спрашивает Иоанн. Народ только переглядывается. Король с женою и дочкою тоже в церкви были. Спрашивает Иоанн у народа, потому как они особо сидели, на троне: «Кто это там отдельно сидит?» — «Это наш король», — говорят. «Вот, — говорит, — он как раз это негодяйство и сотворил. Он у старшего брата жену украл, про что я вам и сказывал, но вы, перво-наперво, на то внимание обратите, что живет он с нею в свое удовольствие. Разве это не великое негодяйство? Если б она хоть совсем чужая была, а то ведь он родного брата ограбил!»

Сильно закручинился народ, вот, стало быть, какой у них король? А Иоанн говорит: «Не в первый раз так случается, что люди ведать ничего не ведают. Я знаю, что вы до сей поры ничего не ведали». — «Еще бы, понятия не имели!» Тут кончил он говорить, и народ по домам разошелся.

Жене очень стыдно было. Принялась она королю выговаривать: «Слышь-ка, схвати этого человека да убей!» — «Нельзя, — говорит, — нельзя. Схватить, — говорит, — еще можно, а убить — нет. Не забывай, он про нас на всю страну повестил, городскому люду рассказал, теперь по всей стране трезвон пошел. А в тюрьму — это я могу». Велел святого взять и под замок посадить.

Он уж про то и позабыл, потому как времени много утекло, дни, недели, годы. Вот однажды устроил он большой пир. А жена все беспокоится, все думает, как бы Иоанна извести. Дочка была очень красивая и плясала хорошо. Отец ей не отец был (правда-то обнару-

жилась), а дядею приходился. Они, значит, про то позабыли. Мать дочку в пух и прах разрядила. Веселятся гости, музыка играет, дочка красивая была, плясала хорошо, вот вышла она на середку, в пляс пустилась. Она и вообще-то плясунья была на редкость, а тут еще перед важными господами грудями трясла. Всем понравилось, и отцу тоже. Теперь уж он ей отцом был, он ее вырастил.

— Ох, дочка, утешила ты меня, спляши еще, что ни попросишь, все тебе дам!

Еще лучше пляшет, чем сперва, умысел у нее есть. Мать в сенях стоит, слушает, радуется. Отплясала дочка. К отцу подходит: «Ну, батюшка, помните, что посулили?» — «А что ты просишь?» Шепчет она: «Голову Святого Иоанна». Нахмурился король, покачал головою, нехорошо, мол, ты сказала.

Но это и так можно было понять, что, мол, будь по-твоему. Обрадовалась дочка, в сени вышла, а мать уже ждет, она все слыхала. Она уж и палача с топором вызвала, и миской запаслась. Пошли они. Святой Иоанн в погребе сидел. Он даже обрадовался немного, когда ключом в замке ковырять стали. «Сейчас выпустят!» Но когда дверь отворилась, кого ж он увидел? Палача с топором! Пригорюнился святой. «Нет, не выпустят, а жизни решат».

Тут схватил его палач за волосы, голову набок загнул да и отсек топором. Кровь побежала, подставили миску, собрали кровь. После королева вытянула у него изо рта язык и иголкой исколола, за то что открыл, как они живут.

Вот настала ночь, а что делать с мертвым телом? Никто ничего не знает, самое лучшее ночью в воду бросить, у них в городе широкая река была. Ночью, стало быть, кинули мертвое тело в реку. Радуетса королева незнамо как. Никто ничего не знает! Но, как только бросили, загорелась река, светло стало, будто день белый. В городе страх, переполох отчаянный, думают, пожар. Хотели было королева с дочкою в лодке убежать. Сели в лодку, а их волной и накрыло. А король с ума спятил и помер в безумии.

Тут ангелы с громким пением сходят с небес, несут для святого Иоанна гроб. Выловили его из воды, уло-

жили в гроб, а в какое место доставили, это уж только они знают. Свет погас, и уж ни короля, ни королевы в живых не было, чтобы тем городом править. Спокойно все стало.

Вот как надо королю свое слово держать, как скоро оно уж из уст вышло.

Тем временем слуга в колодезе наверняка уже напиться успел. А королевна все дожидается его. Отец с матерью неволят ее, к свадьбе готовят, к венчанию. А невесте все чего-нибудь не хватает, все она откладывает да оттягивает, вдруг слуга еще появится? Конюший не тревожится ни капли, вон уж сколько миновало. Ежели до сей поры не появился, значит, и после не появится, наверняка в колодезе сгнил. Все время конюший себя этакими думами тешит.

Как раз в эту пору Господь Исус Христос с Петром-апостолом там проходили. Петр-апостол издалика колодезь приметил:

— Слава Богу!

Они оба пить хотели и про то друг дружке сказывали. Петр первый колодезь увидал и говорит:

— Слава Богу, привел нас Отец наш Небесный к колодезю!

Он вперед Господа Исуса Христа поспешил. Господь-то, конечно, все зараньше знал, а он вперед поспешил, чтобы на воду взглянуть. Заглянул в колодезь, а там мертвец. Кричит Господу Исусу Христу:

— Не пить нам этой воды!

— Отчего ж, Петр?

— Оттого что мертвец в колодезе.

— Мертвец? Как так?

Рядом сук какой-то валялся, Петр его подобрал, стал мертвое тело шевелить. Повернулся мертвец лицом вверх.

— Ох, учителю, ведь это же наш слуга!

— Не может быть! — говорит, а сам ближе подходит.

— Видишь, какое коварство? А ведь я его предупредил. Помнишь?

— Конечно, — говорит, — как не помнить, — чтобы к рыжему на службу не поступал! Это когда мы расходились. Потому как либо убьет его рыжий, либо надует.

— Видишь, — говорит, — мало что надул, еще и в колодезе утопил. Вот какое коварство. И надул, и убил. Ну, давай-ка скорей, вытащим его оттуда.

Вытащили, погладил его Господь Иисус Христос. Вскочил он, по всегдашнему своему обыкновению.

— Ох, — говорит, — крепко же я уснул!

Отвечает ему Господь Иисус Христос:

— Да, сынок, крепко и навеки. Повезло тебе, что мы здесь проходили, а не то бы до скончания времен не проснулся. А теперь вот что тебе скажу, а ты исполни в точности. У твоего короля во дворце свадьба. А с венчаньем тебя дожидаются. Ну, так вот, как воротишься, перво-наперво, вот что сделай. Повара кушанья накладывают, гостям подносят. Ты возьми самое первое блюдо. Поздоровкайся с гостями, а после спроси: «Герцоги, бароны, короли, можно вам один фокус маленький показать?»

— Можно, можно! — отвечают. — Мы фокусы очень даже любим.

Загадал он, чтобы золотым оленем оборотиться. Между столами свободное место было, стал олень туда-сюда похаживать. Все его хвалят-не нахвалятся.

— Такого дива, — говорят, — никогда мы еще не видавали! Ну, и красавец олень! Ему и теперь цены нет, а если б еще рога целы были! Тогда уж и вовсе!

А невеста как закричит:

— Целы рога! Сейчас принесу!

Побежала к себе в горницу. Схватила оба рога. Мигом воротилась. Приставила сперва один рог, потом другой. Приросли рога! Тут еще сильнее гости разволновались. Про еду и думать забыли, только и знают что на оленя дивятся, любятися да радуются. Весь дворец сбежался. Ну, тут он снова загадал, опять слугою оборотился. Щелкнул каблуками.

— Герцоги, бароны, короли! Довольны вы моим фокусом?

А весь народ слова на радостях выговорить не может.

Он на кухню прибежал, повара тоже глядят на него во все глаза.

— Ну, выдумщик! Какие штуки выделывает!

Снова кушанья накладывают. Он второе блюдо понес. Опять к гостям с тем же приветом обращается:

— Кушайте на здоровье, герцоги, бароны, короли! А только еще раз осмелюсь спросить, что ежели я вам еще фокус покажу?

Все кричат:

— Милости просим! Ваши фокусы лучше всякой еды, ничего нам не надо, только бы все смотреть да смотреть!

Загадал он, чтоб кабаном золотым скинуться. Стал между столами прохаживаться. Гости не надвигаются, какой красавец-зверь, откуда он взялся! Ежели б не проплешина в щетине, так и цены ему не назовешь.

А невеста как крикнет:

— Есть щетина! — Побежала к себе в горницу. — Сейчас принесу!

Воротилась, к проплешине приложила, каждая щетинка к своему месту приросла.

— Ну, — говорят, — теперь ему, и вправду, цены нет, сколько за такое сокровище ни заплати, все мало!

Гладят кабана. А он назад к дверям отступил, загадал, снова слугой обернулся. Каблуками щелкнул.

— Герцоги, бароны, короли! Довольны вы моим фокусом?

— Ох, ох! Всё бы только и смотрели, против этого никакая еда ничего не стоит!

Он опять на кухню прибежал. Повара снова вокруг столпились.

— Вот это искусник! — говорят. — Не нам чета! Что пальцем ни двинет, то фокус!

Опять кушанья накладывают. Он приносит, гостей приветствует.

— Прошу внимания! — Снова тот же привет: — Герцоги, бароны, короли! Еще фокус вам покажу, коли есть на то ваше желанье!

Все откликаются с великою радостью:

— Как же! Как же!

Загадал он, чтоб золотым соколом оборотиться. Завистал. Взлетел под потолок. Порхает у гостей над головой, насвистывает, иной раз так низко опустится, что рукой достать можно. Гладят его, не знают, что и сделать, не могут решить, какая этому сокровищу цена.

— Такого на земле не увидишь. С неба он к нам слетел, не иначе! Никогда в жизни не забудем!

Вдруг говорят:

— Конечно, красавец-сокол, только вот хвост бы ему еще!

А невеста как крикнет:

— Есть хвост! Сейчас схожу принесу!

Сразу и воротилась. На место приложила, прирос хвост. Сокол снова взлетел, хвост расправил, между гостями опустился.

— Ну, теперь он вдвое против прежнего краше. Теперь ежели бы все сокровища в мире вместе собрать, и то не хватят, чтоб за него уплатить!

А он поближе к невесте продвинулся и снова слугою обернулся.

— Герцоги, бароны, короли! Довольны вы моим представлением?

Нахвалиться не могут, так довольны, не знают, как благодарить. Он каблуками щелкнул. Повертывается, чтоб выйти. Тут невеста его за пояс обхватила.

— Герцоги, бароны, короли! Чего тот заслуживает, кто такую пару разлучить надумал?

Учинили строгий суд. Над конюшим, ясное дело, над кем же еще? Он так и заледенел со страху.

Приговор объявили. Тут же с конюшим расправились, без отлагательств. Настал его жизни конец.

— Прочь, негодяй! Кто такое злодейство учинил, тому на земле места нет, только под землю! Сперва обманул, потом убил. Вот какой злодей!

После к алтарю пошли с превеликою радостью. Теперь уж не откладывала невеста, не отговаривалась, что того, дескать, не хватает, этого не достает. Обвенчались они, домой воротились, свадьбу сыграли. Знатная была свадьба, даже собаки невесту из какого далека сбежались, доотвалу думали наесться, да пока последние добежали, первые уж и с голоду околели. И цыганские парни тоже явились, ноги босы, головы непокрыты, это они на свой лад вырядились, для королевской свадьбы разоделись. Я тоже там прыгал да горланил, потому как первый дружка был. Пляшем веселимся, шпоры у меня соломенные, репейки овсяные, звенят, что колокольчики. В углу у дверей большой мешок стоял, оглоблей завязан, ремешком подперт, чтоб набок не повалился. Я все прыгал, скакал

да вертелся, покуда ненароком шпорою в мешок не въехал. Ух, ты! Из дырки Тиса с Дунаем полились, вон куда, на мою беду, меня затащили!

Коли каши не дадите,
Боле сказок не просите!

5

ВЕЧЕР, ПОЛУНОЧНИК И РАССВЕТ

Было то или не было, а только жили на свете бедные муж с женой. Жить бы можно, все у них было, только детей не было.

Жена каждому встречному-поперечному на свою беду жаловалась, какая, дескать, она несчастная, что не дает ей Бог дитяти. Жаловалась она, жаловалась, а одна старушка ей и присоветовала, как станет выметать сор из дому, чтоб поискала в нем бобовых зернышек. Сколько зернышек найдет и проглотит, столько и детей родит.

Послушалась женщина.

Раз утром мела она сор, как обычно, и в последнем совке нашла три бобовых зернышка. Тут же их и проглотила.

Не обманула старушка: начала женщина добреть, и в свой срок родились у нее три сына.

Первый вечером родился, и назвали его Вечер, второй — как раз в полночь, того Полуночником нарекли, а третий — на рассвете, ему дали имя Рассвет.

Сильно прибавилась семья, и сразу все переменялось. Заработков едва-едва на прожиток хватает. Отец ждет-не дождется, когда уж сыновья подрастут, чтобы сами могли себя прокормить.

Но долго ждать и не пришлось.

Поднялись ребята, выросли. Смотрит отец, совсем крепкие стали парни. Вот он им и говорит:

— Ну, сынки, теперь уж вы большие, сами себя прокормить сумеете. Ступайте службу искать.

Парни собрались, приготовились, мать кой-чего на дорогу настряпала, сложили они свои сумки и отправились.

Идут, бредут семь раз по семи стран, одну за одной, прошли. Ежели устанут, друг дружку подбадривают, насвистывают, песни поют. Словом сказать, никаких забот не знают.

Приходят ко двору одного короля. Рассказывают, кто они такие, откуда и зачем пришли. Затем, что, мол, службу ищут.

Обрадовался король. Был у него колодезь, которого никто не мог вычистить.

— Ну, — говорит, — ежели вычистите мой колодезь, отдам за вас трех моих дочек!

Взялись они. На третий день был колодезь чистый, и такая вкусная да прозрачная была в нем вода, что никак досыта напиться нельзя.

Требуют парни награду — трех девиц. А король и говорит:

— Ладно, я от своего слова не отказываюсь, да только трех девиц три дракона караулят. Сперва надо еще их из-под караула вызволить.

Крепко огорчились трое братьев. А после так рассудили, что девиц все равно вызволять надо, кто бы их там ни караулил.

Отправились. Долго шли и пришли в лес.

— Ну, — говорят, — здесь и остановимся.

Проголодались они. Вечер остался еду стряпать, а двое пошли искать дыру, через которую под землю спуститься можно.

Ушли те двое, Вечер стряпней занялся, и вдруг кричит ему с дерева какой-то человек:

— И я тоже поем!

А Вечер ему:

— Черта лысого ты поешь!

— Это я-то?

— Кто ж еще?

— А вот сейчас поглядим! — говорит человек.

С этими словами слез он с дерева, повалил Вечера навзничь, снял котелок с огня да прямо Вечеру на брюхо и вывернул. Оттуда вся ужина и хлебала.

Болят у Вечера брюхо. Ясное дело, обожгло горячей похлебкой! Но братьям он ни слова не сказал.

На другой день пошел он вместе с Рассветом дыру искать, а Полуночник стряпать остался. Но и с ним то

же, что с братом, приключилось: съел человек весь ужин ихний прямо у него с брюха.

Воротился Рассвет, уж и серчает не на шутку, оттого что ни вчера, ни сегодня ничего не ел, с голоду чуть не падает. Почему нет еды? А Полуночник — ни слова, только стонет, как овца в аду. Да не от голода, а оттого, что обжег его человек.

Любопытно Рассвету, что такое с братьями приключилось, почему не стряпали ничего? На третий день пришел его черед, он дома остался.

К вечеру стряпает ужин, в котелке помешивает, ни об чем другом и думать не думает, как вдруг подает человек с дерева голос:

— И я тоже поем!

— Дулю с маслом ты поешь!

— Это я-то?

— Конечно, ты!

— А вот сейчас поглядим!

С этими словами соскочил человек с дерева да прямо на Рассвета кинуться и хотел. Но Рассвет не из камыша сделан был, чтоб его нагинать, куда кому охота!

Схватил человекка, смял, бороду в дерево защемил.

После вернулся к котелку, снова еду помешивает, чтоб не пригорела.

Вскороости и Вечер с Полуночником воротились.

Как увидали, что с Рассветом ничего дурного не приключилось и что ужин поспел, только рот разинули. А Рассвет ни слова им не сказал, пока не поели.

А после говорит:

— Пойдемте, покажу вам кой-что!

Те ума не приложат, что он им хочет показать, и тут замечают человекка с длинной бородой, борода в дерево защемлена.

Человек просит-молит:

— Отпустите вы меня, если в Бога веруете! Не томите дольше!

Рассвет и говорит: отпущу, дескать, но сперва покажи нам дыру, через которую под землю можно сойти. Посулился человек.

Тогда Рассвет взял да руками щель в стволе и раздвинул, чтоб борода наружу могла выйти.

Сразу и пошли все вместе, человек их к дыре повел. Привел и мигом исчез.

Стали они совет держать, как им спускаться. Рассвет вызвался идти первый. Свили они веревку, длинную-предлинную, и на ней спустили брата. Но наперед того, что спускаться, сказал им Рассвет, чтобы ждать его семь лет, а если и через семь лет не вернется, тогда бросить. Если ж подаст голос — тянуть веревку: он поначалу трех девиц кверху пошлет, напоследок, в самом конце сам отправится.

Братья сказали:

— Ладно.

Спустился Рассвет под землю.

Достал ногами дно и видит, стоит прекрасный дворец. Входит, а там старшая королевская дочка.

Говорит ему королевна:

— Что тебя сюда занесло, куда и птица-то не залезает? Ай ты смерти не боишься? Знаешь, кто мой муж? Девятиглавый дракон!

Говорит ей Рассвет:

— Чего мне бояться! Я для того и пришел, чтобы тебя из-под драконова караула вызволить.

— Меня? Ну, тогда я что-нибудь придумаю, чтоб ты цел и невредим остался. Вот тебе кольцо. Ежели ты его на пальце повернешь, силы всемеро прибавится!

Надел Рассвет кольцо на палец, сел.

Загремело что-то издали. Спрашивает Рассвет:

— Что это? Не гром ли?

— Какой там гром! Это мой муж домой возвращается, девятиглавый дракон, это его поступь.

Едва она договорила, что-то бухнулось со страшным шумом наземь: дракон за сто верст палицу домой закинул.

Немного погодя и сам дракон появился.

Раздул он ноздри, будто учуял что:

— Кто здесь, жена? Чужой дух слышу!

— Кто ж еще, как не твой шуриин?!

— Шуриин? Что ж, ладно! Подавай скорей каменный хлеб, деревянный нож, после вари свинцовые галушки!

Королевна быстро нащепала лучины, развела огонь. А те покамест едят, что на столе поставлено, — каменный хлеб.

Поспели галушки. Навалились дракон с Рассветом, в два счета все уписали.

Рассвет еще рта утереть не успел, а дракон уж бороться зовет.

Не стал Рассвет отказываться. Пошел.

Как грохнут друг дружку оземь, один по колена, другой по самые подмышки в землю ушел. После рассердился Рассвет, и кольцо-то повертывать не стал, а так ударил, что по шею дракона в землю вогнал. Выхватил саблю, все девять голов снес.

Подходит к нему королева, щеки покраснелись, подает ему палку: если этой палкой по столу ударить, весь дворец в серебряное яблоко обратится.

Так оно и случилось.

Ударил Рассвет палкой по столу, дворец серебряным яблоком обернулся. Взял он яблоко, сразу в карман положил.

Пошел Рассвет дальше, ко второму дворцу. Там застал среднюю королевскую дочку.

— Бог в помощь, добрый день!

— Бог в помощь! Что тебя к нам занесло? Сюда ведь и птица не залетает! Видать, не боишься ты смерти! Знаешь, кто мой муж? Двенадцатиглавый дракон!

— Мне бояться нельзя, — говорит Рассвет. — Ведь я для того и пришел, чтоб тебя вызволить!

— Ладно, когда так! Вот тебе кольцо. Ежели повернешь его на пальце, всемеро сильнее станешь.

Надел Рассвет кольцо на палец.

Скоро драконова поступь послышалась, земля задрожала. И этот тоже за сто верст палицу домой закинул. Но Рассвет не испугался, помнил про кольцо.

Явился дракон.

— Слышь, жена, кто здесь такой? Чужой дух слышу!

— Кто такой? А шури твой, кто ж еще!

— Шури! Что ж, ладно! Подай скорей каменный хлеб, деревянный нож, вари свинцовые галушки.

Поели, галушки все до одной подобрали. После стали бороться. Рассвету дракона двенадцатиглавого одолеть — все равно, что плюнуть! Так разделался с ним, как матушка, бывало, с цыпленком разделялась.

Все двенадцать голов отхватил.

Тут подбегает к нему королева, подает палку, кото-

рой ежели по столу ударить, весь дворец в золотое яблоко обратится.

Рассвет ударил по столу, и в тот же миг стало из дворца золотое яблоко. Он сразу его в сумку и убрал.

Теперь настало самое трудное испытание. Взошел Рассвет в третий дворец, увидел там меньшую королевскую дочку. И эта тоже ему говорит, что, дескать, прикончит его восемнадцатиглавый дракон, муж ее, то есть.

Но Рассвет и ей сказал, что как раз вызволить ее хочет. Тогда и эта королева дала ему кольцо, которое, ежели его на пальце повернуть, в семь раз силы прибавляет.

Тем временем воротился дракон. Палица прежде упала и такую пробила в земле дыру, что целый дом поместился бы.

Воротился он почему-то очень сердитый и скверно заорал на жену:

— Эй, ты, жена! Кто это в моем дому? Чужой дух чую!

— А твой шурин!

— Какой там еще шурин? Ну, да ладно, подавай каменный хлеб, деревянный нож, вари свинцовые галушки!

Подала королева каменный хлеб, большой, что колна, деревянный нож, длинный да широкий, что доска.

Скоро появились свинцовые галушки, паром дымятся. Так оба налопались, что брюхо четвероугольником раздуло.

Как покончили с ужином, зовет дракон Рассвета побороться, чтоб еду в брюхе умять немного.

Стали они бороться, ни тот, ни другой одолеть не может. То Рассвет в земле по колени, то дракон, то дракон по шею, то Рассвет.

Видит Рассвет, что этак они только в игрушки играют, собрался с силами да и начал дракону головы рубить. Семнадцать снес, одна осталась. Зато эту, последнюю, никак снести не может.

Дракон ревет во всю глотку, просит у жены воды стакан. Принесла она, да так руку протянула, что стакан Рассвет подхватил да воду и выпил. После того

повернул Рассвет кольцо на пальце и вдруг такой сильный сделался, что и последнюю голову дракону отрубил.

Ударил он по столу палкой, что подала ему королева, и весь дворец бриллиантовым яблоком обернулся. Он и это к остальным убрал.

Ну, хорошо, теперь надо королеву всех вместе собрать.

Долго бегать, однако ж, не пришлось: все в кучку сбились и ждут.

Пошел он с ними прямо к дыре.

Подавал голос, братья еще на месте были, тут же спустили веревку.

Сперва вытянули старшую, после — среднюю, но как среднюю вытянули, так и поругались: каждый из двух ту, что краше, себе хочет.

Но только когда меньшую вытянули, тут только поднялась настоящая свара!

Спустилась веревка и в четвертый раз, а Рассвет и подумал: «Ну-ка, испытаем-ка братьев!» — и не вокруг пояса обмотал веревку, а вокруг большого камня.

Сперва Вечер с Полуночником исправно тянули, но, как до половины дотянули, так и отпустили. Камень шлепнулся вниз, чуть было Рассвета насмерть не зашиб.

Покачал Рассвет головой, а ни слова не сказал, только подумал, какие, мол, стервецы! Хорошо еще, что не себя к веревке привязал, быть бы ему теперь мертвым!

Что ему делать? Куда податься? Идет, бредет, видит стоит домик. Жили в том домике слепые муж с женой. Глаза у них двадцатичетырехглавый дракон вырвал, за то что они однажды овец в его владения загнали.

Рассвет взошел в дом. Двое слепцов как раз за едой сидели. Он тоже был голодный, забрал все мясо, что перед ними лежало, и съел.

Слепой спрашивает жену:

— Ты что же все мясо съела? На тарелке ничего не осталось!

А жена говорит, нет, не съела.

Тогда муж говорит:

— Ты добрая душа или злая? Откройся, объявись, кто ты есть!

— Добрая, — говорит Рассвет.

И рассказал им все по порядку, с начала до конца,

кто он таков, зачем здесь очутился и прочее иное. И они ему в ответ про свои беды рассказали.

Коротко говоря, подружились они.

Рассвету ничего другого не оставалось, как наняться к ним овец пасти. Не мог же он бездельничать! Слепые ему наказали, чтобы он в драконовы владения не заходил, убьет его двадцатичетырехглавый дракон!

Рассвет пообещал, что не будет, но когда дошло до того, конечно, перегнал овец на другую сторону. Тут и схватился с драконом.

Да что ему дракон?! Двадцать три головы играючи отхватил, будто масляные. Двадцать четвертую как раз замахнулся отрубить, да только взмолился дракон:

— Ох, не отсекай, оставь мне последнюю голову! А я верну глаза твоим слепцам!

— А где они?

— На макушке дерева, в горшке.

— Неси их сюда, пёс! — кричит на него Рассвет.

Пошел дракон, принес глаза, да как проворно!

Рассвет положил их в карман и одним махом отсек дракону ту единственную голову, что еще оставалась. Потом завернул стадо назад и отправился домой, к старикам.

— Бог в помощь, день добрый!

— Бог в помощь! Что нового?

— Я вам глаза принес, а дракона убил!

Обрадовались старики. Рассвет тут же и вставил им глаза, да только с хозяйкою занялся, а кошка один глаз схватила и убежала, Рассвет за ней, а она уж и слотнула.

Тогда Рассвет так надумал, чтоб один глаз у кошки вынуть и вставить хозяйке. После того сделался у ней, у бедняги, кошачий прав, всю ночь напролет знай мышей ловит! Ну, да все равно отблагодарили старики Рассвета, подарили на добрую память брильянтовое платье.

Ну, хорошо. А только пришла Рассвету одна мысль, и очень он огорчился. Пришло ему на мысль, что, мол, теперь братья поделявают? Может, уже и свадьбу играют? Решил он дальше там не оставаться, отказался от службы и отправился, куда глаза глядят.

По пути попалось ему гнездо птицы гриф, а в гнезде

птенцы были. Как раз в это время ударил сильный град, пожалел он птенцов, накрыл их своим балахоном.

Как ушла гроза, прилетела домой птица гриф, смотрит — а птенцы живы. Спрашивает она, кто их спас. Они и отвечают, что какой-то человек балахоном их накрыл, вои он, под деревом сидит.

Птица гриф мигом вниз слетела, к Рассвету.

— Это ты моих детей от града спас?

— Я.

— Чем мне тебя отблагодарить? Ведь, поверишь ли, до сей поры что ни год, птенцов градом побивало, ни разу еще не сумела я их вырастить!

— Ничего мне не надо, кроме одного: вынеси ты меня отсюда на вольный воздух.

— Ладно, коли такое твое желание.

После говорит птица гриф Рассвету:

— Вот жареный вол и бочка вина. Клади мне на спину! Как поверну к тебе голову, дашь мне кусок мяса и добрый глоток вина.

Взвалил ей Рассвет на спину и вола жареного, и вина бочку, сам на спину уселся, и полетели, полетели они кверху.

Они уж почитай что и наверху были, и тут все вино и все мясо вышло. Нечего больше давать, а птица гриф все рот разевает, корму ждет. Что делать? Взял он да и срезал икру с одной ноги. Бросил ей в рот.

Проглотила птица, тут они наверх и вылетели. Слез Рассвет с птичьей спины, поблагодарил и хотел было домой идти.

Только останавливает его птица гриф.

Спрашивает:

— Послушай-ка, что это было такое, что ты мне в самый последний раз дал?

— Икра с моей ноги!

— Ай-яй-яй! Знала б я, что человечье мясо такое вкусное, съела б тебя. Но теперь уж не трону, ступай с Богом!

Скоро он и до дому добрался. А дома — у короля, значит, — свадьбу играют.

Оделся он нищим, в лохмотья, и так взошел в кухню.

Никто его не признал, первым делом, из-за лохмотьев, а еще оттого, что так долго не видали.

Веселятся гости, и вдруг Рассвет начинает:
— Господа, можно мне слово молвить?
Разрешили. Что он может вымолвить, такой нищий оборванец?

Он говорит:

— Ежели брат брата изведет, чего он заслуживает?

Вечер отвечает:

— Того заслуживает, чтобы привязали его к конскому хвосту и по городу, из конца в конец, волочили!

— А ежели кто королевен вызволит, тот чего заслуживает?

На это отвечал Полуночник:

— Королевниной руки:

Тогда Рассвет спросил стакан вина, отпил до половины, опустил кольцо и послал стакан старшей королевне. Она, как увидела кольцо, заплакала.

Спросил он другой стакан вина, в него тоже кольцо опустил, послал средней королевне. Она тоже заплакала.

Спросил и в третий раз и в третьем стакане послал кольцо меньшей королевне.

Она не заплакала, а встала и сказала:

— Ты наш спаситель! Подойди, поцелуй меня!

Очень все удивились.

Тут Рассвет сбросил лохмотья, а под ними брильянтовое платье, которое слепые подарили. Все его узнали и очень обрадовались.

Только Вечер с Полуночником трусили, что, мол, теперь с ними будет? Но Рассвет их не тронул, простил их.

На другой день взял он в жены меньшую принцессу. Семь дней свадьбу играли, а после жили, не тужили и, ежели только не померли, то и по нынешний божий день все живут.

6

ПЕТЕР ЛАНДЫШ

Было то или не было, а только жил однажды на свете хозяин, из дворян. Было у него три сына, три дочки. Славлю выучил он всех шестерых, а после по-

мер. Схоронила его жена. Осиротели шестеро малолеток и хозяйка. Вот хозяйка и говорит малолеткам:

— Милые детки, пойду-ка я да найму работника.

— Нет, матушка, не ходите! Что батраку заплатим, то издержим-ка лучше на другое. Я стану и пахать, и сеять. Я стану хозяйствовать, только обед пускай мне приносят — ровно в полдень.

— Сынок, я сварю тебе обед, а старшая сестра принесет — что ни день, ровно в полдень.

— Да, братец, я принесу. Как станешь выходить с плугом за ворота, так сразу опускай сошник и веди борозду.

Провел он борозду. Тут, откуда ни возьмись, — шестиглавый дракон. Засыпал он борозду и провел совсем другую, до своего замка. Понесла девица обед дракону. Дракон подхватил ее, уволок к себе в замок и съел обед. Парень вернулся домой с пахоты сердитый, оттого что остался без обеда.

На другой день средняя сестра вызвалась нести обед. Парень запряг лошадь, провел борозду до края поля. Понесла обед средняя сестра. Прошел двенадцатиглавый дракон, засыпал борозду, провел другую, до своего замка. Опять дракон съел обед. И девица осталась у него за хозяйку. Вернулся парень сердитый-пресердитый, оттого что не принесли ему обеда.

— Вот, значит, как меня кормят обедом, матушка?

— Да я уже двух твоих сестер посылала, и обе пропали. Земля их проглотила, что ли!

— Завтра я понесу обед, милый братец! — сказала меньшая сестра.

В третий раз провел он борозду. Двадцатичетырехглавый дракон засыпал ее и повел другую, к своему замку. Понесла туда девица обед.

— Милое дитя, ты будешь моей женой, — сказал дракон, — а я — твоим мужем. Что я скажу, то ты и станешь делать.

Бросил парень свою пахоту и отправился искать сестер. Пришел к шестиглавному дракону, нашел самую старшую.

— Собирайся, сестра, ступай домой!

— Вот еще! Не пойду!

А дракон как раз домой возвращался. Вперед свою палицу о шести мажа домой закинул.

— Вот сейчас выходит!

Явился дракон домой.

— Здравствуй, любезный шурина! Разводи огонь, женушка, вари обед.

Сварился обед, наелись они досыта. Спустился дракон в погреб, принес кувшин вина, выпили они. Вышли на двор бороться. Как грохнул дракон шурина оземь — так все кости вдребезги. Схоронил его дракон. Тополь на могиле посадил. Растет дерево — ночью быстрее, днем медленнее.

Пошел средний сын к двенадцатиглавному дракону.

— День добрый, бог в помощь, милая сестрица! Когда твоего хозяина домой ждать?

— А вот узнаем: сперва свою палицу о двенадцати мажа домой закинет.

Закинул дракон палицу, после и сам явился.

— Вари, женушка, обед.

Сварила она обед, наелись они досыта. Спустился дракон в погреб за кувшином вина. Выпили они кувшин вина.

— Ну, а теперь, любезный шурина, пошли бороться.

Вышли они на двор бороться. Схватил дракон шурина и как грохнул оземь — вдребезги разбил. Умер парень.

Отправился меньшей брат искать меньшую сестру. Пришел к двадцатичетырехглавному дракону, нашел сестру.

— Здравствуй, милая сестрица. Хозяин твой где?

— Странствует где-то.

— А когда вернется?

— Скоро узнаешь. Как пустится в обратный путь, так на этот большой гвоздь, что на углу замка, сядет палица о двадцати четырех мажа.

Закинул дракон домой палицу о двадцати четырех мажа.

— Стряпай, моя птичка!

Наелись они досыта. Спустился дракон в погреб, принес кувшин вина. Выпили.

— Пошли, шурина, на двор бороться.

Как грохнул его оземь, так он и остался лежать, мертвый. Посадил дракон на могиле тополь — вместо креста.

Теперь уж и три дочки пропали, и три сына. Не

осталось у матери детей. Взяла она серп да мешок, и с тем серпом, с тем мешком пошла на край поля, где ров, траву косить. Увидала она красивый белый цветок и сорвала его. Да ненароком так, что без стебелька. Понюхала — чудо, какой душистый! Бросить жалко стало, и положила она цветок в рот. Сперва держала во рту, а после проглотила. С той поры начала она добреть. И до того раздобрела, что вызвал ее священник.

— Здравствуйте, ваше преподобие! Зачем вы меня звали?

— А затем, соседушка, что ваш хозяин только недавно помер, а вы вон как раздобрели. Бога вы не боитесь, любезная?

— Как помер мой хозяин, я с мужчиною не спознавалась.

— Отчего ж тогда полнеете, соседушка?

— А вот, извольте видеть, ваше преподобие, сорвала я как-то цветок. Чудо какой был душистый, да только остался у меня в руке без стебелька. Выкинуть пожалела, положила в рот. После проглотила. С той поры и добрею.

— Ну, хорошо, ступайте, соседушка, домой.

Женщина пошла домой. Вскорости родился у нее сын, и была в нем колдовская сила. Окрестили его Петером Ландышем. Мать ходила за ним как нельзя лучше. Неделю сосал он грудь, а после говорит матери:

— Матушка, распустите свивальник, распеленайте меня.

Распеленала его мать, Петер пошел играть на двор. Стояло на краю сада толстое дерево, стал Петер с ним бороться. Согнул верхушку и снова пошел в дом.

— Матушка, запеленайте меня обратно и ходите за мною, как раньше.

Еще неделю сосал грудь Петер Ландыш, а потом снова говорит матери:

— Матушка, распеленайте меня, пойду на двор поиграю.

Поиграл он на дворе, вышел в сад, согнул ствол посередине. Прибежал назад в дом.

— Матушка, запеленайте меня, и не кладите в люльку ни днем, ни ночью, и от груди ни на миг не отымайте. Даже к колодцу по воду не ходите.

Только тогда клала она сына в люльку, когда одевалась или раздевалась. Три недели сосал грудь Петер Ландыш. Потом мать распустила свивальник, сняла пеленки. Вышел он из дому и согнул громадное дерево на краю сада у самого корня. Вернулся сын к матери и говорит:

— Принесите, матушка, большую миску.

Принесла мать миску.

— А теперь, матушка, сколько есть у вас молока в грудях, все выдойте в миску.

Мать выдоила молоко — полна миска с краями.

— Теперь, матушка, принесите доску для теста, а на нее муки насыпьте.

Достала мать доску, насыпала муки.

— Молоко вылейте в муку. Вымесите три погачи, только смотрите, воды ни капли не лейте. Испеките их. А теперь, матушка, разыщите шелковые платки и перстни трех моих сестриц. Положите в каждый платок погачу и золотой перстенок и заверните получше.

Вот взял Петер Ландыш три свертка и отправился искать трех сестер и трех братьев. Нашел он меньшую сестру у шестиглавого дракона.

— День добрый, бог в помощь, дорогая сестрица!

— Бог в помощь и тебе!

— Когда муж будет дома?

— Послушай, сынок, почему ты называешь меня сестрой?

— Если называю, значит, я твой брат. Вот, возьми-ка этот платок, разверни его.

Развернула она платок.

— Чей это платок, чей перстень?

— Мои.

— Разломи надвое эту погачу и съешь. Чем пахнет?

— Как будто что матушкиным молоком.

— Теперь узнала, что я твой брат? Когда же муж придет?

— Лучше не спрашивай! Ступай поскорее, куда глаза глядят — убьет он тебя. Ведь это дракон шестиглавый!

— Не тревожься, чем скорее явится, тем и лучше. Разводи огонь, стряпай обед.

— Нельзя, пока мужа дома нет.

— Так когда же он будет?

— Скоро узнаешь: сперва свою палицу о шести мажа домой закинет.

Вышел Петер Ландыш на двор. Метнул дракон свою палицу — Петер Ландыш подпрыгнул и поймал ее на лету. Метнул обратно да на шесть верст позадь дракона и закинул. Плюнул дракон со злости.

— Кто это там хозяйничает у меня на дворе? Неужто этот шенок, Петер Ландыш? Ну, погоди ж ты, дай срок вернусь!

Принес он палицу, на место повесил.

— Здравствуй, любезный шурина! Ну, женушка, стряпай, подавай на стол.

Наелись они досыта, достал дракон ключ от погреба, спустился в погреб, принес кувшин. Вина в кувшине было ровно два стакана. Разлил дракон. Не пьет Петер Ландыш.

— Что ж ты не пьешь, шурина?

— Не стану я пить, зятек! Если ты ко мне придешь, я сведу тебя в подвал и напою вдосталь.

Достал дракон ключ, повел Петера Ландыша в погреб. Было там шесть бочек вина. Осушил Петер Ландыш, одну за другой, пять бочек. Шестую дракон не дал выпить:

— Будет! Оставь мне хоть одну бочку до нового винограда. — И вытолкал Петера Ландыша из погреба.

Вышли они на двор. Говорит Петеру дракон:

— Давай, шурина, поборемся.

Стали бороться. Сгрел дракон Петера, грохнул оземь, вогнал в землю по пояс. Да только выскочил Петер Ландыш, обхватил дракона, грохнул оземь, вогнал в землю по самые подмышки да все шесть голов и отсек. Сестра хотела из окна выпрыгнуть, Петер не велел ей трогаться с места.

Покончил Петер с одним делом, отправился к двенадцатиглавному дракону.

Вошел в двери, поздоровался.

— Чего тебе, мальчик?

— Как это «чего»? Я за тобой пришел, я твой брат.

— Да что ты! Нас, братьев и сестер, шестеро, и все шестеро здесь. Никакой ты мне не брат.

— Если не признаешь меня за брата, вот сверток — разверни.

Развернула она.

— Чей это шелковый платок? Чей золотой перстень?

— Мои.

— Разломи надвое эту погачу, съешь. Какой вкус?

— Будто молоко моей матушки. Признаю тебя за брата!

— Когда муж домой вернется?

— А вот узнаешь — он сперва свою палицу о двенадцати мажа домой закинет.

Вышел Петер Ландыш на двор, ждет палицу. Как метнул ее дракон, Петер Ландыш поймал и на двенадцать верст позадь дракона закинул. Заплевался дракон, ровно хомяк.

— Кто там нахальничает? Уж не этот ли щенок, Петер Ландыш?

Пришел дракон домой. Поели они. Когда наелись досыта, спустился дракон в погреб и принес кувшин вина. Выпил дракон свой стакан, а Петер Ландыш не пьет.

— Почему не пьешь, шурин?

— Не стану пить.

— Почему?

— Если ты придешь ко мне в гости, я тебя туда сведу, где всему питью начало.

Тут пошли они в погреб. Двенадцать бочек вина было у дракона. Петер Ландыш выпил одиннадцать, а двенадцатую дракон не дал.

— Уймись! Оставь мне хоть одну бочку вина! Пойдем, шурин, бороться!

Схватились Петер Ландыш с двенадцатиглавым драконом. Дракон загнал Петера в землю по самые подмышки. Да только изловчился Петер, сгреб дракона, да так сгреб, что и дух из него вон. Иногой на шею наступил.

Тут отправился Петер Ландыш к третьей сестре.

— Здравствуй, милая дорогая сестрица!

— Бог в помощь! Чего тебе тут надобно, мальчик?

— Я твой брат.

— Ох, да какой ты мне брат!? Мы, все шестеро, здесь.

— Вот тебе платок. Разверни.

Развернула она.

— Чей это шелковый платок и золотой перстень?

— Мои.

— А вот тебе погача — разломи надвое, съешь.

Съела она.

— Какой вкус?

— Ровно бы матушкино молоко.

— Когда вернется твой муж?

— Скоро узнаешь. Весь замок задрожит. Огромный-преогромный гвоздь торчит в стене — на него сядет палица о двадцати четырех мажа.

Вернулся дракон.

— Эй, собирай-ка ужинать!

Поужинали они. Дракон принес кувшин с вином. Вина в кувшине как раз на два стакана. Не пригубил Петер Ландыш свой стакан.

— Почему не пьешь, любезный шурин?

— Не стану пить. Ежели ты придешь ко мне в гости, я тебя в погреб сведу, напою доотвала.

Пошли они в погреб. Было там у дракона двадцать четыре бочки. Выпил Петер двадцать три бочки вина.

— Оставь мне хоть одну бочку до нового винограда. Пойдем-ка, милый любезный шурин, поборемся!

Схватились они на дворе, стали бороться. По самые подмышки вогнал дракон Петера в землю, да Петер молодой был — выскочил. Сгрёб дракона, грохнул оземь — вогнал в землю по шею. Потом достал из кармана нож и одним махом отсек дракону двадцать три головы. Только одна и уцелела.

— Пощади, Петер Ландыш! Помилуй, шурин Петер! Оставь мне хоть последнюю голову, я дам грамоту в том, что уйду из этой страны и никто обо мне больше не услышит.

— Ладно, зять, оставлю тебе последнюю голову. Так и быть, живи. Но только чур: вы уложили моих братьев в могилу — вы их и на ноги поднимите. Без этого не оставлю тебе двадцать четвертой головы.

Ручьем бьет из дракона кровь. Помазал он своею кровью все три дерева на могилах у братьев. Все три вскочили на ноги. Так остался дракон жить с одной головою. Написал уговор, что уйдет из той страны и никто больше про него не услышит. И правда, ушел, и до сего дня никто про него не слыхал.

Разделался с драконами Петер Ландыш. Собрал он шестерых братьев и сестер, и все отправились домой, — такие веселые, такие довольные! Мать как раз под-

метала и убирала двор. Дошли они до дому, увидела мать семерых своих детей у ворот, отворила ворота, впустила детей. Вошли дитятки во двор. Мать подхватила на руки Петера и крепко его расцеловала, а потом и остальных. Тут созвала она всю деревню:

— Дома трое моих сынков, три доченьки, словом сказать — все шестеро дома!

Пошел у них пир горой. Едят, пьют, забавляются, что только душе угодно — все у них есть! Мать от радости голову потеряла. Очень все радовались. Тут Петер Ландыш поцеловал троих братьев, трех сестер:

— Дорогие мои братцы, дорогие сестрицы!

Попрощался Петер с тремя братьями. Потом обнял мать, прижал к груди, поцеловал.

— Ну, дорогая матушка, а теперь отведите меня обратно, где сорвали, — в ров.

Пошли они туда, где мать сорвала цветок. Обнял он мать, поцеловал.

— Дорогая матушка, милая матушка, больше вы меня не увидите!

Земля уже расселась надвое.

— Значит, уходишь, милый сыночек?

— Ухожу.

Приложил он руки к голеним и прыгнул вглубь, в ров. Вернулась мать домой. Веселятся шестеро детей, уж как веселятся! Едят, пьют, забавляются, плоски зажгли! С той поры жили — не тужили, да и теперь всё живут, если только не померли.

7

ВОЛШЕБНЫЙ ВОЛ И ЕГО ХОЗЯИН

Может, было то, а может, и не было, только жил однажды за Морем-за Океаном один бедняк, и был у него сын. Жена у бедняка померла, и он женился в другой раз. У той женщины было пять дочерей. У самой меньшей было три глаза, у второй — четыре, у третьей — пять, у четвертой — шесть, у пятой — семь, один совсем назади, на шейной косточке.

Была у бедняка пара волов, и левого в запряжке

звали Озорник. Сын каждый день гонял волов на пастбище. Мачеха всегда пекла ему на дорогу хлеб из отрубей. Только это он всегда и ел, хлеб из отрубей, и вот пожалел его левый вол, говорит малому:

— Милый, дорогой хозяин, чем только ты жив — одним хлебом из отрубей! А у меня в правом рогу вдосталь еды, только будь настороже. Вытянешь правый рог — и кушай, что душа ни пожелает.

Вытянул малый у вола правый рог, и тут же появился перед ним стол. Малый поел, попил, всунул рог на место.

Так и пошло изо дня в день, и малый становился все полнее да румянее. Мачеха только дивилась, как это пасынок с отрубей все румянее да румянее. И так рассудила, что надо послать меньшую дочку, пусть присмотрит за малым, поглядит, что он ест. Вышел малый вечером к волам, корму задать. Да вол-то волшебный был, знал уж, что завтра случится. Говорит он малому:

— Смотри, завтра пойдет с нами трехглазая девчонка. Ты с нею все играй, покуда она не уснет. Да проверь, как надо, глаза, все ли спят, потому как иначе углядит она, откуда у тебя еда, и, ох! худо тебе придется!

Малый так и сделал. По ту пору играл с девчонкой, покуда она не уснула и все глаза не зажмурились. Тогда вытянул он у вола рог, наелся досыта и снова на место всунул. Воротились они вечером домой, спрашивает мать у дочки:

— Ел он что ай нет?

— Кроме хлеба из отрубей, ничего, — говорит девчонка.

На другой день послала она четырехглазую — проверить, что малый ест. Да вол снова упредил, чтобы он был настороже и снова играл бы с девчонкой, покуда она всеми четырьмя глазами не уснет. Малый так и сделал. По ту пору играл, покуда она совсем не уснула. Как проверил, что спит, вытянул у вола рог, поел, попил, на место воткнул. Вечером воротился. Спрашивает мать у дочки, что она видела, а та ничего сказать не может.

На другой день снова рассудила мачеха, что надо послать пятиглазую. А вол снова сказал малому, что

будет. Пусть, дескать, играет с нею, покамест все пять глаз не уснут. Малый так и сделал. По ту пору все играл с девчонкой, покуда не уснула. Наелся, напился досыта, воткнул рог обратно, достал хлеб из отрубей, угощает и девчонку, отведай, мол. У девчонки был с собою другой припас, из него и поела, а отруби отвеживать не стала. Вернулись вечером домой, и рассказывает она матери, что, кроме хлеба из отрубей, ничего не видала.

— Еще и меня тем же хлебом угощал.

На другой день надумала хозяйка послать шестиглазую и ей то же наказала — выследить, что малый делает. Но и ей не больше, чем остальным, повезло. Вечером мать, как следует быть, ее отодрала, за то что ничего не увидела. И надумала, что пойдет теперь семиглазая девка. Но вол снова говорит малому, чтобы он остерегался. Заплакал вол и говорит ему так:

— С этой семиглазкой по ту пору играй, покамест всеми семью глазами не уснет. Да хорошо проверь глаза, потому как оба в беду попадем!

И правда, малый играл по ту пору, покуда не заснула девчонка. Проверил он глаза, да одного, что на шейной косточке, не углядел, а им не спала девчонка. Увидела она, как парень вытянул у вола рог, поел, попил. Вечером рассказала матери, отчего малый такой румяный, такой довольный. Оттого, что такие яства кушает, что и у баронов не лучше, и всё — из Озорникова рога.

Мачеха прикинулась больной и говорит мужу, что по ту пору не поправится, покуда ей Озорникова мяса не дадут отведать. Очень не хотелось хозяину резать вола, а все ж уступил.

Плачет вол, жалуется малому, потому что малый совсем ничего и не знал:

— Знай, сынок, завтра будут меня резать. Но ты послушайся моего слова, и мы оба убежим. Завтра, как поведут меня на бойню, попроси у батюшки, чтобы ты меня отвел. После я опущусь на колени, а ты живей садись промежду рогов.

На другой день повели вола резать. Как вол опустился на колени, малый мигом вскочил промеж рогов, а вол уж не по земле идет, в воздух взвился. Улетел вместе с малым, только его и видели!

Летят они с волком, долго летели и много спустя прилетели в красивый медный лес. Малому захотелось сорвать красивый медный цветок, вот и говорит он волку, что, мол, сорвет один цветок и к шляпе приколется.

Сорвал и приколот к шляпе. Вол говорит:

— Ах, сынок, не надо бы этого делать! Теперь снова мне мука да кручина!

Выехали они из лесу, и загоразживает им дорогу громадный волк.

— Эй, стойте! Вы зачем мой медный лес трогали? Придется тебе, вол Озорник, со мною биться!

— Что ж, — говорит вол Озорник, — будем биться.

Схватились они. Трижды боднул вол и в третий раз так подхватил волка рогами, что на три сажени в воздух подкинул. Упал волк наземь, и шея и лапы сломаны, шевельнуться не может. Говорит вол малому:

— Видишь теперь, что я очень даже просто мог попасть волку в зубы? Больше не вздумай цветы в лесу собирать!

Идут, бредут, долго шли, наконец, оказались в красивом серебряном лесу. Очень красивый был лес, весь в серебряных листьях и цветах, и стал малый упрашивать вола, чтоб ему и отсюда унести один цветочек. Вол просит-молит, чтоб не рвал ничего, потому что тогда снова надо ему биться, но малый по ту пору упрашивал, покамест вол не разрешил сорвать один серебряный цветок.

Дальше пошли, вышли на опушку. Вышли, а там стоит лев.

— Что там звенело в лесу, вол Озорник? Я слышал, вы трогали мой серебряный лес!

Схватились они со львом, вол как боднет — насквозь рогами бок просадил! Но и лев как-то сумел, откусил волу правое ухо.

— Ну, — говорит вол малому, — видишь, теперь я меченый. В третий раз не вздумай ничего рвать, тут уж я жизни решусь.

Идут, бредут дальше и в скором времени попадают в лес из чистого золота, полон лес прекрасными золотыми цветами. Малый стал упрашивать, чтобы снова сорвать ему один цветик, золотой. А вол плачет, молит:

— Не рви! У этого леса целых два сторожа!

Да не послушался малый, снова сорвал цветок. Помотал вол головой:

— Вижу, конец мой близко. Но вот что запомни: как стану я биться с зайчишкой, правый рог отвалится и отлетит далёко, а ты не зевай, скорей его подними и тут же уверни в платок — он тебя прокормит, лучше не надо!

Ну, вот, выходят они на опушку, а там стоят тигр, дракон о трех головах и черный зайчишка.

— Ну, вол Озорник, теперь или сдавайся и будешь вместе с мальчишкою нашим рабом по гроб жизни, или же будешь биться с нами, со всеми тремя по очереди. За то, что тронули вы золотой лес.

Малый пригорюнился, заплакал, что волу погибать, а вол говорит:

— Не плачь, это еще не последний бой, с тигром я еще потягаюсь.

На другой день, в обед сразились, и вол прободал тигру шею. После ушел пасть, а малому наказал:

— Ежели кто станет меня спрашивать, скажешь, что я буду завтра в обед, а ежели не отвяжется, заиграй в свою свирелку, я тут же и объявлюсь.

Пришел черный зайчишка, спрашивает у малого, где вол Озорник. Парень заиграл в свирелку, веселую заиграл, плясовую. Говорит ему черный зайчишка:

— Не трожь свирелку, не надо! Скажи только, что завтра в полдень ему со мною биться, так велел дракон о трех головах, этого леса король.

Приходит вол, спрашивает у малого:

— Почему так весело играл в свирелку?

— Как же мне не играть, когда приходил сюда маленький зайчишка, говорит, с ним тебе биться!

Говорит вол:

— Он мне голову и снесет.

Схватились они с волком. Зайчишка все только скакал вокруг вола, а после, глядь! под брюхо ему нырнул. Так подкинул вола, что он тут же надвое и развалился, а правый рог на две, не то на три сажени отлетел. Малый подобрал рог, обернул платком.

Идет дальше один, горюет. Шел, шел, вышел на красивый луг. Присел у ключа, достал рог, поел, попил, после лег, уснул. Проснулся — и видит: стадо громад-

ное, весь луг заняло! Он и вовсе огорчился, не знает, как стадо обратно в рог загнать, оно ведь всё оттуда вышло!

Тут, откуда ни возьмись, старуха, сущая ведьма. Видит она, что малый пригорюнился, а малый жалуется ей, в какую, мол, беду попал.

— Не умею, — говорит, — все это стадо в рог загнать.

— Только-то и всего? — говорит ведьма. — Ну, тогда беда невелика. Я и загоню, и дорого не спрошу: поклянись, что никогда не женишься, — вот и всё!

Куда ж денешься? Поклялся парень, старуха — за дело, в два счета загнала стадо. Попрощался парень со старухой, дальше пошел.

Скоро встретила ему на пути мельница, попросился он переночевать. У мельника была пригожая дочка. Полюбил малый девицу, а девица — малого. Но девица сильнее полюбила и стала просить, чтобы взял он ее замуж. Малый и рассказал ей про свою клятву, что никогда, мол, не женится.

— Только-то и всего? — говорит мельничиха. — Я тебе помогу. Не бойся, ничего худого с тобой не случится.

Поженились они с девицею, обвенчались, гости разошлись, весь дом спать улегся, а мельничиха поставила на стол хлеб и кувшин с водой, а подле двери — железный черпак черенком вниз и метлу, тоже черенком вниз. В полночь является ведьма. Кричит метле:

— Отворяй двери, метла!

Метла говорит:

— Не могу, на голове стою!

Кричит черпаку:

— Черпак, отвори!

— Не могу, тоже на голове стою!

Кричит ведьма в дом:

— Выходи, насильник над клятвою! Все равно тебе конец!

Отвечает ей хлеб:

— Ты, ведьма, псица, ты что же это, простить не хочешь, когда я и то прощаю! Меня в землю бросают, я вырастаю, после меня косят, после молотят, мелют, вымешивают, пекут, после едят. Вон сколько всяких мук терплю, а прощаю!

— Ох, ты, окаянство! — закричала ведьма. — Тут живет ведьма посильнее моего!

И до того она разозлилась, что сей же час надвое треснула. А молодые всё живут, если еще не померли.

8

ДЕРЕВО ДО НЕБЕС

Было то или не было, за седмижды семью землями, а может, и того дальше оседлал я буланку, сел верхом да поскакал в лес. Наелся, напился, спать повалился, буланку в головы положил. Проснулся — нет буланки, увели! Испугался я. Взбежал на гору, влез на дерево. Так потряс дерево, что сливы, орехи да тутовые ягоды чуть что голову мне не проломил. Тут одна старуха как крикнет на меня:

— Эй, ты, малый! Не топчи репу и редьку — не ты сажал капусту!

Был на свете один король, а у короля был свинопас, и звали его Янчи. Как-то утром заметили они с королем, что перед замком выросла яблоня. И вот какая была яблоня: утром цвет на ней, в полдни — уж завязь, к полночи — спелые яблоки, но еще до света все обобрано.

Повестил король по всей стране: кто принесет ему хоть одно яблочко с той яблони, получит в жены королевскую дочку и полкоролевства, а как помрет он — так и вторую половину. Вот уже больше семи лет, как он хворал, и одна старуха ему наворожила, что, ежели вырастет у него под окном яблоня и ежели отведаст он того яблочка, — мигом поправится.

Многие пытались взобраться на дерево, да никто не смог. Вот и говорит королю его свинопас:

— Ваше королевское величество, с позволения сказать, коли будет на то королевская воля, я влезу и принесу яблоко.

Засмеялся король:

— Что ты надумал, сопляк? Куда ни графы, ни герцоги взобраться не смогли, ты надумал взобраться? Ступай к своим свиньям!

А свинопас знай свое твердит. До той поры докучал, пока не получил позволения. Сказал ему король так:

— Ладно, парень, говори, что ты надумал. Каким способом думаешь влезть на дерево? Что ни понадобится, все тебе дам.

Говорит ему парень так: перво-наперво, пусть король велит сделать три железные скобы в обхват дерева — он по ним и полезет, будто по лестнице. А еще нужно три пары железных поршней и еды на неделю.

В тот день, как все было готово, отправился парень. И в тот же самый день так высоко залез, что уж и видно не стало.

Лез он день, лез другой, лез третий, а после заметил, что прохудились поршни. Железо в ногу впилося. Снял парень поршни, бросил вниз:

— Ступайте обратно, к моему хозяину!

Как упали поршни, как шлепнулись оземь, король и говорит:

— Ну, малый еще жив да уже поршни сменил — эти совсем худые.

Так к седьмому дню, покуда он добрался до кроны, все три пары и прохудились. И как раз в это время пришла девица, хозяйка того дерева. Сорвала она яблоко и положила в передник.

Долез он до седьмого сука и тут увидал лестницу — прямо наверх и ведет, шагай себе да шагай. Подумал парень:

— Ну, спасибо королю, помог. Кину-ка я ему обе пары, пусть видит, что я все живой. И топорик — он мне теперь ни к чему.

А был он уже на такой вышине, что, покамест топорик долетел до земли, топорище истлело. И поршни ржа до того изъела, что их насили и признали. Караульщик признал, которого король приставил к дереву — ждать неотступно знаков от малого (может, еще что уронит) и о том немедля докладывать.

Но свинопас теперь и думать позабыл про короля, он был теперь в большом замке. Прошел одну комнату, другую, третью, дошел до одиннадцатой, и там увидел девицу, да какую пригожую! В жизни такой красоты не видывал! Королевская дочка тоже собой хороша была,

но против этой девицы — бледная фиалка, да и того меньше!

Поздоровался он:

— День добрый, ваше высочество! Не знаю, как вас величать, — королевною или еще как, — а только хочу оказать вам всяческое почтение.

Говорит ему королева:

— Я, — говорит, — и в самом деле королева, да только сирота. Родители мои померли, осталась я сиротой. Но скажи мне, парень, как ты сюда попал, куда из твоих краев и птица не залетает?

Говорит ей парень:

— Я, — говорит, — ваше высочество королева, службы ищу.

— Тогда, — говорит, — очень кстати ты явился, потому что я совсем одна. Доброго слугу я бы очень даже охотно взяла. Можешь оставаться здесь со мною, сколько пожелаешь. Что запросишь, то тебе и стану платить. Одно смотри: в двенадцатую комнату не входить!

Парень согласился, пообещал служить с верностью, усердием и прилежанием. Еду получал хорошую, обедал за одним столом с королевною.

Так оно и шло и до того дошло, что обручились они с королевной.

Однажды говорит королева:

— Я уйду в церковь. Вот ключи от одиннадцати комнат. Все комнаты вымети, приberi и обед свари. Всё уж и готово, только огонь развести нужно. Но ключа к двенадцатой комнате не ищи.

Так жили они несколько времени. Малый все исполнял, а про то, что может быть в двенадцатой комнате, и думать не думал. Как-то раз, однако ж, разобрало его любопытство. Хоть бы взглянуть, что там такое, в этой комнате! Когда королева ушла в церковь, принялся он искать ключ от двенадцатой комнаты — чтобы подмести и ее: вон ведь как давно там не убирались.

В углу стояла старая метла. Парень подумал: надо эту дрянную метлу выбросить — на что она здесь? Но только стронул он метлу с места, как дверь в двенадцатую комнату отворилась. Он мигом вошел, а дверь тут же за ним и захлопнулась.

Осмотрелся он и увидел: пригвожден к стене громадный семиглавый дракон. К обеим ногам дракона привешано по железному шару о пяти мажк каждый. Два крыла прибиты двумя громадными гвоздями, а борода зажата между двумя громадными жерновами.

Заговорил дракон:

— Вот хорошо, что ты пришел, сынок! Пожалуйста, принеси мне ведро воды — получишь целое королевство. Только, — говорит, — не вздумай замешкаться, а не то я так на тебя дыхну, что сразу же и задохнешься. Впрочем, — говорит, — и выходить никуда не надо. Вон там, в углу три ведра со свежеею водой. Очень мне хотелось из них напиться, только подать было некому. Влей-ка мне в крайний рот полведра и в другой крайний рот полведра, потому как, — говорит, — голов у меня семь.

Парень так и сделал.

— Спасибо, сынок, — говорит ему дракон. — Одно королевство у тебя уже есть. Одно я тебе уже дал. Теперь, будь такой любезный, возьми и другое ведро. Разливай так же, как первое. Одну половину — в один рот подле крайнего, другую — в другой, с другой стороны.

Когда и это было исполнено, драконова борода вышла из-под жернова, а оба железных шара спали с обеих ног, потому как он выпил уже два ведра воды.

— Теперь, — говорит, — давай и третье! Лей в средние рты, те, что обочь самого среднего, одну половину — в один, другую — в другой. Так же, как второе ведро разливал.

Парень и тут послушался.

Говорит ему дракон:

— Спасибо, сынок, ты меня почти что освободил, но теперь попрошу тебя еще об одном, чтобы нам обоим освободиться и выбраться из этой комнаты. Попробуй-ка — дверь-то заперта. Ни тебе, ни мне не выйти.

Не поверил парень. Толкнулся в дверь — а ну как еще открыта? Куда там! Как дракон сказал, так и было. Заперта. Не смог он выйти.

Говорит ему дракон:

— Вон там стоит маленький шкафчик. В среднем ящике лежит маленькое яблочко. Пожалуйста, кинь мне его в самый средний рот.

Отыскал парень яблоко, кинул дракону в пасть. Дверь тут же отворилась. Дракон встряхнулся и улетел. А улетаая, крикнул:

— Мы еще свидимся!

Тут и парень вышел и снова принялся за свои дела. Были у него три волшебных коня. Все ржали, один другого громче, потому что почуяли, что их хозяйина провели.

Между тем прекрасная Этелка вернулась домой. Только вошла в комнату, сразу спрашивает:

— Что ты наделал, Янош? Ведь я тебе сказала, в двенадцатую комнату не ходи! Теперь, — говорит, — недолго нам быть вместе. Попусту мы обручились, потому что, как повенчаемся, дракон сразу меня и унесет.

Заплакал малый. Коли знал бы заранее, ни за что бы не ходил.

— Ох, милый ты мой, нынче уж поздно плакать. Посулил тебе дракон три королевства, да пользы от того никакой не будет. Потому что все три королевства, какие получишь от дракона, уйдут на три стороны того ради, чтобы меня вернуть.

Вошли они в комнату, кинулись друг другу на шею и заплакали в один голос. Зачем он был такой дурень, зачем не послушался невесты?

Пробыли они дома целую неделю. Наступило воскресенье — день свадьбы.

Созвали они ближайшую родню. Кто был из ближайшей родни, проводили их в церковь.

Вот отошла обедня, молодых повенчали, и вдруг налетел вихрь. Стали они выходить из церкви, и в самых дверях выхватил дракон у Яноша жену и крикнул:

— Три королевства дал я тебе, сынок, трижды можешь навестить свою женушку. Но обратно не вернешь никогда!

Снова заплакал Янчи. Отправился он с гостями домой, да только без новобрачной. Закручинился он, запечалился. Что делать, как быть, куда податься? Надо жену сыскать и вернуть, хотя б и голову пришлось сложить.

Вот заходит он, кручинный, в конюшню и начинает жаловаться своим лошадям:

— Любезные мои лошадки, унесли вашу хозяйку!

Говорит ему старшая лошадь:

— Не горюй, любезный хозяин, мы ее вернем. Седлай меня! Еду бери, питье на нас на обоих, клади на луку!

Поутру оседлал ее Янош. Сел верхом и улетел, потому что лошадь была волшебная.

Мчат-летят они над холмами-долами, из страны в страну, над лесами, лугами, полями — нигде и следа не видать, куда подевалась, куда запропастилась.

Говорит ему лошадь:

— Погляди, любезный хозяин, на землю. Вон маленький домик, а у дверей стоит женщина. Погляди-ка, это не она? В руках лохань с бельем, белье все в крови. Вот пошла к колодцу, стирать.

Мигом спустились. И в самом деле, она! Кинулись они друг другу на шею, поцеловались, заплакали от радости и от горя разом.

Спрашивает парень:

— Есть у нас с лошадью время, чтоб передохнуть немного?

— Есть, — говорит, — только очень мало, потому как дракон каждую минуту может нагряться.

Говорит ей парень:

— Тогда не будем мешкать! Собирай свои вещи, садись на мою лошадь, и едем!

— Я сяду на твою лошадь, — говорит она, — но все равно дракон захватит нас на полпути, потому что у него лошадь еще лучше твоей.

— Об этом не тревожься. Знай, садись — да едем!

Села она на лошадь, и они отправились в обратный путь.

Чуть приметил драконов конь, что увезли хозяйку, сейчас стал брыкаться, копытами землю роет, ржет. Мигом явился дракон домой. Как заругается на своего коня:

— Пес сгрызи твои потроха, ворон выклюй твои глаза! Сено — под носом, овес — под носом, ручей — под носом, чего тебе еще надо!?

— Твою жену увезли!

Спрашивает его дракон:

— Успею я поесть, попить, орехов мешок поколоть и съесть?

— Все успеешь, все равно мы их захватим.

Дракон поел-попил в свое удовольствие, наколот мешок орехов, выкурил мажа табаку. После вскочил на копя и пустился вдогонку. Летел несколько часов, нагнал парня, запросто вырвал жену у него из рук.

— Янош, — говорит, — сынок, одним королевством меньше!

Закручинился Янош: что ему делать? Лошадь и говорит:

— Любезный хозяин, летим сейчас домой, и садись-ка ты на мою младшую сестру. Она и моложе, и порезвей, и повыносливей. Может, с нею что и выйдет.

Янош так и сделал — прямиком домой. Да непокойно было у него на сердце. Едва дождался зари и, чуть рассвело, отправился. Лошадь хорошо знала дорогу — ей сестра объяснила: они, все три лошади, были сестры.

Так шибко они летели, что в полдень уж и прибыли. Увидал он жену — стирает у колодца и плачет.

— Вот, — говорит, — любезная жена, снова я за тобой приехал. Садись на мою лошадь, и сей же час едем.

— Поехать можно, — говорит жена, — но только я знаю, что понапрасну это, потому как снова он нас захватит.

Отвечает ей лошадь:

— Любезная хозяйюшка, пока только можно, покамест жилы стерпят, — не захватит!

Вскочили они на лошадь и тут же повернули домой.

А драконов конь уже и брыкается, и ржет, и копытом землю роет. Дракон налетел с вихрем, с громом. Заругался злобно:

— Пес сгрызи твои потроха, ворон выклюй твои глаза! Сено — под носом, овес — под носом, ручей — под носом, чего тебе еще надо?!

— Твою жену увезли!

— Успею я поесть, попить, орехов мешок поколоть да съесть и еще вздремнуть?

— Все успеешь, все равно их захватим. Но особенно не мешкай.

Быстро вскочил дракон на коня, пустился вдогонку. Малое время спустя нагнал парня.

— Ну, Янош, — говорит, — теперь уж двумя королевствами меньше!

Уж близко были к границе, а без пользы. Не перешли.

Снова улетели домой, за третьей, самой молодой лошастью. На другой день, рано поутру, чуть занялась заря, отправились. Лошадь и говорит:

— Жизнь или смерть, хозяин, а сейчас такую дорогу попытаем, какую еще не ходили.

Отправились, летят, только летят где по земле, где по воздуху. Снова нашли тот дом. Королевна опять кровавое белье у колодца моет.

— Ну, любезная жена, в третий раз я за тобой приехал. Садись на лошадь!

— Сяду, но знаю, что попусту.

Сели, мигом отправились домой. А драконов конь мигом заметался. Приходит дракон, сердитый-пресердитый.

— Что ты мне не даешь посидеть спокойно с гостями? Нет от тебя покою, хоть ты что! Пес сгрызи твои потроха, ворон выклюй твои глаза! Сено — под носом, овес — под носом, ручей — под носом, чего тебе еще надо?!

— Твою жену увезли!

Говорит ему дракон:

— Успею поесть-попить, орехов мешок поколоть да съесть?

— Успеешь, времени у нас еще вдоволь.

Дракон принялся за еду, за питье. Да и дело-то плевое — семи пастям мешок орехов наколоть да съесть, семи парам глаз вздремнуть маленько.

Скоро вскочил на коня, пустился вдогонку. Те уже приближались к краю последнего королевства, всего их у дракона двенадцать было. Поблизости от границы последнего королевства поймал их дракон.

— Ну, Янош, сынок, теперь все три королевства ты упустил. Я тебе сказывал: три раза приедешь за женой — стерплю. Но еще раз приедешь — головой заплатишь.

Забрал королевну и улетел к себе.

Говорит лошадь парню:

— Любезный хозяин, хоть умрем, а еще раз удачу попытаем!

Говорит ей парень:

— Головы не пожалею, любезная лошадка, а только

— жизнь али смерть! — а жена домой непременно воротится.

Прилетел дракон, ссадил королевну, сам опять к гостям ушел. Парень тут же следом прибыл. Стал жену спрашивать:

— Любезная женушка, сядь еще раз на мою лошадь. Голову сложу — не пожалею, потому что тогда твое сердце обо мне не заболит.

Королевна спрашивает, чтоб отступился Янош, потому как на верную смерть идет.

— Мне головы не жаль! Только садись скорей да едем!

Села королевна, мигом повернули домой. Дорогой лошадь и говорит:

— Ну, любезный хозяин, теперь держись! Нынче либо умрем, либо до дому доберемся.

Чуть они отправились, мигом заметался драконов конь. Снова приходит дракон, злой-презлой.

— Пес сгрызи твои потроха, ворон выклюй твои глаза! Сено — под носом, овес — под носом, ручей под носом бежит, чего тебе еще надо? Почему покою мне не даешь?

Говорит ему конь:

— Твою жену увезли!

— Что? — говорит. — Опять он посмел за нею приехать? Успею я поесть, попить, орехов мешок поколоть да съесть и еще вздремнуть малость?

— Будет болтать-то! Они уж к последнему королевству подъезжают!

Рассвирепел дракон, мигом вскочил на коня, пустился вдогонку. В последнем королевстве, на краю рва поймал их. Всего несколько метров оставалось до свободной земли, тогда бы уж у дракона никакой власти над ними не было.

— Я тебе говорил, проходимец, что трижды помилую, а на четвертый раз — нет!

С этими словами выхватил он жену у мужа из рук, бросил к себе на седло, да как гаркнет:

— Как ты посмела сесть еще раз на его лошадь, когда я тебе наказал, чтобы ты имени его больше никогда не поминала?!

Тут наскочил он на парня и разорвал в клочья. На спине у лошади был мешок, дракон велел королевне

собрать все клочки, сложить в этот мешок и привязать к седлу, чтобы лошадь отвезла домой.

— Пусть и дома увидят, что ждет того, который посмеет придти за тобою!

Этелка сложила все клочки в мешок, взвалила мешок лошади на спину и примолвила:

— Вези хозяина домой и скажи остальным, чтобы никто и никогда больше за мною не приезжал.

Взметнул дракон королеву на своего коня и улетел с нею домой.

А лошадь Яноша печально поплелась назад. О том печалилась она, о том кручинилась, что несет на спине мертвого хозяина. Как бы из этих клочков снова сделать человека?

Бредет она по дороге и вдруг видит маленькую змейку, а во рту у змейки одна травинка. Спрашивает ее лошадь:

— Что несешь, змейка?

Та и говорит:

— Живую траву. Моего сына телега переехала, спину переломила, теперь вот вылечить его хочу этой травой.

— Дай мне немножко! У меня добрый хозяин, хорошо бы его оживить. Вот он, — говорит, — у меня на спине, в мешке.

— Пожалуйста, лошадушка, — говорит змея, — мне не жалко. — Но только сыночек-то мой валяется прямо на дороге, наедет другая телега, в другом месте спину переломит. Дай сперва его вылечу!

— А я тебе помогу, — говорит лошадь. — Ухвачу его зубами за хвост, не бойся, не укушу, только с дороги уберу, чтобы другая телега не раздавила.

Так и сделали. Потом змея провела раз-другой травинкою по ране, и сыночек тут же исцелился и шустро пополз дальше.

После этого лошадь отыскала маленький лужок, сильно взбрыкнула два раза подряд, мешок и свалился со спины. Развязала она устье мешка и вытрясла мясо наружу, потом носом принялась раскладывать клочки наподобье человеческого образа. Она раскладывает, а змейка травинкой водит. И где она сложит, а змейка травинкой проведет, тут же и заживает.

Когда все было готово, увидела лошадь, что спит хозяин, да еще всемеро красивее сделался. Укусила она его легонько за плечо, приподнялся хозяин. Поставила она его на ноги и лягнула едва-едва.

— Просыпайся, хозяин, не спи!

Парень сейчас и проснулся.

— Ух, хорошо же я спал, любезная лошадка!

— До конца света ты проспал бы, если б не эта змейка. Она подарила мне живую траву, чтобы я тебя снова на ноги поставила.

— Ну, любезная моя лошадка, раз уж я проснулся, опять полетим к дракону? Или сперва домой?

— Сперва домой, хозяин. А через три дня снова в путь отправимся. Дракон тем временем позабудет, что случилось, дурного не заподозрит.

Так и сделали. Вернулись домой. Отдохнули и на третий день снова отправились. Когда выехали, на третий день, лошадь и говорит:

— Любезный хозяин, послушай-ка теперь, что я тебе скажу. Теперь нам нельзя прямой дорогой к дракону, а надо окольной, в объезд замка, потому как даже мертвые ему доносят, коли объедется в стране чужак. И смотри, только тогда входи в замок, когда дракона не будет. Спроси у жены, где купил дракон своего коня. Если не узнаем, никогда ей домой не вернуться.

Вот объехали они замок стороной, спрятались, примостились за холмом и прислушиваются. Как дракон ушел из дому, парень сразу к жене.

Как завидела его королевна, испугалась, глазам своим не поверила.

Янош говорит:

— Любезная женушка, не бойся, это, на самом деле, я. Только спрячь меня так, чтобы никто не прознал.

— А лошадь твоя где?

— В надежном месте.

Тут он обнял ее, поцеловал, повел в комнату. Говорит ей так:

— Любезная женушка, пожалуйста, выпроси у него, где он купил коня. Если он скажет, а после уйдет из дому, я тогда приду. А после отправлюсь туда и тоже раздобуду, еще получше, чем у него. Только одного не знаю, где такого сыскать.

Тут надо было им расставаться, потому что дракон возвращался.

Пришел малый к лошади и говорит ей:

— Любезная лошадка, она спросит, но надо обождать. Может, и этой ночью выведает.

Вернулся дракон из гостей, спрашивает:

— Ну как, готов обед?

Говорит ему жена:

— Сейчас будет готов. Сейчас муженек, сейчас пообедаем.

Подивился дракон на ласковое слово, подивился, что жена не плачет, а говорит самым что ни есть умильным голосом. Сели они за первое блюдо.

— Не в тягость, не в обиду тебе будь сказано, любезный муж, а только хочу у тебя спросить, где ты купил своего коня.

В ответ дракон залепил жене такую плюху, что она отлетела к дверям. Потом говорит:

— Какое твое дело? Зачем тебе знать, где я купил коня? Впрочем, после скажу, — говорит, — погоди. После, когда срок придет. А пока, — говорит, — ступай, неси второе блюдо. Дай поесть спокойно.

Взяла жена блюдо, принесла, поставила на стол. Снова спрашивает:

— Я же тебе сказала, что не со зла спрашиваю, а мне вправду любопытно, где ты купил коня, потому что такого хорошего коня я еще никогда не видывала.

Снова залепил ей дракон плюху, и на этот раз она вылетела в кухню.

— Что это ты все выпрашиваешь да выпытываешь? Не даешь поесть спокойно! Ступай, неси третье блюдо!

Принесла она третье блюдо, поставила на стол. Снова спрашивает:

— Скажи, любезный муж, где же ты все-таки купил коня? Не со зла ведь спрашиваю.

Тут залепил ей дракон плюху в третий раз, да такую, что она вылетела во двор. Заплакала королевна. Говорит ей дракон:

— Теперь я вижу, что ты, и вправду, от чистого сердца спрашивала, но я не хотел тебе верить. Сейчас скажу, обожди только, сперва пройдусь немного.

С тем и ушел. Обошел кладбище, где лежали мерт-

вые, которых он же и убил. Дракон переспросил всех по очереди, не видел ли кто из них чужака.

Мертвые говорят:

— После как твою жену в четвертый раз увозили, никого не было.

Тогда отправился дракон домой. Говорит жене так:

— Ну, добро, садись-ка рядом. Теперь слушай, расскажу. Ему пересказать все равно уж не можешь — сама видела, как я разорвал его в клочки. А тебе одной польза от того невелика. Подле вашего замка, на левом углу, есть тропинка, чуть видна, потому что нетоптанная. Но заметить все-таки можно, трава на ней покороче, чем вокруг. Эта дорожка ведет к Морю-Океану. Где она выходит к берегу, вода в ширину саженной двадцать, а в глубину по колено. Тропинка переходит на другой берег и ведет дальше, в чужую страну. Там живет старуха, Бабка-Железный нос. У нее еще три коня. Один — серый, как железо, он еще вдвое сильнее и проворнее моего. Только старухе надо послужить верой-правдой. У нее в году всего три дня. Кто ей верно послужит, что ни попросит, получит без торгу. Ну, вот ты и услышала, что да как. Будь довольна, а я уйду. Бог в помощь!

С этими словами дракон ушел.

Лошадь тут же говорит малому:

— Дракон вышел в ворота. Скорей, любезный хозяин, ступай, спроси, что он сказал.

Малый мигом в замок. Обнял жену, поцеловал.

— Ну, любезная женушка, что же он сказал?

— Слушай, любезный муженек! У левого угла нашего замка есть дорожка, и ведет она к Морю-Океану. Ты узнаешь ее по траве, на дорожке трава совсем короткая, а кругом высокая. В море воды только по колено, ты там легко перебредешь. В чужой стране живет старуха, ей нужно послужить верой-правдою. У нее еще три коня. Самый молодой — серый, как железо. Он вдвое сильнее против драконова и бежит вдвое шибче. Но как тебе его раздобыть, в этом помочь не могу. Помогай тебе бог! А теперь прощай, дракон сейчас вернется, я слышу, как мечется его конь. Я буду тебя ждать, как бы худо мне ни пришлось. Только береги себя, чтобы не случилось какой беды!

Малый поцеловал жену и расстался с нею. Пришел он к своей лошади, сел в седло. Дорогой пересказал ей все, что слышал. Вернулись они домой. Малый покормил всех трех лошадей, поставил в конюшню. На другой день взял он свою сумку, уложил травинку, что осталась у лошади, — змейка поделила живую травинку пополам, — и пустился по той нетоптанной тропке. Идет, бредет.

Вышел он к морю. Шагнул направо, налево, и правда — не выше колена. Он и двинулся напрямик.

Как выбрался на другой берег, видит, валяется в пыли пригожая золотая рыбка. С одного боку уж высушило ее, обожгло солнцем, но все жива. Пожалел он рыбку, поднял, кинул в воду.

— Бедная рыбка! — говорит. — Здесь ты погибнешь. Вон как испеклась на солнце, а вода далеко, самой не допрыгнуть.

Рыбка сразу же выскочила из воды. В миг выросла против прежнего вдвое, так видать, что совсем крепкая да здоровая стала.

— Ну, добрый ты малый, за то, что пожалел меня, пощадил, не дал живьем помереть, возьми с левого бока одну чешуйку, которую солнцем не испекло. Если когда случится с тобой беда, согни чешуйку, я мигом приплыву, помогу твоей беде.

С этими словами рыбка снова прыгнула в воду и исчезла.

Задумался малый:

— Оно, конечно, верно, никогда нельзя знать, откуда придет помощь. А все ж маленькая рыбка едва ли мне чем поможет.

Однако ж послушался — спрятал чешуйку в кошелек. И пошел дальше.

Идет, бредет через лес. Среди леса встретилось ему озерко. На воде пригожая утка сидит, печалится, оттого что одно крыло у нее прострелено. Хотела было взлететь — не может. Пожалел ее малый, окликнул:

— Плыви сюда, уточка, я тебе крыло вылечу.

— Не поплыву! Думаешь, я не знаю? Ты меня зажаришь или паприкаш состряпашь.

— Не бойся, — говорит парень, — я тебя не обижу. Верно говорю, вылечу!

— Ну, ладно, будь по-твоему. Если уж западobilась тебе моя жизнь, бери. Она и так немногого стоит. Со сломанным крылом умереть не жалко.

Так сказала утка и с этими словами подплыла к берегу. Малый достал ее из воды, сел, положил утку на колени, вынул из кошелька живую траву и помазал раненое крыло. Тотчас оно зажило. Такое сделалось, словно никогда и сломано не бывало.

Обрадовалась утка. Попытала, как крыло, попробовала, может ли взлететь. Конечно, может!

— Ну, добрый ты малый, а я-то думала, что ты меня убьешь! Но раз ты мне так услужил, вырви из левого крыла, из того, что не было сломано, светлое перышко. Если когда приключится с тобой беда, оторви широкую половинку. Я сразу прилечу. Да убери хорошенько, чтобы не потерять.

Поблагодарила утка малого и улетела.

Пошел Янош дальше вдоль ручья. На опушке встретился ему ключ. Он присел передохнуть. Снял с плеча сумку, закусил. Поразмыслил, что делать с рыбьей чешуйкой, с утиным перышком, да и решил про себя: «Конечно, сберегу! Пусть будут!»

Как отдохнул, тронулся дальше. Где искать ту старуху, где она может быть? Вдалеке — но только еще очень далёко! — заметил он дом, или, лучше сказать, маленький домишко. Еще несколько километров оставалось до этого домишка. Понизу лес густо зарос кустарником. Идет он, идет, и вдруг из одного куста выскакивает лисица. Да только на трех лапах, четвертую волочит.

Парень и говорит:

— Постой-ка, лисичка-сестричка! Вижу, нога у тебя болит. погоди, я тебя вылечу.

Лиса обернулась и отвечает:

— Как это «погоди»? Чтобы ты мне еще одну искалечил? А после содрал бы с меня шкуру и справил себе шубу?

— Я тебя не обижу, лисичка-сестричка, а просто мне тебя жалко. Но раз не хочешь меня слушать, вина не моя.

— Ладно, — говорит лиса, — погожу. Поверю тебе. Но если ударишь, я тут же укушу.

— Да зачем мне тебя обижать? — говорит ей парень.
— Наоборот, я рад, что могу помочь твоему горю.

С этими словами достал он живую траву и помазал лисе больную ногу. Нога сразу зажила, будто никогда и не болела. Запрыгала лиса, забегала, заскакала. С великою радостью говорит она парню:

— Ну, добрый ты малый, раз ты мне так услужил, вырви у меня из хвоста, у самого корня, клочок шерсти. Спрячь, и если когда случится с тобой какая беда, набей трубку и запали — я тут же и примчусь.

Поблагодарила лиса парня за его доброту и побежала прочь.

А Янош тем временем идет-бредет дальше своею дорожкой. Пока прибрел к дому, как раз свечерело. Видит, сидит в дверях кухни какая-то старуха. Локти в ладони уперла, глядит на парня — кто бы это мог быть, кто это к ней явился?

Подошел малый, поздоровался пристойно:

— Вечер добрый, Бог в помощь, любезная бабушка!

— И тебе Бог в помощь, сынок! Твое счастье, что ты меня «бабушкой» назвал. Уж девяносто девять голов на колах, с твоею была бы сотня. Скажи, сынок, по какому делу ты сюда зашел, куда из твоих краев и птица не залетает?

— А я, любезная бабушка, службы ищу, — говорит малый.

— Вот это кстати! Я тебя нанимаю, — говорит Бабка.

— Насчет жалованья уговариваться загодя не стану. Три дня зачту тебе за год. Что попросишь, то и дам. Но только при одном условии: ежели ты трех моих коней честь-честью сбережешь, вечером домой приведешь, не упустишь.

— Сберегу, любезная бабушка. Справлюсь с конями.

— Ладно, сынок, — говорит, — входи, поужинай.

А после, — говорит, — покажу тебе коней, где они и какие.

Бабка накормила малого сытным ужином. Постелила мягкую постелю. Когда парень наелся, вышли они в конюшню. Видит парень трех коней, да таких прекрасных, каких никогда еще не видывал.

— Вот они, сынок, — говорит Бабка, — их и будешь караулить.

Малый погладил всех троих. Бабка оставила его одного. Младший конь лизнул ему руку, но сказать еще ничего не сказал.

Малый вернулся в дом. Бабка стала спрашивать о том, о сем, что раньше делал, куда путь держал. Поговорили немного, потом легли. Спали до утра.

Наутро встали. Бабка уложила ему сумку, а малый тем временем зауздal трех коней, сам на серого вскочил. Бабка показала ему, где пасты. Как раз в том лесу, где он у ключа отдохнуть присел. Снял он с лошадей узду, стали они пастись, а он под большим деревом примостился. Лежит, посматривает, как лошади па-сутся.

Около полудня поднялся вдруг ветерок, дунул малому в глаза, он и уснул глубоким сном. Когда проснулся, было уж сильно за полдень. Кинулся искать коней — нигде не видно! Нет ни одного! Нашел место, где паслись, а коней, сколько ни кружил по лесу, не нашел.

Тут пришла ему на ум рыбка, которая чешуйку подарила. Она ведь сулилась помочь, если какая беда случится! Согнул он чешуйку, и в тот же миг появилась перед ним рыбка.

— Что прикажешь, добрый малый? — спрашивает.

— Прошу тебя, рыбочка, скажи мне, куда подевались мои кони!

— Хм, твои кони, — говорит рыбка, — в моем косяке. Один мой гонец доложил, что у нас объявились три чужие рыбы. Пойдем со мной на берег, только будь настороже. Как море начнет волноваться, тут, — говорит, — приплывут к берегу три большие рыбы, черные, как уголь, вся спина в колючках. Мои молодцы погонят их вон из моря. А ты, — говорит, — не зевай, будь настороже! Зажми покрепче в кулаке узду, и когда средняя рыба подплывет, так стукни ее по голове, чтобы издохла. И в тот же миг снова будешь на этом самом месте, и твои кони — с тобою.

В тот же миг, с рыбкиной помощью, очутился малый на морском берегу. Смотрит — море громко шумит, грозно ворчит, и три черные рыбы плывут к берегу, прямо на него. Малый зажал покрепче узду в кулаке да как стукнет среднюю — она сразу и сдохла. В следу-

ющий миг он был уже на пастбище вместе с тремя конями.

Зауздal их, как следует, сел верхом на серого и поскакал домой.

— Добрый вечер, любезная бабушка!

— Бог в помощь, сынок! Приехал, сынок?

— Как видите, бабушка! Ох, и хороши кони. И па-сутся исправно.

— Ну, входи, сынок, ужинать садись, — говорит Бабка.

Пока парень в доме ужинал, Бабка отправилась на конюшню к трем коням, и ну их бить-колотить, одного кочергой, другого совком, бьет, как в барабан, за то, что схорониться не сумели.

— Разве так надо было прятаться? Ах, вы окаянные! Ну, погодите, — говорит, — завтра я сама вас спрячу, получше. А если он все равно найдет, задам еще крепче!

И с тем вернулась к малому как ни в чем не бывало. Потолковала с ним, побеседовала любезно. Потом они легли и спали до утра.

Наутро еще полней наложила бабка сумку, чтобы парень напился и уж наверняка уснул. Для того и сонного порошка к вину подмешала.

Парень встал поутру, пошел в конюшню. Зауздal коней, сам снова на серого сел. Прискакал на то же пастбище, пустил коней пастись. Сам прилег на прежнем месте, возле ключа, в холодке.

Настал полдень, повеял ветерок парню в глаза, снова заснул парень. К вечеру проснулся, озирается, а коней и след простыл. Раздумывает он: куда идти? где теперь коней сыскать? И пришла ему на ум вчерашняя рыбка. А ну как, думает, и утка, поможет? Вынул он из кармана то светлое перышко, оторвал широкую половину. Тут же просвистало в воздухе у него над головой, и пожалуйте — вот она, утка!

— Что случилось, добрый малый? Зачем ты меня звал?

— Пропали мои кони, не знаю, где искать. Прошу тебя, может, ты что посоветуешь?

— О, — говорит утка, — об этом не тревожься. В моей стае есть три белые ворона, белые, как снег, — редкие птицы! Мои молодцы погонят их совсем низко

и как раз на тебя. Только уздечку смотри не упусти и ударь среднего так, чтобы он сразу и упал. И тут же увидишь своих коней. На том пастбище, где они были в полдень.

Так и было. Он пошел вслед за уткой по берегу ручья. Осмотрелся и видит — целая туча диких уток. И гонят утки трех белых воронов. Вороны летят прямо на него, будто сшибить его хотят. Но и он не будь плох — стиснул уздечку изо всех сил и, когда пришло время бить, так стукнул среднего, что тот сразу к его ногам и упал. В тот же миг очутился он на пастбище, где был утром и откуда пропали кони.

Он сейчас зауздal всех троих, вскочил на серого и поскакал домой. Здороваeтся с Бабкою.

— Вечер добрый, Бог в помощь, любезная бабушка!

— Бог в помощь и тебе, любезный сынок! Ну что, приехал?

— Приехал, любезная бабушка.

— Кони не баловали?

— Нет, любезная бабушка. Никуда не убежали.

— Что ж, — говорит Бабка, — входи, ужинать садись, а я их покамест напою.

Парень пошел в дом, а Бабка в конюшню. Схватила раскаленную кочергу, шлёп-хлоп! — лупит-колотит трех резвых жеребчиков, одного пуще, чем другого.

— Лучше не могли схорониться? Ну, погодите до завтра, окаянные! Два раза, — говорит, — он вас нашел! Ну, да пусть завтра найдет! Здесь вы будете, в кухне! Яйцами под наседкою в плетушке будете лежать.

С тем и оставила коней, а сама пошла к парню.

— Кушай, любезный сынок, и я поужинаю. И побеседовать еще перед сном успеем.

Так и было. Побеседовали немного, потом легли и спали до утра.

Наутро, как встали, уложила Бабка парню сумку.

— Вот, сынок, тебе еда. Выводи коней, пусть паcутся.

Пошел парень в конюшню. Зауздal коней, сел на серого, прискакал на пастбище, на вчерашнее место. Коней пустил, сам в тени улегся, под деревом, подле ключа.

Часам к одиннадцати налетел теплый ветерок, дунул парню в глаза, и он уснул. К вечеру проснулся — нет коней! Раздумывает парень: что дальше делать? Два раза сыскал, а в третий раз где сыщет? Тут пришла ему на ум хромая лиса. Достал он лисью шерсть, набил трубку, запалил. И только запалил, хрустнул куст, выскочила лиса.

— Что случилось, добрый приятель, или, верней сказать, закадычный друг? Что так скоро меня позвал?

— Беда, лисичка-сестричка, кони мои пропали!

— И вправду, беда, приятель, — говорит лиса, — но удачу все равно попытаем, может, что и выйдет. Слушай хорошенько, что я тебе скажу. И как скажу, так и делай. Сейчас иди за мной к дому и подходи чем ближе, только чтобы Бабка случайно не углядела. Есть, — говорит, — у Бабки петух, такой горластый, что за семью землями слышать. Я его ухвачу. Бабка его больше всех на свете любит. Я его, стало быть, ухвачу, он заорет, а ты, тем часом, еще ближе подкрадись. Бабка с кочергой кинется воп из кухни, за мною следом, я погоню петуха подальше в кусты, а ты возьми уздечку, которую найдешь в углу у двери, на месте, где Бабка сидела, и загляни в плетушку. Увидишь три яйца, ударь уздечкою так, чтобы все три вдребезги, чтобы и стену забрызгать. В тот же миг окажутся твои кони там же, на пастбище. А теперь, — говорит, — иди за мной, да смотри, не зевай!

Отправились, крадутся от куста к кусту, дальше, дальше подвигаются, пока, наконец, парень не подобрался к дому, а лиса — к навозной куче, где рылись куры. Тут лиса вдруг выскакивает из-за куста, быстро, как молния, хватает петуха и бежит с ним обратно в кусты, в самую гущину. Петух страшно орет, за семью землями слышать. Выскакивает Бабка:

— Опять ты, окаянная, посмела сюда явиться? Ну, погоди! Ногу я тебе уже сломала, теперь сломаю хребет! Погоди ж ты, окаянная лисица!

Бежит бабка от одного дерева к другому, но лиса мчит страсть как скоро.

Тем временем парень влетел в кухню. Как шмякнет уздечкой по яйцам, так все три вдребезги. В тот же миг очутился он на пастбище вместе с тремя конями. Сейчас

зауздаль всех троих, сел на серого, поскакал домой. По пути говорит серый парню:

— Любезный хозяин, знаю, что ты ради меня служишь, но завтра ты меня не признаешь. Потому как завтра сделаюсь я паршивым жеребенком и буду валяться на куче навоза. Бабка станет предлагать тебе все, что угодно, даже обоих других коней отдавать будет, но ты не бери ничего, кроме меня, даже ежели на собственных плечах придется поначалу меня тащить. Теперь вот еще что послушай: как поужинаете, бабка заведет долгий разговор, чтобы нагнать на тебя дрему и чтобы ты уснул чем пораньше, еще до полуночи. Но ты не засыпай, потому что иначе понапрасну отслужил ты свои три дня и голове твоей все-таки быть на колу эту же ночью. Ровно в одиннадцать бабка скажет: «Покойной ночи, любезный сынок, ступай-ка и ты спать». Она тут же уснет, да в полдвенадцатого уже встанет. Ты увидишь, висит в углу дрянная сбруя с уздечкой и дрянная сабля в ножнах. Вот встанет она в полдвенадцатого и вытащит саблю из ножен. Ты не пугайся, когда она высунет язык и начнет острить на нем саблю. У нее язык, что большой лемех. Покамест часы не покажут без четверти двенадцать, она все будет водить саблюю по языку. А без четверти двенадцать окликнет тебя: «Эй, слуга, вставай!» Но ты не шевелись, потому что тогда она узнает, что ты не спишь. Когда ж пробьет ровно двенадцать, она крикнет: «Эй, слуга, разрази тебя гром, вставай! Сейчас рассеку пополам!» Ты прижмись к стене, потому как у бабки в этот самый миг погаснет свет в глазах, она замахнется и рубанет вслепую снизу вверх. Ты все время оставайся в головах кровати. Разрубит она кровать и примется шарить, искать тебя, тоже надвое разрубленного, и ежели не найдет, кровать снова срастется, как прежде. Тогда она уйдет к себе на постелю, саблю в ножны вложит и уж тогда будет спать до утра. После того и тебе можно уснуть, да только вполглаза. Утром проси у бабки уздечку, седло и саблю. Потому что это такая сабля, что в целом свете другой такой нет.

Пока серый рассказывал хозяину, как и что делать, доехали они до дому. Малый крепко запомнил, что ему было сказано. Как приехал, поздоровался чин-чином:

— Добрый вечер, бабушка!

Бабка тоже поздоровалась, будто днем ничего и не произошло ни с конями, ни с петухом.

— Входи, — говорит, — сынок, ужинать садись. А я, — говорит, — напою коней.

Схватила она кочергу и мусорный совок и ну бить-колотить своих коней:

— Стало быть, и в последний день не сумели от него скрыться? Все равно тебя не отдам! Ночью убью его! Или же такой дрянью тебя оберну, что он и глядеть не станет!

Это она серому сказала. С тем и вышла.

Вошла с парнем в дом:

— Ну, любезный сынок, давай-ка вместе поужинаем.

Стали они вместе ужинать. Парень уж в другой раз сел, однако ж спорить не стал. После ужина старая ведьма завела долгие разговоры, чтобы его поскорее сон сморил. Но парень очень даже остерегался, помнил, что серый наказывал.

В одиннадцать часов Бабка говорит:

— Покойной ночи, сынок. Ложись да спи, я тоже ложусь.

Лег малый, да только спит, ровно заяц. А Бабка — ровно сурок.

Когда часы пробили полдвенадцатого, Бабка вскочила, как ужаленная. Пошла в угол за саблею, вынула из ножен, оглядела мельком:

— Для него — в самый раз.

Высунула язык длиною в аршин, начала острить саблю с обеих сторон, одной стороною вверх ведет, другой — вниз.

Без четверти двенадцать окликает слугу:

— Эй, слуга, вставай!

А тот и не шевелится, будто спит мертвым сном.

— Ладно, спи, спи, через четверть часа я тебе покажу!

Ровно в двенадцать окликает слугу:

— Эй, слуга, громом тебя разрази, вставай! Сейчас рассеку пополам!

В тот же самый миг погас у Бабки свет в глазах, и она рубанула по кровати снизу вверх.

Малый успел забиться в голова кровати. Кровать под ним упала. Бабка сразу принялась шарить, не попа-

дется ли под руку какой обрубок. Была б его голова сотою, если бы не промашка! Но как ни искала Бабка, ничего не нашла. Ворчит, удивляется, куда он мог деться в одно мгновение ока.

— Ну, да ладно, — говорит, — он свое выслужил. Теперь уж нет над ним моей власти, прошла полночь. Знаю, чего он от меня хочет. Но так испоганю, что сам не возьмет.

Потом легла и заснула глубоким сном.

Парень поразмыслил, спать ему или нет, и не посмел уснуть. Лучше не спать, боязно!

Только рассвело, встала Бабка, приготовила малому сытный завтрак.

— Ну, сынок, — говорит, — послужил ты мне верой-правдой, говори, чего просишь. Всё тебе дам.

— Не прошу я, любезная бабушка, ничего, кроме этой ржавой сабли и уздечки, еще того грязного седла, что в хлеву брошено, да жеребенка, что на навозной куче валяется.

Засмеялась Бабка:

— Да на что тебе это, сынок? Такая дрянь и для свалки-то не годна! А жеребенка придется на собственных плечах тащить, потому как он тебя не выдержит.

— Ничего, любезная бабушка, дома я все налажу. А жеребенка вымою щеткой, не поленюсь.

А Бабка знай смеется:

— Я тебе, сынок, золота-серебра дам, сколько успеешь. Богачом станешь. Никогда больше службы искать не придется.

— Спасибо, бабушка, мне и того будет довольно, — говорит малый.

— Ну, — говорит Бабка, — если тебе ничего другого не надо, забирай, мне не жалко. Но я тебе сказала, жеребенка на себе понесешь, он на своих ногах ходить не сможет, пока границу не переступишь.

Взял малый жеребенка, грязного, паршивого, как был, приладил ему на спину грязное, заржавелое седло, зауздал. Ржавую саблю к поясу подцепил. Потом взвалил жеребенка на плечи, потому как того ноги не держат.

— Ну, бог в помощь, любезная бабушка, — говорит. — Спасибо за одолжение.

— Бог с тобой, сынок! Только корми жеребенка по-лучше, иначе на ноги не встанет, — говорит малому Бабка.

Малый тащил его на себе до границы бабкиных владений. Но дорогою до того утомился, что трижды сваливал жеребенка наземь и снова взваливал на плечи. Когда ж перешел он ров, жеребенок и говорит:

— Теперь поставь меня на ноги, хозяин. Дальше я тебя понесу!

С этими словами жеребенок припал к земле, в следующую же миг вскочил, отряхнулся и стал таким серым золотой масти, каких парень никогда в жизни не видывал. Взглянул парень и на себя самого — не поверил собственным глазам. Все на нем сияет — сабля, платье, шпоры, — как никогда прежде! Глядит и сам не знает, он это или не он.

Говорит ему конь:

— Ну, любезный хозяин, садись на меня верхом. И скажи, пожалуйста, как мы сейчас помчимся — как вихрь или как мысль?

— Так помчимся, любезный мой конь, чтобы ни тебе, ни мне худа не было.

В тот же миг — Янош и оглянуться не успел! — взлетели они в воздух. Но и конь тоже сбросил Яноша наземь трижды. Прибыли они домой. Родня едва признала парня. Говорит он коню:

— Любезный мой конь, времени у нас еще вдоволь, может, поедем за моей женой?

— О, — говорит конь, — это мы мигом! Я даже знаю, где она, — у моего дяди.

Драконов конь доводился ему дядей.

Вскочил Янош ему на спину и оглянуться не успел, как уж и очутился у дракона в замке. Жена как раз воду черпала из колодца, когда он появился на своем сером. Говорит он жене:

— Любезная женошка, я за тобой приехал. Что обещал, то и выполнил. Дома дракон?

— Нет, — говорит жена. — У родных.

— Ну, пусть веселится там, а мы здесь повеселимся, — говорит малый.

Жена вошла в дом. Так давно они не видались! Обнял Янош жену, поцеловал.

— Ну, — говорит, — любезная женошка, собирай свои пожитки. Теперь смело садись на моего коня!

Собралась жена, села на коня — Яношу на колени, — и они спокойно отправились домой.

Как выехали за ворота, сейчас драконов конь заржал, заметался. Бежит дракон домой, злится. Как заорет на коня:

— Пес сгрызи твои потроха, ворон выклюй твои глаза! Сено — под носом, овес — под носом, ручей — под носом, чего тебе еще надо?

— Твою жену увезли! — отвечает дракону конь.

— Успею я поесть, попить, орехов мешок поколоть да съесть?

— Ничего ты не успеешь, и все равно мы их не нагоним!

Ну, и рассердился же дракон! Прицепил шпоры о десяти мажа, вскочил на коня, как пришпорит — чуть не наполовину врезались шпоры в бока. Еле дышит конь, выдыхает — легкие выдувает. А малый только посмеивается:

— Не надрывайся, кум, успокойся! Нынче я шибче еду.

Заржал драконов конь:

— Постой, племянник, — говорит, — он мне кишки выпустит!

— Так тебе и надо, если не можешь вышвырнуть его из седла, чтобы только мокрое место и осталось! — отвечает конь Яноша.

Тут драконов конь взбрыкнул что было силы, дракон вылетел из седла и шлепнулся оземь, как мокрая тряпка. Старый конь подлетел к племяннику. Теперь Этелька пересела на драконова коня, и они шажком затрусилы домой.

Приехали домой. Радость была неописуемая. Созвали родню, справили свадьбу. Пожили сколько-то времени дома.

Как-то раз повстречался Яношу пригожий парень, очень с виду похожий на него самого. Янош и говорит:

— Послушай, приятель, что я тебе скажу. Послушаешься — счастье свое найдешь. Отправимся вместе ко мне на родину, а то мой король совсем извелся с тоски, думает, что его Янчи никогда уж и не вернется.

— Я бы охотно, — отвечает другой парень, — да пешком в такую даль никак не дойти, даже и с тобою вместе.

— Этой беде помочь нетрудно, приятель. Дам тебе коня, и поедешь без хлопот.

На том и сошлись. Попрошались с родными и отправились к Яношу на родину. На третий день прибыли.

Янош приветствовал короля, как полагается, и отдал ему яблоки, полный мешок! Их-то и ждал король так долго и с таким нетерпением. После того говорит Янош королю:

— Ваше королевское величество! Теперь уж я твою дочку в жены взять не могу, теперь у меня уж есть жена. Но тут со мною очень даже близкий друг. Если королева согласится, я бы его предложил.

Король согласился охотно, потому что, как скушал одно яблочко, в тот же миг выздоровел и исцелился.

После того сыграли свадьбу, ужас какую пышную! Супа и похлебки было столько, что даже собаки бродили в наваре по коленки. Но счастлив тот, кому хоть ложку довелось отведать! Дунай завязали в большой мешок. Жениху на сапоги смастерили шпоры из моркови. Как пошло у них главное веселье, парень въехал ненароком шпорой в мешок, мешок порвался, и Дунай снова потек.

Тут и сказке конец, а кто слушал — молодец.

Мое дело — рассказывать, а вы — хотите верьте, не хотите — проверьте.

9

НЕЗНАЙКА

Было то или не было, а только за семижды семью землями жили однажды король с королевою и был у них сынок, да какой пригожий! Не боле четырех лет ему было, четыре годочка, не боле. И так отец с матерью его любили, что вся радость только в этом мальчишечке и была. Очень был пригожий, волоса золотые, кудрявые. Так они всё и радовались на сына, но недолгое было это счастье, потому что королева захворала и померла. Осиротел мальчик. Ох, горюет король, плачет

день и ночь горячими слезами. Не ест, не спит, знать ни о чем не хочет, все только плачет. Никак сам с собою сладить не может. В одной комнате была королевина карточка, портрет, значит, красивый, будто статуя. Каждый божий день король туда приходил, становился на колени и молился за ее душеньку, да только от плача, от рыданий уж и молиться не мог. И все время был в великой печали.

Был у короля гофмейстер, и король считал его за человека очень-очень верного. Он навещался каждый день, потому как знал, что всегда застанет короля в слезах. И утешал его:

— Отчего ты столько плачешь, король-государь? Ведь ты сам знаешь, не все мы разом на свет родимся, не все разом помираем. Смирись с Божьей волею, что до сих пор жила королева, а после померла. Твое королевское величество еще женится, возьмет новую супругу и дальше жить будет.

Утешает его гофмейстер день за днем, а он все жену оплакивает, потому как, говорит, этаким красавицей, этаким доброй души никогда ему больше не сыскать.

Вот однажды плачет снова король, так плачет, что и сам еле жив. Снова приходит к нему гофмейстер и говорит:

— Король-государь, никак ты с собою не сладишь, стало быть, вконец погубить себя хочешь, а на кого ж тогда, — говорит, — сынок маленький останется, ежели и отца не будет? От великой тоски очень даже помереть можно. Так пожалей хоть сыночка!

— Да, — говорит, — ничего не поделаешь, надо мне смириться, потому как и сам понимаю, она уж не вернется, хоть плачь, хоть руки на себя наложи.

— Я не говорю, что надо жену забыть, кто верно любит, тому забывать грех. Ты только с тем смирись, что не все мы разом на свет появились, не все разом и помираем.

— Ну, ладно, — говорит, — приходите почаще, гофмейстер. — Главное — чтобы одному не оставаться, потому как чуть только он один — сразу про жену задумывается и всегда плачет.

Гофмейстер и приходил много раз и утешал короля, чтоб он не плакал без конца.

А мальчику, должно быть, уж шестой годок сравнялся. Так хорошо рос, ну прямо необыкновенно! Кто на него ни глянет, десять лет дает, так хорошо он рос, такой большой был, крепкий.

Однажды является гонец, приносит письмо с печатью, подает королю. Король берет, смотрит — Господи, твоя воля! на войну зовут! Грозятся, что нападут. Татары, то есть. Говорит ему гонец, чтоб собирал солдат и выходил на врага, коли хочет свою землю спасти. А не выйдет — нападут враги и всю страну у него отнимут.

Королю ни страны, ни иного чего столько не жалко, сколько жалеет он, что с маленьким сыном надо расставаться. Всего горше, что ни матери не будет у мальчика, ни отца. Что с мальчиком станется, ежели он на войне пропадет? В те поры королям самим приходилось на войну идти, не то, что нынче, когда только солдаты, да офицеры, да удалыцы ходят, а важные господа по домам сидят. В те поры королям, и вправду, грудь на грудь выходить приходилось. Задумался, стало быть, король.

— Сердце у меня за сыночка разрывается!

Говорит ему гофмейстер:

— И зря, совсем зря. С какой стати? Ему ничего не будет!

— Кому, — говорит, — его поручить, чтоб такой же ласковый был к мальчику, как родной отец? Послушайте-ка, что я скажу, гофмейстер. Вы для меня человек самый верный, вы всегда меня утешали. Я так думаю, что вы к нему не будете злой, ежели я вам его поручу.

— Я, — говорит, — так его приму, как собственного сына. — У него как раз был тех же лет мальчик, что у короля. Ровесники были. — Мой в школу ходит, и он вместе пойдет. Или нет, — говорит, — сюда учителя приглашу, в замок, чтобы он дома учился, не пущу его в школу. Выучу мальчика, куда ваше королевское величество назад вернется. Да не горюйте вы, — говорит, — из-за него, из-за мальчика то есть, под моим присмотром ничего худого с ним здесь не случится, я за ним так точно смотреть стану, как за своим собственным, и даже еще лучше.

— Ну, ладно, вот что я тебе скажу: ежели сбережешь моего мальчика, будешь о нем, как следует, заботиться, учить станешь, попа, учителя пригласишь, — говорит, — чтоб учился мальчик, чтоб рос, чтоб не было ему худа от того, что меня дома нет, тогда, коли Бог мне поможет и я ворочусь домой, так высоко тебя подыму, что будешь второй после самого короля.

Премьер-министром обещал поставить, ежели о мальчике позаботится.

— Ладно, ваше величество, — говорит гофмейстер, — пускай это будет самая большая ваша забота, потому как ничего с мальчиком не случится.

Вот ударили в барабан, время строиться да и поход выступать. Бьют в барабан, собираются солдаты. Вперед того, как на войну отправиться, против всего королевского замка конники стали, короля ждут. А король плачет-заливается, не может с мальчиком распрощаться, что ты будешь делать! Гофмейстер все его утешает, чтобы, дескать, сердца себе не надрывал, потому как мальчику под его присмотром никакого худа не будет. В последний раз попросил король гофмейстера, чтобы он был к мальчику ласковый, и пошел на войну. Трубы всю играют, отправляется войско. А мальчик дома остался. И он по отцу плакал, потому как уж понимал, что это его батюшка, и что он воевать ушел, и что один Господь знает, вернется ли он ай нет. Гофмейстер гладил его по головке, уговаривал добром, а после увел к себе в замок (у него тоже был там замок) и привел к своему сыну, чтоб они поиграли вместе и он бы развлекался. И в школу раз-другой его отпустил, чтоб он промеж ребятинек развлекался бы, забился. Такой он был к королевичу ласковый, что и к собственному сыну нельзя быть лучше.

Но вот прошел месяц, и злой умысел завладел душою гофмейстера. Говорит он жене:

— Жена, — говорит, — не лучше ль было бы, если б мы поменьше заботились об этом мальчишке, только так, чтоб он с голоду не помер? На какой конец быть к нему такими уж ласковыми? Лучше, ежели б он каким-нибудь образом жизни лишился, тогда, — говорит, — мой сынок мог бы стать королем, потому как мне всё доверено. Ежели б помер королевич, мой сынок

может престол получить. Нечего нам так няньчиться с этим мальчишкой, может, он как-нибудь и помрет.

Жена говорит:

— Я не против.

Стали в еде его урезывать, в харчах. Нынче дают меньше, завтра еще меньше. И уже не из того, что сами едят, а всегда что-нибудь похуже. После запретили, чтобы мальчик в комнатах ел, на конюшню прогнали, одним черствым хлебом кормить стали. Получил краюшку — ступай на конюшню, там жуй!

Мальчик заметил, как переменилась его судьба. Да и конюхи приметили, что мальчик всякий раз с куском черного хлеба на конюшню приходит и ест. Смекнули конюхи, что это гофмейстер с женою против мальчишеской жизни умышляют. Жалко солдатам мальчика, — на конюшне солдаты службу несли, — а он так к солдатам привязался, так привязался, что и описать трудно! Вечно возле них, все смотрит, как они работают, навозли чистить начнут — и он вилы хватает, солдатам помогать хочет. Они ему толкуют, что, дескать, он королевский сын, не его это дело, вовсе ему работать не надо. Куда там!

— Нет, — говорит, — я люблю работать, я вам пособлю, чтобы поскорее управиться.

Вот однажды был он в конюшне. Полна конюшня лошадьми, стояла в два ряда, лошади насупротив друг друга стоят, и все такие сытые, чуть не лопаются. А в одном углу тощий жеребенок на полу валяется, такой тощий, что все четыре ноги перепутались, а он от слабости и ноги подобрать не может. Голову тоже на пол положил, только и видать, что два больших глаза, такой тощий был этот жеребенок. Поглядел на него мальчик и говорит солдатам:

— Дяденька! Дяденька солдат! Что такое с этим жеребенком, отчего он такой тощий?

— Что ж, — говорит, — такой уж он тощий.

— Да отчего же он не ест, как другие?

— Да ведь мы не даем ему того же корма, что остальным лошадям.

— Да почему ж не даете? — говорит. — Бедная тварь, он бы тоже поел получше.

— Сынок, — говорит, — когда остальные едят овес,

этот жеребенок получает сено. Когда остальные сено получают, ему овса задаем. Никогда нельзя дать ему того же, что остальным, или того, что сам просит. Потому как просит он то, что ему надобно, да только ни в коем случае нельзя давать ему то же, что остальным.

Жаль мальчику жеребенка, видит, что он подняться не может, все лежит. Всякий раз, как ни придет мальчик в конюшню, станет у жеребенка в головах или в ногах, смотрит и приговаривает:

— Ах, ты бедная тварь, какой же ты худой! Жалко мне тебя.

Солдаты очень к мальчику привыкли, видели, какой он обходительный, как лошадей поить помогает, и во всяком ином деле тоже, яблоку навоза на пол упасть не даст — мигом подхватит, уберет: такая ж в королевских конюшнях чистота быть должна, что и в палатах! Конюхи очень его любили. Однажды говорят ему конюхи так:

— Сынок, маленький королевич, воскресенье пришло, а мы уж и не упомним, когда последний раз в церкви были. Надо бы и нам сходить.

Гофмейстер с женой каждое воскресенье наряжались, сына наряжали, и все втроем шли в церковь, а дом на солдат оставляли. Запрут все, а солдаты присматривают.

— Вечно мы должны дома караулить, — говорят, — никогда в церковь сходить не можем, так сделай такую милость, побудь здесь, в конюшне, а мы покамест к обедне сходим, хоть одну обедню отстоим. Мы поторопимся, всех быстрее обернемся, а ты побудь здесь, присмотри за конями. Ежели хоть один вырвется, тогда, — говорят, — позвони по телефону, нажми кнопку, чтоб один солдат пришел и стреножил бы коня. Ты только присматривай поаккуратней.

— Хорошо, — говорит, — ступайте, я присмотрю, я и стреножу сам, ежели придется. Сам стреножу.

— Нет, — говорят, — сынок, этого не делай, как бы он тебя не зашиб или не укусил. Пойди и нажми вот на эту пуговку — сразу кто-нибудь на помощь прибежит и стреножит коня.

Ну, вот, оделись они и ушли в церковь, а мальчика

дома оставили. Как ушли конюхи, он за ними ворота запер. Высокие были ворота, железные, запер он их, чтобы никто не вошел, а после в конюшню воротился, стал подле того жеребенка, ближе к хвосту, и смотрит.

— Ах, ты, бедная тварь, как мне тебя жалко, — говорит, — как мне тебя, бедного, жалко, что ты такой тощий!

Вдруг заговорил жеребенок:

— Вижу я, маленький королевич, большое у тебя сердце и очень доброе, жалеешь ты меня, ну, да и я тебя жалею не меньше, чем ты меня. И против меня умышляет этот гофмейстер, и против тебя тоже. И меня он задумал извести, хочет со свету сжить. Но ежели ты меня послушаешься, исполнишь, что я скажу, сделаешь, как я тебя научу, и ты освободишься, и я тоже освобожусь. А ежели нет, и ты пропадешь, и я.

— Ты только скажи, что надумал, — говорит, — я послушаюсь и все исполню.

— Вот что, сынок, — говорит, — нынче уж поздно. Нынче я только объясню тебе, что надо сделать. На другое воскресенье снова пойдут в церковь, ты и конюхов отпусти. Нынче присматривай поаккуратней, чтоб никакой оплошки не было, тогда и на другое воскресенье они уйдут в церковь, а тебя здесь оставят. И вот что я тебе скажу: тогда зажги сажень дров, зажги, стало быть, сажень дров и пусть прогорят, а жар мне принеси. Принесешь мне два совка жара, углей то есть, а что дальше делать, я после скажу. Вот так, — говорит. — И никому про это не сказывай, чтоб никто не знал, потому как, ежели выдадут нас, и тебе тогда конец, и мне тоже.

Так оно и было, как я сказала, стал дожидаться мальчик другого воскресенья. Настало другое воскресенье, снова нарядились гофмейстер с женою, со двора пошли. В церковь отправились. Маленький королевич все время промеж конюхов болтался, там и ест, там и сидит полный день, всю неделю так, день за днем. Солдаты и говорят:

— Ну, маленький королевич, очень ты хорошо за конями присматривал, очень аккуратно, не возьмешься ли и нынче присмотреть?

— Возьмусь, хоть и каждое воскресенье, а вы сту-

пайте себе. Я все равно никуда ни ногой, потому как меня и не берут, делать мне нечего, я присмотрю, чтобы все ладно было.

Они быстро приделались и ушли в церковь. А мальчик, как они ушли, — сразу к жеребенку.

— Ну, маленький королевич, скорей разводи огонь!

Дрова сухие были, зной стоял, быстро занялись, быстро и прогорели. Как стали жаром рассыпаться, набрал мальчик полный совок, принес коню, высыпал перед ним, тот мигом проглотил, тогда он еще три совка принес. Проглотил жеребенок — на ноги поднялся. До сей поры не мог стоять, всё лежал. А тут поднялся на ноги и говорит:

— Теперь, — говорит, — выпусти меня из конюшни.

Выпустил мальчик жеребенка из конюшни, подошел жеребенок к той большой куче углей. Дрова уж все прогорели, один жар остался. Подошел и всю громадную кучу жара проглотил, а как проглотил, таким золотой масти скакуном обернулся, что глазам никак смотреть нельзя, до того весь сияет, шерсть — чистое золото, а ног у коня пять.

— Ну, — говорит, — маленький королевич, ты мне жизнь спас, теперь я тебе жизнь спасу. Ступай скорее, там и там висит на гвозде ключ от погреба, возьми его, дверь отпри, отомкни, взойди в погреб. Там, — говорит, — по правую руку сабля повешена, пара шпор и узда, а еще седло, снимай всё и выноси, живо, — говорит, — быстро! Зануздывай меня тою уздой, седлай, а сам одевайся, садись ко мне на спину и поедем скорее, чтобы нас здесь не застали.

Побежал мальчик в подвал, отпер, открыл, все нашел, об чем ему жеребенок сказывал. Седло висело, сабля, пара шпор.

— Теперь, — говорит, — пошарь у меня в ухе.

Пошарил он и вынул у жеребенка из уха полный наряд из серебра.

— Надевай, — говорит, — на себя это платье и весь наряд, садись ко мне на спину и едем! Да, вот еще что тебе скажу, — говорит, — в том погребе вдоволь золота и серебра. В такой и такой бочке. Возьми, сколько в карманы сможешь набить, да только чистое золото бери, а серебра не бери — золото дороже. Во все кар-

маны накладывай, и изнутри, и снаружи, сколько влезет. А после беги назад и садись ко мне на спину.

Набрал мальчик золота, набил карманы, вышел из погребца, вскочил жеребенку на спину.

— Теперь поедем, сынок, зажмурь глаза.

Не идет конь — летит! Так скачет, что будто летит. Доскакал до края той земли, в соседнюю страну приискакал. Да на самом рубеже и остановился, дальше не идет. Говорит жеребенок:

— Слезай с моей спины, отдохни немного.

Устал мальчик, хоть и сидел, а притомился.

— Отдохни, сынок.

Ну, до чего ж пригожий был мальчик! На солнце, как говорится, можно глядеть, а на него — нет: такой пригожий! Волоса до плеч, густые, кудрявые, сам белый, глаза большущие, синие, щеки румяные, лицо полное. Несмотря, что худо жил, а против гофмейстера сына все равно крепче сложением. И сложением крепче, и выше.

— Ну, сынок, — говорит, — теперь скажу тебе, что делать. Вот крепостные ворота. Стулай туда, караульные тебя пропустят, не задержат. Взойдешь в город и иди все прямо. И вот еще что тебе скажу: я тебя привез, а дальше здесь не останусь, назад поверочу. Ускачу, куда издумаю. А ты — на вот, возьми свирелку, свистульку. Ежели в беду какую попадешь или что тебе занадобится, ты только дунь в эту свистульку, и я мигом на помощь прибегу. Только убери ее получше, чтоб никто эту свистульку у тебя не нашел. Как случится у тебя беда — в беде, то есть, окажешься — или нужда какая, или помощь тебе занадобится, дунь в нее, и я прибегу. А пока, говорю тебе, сынок, входи в город. Это город столичный. Кого бы ни повстречал, не здоровайся, а ежели все ж поздороваешься, только честь отдай, на солдатский манер, а рта не раскрывай, ни с кем не разговаривай, об чем бы ни спрашивали, как, мол, тебя зовут, сынок, или чей ты, или откуда. Только одно отвечай — не знаю, мол. Больше ничего, кто б ни спрашивал. Только одно — не знаю, а больше ни полслова, и все прямо иди.

Тут поцеловал конь мальчика и лизнул, и мальчик коня поцеловал, в обе щеки поцеловал. Говорит конь:

— Помогай тебе Бог, сынок! Больше я тебе ничего не скажу, только одно: коли есть захочешь, денег у тебя довольно. Место здесь торговое, торговцы повсюду, потому как город большой, столичный. Ступай и бери, что тебе нужно, сколько ни пожелаешь, — и фрукты, и печенье и разную другую еду, колбасу, или что еще. Бери, что душе угодно и сколько, по твоему разумению, довольно будет. Возьмешь, отдашь один золотой, из этого золотого торговец оставит себе, что причитается, а остальное, — говорит, — тебе вернет. Только ничего не говори, не спрашивай, сколько стоит или еще чего, потому как тогда говорить придется. Просто, на манер немного, подашь золотой, а он тебе сдачу отдаст. И так, — говорит, — повсюду. Главное — молчи, а в остальном делай, как придется, больше я тебя учить не буду.

Тут они расстались, и конёк умчался, как вихрь, исчез. А мальчик пошел в город. Подошел к городским воротам — пропустили его солдаты, взошел он. Кто б ни повстречался, всяк останавливается, вслед глядит — мальчик вовсе незнакомый, и такого раскрасавца никогда в том большом городе не видали, как этот мальчик. Кто похрабрее, побойче, спрашивают, откуда, мол, ты явился, сынок, или куда идешь, куда путь держишь.

— Не знаю.

— А зовут-то тебя как?

— Не знаю.

Только это одно всем и отвечает. Все удивляются, что с ним такое, такой пригожий мальчик, такой проворный, а ничего больше сказать не может. Эти два слова совсем чисто выговаривает, а больше ничего не говорит. Очень все удивляются. А ему ни до кого дела нет, идет себе и, как жеребенок научил, так и исполняет. Идет, идет, уж и до середины города дошел. Воскресенье было, народ в церковь отправился, с книжками, с четками. Он тоже в церковь надумал, потому как колокола зазвонили. Налево посматривает, направо, всё ему внове. А господа и барышни вслед ему глядят — что, дескать, за мальчик, такой пригожий мальчик? Больно уж красиво был одет, и сам собою больно красивый, а никто его не знает, никто до сей поры не видал. Иные спрашивали:

— Дозвольте спросить, молодой господин, откуда вы и куда?

— Не знаю, — говорит. — Не знаю.

Вот и весь сказ.

Пошел он на рынок, проголодался. Там всего полно было, на рынке всё продавали. Подошел он, взял сколько-то рогаликов, копченой колбасы взял, вареной тоже. Всё в бумагу завернул, как будто он хозяин. Завернул, стало быть, а после достал золотой и хозяину отдал, а тот ему — сдачу. Он взял, а считать не стал, прямо в карман сунул, после сел, за еду принялся. Съел, сколько захотел, и думает про себя: надо обратно в церковь идти, куда другие, туда, мол, и я, и меня Бог не накажет, ежели в храм Божий взойду. Пошел, стало быть, и он в церковь. Столько валит народу, что прямо ужас, в очереди стоят. Церковь громадная была, а уж битком. Он в самый перед прошел, смело так, будто там и родился, поп как раз проповедь говорил с кафедры, так он перед попом стал и попу в рот смотрит, глаз не сводит с попа. Весь народ только на него и глядит — не на попа, не на церковь, не на алтарь, каждый на мальчика глазом косит. Что за мальчик такой ладный, которого никогда прежде не видали? Кто такой может быть? Сам король тоже там был, в церкви (город-то королевский был). Сам, стало быть, король, и королева, и три дочки — все в церкви были. И он тоже на мальчика во все глаза смотрит, прямо ужас! Кто такой может быть?

Ну, вот, отошла обедня, выходят из церкви. Мальчик не торопится, народ пропускает. После и он вышел, идет своей дорогой.

Ему говорят:

— Откуда ты мальчик? Скажи, откуда? Откуда пришел, молодой господин?

— Не знаю.

— А чей ты сын?

— Не знаю.

— А зовут-то тебя как? Как твое имя?

— Не знаю.

Вот и всё. Идет он дальше, а люди глядят и дивятся: неужто он ничего больше сказать не умеет, только эти два слова? Идет он, идет, и нагнал его король в карете,

— он в карете был, король. Нагнал, остановил карету. Говорит ему король:

— Откуда ты прибыл, сынок?

— Не знаю.

— А чей ты?

— Не знаю.

Король не взял мальчика к себе в карету, уехал. Говорит король кучеру, чтоб погонял лошадей. Приехал домой, стал совет держать, что это за мальчик. Потерялся, наверно, заблудился, родители, поди, ищут, найти не могут. Надо бы мальчика забрать и у себя оставить, пока за ним не придут. Конечно, кто-нибудь из родных за ним явится, тогда с рук на руки и сдадим мальчика. А покамест надо к себе забрать, чтобы дальше не ушел, потому что, наверняка, заблудился мальчик, это уж точно.

Мигом послали двоих солдат, чтоб вышли на улицу, нашли мальчика, такой, мол, и такой мальчик, и в замок привели. Они пошли, эти двое, из улицы в улицу ходят, бегают по улицам, наконец, отыскали мальчика. Говорят солдаты:

— Ну, маленький господин, зовет тебя король, его величество, к себе. Пойдешь?

— Не знаю, — говорит.

— Как так, не знаешь? С нами пойдешь, мы тебя отведем. Пойдешь с нами в замок, к королю, он велел тебя в замок доставить.

Говорит мальчик:

— Не знаю.

— Ну, ладно, пошли, худа тебе не будет.

Взяли мальчика, тут же воротились в замок, докладывают королю, что прибыли. Прибыли с мальчиком и докладывают, что, мол, вот, разыскали, привели. Дочки сейчас в ладоши захлопали:

— Ого, ну и пригожий же мальчик, ну и красасавец же мальчик! Батюшка, — говорят, — не отпускай его из замка, мы его здесь вырастим сами! Кто знает, откуда он, раз потерялся, пускай теперь наш будет, — говорят. — Такой красавчик!

У королевских дочек сердце разрывается, так им мальчик понравился. И королю тоже. Говорит король:

— Скажи мне, сынок, откуда ты?

— Не знаю.

— Есть у тебя папа?

— Не знаю.

— А мама твоя жива?

— Не знаю.

Так больше ничего добиться и не смогли.

— Поди сюда, сынок, — говорят, — наверняка, ты голодный, поди, покушай.

Усадили его за стол, сами сели, как раз обедать было время. Ест мальчик чин по чину, весь порядок знает, как оттуда набирать надо, как из того блюда накладывать. Покушал досыта. После говорит ему король:

— Сынок, ты у нас останешься, тут.

— Не знаю, — говорит.

— Не беда, сынок, узнаешь, ежели останешься. Здесь тебе худа не будет.

Говорит король жене, что надо мальчика разговаривать научить, как-нибудь, а надо.

— Имени его мы не знаем, пусть зовется Незнайкой. Ведь он ничего не знает, кроме одного: «Не знаю». Пускай и прозвание у него такое будет — Незнайка.

Позвал король главную кухарку и говорит:

— Вот, — говорит, — поручаю тебе этого мальчика, возьми его на кухню, чтоб был все время подле тебя, и посылай по воду, когда нужна вода, за дровами или за чем другим, что для стряпни потребно, в чулан посылай, за чем нужно, он понемножку говорить и выучится. Сведи его сперва в чулан и все покажи, в этом, мол, ящике — то-то, в другом — то-то, в этом мешке — пшеничная мука, в том — рисовая крупа, тут — сушеная слива, тут — инжир, тут — Господь знает что еще, тут — миндаль, тут — апельсины, лимоны, словом — всё-всё!

Она всё показала:

— Смотри, сынок, здесь — то, здесь — это.

На каждый мешок бумажка положена была, только поглядишь на бумажку, и уж знаешь, в каком мешке что. И еще был такой шкаф с ящиками, какие в лавке, в магазинах бывают: в одном ящике солодковый корень, в другом апельсины, в третьем сахар, в четвертом еще что-нибудь. И на ящиках тоже написано, что здесь, мол, то, здесь — красный перец, здесь — то, всё четко

этак написано. Как занадобится что кухарке, она и говорит:

— Ступай, Незнайка, в чулан и принеси мне этого или того, — что нужно было.

Вскочит мальчик с места, она так считает, что он еще туда не дошел, а он уж и вернулся. Такой работающий был, такой проворный, до того полюбила его кухарка, что ни за какие деньги с ним не рассталась бы. Все ей в самые руки так и подает. Только удивляется кухарка, как это он все понимает, что ему говорят, понимает, что она просит, и тут же в самые руки подает, а говорить не может. Как это так? Он и грамоте знал. Взглянет, бывало, на те бумажки — сразу знает, что где.

Король приходит на кухню что ни день, да раз по пять — по шесть. Спрашивает кухарку, как мальчик сам себя ведет.

— Очень хорошо! Такой ловкий, что и рассказать нельзя! Что я ни скажу, только вымолвить успею, а он уж бежит, несет, в самые руки подает. Одному только дивлюсь — что разговаривать все еще не может. Ну, да выучится! Глядишь, не сегодня-завтра заговорит помаленьку.

Недели проходят, месяцы проходят, уж и год прошел, как мальчик у них. Так все его полюбили, что у королевских дочек сердце разрывается. Целуют его, как все равно брата родного.

— Батюшка, ежели кто и явится за ним, все равно не отдавай, мы его не отпустим, не позволим отдать! Пусть с нами остается мальчик!

А мальчик все силу набирает и так хорошо растет, ну, просто на глазах растет! Все полнее становится, все дороднее. Однажды говорит ему кухарка. Уж несколько лет прошло, как мальчик у них жил, все понимал, что ни скажут, все исполнял. Король каждое воскресенье уезжал, с женою, с дочками, в церковь все уезжали.

Вот, значит, однажды говорит ему кухарка:

— Незнайка, не отпустишь ли меня в церковь сходить? Никуда сходить не могу! Ты, — говорит, — вижу, мальчик смысленый, проворный и, что ни скажу, слушаешься, послушный мальчик. Я, значит, пойду в церковь, а у тебя никаких дел не будет, только за огнем

присмотреть. Я суп варить поставила, он уж и закипел, пеной покрылся. Я, — говорит, — что надо, все положила, только не солила еще. Вот, гляди, Незнайка, после как я уйду, через полчаса (полчаса как раз мясу вариться надо), тогда посолишь, я тебе покажу, одну столовую ложку положи, чтоб он еще маленько с солью поварился, суп, только тихонько, на медленном огоньке, потому как тогда он жирнее, ежели медленно кипит. И чтоб не убежал суп, потому как тогда весь жир убежит. Смотри, стало быть, сынок, получше, до сей поры ты каждого моего слова слушался, послушайся и нынче, сделай, как я тебе сказываю, через полчаса посоли и одно, не то два полешка подбрось в огонь, чтоб сильно не кипел. Понял? — говорит.

Мальчик говорит:

— Не знаю.

— После узнаешь, — говорит. — Ежели сделаешь, как я сказываю, все будет ладно. Гляди, Незнайка, я живо туда-обратно, как поп крестное знамение положит, парод благословит, я тут же домой.

Ушла кухарка. Еще раз кивнула мальчику, ухожу, мол, и он ей кивнул, иди, мол, но ничего не сказал. Радуется кухарка, нарядилась, потому как и ей теперь в церковь сходить можно.

Только она ушла, мальчик мигом схватил кошку и — в суп. Сунул кошку в суп, снова крышкой покрыл, варится суп дальше. Воротилась кухарка, отзвонили в церкви.

— Ну, Незнайка, — говорит, — сварился суп?

— Не знаю, — говорит.

Кухарка скорей за мешалку, стала суп мешать, а кошка уж околела, вся кожа сошла, вся шерсть сошла, глаза лопнули, из глазниц вывалились.

— Ох, Незнайка, что ж ты натворил? — говорит. — Как же это кошка в суп угодила? Ох-ох-ох! Сейчас король придет, на стол подавать нужно, что ж я ему теперь подам? Что ты наделал, Незнайка!

Мальчик говорит:

— Я не знаю. Не знаю.

— Я ведь тебе говорила, покрой крышкой, пусть покрытый кипит. Не иначе, как кошка в суп заскочила, — она думала, кошка сама заскочила. — Не иначе,

как ты снял крышку, а покрытьзабыл, а кошка и заскочила.

— Не знаю, — говорит.

— Да, постелил ты мне постелю!

Как вытянет раз мальчика по шее мешалкой. Со злости вытянула, потому как сильно испугалась, что вот-вот придут и суп надо подавать, а нет супа. Завизжал мальчик, заорал во все горло, потому что до сей поры никогда еще его не били. Тут как раз карета на двор въехала. И как раз мимо тех дверей карете проезжать надо. Услыхали они громкий плач, тут же остановили карету, выскочили королевские дочки, первыми выскочили.

— Что такое, что случилось, почему он плачет?

— А вот, — говорит, — послушайте, ваше величество, что он натворил. Я на него все оставила, до сей поры он такой послушный был. И вот, пожалуйста, — кошка! Не знаю, как она в суп заскочила, а только к обеду супа не будет!

Король говорит:

— Не будет, так не будет. Ну и что? Есть, что ли, нечего, коли супа нет? Вон там еще сколько всего, — говорит, — ежели и нет супа, а мальчика бить нельзя. За такое нельзя мальчика бить.

А королевны захохали:

— Не бейте мальчика, не за что его так колотить! Как вы смели его бить?

Кухарка думает про себя: хорошо не осерчали, хорошо за то осерчали, что я его стукнула, это еще полбеды, только б меня не тронули!

И правда, было еще, что подать, вдоволь всего было. Королю нечего голову ломать, что, мол, есть будем.

Так оно и сошло. Неделя миновала. Всю неделю так хорошо вел себя мальчик, ни в чем из кухаркиной воли не выходил! Что ни скажут, все исполняет, да как проворно! Снова кухарка ему доверилась, потому что такой послушный был всю неделю.

Воскресенье настало.

— Ну, что, сынок, — говорит, — и нынче отпустишь меня в церковь? Сделаешь, как на прошлой неделе?

Мальчик говорит:

— Не знаю.

— Присмотришь, сынок за супом? Присмотришь нынче за супом? Гляди, сынок, кастрюлю покрытой держать надо, а ежели, — говорит, — что кладешь, соль, к примеру, сразу снова покрой. Большого огня не разводи. Милый сынок, сделай, как я тебе сказываю, тогда, — говорит, — и я буду тебя любить, и король тоже. Видишь, королевны на тебя не нарадуются, а ежели что-нибудь этакое натворишь, тогда они тебя любить не станут.

— Не знаю, — говорит.

— Так можно я пойду в церковь?

— Не знаю.

Снова отправилась кухарка в церковь, нарядилась кухарка, наказала ему еще раз, чтоб присматривал за мясом и только бы посолил через полчаса. Снова, значит, в церковь отправилась. Незнайка у плиты остался. Только полчаса прошло, он мигом три ложки отмерил и в суп насыпал. Да не соли, а золы! Скоро и кухарка воротилась и прямо за мешалку да к супу. А суп густой, чисто щёлок. Как же иначе, раз в нем зола?

— Ох, Незнайка, что это за бурда, что ты наделал?

Мальчик говорит:

— Не знаю.

— Слушай, — говорит, — я опять не могу суп на стол подать, что скажет король, когда узнает?

— Не знаю.

Тут она залепила мальчику такую плюху, что в ушах зазвенело.

— Вперед будешь знать, — говорит, — как не слушаться! Что тебе сказываю, то и делай! Не порть еду! Что мне король скажет, когда супа не будет?

— Не знаю.

Плачет, визжит — плюху получил. Так визжит, что на улице слышать. Снова подъезжает карета, король с женою, с дочками прибыл. Опять плачет мальчик. Что случилось?

— Что такое, что такое, почему он плачет? Может, вы его прибили?

Говорит кухарка:

— Только одну плюху и отпустила, а он что наделал? Золы в суп насыпал!

— Ну, и что же, что насыпал? Я, — говорит, — всю не-

делю суп ел, каждый день, и после еще буду суп есть, а вам я сказал, не бейте вы этого мальчика, не трогайте его!

И королевны тоже:

— Не троньте мальчика!

Плачут, до того мальчика жалеют.

Ну, стало быть, снова из беды цел вышел. Покушали, пообедали тихо-мирно, слова никто не сказал. Снова мальчик кухарке угождает, все в самые руки так и подносит. Пол метет, работает на кухне, будто слуга какой. Словом сказать, опять исправился мальчик, так прилежно работает, что снова доверилась ему кухарка. Третье воскресенье настало.

— Незнайка, отпустишь меня в церковь сходить?

— Не знаю, — говорит.

— Гляди, сынок, нынче супа не будет. Супа тебе нынче не поручаю. Тут, — говорит, — жареный поросенок, в духовке жарится, присматривай, сынок, чтоб огня большого не было, а то сгорит поросенок. Гляди, — говорит, — один бок уж совсем хорошо зажарился, я его перевернула, на маленьком огонечке как раз к обеду подрумянится. Только за этим и присматривай, добавлять уж ничего не надо, ни соли, ничего, присматривай, чтоб огня большого не было. А я пойду в церковь.

Мальчик говорит:

— Не знаю.

Ушла кухарка в церковь, и, чуть только ушла, мальчик так набил топку, столько дров напихал, что больше ни щепочки не всунуть. Такой огонь запылал, будто в аду. Конечно, дрова всё сухие, мигом занялись. Сгорел жареный поросенок дочиста, дым пошел. Столько дыма в кухне, что не видать ничего. Воротилась кухарка. Еще на улице чад учуяла.

— Ну, — говорит, — теперь он поросенка сжег! Спалил, — говорит, — что ж я теперь на стол подам, где жаркое возьму?

Вбегает в кухню, а дым такой, платком выгонять нужно, дышать нечем. Открывает духовку, а этот жареный поросенок весь в огне. До того сгорел, одни угли остались.

— Ну, Незнайка, опять ты обед на славу приготовил! Что я теперь королю подам? Что мне теперь скажут, когда услышат, что опять у меня обеда нет?

Мальчик говорит:

— Не знаю.

Снова залепила она мальчику плюху, а он как завизжал, так и уняться не может. Пришел король, в дверях остановился.

— Что такое опять, что за беда, — говорит, — что случилось?

Заплакала кухарка горькими слезами.

— Ваше королевское величество, — говорит, — много вам благодарна, я вам всегда честно служила, старалась, чтоб все было ладно, но с той поры, как объявился здесь этот мальчишка, никак не могу воскресного обеда по вашему вкусу приготовить. Он такой огонь развел, что поросенок жареный весь сгорел, дочиста! Или его отсюда заберите, или я свою службу брошу, — говорит. — Ежели не заберете, я место бросаю.

— Заберу, — говорит. — Его я заберу, а вы оставайтесь. Только бить не надо, — говорит, — жаль, что вы его бьете. Сказали бы мне, я помог бы, а бить мальчика не надо.

И дочки королевские плачут, охают, зачем она мальчика бьет. Ну, ладно. Говорит король мальчику:

— Незнайка, не нравится тебе здесь, на кухне. Я думал, тебе здесь будет хорошо, а тебе не нравится, ты не слушаешься, и я тебя определяю к птичнику. Будешь помогать птичнику кормить-поить кур. Да и это не обязательно, только помоги вечером загнать их в курятник, а утром, когда они выходят, надо их пересчитать, и вечером тоже, когда заходят, снова пересчитать. Вот и все, — говорит, — а больше никаких забот. Я тебя не в птичники определяю, а в помощники к нему, чтоб ты яйца собирал и помогал бы ему складывать. Помогай, — говорит, — собирать и в комнате складывать. Это будет твоя работа. Слушайся птичника, тогда тебе и там худа не будет. А с кухаркой простись, потому что никак вы друг с дружкой не поладите.

Обрадовался мальчик, что его к птичнику определяют. Одну неделю, другую ведет себя хорошо, примерно себя ведет, корзинку из рук не выпускает, с яйцами не расстается — просто ужас! Был там громадный ящик, и весь полон яиц. Пропать кур была! Он себя ведет хорошо, и птичник на него не нарадуется. А он не

только яйца собирает, он еще и воду носит, ежели видит, что курам пить нечего, идет по воду и поит кур. Так хорошо помогает, что ему и говорить не надо, — сам делает, без приказа. Птичник очень им доволен. Спрашивает король птичника, как мальчик сам себя ведет.

— Очень хорошо, ни одной промашки за ним нету! Даже больше делает, чем надо. Ему, — говорит, — было сказано, чтоб он только яйца собирал, а он еще кур поит, воду носит, попусту я ему толкую, что это моя забота. Да еще каждый день курятник чистить помогает.

Король говорит:

— Не давайте мальчику всякие такие работы делать, пусть только с яйцами занимается.

— Я тут не при чем, — говорит, — он сам за все хватается.

Ну, вот, значит, может, и целый месяц вел он себя так примерно. А после взял, да и яйцами в мячик играть начал. Одно вниз падает, а другое он уж кверху подкидывает, и все время в обеих руках по яйцу. Иной раз и подхватывал, но, пока одно подхватит, десять упадут и вдребезги. Так шло у него каждый день, и уж сотни яиц не хватало. Приметил птичник, что яиц, против прежнего, меньше набирается. Докладывает королю:

— Ваше королевское величество, не знаю, — говорит, — что такое, но только яйца не так набираются, как раньше. Против того, сколько раньше набиралось, нынче со дня на день все меньше яиц.

— В чем же дело? Куры, что ли, нестись перестали?

— Я и сам не знаю, только яиц все меньше да меньше.

— Перво-наперво, — говорит, — надо за мальчиком приглядеть, не припрятывает ли он яйца, не отдает ли кому. Да, надо за ним присмотреть.

В один прекрасный день спрятался птичник и выследил, что он делает. Собрал мальчик полную корзину яиц, вынес на середину двора, поставил наземь и ну кверху кидать, ну кидать! Падают яйца, и пока он одно подхватит, десяток разобьется, так что весь двор яичный сделался, весь, как есть, желтый. Увидел это птичник, пошел к королю и докладывает:

— Ваше королевское величество, я все выведал! Это,

и вправду, из-за мальчика меньше яиц стало. Он, — говорит, — яйцами в мячик играет, кверху подкидывает, а поймать не может, так часто бросает, что, пока одно подхватит, десяток — вдребезги.

— Ежели так, я найду ему другое занятие, а от яиц его отставим, чтоб к яйцам больше не касался.

А мальчику король говорит:

— Ну, сынок, раз ты не слушаешься, яйца не бережешь, чтоб они не бились, тогда больше к ним и не касайся. Пусть их птичник собирает. А у тебя вот какая будет работа — кур загонять и запирает, а утром, как они выйдут из курятника, пересчитать их, все ли целы. Вот и вся твоя работа, а к яйцам больше не касайся!

Так мальчик и сделал. Впускает кур, запирает, утром, как двери отомкнет, пересчитывает, записывает, сколько есть. И птичник знает, сколько у него кур, потому что он сосчитал. Прошел день, прошел другой, месяцы прошли, и так хорошо ведет себя мальчик, что снова полюбил его птичник, за большие деньги с ним не расстался бы. И вдруг кур меньше становится, со дня на день меньше. То двадцати не досчитались, то тридцати. Приметил это птичник, что, думает, за причина, отчего кур меньше становится, куда они деваются, отчего каждый день недостаток. Король говорит: — надо последить за мальчиком, не отдаст ли он их кому, или продает, или еще что. Вот птичник спрятался и выследил, как Незнайка утром кур выпускает. И что ж оказалось? Взял он палку да каждую десятую курицу палкой по голове. Девять отсчитал, а десятую как стукнет по голове, она и лапки кверху, околела, тогда он ее в сторону. После еще девять отсчитал, а десятую так долбанул, что околела. И дальше так же, за один день еще пятьдесят кур перебил. Как увидал это птичник, пошел к королю, докладывает:

— Ваше королевское величество, заберите вы от меня этого мальчика, а иначе не нынче-завтра ни одной курицы не останется.

— А что такое?

— А он, — говорит, — каждую десятую насмерть убивает, потому, — говорит, — и недочет, со дня на день меньше. Девять кур отсчитает, а десятую — насмерть.

— Ну, — говорит король, — это не беда, я мальчика заберу и к садовнику определю, пусть за цветами ходит.

Привел он его в сад и говорит садовнику:

— Этого мальчика даю тебе в помощники, а ежели не станет работать, пускай так в саду гуляет, и тебе веселей будет, время быстрее пройдет. А ты присматривай, чтоб беды какой с мальчиком не случилось, присматривай получше.

Оставил садовник мальчика при себе, весь сад ему показал, а в саду цветов видимо-невидимо, очень красивый был сад. Водит он, стало быть, мальчика по всему саду и говорит:

— Это такой-то цветок, это такой, это такой. Знаешь эти цветы?

— Не знаю, — говорит.

— Их надо, — говорит, — поливать, от птиц беречь надо, чтобы птица какая не выдернула. Здесь тебе будет хорошо, сынок, вот увидишь. Останешься со мной?

Мальчик говорит:

— Не знаю.

Очень хорошо вел себя мальчик, ну, просто очень хорошо, как увидит худую травку посреди цветов, сразу выпалывает, дорожки между клумбами без конца подметает, чтоб чистота была, и так полюбил его садовник, так полюбил, что ни за какие деньги бы с ним не расстался. Видит, какой умный мальчик, какой заботливый. Тут у меньшей королевны зуб заболел. Пришло воскресенье, отец с матерью в церковь собираются. Отец говорит:

— Одевайтесь дочки, в церковь поедem.

Старшая дочка говорит:

— Батюшка (ах, нет, это меньшая говорит!), батюшка, я не могу в церковь ехать, так зуб болит, просто силы нет терпеть.

— Ну, ежели не можешь, тогда оставайся дома, не надо тебе ехать, ты, значит, оставайся дома, а мы поедem.

Села девица на верхнем этаже у окна и смотрит. На мальчика смотрит. Глядит, какой он расторопный, какой старательный, как хорошо с садовником ладит, — просто прелесть! Любила она мальчика, оттого и в церковь не пошла, а зуб у ней не болел, она только оттого

хотела дома посидеть, чтоб на мальчика полюбоваться. Так она этого мальчика любила, не знала, что и делать.

А мальчик до того вырос, что уж парнем стал, уж не мальчик больше, паренек. А уж пригожий какой, такой пригожий, такой... да нет, никак словами не скажешь! Вот говорит ему садовник:

— Незнайка, не присмотришь ли за садом, чтоб мне в церковь сходить? Сам видишь, каждое воскресенье другие молодые ребята ходят, — говорит, — а я вечно тут, в саду. Так как же, присмотришь?

— Не знаю, — говорит.

— Смотри, сынок, вот тебе колокольчик, знай, гуляй себе по дорожкам между цветами и звони. Птицы испугаются, не станут прилетать. Только за тем следи, чтоб никто не заходил и цветов не рвал.

Собрался садовник, нарядился, в церковь отправился. Незнайка дома остался. Как ушел садовник, вспомнил он про свистульку, что конь ему дал, вынул свистульку, дунул в нее. Тот мигом и явился, конек, значит, серебряной масти конек. Шерсть на нем — чистое серебро. Подходит и говорит:

— Что прикажешь, маленький королевич?

— А то прикажу, чтобы ты весь сад разорил, все цветы копытами повывернул. Ни единого корешка чтоб в земле не осталось! Всё чтобы разорил!

— Будет сделано! Пошарь у меня в ухе.

Пошарил он в одном ухе и вынул седло. Говорит конек:

— Седлай меня! Теперь в другом ухе пошарь.

Пошарил он в другом ухе, вынул полный паряд, — сапоги, кивер, всю, словом сказать, королевскую одежду, в какой королевичи ходят, вот какой был наряд, и весь из чистого серебра.

— Теперь садись на меня верхом!

Незнайка сел верхом, а того и не заметил, что королева из окна глядит. Сел, значит, на конька верхом и не боле трех кругов по саду сделал, как ни одного цветка не осталось — все копытами повывернуты. Такой стал сад, что уж и не узнать, где клумбы были, все сравнялось, будто свиньи забрались да все, как есть, изрыли. После соскочил Незнайка на землю. Конек говорит:

— Теперь клади обратно в уши наряд, седло, всё.

Положил он всё обратно, и конек мигом исчез. Волшебный был конь, потому и исчез мигом.

Вот начинают из церкви возвращаться, первый садовник приходит. Господи, твоя воля! Как увидал, что с садом сделалось, чуть в обморок не упал.

— Что здесь случилось, Незнайка? Кто сюда приходил, кто это так ужасно сад испакостил, испохабил? Что теперь король скажет, ежели увидит, что его прекрасный сад этак изгадили, с землей смешали?

Мальчик говорит:

— Не знаю.

— Не знаешь, кто здесь был?

— Не знаю.

Он тоже такую плюху мальчику отвесил, что мальчик заорал во всю мочь. Тут как раз приходит король. А королевская дочка все, от начала до конца, видела, что Незнайка делал. А когда увидала, как он в тот наряд оделся да какой парень в том наряде сделался, от радости, от любви чуть не уписалась, еще сильнее Незнайку полюбила.

Ну ладно. Король говорит:

— Что здесь такое? Что с садом случилось?

Садовник говорит:

— Хотите — милуйте, хотите — жизни решайте, пошел я в церковь, а ему караулить наказал. До сей поры он каждого моего слова слушался, что ни скажу, все исполнял, и еще того боле, вот я его нынче одного и оставил, а он не рассказывает, кто здесь побывал, кто это сделал. Смотрите, — говорит, — все цветы пропали.

— Не беда, ничего страшного, придут садовники, снова посадят. Только мальчика чур не трогать!

Вот как король порешил.

Сей же час прислал он чуть не шесть сот садовников. Цветы граблями сгребли, клумбы разбили, снова цветы посадили, полили, все цветы принялись, снова корни пустили. На другой день сад опять такой же в точности стал красивый, как прежде был. Садовник уж не смел в церковь отлучиться. Ждет он неделю, другую, третью, видит, отменно ведет себя мальчик, цветы без конца поливает, взад-вперед снует, бегают и все поливает, поливает, чтоб цветы не увяли, чтоб как нельзя краше

были, худую траву выпалывает, дорожки метет. Видит, что старается мальчик. Говорит садовник:

— Пойду-ка я снова в церковь. Мальчик, я вижу, вовсю старается, за цветами смотрит, пойду, стало быть. Незнайка, — говорит, — я иду в церковь. Смотри в оба! Гляди, чтоб ни зверь, ни птица в сад не зашли, чтоб цветов не рвали, клумбы рылом не ковыряли. Вот за чем гляди. Звони в звонок, пугай их.

Мальчик говорит:

— Не знаю.

— Ладно, ты только делай, как я тебе рассказываю.

Вот снова нарядился садовник, в церковь отправился. Незнайка дома остался, по саду прохаживается. Вдруг, недолго думая, взял да в свистульку и дунул. Конек золотой масти — тут как тут! Теперь он золотой масти был. Явился и говорит:

— Что прикажешь, маленький королевич?

— А то, — говорит, — прикажу, чтоб ты все цветы копытами повыворотил, ни единого корешка чтоб не осталось!

Коньку в другой раз повторять не надо.

— Пошарь у меня в ушах!

Вынул он из ушей седло, седло, значит, после одежду вынул, шпоры, и всё — из чистого золота. Как нарядился он, как увидела королевская дочка из окна, что за молодец парень, так и уписалась. Вскочил он на коня верхом и ну по саду носиться, все равно, как черт какой, носится туда-сюда, вкривь-вкось, ни одного цветка целого не осталось, ни одной клумбы, смотреть жутко!

Вот приходит садовник, а конька уж и след простыл. Исчез конек, а мальчик все прогуливается, все прохаживается между цветами. Приходит садовник и говорит:

— Незнайка, что такое с садом произошло? Ты только погляди! На макушках деревьев — и то цветы, из земли повыдраны да на макушках и развешаны! И на дорожках — тоже, повсюду! Кто здесь был, скажи, Незнайка, кто это снова сад испохабил?

Мальчик говорит:

— Не знаю.

— Как не знаешь, когда тебе караулить велено было?

— Не знаю.

Хлоп! Снова плюха! Тут как раз и король появился.

— Что тут опять такое? — говорит, — что опять с этим садом приключилось?

— Не знаю, ваше королевское величество! Я ушел в церковь, а его Христом-Богом просил караулить, как следует, и вот теперь он не может сказать, кто здесь был, одно твердит: не знаю. Что же мне делать?

Король говорит:

— А почему ты его прибил?

— Да как же не бить? Вон он что натворил!

— Нет, мальчика не бей! Есть у меня садовники, живы-здоровы, все поправят, все сделают. А мальчика не бей!

А девица-то как завизжала из своего окна на верхнем этаже! Увидела, что мальчик плюху получил, да как закричит садовнику, чтоб не смел мальчика бить, не смел бить! И про зуб забыла. Она опять из-за больного зуба дома оставалась, в церковь не ходила. Ну, так вот, не сказала она отцу, что мальчик во всем виноват. Не сказала, не выдала, очень уж она этого мальчика любила и про себя задумала, что ни за кого замуж не пойдет, только за этого мальчика. Так она про себя задумала.

Ну, сделали все, как раньше, снова цветы посадили. До тех пор поливали, до тех пор трудились, покамест цветы снова корни не пустили. Снова цветут на загляденье. Тут снова говорит садовник мальчику:

— Послушай, Незнайка, теперь цветы снова в порядке, снова красивые, как раньше. Я пойду в церковь, а ты сад береги. Смотри в оба и хотя б то мне скажи, кто сюда приходит, кто всю эту мерзость учиняет. Пока я дома, все ладно, чуть я уйду — сразу беда с цветами!

Мальчик говорит:

— Не знаю.

Снова отправился садовник в церковь, а мальчик дома остался. Только взошел садовник в церковные двери (мальчик вслед ему смотрел), снова дунул он в свистульку, и глядь — стоит перед мальчиком конек брильянтовой масти. Теперь у него брильянтовая шерсть была. Говорит конек:

— Пошарь, маленький королевич, у меня в ушах,

достань свой наряд, седло достань. А что прикажешь, маленький королевич?

Мальчик говорит:

— Вот что прикажу: так разори этот сад, чтоб не только что цветы, ни одно дерево цело бы не осталось! — В середине сада цветы были, а кругом деревья, а на деревьях разные всевозможные фрукты. — И деревья все повали!

Снова вынул он свой наряд. Седло серебряное, одежда серебряная, кивер, сапоги, всё из чистого серебра. А на сапогах шпоры, тоже серебряные, вот это да! Как нарядился он, конек и говорит:

— Теперь садись на меня верхом!

Сел мальчик, снова они три круга по саду сделали — все деревья повалились, с корнем вывернулись, вот как конь ногами лягал. Вот остановились они, соскочил мальчик наземь, положил обратно в ухо седло, всё, укакал конёк, а Незнайка остался. Тут приходит король.

— На церковных дверях, — говорит, — и то цветы! Даже у церкви цветочные корешки валяются. — А церковь от сада далеко стояла. — Даже там все в цветах, как все равно в праздник Тела Господня, когда перед попом дорогу цветами усыпают.

Садовник говорит:

— Не знаю, что здесь такое, ума не приложу, что случилось. Он-то ведь ничего сказать не может. Никогда больше в церковь не пойду, но еще вот что скажу: ежели вы этого мальчика отсюда, из сада, не заберете, тогда я сад бросаю, не слуга я вам больше!

Король говорит:

— Ты никуда не уходи, оставайся, служи дальше, а мальчика я заберу. — Тут же кликнул мальчика и говорит: — Незнайка, раз тебе здесь не нравится, в саду, не по сердцу на душистые цветочки любоваться, цветы нюхать, чистую, хорошую работу работать, отдам тебя в свинопасы, свиней будешь пасти.

Говорит мальчик:

— Не знаю.

— Знаешь — не знаешь, все равно пойдешь, сынок. На кухне тебе не понравилось, у птичника бед наделал, здесь тоже сада не сумел сбечь, — пойдешь, стало быть, к свинопасам.

— Не знаю.

Тут же и отвел его к свинопасу. Говорит король этому свинопасу:

— Оставляю тебе этого мальчика, пусть ходит за свиньями вместе с тобою, за свиньями пусть присматривает, потому как ни на что другое он не годится. Всюду только вред да вред. Работы мне от него не нужно, а ты только не трогай мальчика, что бы он ни сделал, мне докладывай, ежели что не так, а трогать не трогай. Береги его.

Что король ест-пьет, то и мальчик получает, содержат его хорошо, ни в чем отказа нет. И такой пригожий вышел из него парень, ну, такой красавец-парень, что... что... смотреть охота, глаз не отведешь. А у короля были три дочки, и надумал король замуж их отдать, дочек-то своих. Повестил он по всей стране, чтобы сходились к нему молодые парни — то есть королевичи, бароны, герцоги и все прочие подобные, — которые жениться хотят, потому как он дочек замуж отдать надумал: дочки, мол, промежду них выбирать станут. Изустно повестил и письменно тоже (ну, вроде бы объявление дал), а дочкам, всем трем, дал каждой по золотому яблоку. Говорит им король:

— Ну, дочки, вот-вот сойдутся к нам молодые парни, королевичи, герцоги, бароны, самые первые в стране женихи, а вы выбирайте, который кому по сердцу. Которая из вас в какого влюбится, ему пусть яблоко и бросит.

Ладно. Повестил, стало быть, король, купил три золотые яблока, отдал трем дочкам и говорит:

— Теперь садитесь со мною на трон.

Сам сел посередке, дочки обочь. Вот выстроились парни в ряд, а девицы смотрят, глазами водят, одна справа налево, другая слева направо. Вдруг большая дочка бросила свое яблоко одному парню. Теперь другой очередь подходит. Она тоже глядела-глядела, туда-сюда поглядывала, а после и бросила яблоко. Ладно, две дочки выбрали, а меньшая не нашла себе по сердцу. Никому яблоко не бросила. Тут как раз воротился домой Незнайка со свиньями. А он так свиней выучил, что они строем шли, ровно солдаты. После он в свирель заиграл, а свиньи плясать пустились. Увидали все ко-

ролевичи, как этот свинопас со своими свиньями в ворота заходит, как он славно в свирель играет, а свиньи под свирель пляшут, увидали и засмеялись, и король вместе с ними. Как этот Незнайка так ловко свиней выучил строем ходить, равняться по-солдатски?

Вот вззошли они во двор, закрыл он свиней в большом хлеву, а сам пришел полюбоваться на знатных молодых парней, поглядеть, что они делают. Заходит, рядом становится. На одного смотрит, на другого. Он ничего и ждать не ждал, стоял да глядел, а меньшая королева вдруг как кинет яблоком ему в грудь — чуть было не упал Незнайка, однако яблоко поймал. Король как это увидал, кому дочка яблоко кинула, так осерчал, до того разозлился, думал, сейчас с трона соскочит. Потому что уж больно дочка его осрамила! Столько было там славных королевичей, столько молодых парней, один другого краше, а она никого не выбрала, только этого свинопаса. Этакое надумала! Этакий срам отцу-королю и сестрам-королевам!

— Ну, — говорит король, — будет, довольно! — Сошел с трона. — Ну, дочка, и меня ты осрамила, и мой королевский замок. Ступай на все четыре стороны. Отрекаюсь от тебя, ты мне больше не дочь. Не могла ты выбрать промежду столькох парней, а ведь всё красавцы-парни, один другого краше, и никто тебе не полюбился, как раз свинопаса этого выбрала. Вот, стало быть, и отрекаюсь от тебя, не дочь ты мне больше!

И тут же выгнал девицу, за дверь выставил.

— Будь по-твоему, бери его в мужья, живи с ним, только вон из моего замка!

С тем и выгнал ее из замка и за крепостными воротами велел сколотить дощаную будку, и в той будке поселил дочку с мужем — пусть, мол, там живут.

— Это будет твой замок, здесь вы станете жить, а ежели помрете, мне все одно, мне до вас дела нет.

А двум другим дочкам такую устроил свадьбу, что двадцать четыре дня кряду гуляли.

Молодые в будке горючими слезами плакали, потому как им и есть-то нечего было. Но королева так бы не убивалась — только б заговорил Незнайка, только б у него язык развязался. Главная беда, что не может муж с нею поговорить.

Вот отошла свадьба, кончилась, а обе дочки дома жить остались, с королем. Живут-веселятся, над теми в будке посмеиваются. Только прискучило им однажды сидеть сложа руки, вот зятя и говорят тестю:

— Ваше королевское величество, государь-батюшка, нам бы поохотиться малость, в лесу бы порезвиться.

— Что ж, — говорит, — поезжайте, сынки, ежели такое ваше желание.

Вот выбрали они себе двух скакунов, сели верхом, отправились на охоту. Незнайка в дверях будки стоит, на них смотрит. Руки в боки уткнул и смотрит на свояков. А те подъехали ближе и говорят:

— Ну, своячок, поедешь с нами охотиться?

— Не знаю, — говорит.

— Да ты ничего не знаешь! Однако знал, как королевну засватать, как за себя взять, — чудно, право слово! Ну, да на охоту ехать ты, и впрямь, не годишься.

С тем прищпорили свояки коней и умчались. Хохочут-заливаются, довольны, что над Незнайкою посмеялись. Вот умчались они, ускакали, а Незнайка, недолго думая, достает свою свистульку. Жена и не видала, а он достал свистульку, дунул — серебряный конек тут как тут.

— Что прикажешь, королевич?

— А то прикажу, — говорит, — что и мы тоже охотиться поедем.

— Что ж, — говорит, — вынимай свою одежду, седло вынимай, седлай меня, садись верхом.

Мигом вынул он у коня из уха свой наряд, с ног до головы в серебро оделся. Конек серебряной масти, седло серебряное, куда ни глянешь — чистое серебро! Сел он верхом и не тою дорогой поехал, что свояки, — они уж далеко были, — а выбрал путь покороче, чтобы вперед их до лесу добраться. Чуть до лесу добрался, тут же увидал серебряную утку. Подстрелил Незнайка утку, подвесил к седельной луке, снова вскочил в седло, назад поворотил. Изрядно пришлось ему ехать, пока повстречался со свояками, они еще и в лесу то не были, а он возвращается, назад скачет. Увидали они — двое, то есть, королевичей, — что едет кто-то навстречу, большой господин, конь под ним серебряной масти, удивились: никогда такого коня не видывали,

чтоб серебряный был! Что за удалец едет, кто такой может быть? Ближе подъезжают, глядь — а у него и наряд весь серебряный, блестит, ровно зеркало. Еще издали честь ему отдали, увидали, что большой богач или кто там еще, остановились, стало быть, и саблю честь отдали. После съехались, друг дружке доброго утра пожелали, уважение оказали, как умели, поклон отдали.

— Ну, — говорят, — не иначе, как вы здесь, в лесу почевали, коли так рано уж и возвращаетесь?

— Что вы! — говорит. — Я тоже нынче приехал.

Но и тут не узнали, кто таков!

— Ох, и славную же утку вы подстрелили! Не продадите?

— Отчего же, — говорит, — продам.

— Что просите за утку?

— А без запроса, — говорит. — Сто золотых.

Тут же достали из кармана деньги, отдали.

— Откуда вы?

— Я Дошаной крепости государь.

— Ох, и далеко, должно быть, эта земля, даже имени такого, — говорят, — до сей поры никогда не слышали — Дошаная крепость.

А он оттого назвался Дошаной крепости государем, что в дошаной будке жил.

Ладно, взяли они утку и тоже назад повертели. Ну, да он вперед умчался, будто бабочка, из глаз исчез, и пока они доехали, он уж разделся, с коня соскочил, снова в воротах встал, руки в боки упер и смотрит, как они едут, от гордости чуть не лопаются. Подъехали, к седельной луке эта... как ее... утка с серебряными перьями подвешана. Дорогою про то толковали, как, мол, тещь, старый король, обрадуется, что такие у него зятя удалцы — серебряную утку подстрелили, в какой чести они теперь у тещя будут. Очень собою довольны. Как подъехали, говорят:

— Вот, Незнайка, не захотел ты с нами поохотиться, а погляди, что мы подстрелили.

Он говорит:

— Я не знаю.

— И никогда ничего больше и не узнаешь, так и останешься — Незнайка.

С тем и ускакали. Хохочут во все горло, в крепостные ворота въезжают. Пошло тут у них веселье да гулянье. Тесть обрадовался, какую славную утку подстрелили. На воскресенье, на вечер назначил король бал — все из-за этой утки, на радостях, что такие у него зятя удалыцы. Большой был бал, музыка играла, а эти, в будке, только слушали, как другие веселятся.

После бала снова собираются зятя на охоту. Спрашиваются у тестя, можно ли, мол, съездить поохотиться.

— Конечно, можно!

Можно — стало быть, поехали. А он всё знал, — Незнайка то есть, — что они ехать надумали, снова встал перед своей будкою, руки в боки упер, смотрит, как они за ворота выезжают, от гордости чуть не лопаются. Здравуются с Незнайкой:

— Доброе утро, своячок, поедем, поохотимся вместе! Не хочешь на охоту съездить?

Он говорит:

— Не знаю.

— И никогда ничего больше и не узнаешь! Хорошо еще, что знал, как королевну за себя взять.

Это они серчали, со злости так говорили, им тоже не по душе было, что королевская дочка досталась этакому... этакому Незнайке. С тем и ускакали. А он подождал, пока они отъедут немного, дунул в свистульку — скакун золотой масти тут как тут.

— Что прикажешь, королевич?

— Вот что, — говорит, — прикажу, — едем за ними! Также на охоту поедем.

— Доставай, — говорит, — свою одежду, седло доставай.

Достал он седло, одежду, ружье, всё из чистого золота. Сел верхом, отправились они другой дорогой и вперед тех до лесу добрались. Только прибыли, тут же подстрелил он золотую дрофу. Перья — чистое золото, точно не скажу, что за дрофа такая была, одно знаю — что в перьях. Подстрелил, к луке подвязал и назад повернул. Изрядно проехал, пока со свояками повстречался. Они еще только в лес ехали. Говорит один другому:

— Гляди, опять тот удалец, которого мы вчера встретили, должно быть, что он! Гляди, нынче золотой масти под ним конь, должно быть, что большой богач этот

король, раз у него такие кони. Я никогда и слыхом-то не слыхивал, что такие кони на свете бывают.

Еще далеко были, а уж честь ему отдали, почтение свое оказали. После съезжаются и говорят:

— Ох, и рано же вы ворочаетесь, может ночевали здесь?

— Что вы! — говорит. — Я тоже нынче приехал.

— А эту славную золотую дрофу не продадите?

— Отчего не продать?

— Сколько?

— Сто золотых.

Тут же достали сто золотых, отдали ему.

— Скажите, пожалуйста, с позволенья спросить, вы откуда?

— Я Дошаной крепости государь.

— Ура Дошаной крепости государю! Ура! — Поприветствовали. — Как же вы хорошо стреляете, ежели так быстро такую редкую дичину подстрелить можете!

Ну, ладно, распрощались. Говорит он своему волшебному коню:

— Что загадаю, так тому и быть! Гоп-гоп!

И сей же миг оказался у своей будки. Соскочил на-земь, одежду на место положил, исчез конек из глаз. Он взошел в будку, отдал жене сто золотых.

— Откуда к тебе эти деньги, Незнайка?

— Не знаю. — Он и с женой не разговаривал. — Не знаю, — говорит.

Обрадовалась королева, поцеловала мужа. Радует-ся, смеется, а всё болит сердце — отчего он молчит? Тем временем и свояки появились, приехали.

— Ты только погляди, своячок, какую мы дичину подстрелили! Видишь? — говорят. — Тебе этакой не подстрелить! Погляди, погляди! А ведь мы тебе сказывали, поедем, мол, с нами. Сказывали ай нет?

Он говорит:

— Не знаю.

— Вот-вот, ничего больше и не узнаешь, так и останешься — Незнайка.

Захохотали во всю глотку и уехали, в ворота ускакали. Снова у короля радость великая, какие, мол, у него зятя знаменитые, как ловко стреляют, какая опять добыча — золотую дрофу привезли!

Опять, стало быть, на воскресенье бал назначил. Опять был бал. Танцевали, веселились. А про тех двоих и не думал никто. Вот отошел бал, снова на охоту поехали, в третий раз. Едут, а Незнайка в воротах стоит, смотрит. Говорят ему свояки:

— Ты не гляди, а поедем-ка с нами! Хотя ты и стрелять-то не умеешь! Знаешь, как стреляют? Вот этак: пиф-паф! — Это они ему говорят.

А он в ответ:

— Не знаю.

— Ты видал, каких мы птиц стреляем и королю возим, чтоб он порадовался? А от тебя, — говорят, — никакой радости, одно горе.

С тем и уехали. А он обождал немного, дунул в свистульку — тут как тут конек брильянтовый!

— Ну, — говорит, — что прикажешь, королевич?

— Вот что: едем следом, поохотимся и мы!

Быстро достает одежду, седло — отправляются. Он быстро оделся, нарядился и такой стал пригожий, когда нарядился, что на солнышко еще можно глядеть, а на его пригожество — никак невозможно!

До лесу в два счета добрались и тут же повстречалась им брильянтовой масти косуля. Подстрелил он косулю. Шкура, рога — чистое золото, вся из чистого золота была. Подстрелил, стало быть, взвалил на луку и поехал. Кивер набекрень заломил, гордо так едет, тем двоим навстречу. Ух, ты!

Они говорят:

— Гляди, нынче под ним брильянтовый скакун! Господи, твоя воля, а одежда-то какая! Это не иначе, как император! Или императорский сын, а император, ба-тюшка его, — богатей невозможный.

Это они друг с дружкой переговариваются.

Еще далеко были, а уж честь ему отдали, поздоровались, почтенье свое оказали. Съезжаются.

— Ох, и хороша же брильянтовая косуля! — говорят. — Просто диво! Где ж вы ее подстрелили?

— А в лесу.

— А когда вы выехали, что так рано уж и домой ворочаетесь?

— А, наверно, тогда ж, когда и вы, — говорит. — Да, могли в один час выехать, я ведь тоже сегодня выехал.

— А не продадите ль эту брильянтовую косулю?

— Конечно, продам.

— Сколько просите?

— Триста золотых.

Надо, думают, дать, потому как насколько мы тогда у батюшки в глазах выиграем, у короля то есть, — какие, мол, мы удалцы, как ловко стреляем. Опять отдали, что запросил.

Тут он повернул коня и умчался. Привез триста золотых, жене в самые руки положил. Она до того обрадовалась, не знает, что и делать. Откуда он столько денег взял?

Ладно. Снова назначил король большой бал, и как раз во время бала, — еще плясали, веселились, — приходит письмо за печатью, что, дескать, татары-песиголовцы напали, всю страну хотят захватить. Пригорюнился старый король, а еще пуще молодые пригорюнились, им теперь на войну идти. Ну, да горюй, не горюй, а никуда не денешься.

Настал день, когда отправляться, музыка играет, душу надрывает. Вот, стало быть, пошли воевать, оделись, на коней сели, собрались, как надо.

Выезжают из ворот, наруже Незнайка стоит.

— А ты все стоишь? Нечего тут стоять, пойдем, — говорят, — надо страну спасать, напали на нас татары-песиголовцы, разорят нашу землю.

Он говорит:

— Не знаю.

— Ну, погоди, — говорят, — еще узнаешь, когда и в этой твоей будке нельзя будет отсидеться, тогда узнаешь! Пойдем с нами, ружье в руки — и пошли! Будем стрелять!

— Не знаю, — говорит.

Уехали они мрачные, как туча, ругают Незнайку на чем свет стоит, сердчают, оттого что королевну в жены взять сумел, а сам ни на что не годен. Уехали, значит, на войну, а Незнайка дома остался. Дожидается, пока они подальше будут. Тут приходит слух, что татары-песиголовцы захватили уже... ну, хоть десять, что ли, городов. Да, вон сколько уж захватили, королевские зятья насилу убежать успели. Ужас, сколько народу полегло, потому как победили татары, у них больше

солдат было, чем у этих. Вот воротились зятья в большой кручине и говорят Незнайке:

— Видишь, ты не пошел на войну, а землю нашу как раз и полонили. Не хочешь ты защищать нашу страну.

Ну, да что с ним толковать? Одно твердит:

— Не знаю.

Срок перемирия вышел, снова битва завязалась. Снова объявил король призыв, солдат набирает, потому как из войска многие полегли, а на войну снова идти надо. Уходят, а сами так горюют, не знают прямо, что и делать. Знают, что не одолеть им этих татар-песиголовцев, потому как у них народу тьма-тьмушая, солдат намного больше.

Ушли, значит, в большой кручине, а он дожидается, покамест они удалятся сколько-нибудь. После дунул в свистульку — серебряный конек тут как тут!

— Что прикажешь, королевич?

— А то прикажу, что на войну едем, родину будем защищать.

— Ну, — говорит, — доставай свою одежду, доставай саблю, ружье!

Все чистое серебро! Достал он у коня из уха, оделся, снарядился, вскочил верхом и поскакал. А битва так идет, так идет, что песиголовцы города один за одним захватывают и всё вперед подвигаются.

Незнайка, как прискакал, так в середину врагов и врезался. Все на него так и валят, а он посередине, один, на коне. Выхватил саблю и пошел рубить на две стороны, как все равно две косы косят, валится народ, будто снопы в косовицу. Проехал раз туда-обратно — столько солдат положил, что и бежать-то уж, почитай что, некому, весть домой отнести. Гнал он их, Богзнает, как далеко, в собственную их страну загнал. Не осталось с кем и сражаться, полегли солдаты, почитай что никто цел не ушел. Король себя не помнит от радости, что так ему этот славный храбрец помог, столько солдат одолел, выручил его из беды. Уж он и города назад побрал, все города, какие у них песиголовцы отняли.

— Ну, — говорит король, — надо его к нам доставить, удержать надо. Не отпустим его, а привезем лучше ко мне в замок, чтобы я его поблагодарил. Он ведь наш благодетель, страну нашу спас!

Так-то оно так, а только удерживать некого — исчез он, ровно фокусник какой, умчался, улетел на своем коньке. Воротились они домой, радуются, веселятся, что, слава тебе, Господи, врага из своей земли прогнали да еще от его земли изрядный кусок отхватили, и всё тот удалец, ему бы спасибо сказать, а они ничего не знают, ни кто он, ни что, ни откуда, — ничего, как есть, не знают!

Ладно. Снова вышел срок, снова битва впереди. Теперь этот король того извещает, что драться будет. Назначили время или день какой, когда снова сойтись. Вот снова снарядились, выступили. Незнайка в воротах стоит. Они ему и говорят:

— Что, своячок, не идешь? Мы-то уж дважды ходили, а ты еще ни разу. Чего дожидаясь? Чтоб татарин всю нашу землю полонил? Вот уж, вправду, королевский зять, надежная всей стране опора!

Он говорит:

— Не знаю.

Ускакали они, очень сердитые. А он ждет. Как рассчитал, что они уж доехали, так дунул в свистульку — золотой скакун тут как тут.

— Что прикажешь, королевич?

— А вот что: опять на войну поедем, родину будем защищать, не отдадим нашу родину, нашу землю татарам-песиголовцам!

— Что ж, — говорит, — пошарь у меня в ухе, одевайся живо, быстро!

Оделся, вскочил на коня и — вперед. Пока прискакал, они еще не начали биться, а когда надумали сойтись, он самый первый кинулся, вперед короля. Всех обогнал, в самую середину врезался и снова тем же порядком рубить пошел, враги так и падают наземь, градом валяются, мертвыми падают. Так их порубил, что насилиу десяток от смерти ушел, они до дому добежали, весть подали. Тут он уж и столичный город захватил.

После снова воротились, снова просит-молит король, чтоб задержали его, не отпускали, привели — поблагодарить, мол, надо, за то что родину спас. Да уж не было, кого задерживать-то, исчез Незнайка, ровно фокусник.

Ну, на третий раз уж последняя была битва. Теперь

кто одолеет, тот и победитель, а уж больше биться не станут. Надо, стало быть, опять сходиться. Снова выступают, в поход снаряжаются, солдат набирают — и те, и эти. Вот выступили. Кричат Незнайке:

— Эй, пошли! Нечего жену дома караулить, с женою рядышком посиживать, пошли на войну!

— Не знаю, — говорит.

Уехали они. А он обождал немного, после снова в свистульку дунул — тут как тут золотой конек.

— Ну, что прикажешь, королевич?

— В третий раз поедем, — говорит, — эта битва будет последняя, так что поедем и, чем можем, пособим стране.

Ладно. Вскочил верхом, взял в руку саблю, поехал. Прискакал, а те вот-вот друг на дружку кинутся, сшибутся. Он дожидаться не стал, а сразу в самую середку прорвался, да так ударил, что они мирный флаг подняли — конец, значит, войне, сами сдаются, и землю свою отдают, и воевать больше не будут. Твоя, мол, земля, и мы сами твои. Всё! Полонили татар-песиголовцев, захватили землю.

Незнайка прикинулся, будто его ранили. Кольнул саблею себя в ногу, кровь на голенище потекла. Увидал это старый король, тесть, то есть.

— Ох, — говорит, — как жаль нашего удалца! Ранили его!

Ну, теперь он не убежал, не исчез, с ними поехал. Спрашивают его, кто он таков и отчего два прошлых раза уходил, хотя такую сослужил службу, что всю страну спас, и, ежели б не он, татары бы уж давно все захватили. Король говорит:

— Ты спас мою страну, сейчас поедем с нами!

— Нет, сейчас не поеду. Не то, что вообще не поеду, нет, приеду, но не сейчас, потому как я ранен и хочу рану залечить. А еще, — говорит, — хорошо бы жену с собою взять.

Тогда король ему говорит:

— Это понятно, раз вы ранены и раз с женою хотите приехать, это еще больше для меня радость будет. Тогда, — говорит, — приглашаю вас на воскресенье, на вечер, я устрою бал, а вы с женою пожалуйте ко мне.

— Будем, непременно будем!

Ладно. Поехал он домой, мигом из глаз исчез, и они тоже поехали, рады без памяти, мирное знамя выставили — победили, мол, значит. И их земля цела, и еще сколько новой земли завоевали! Великая была радость, великое веселье! Зятья всё поют да поют, никак с собою сладить не могут. А Незнайка говорит жене:

— Ну, жена, до сей поры мы с тобою не разговаривали, а теперь поговорим. Я отвоевал страну у татар-песиголовцев, ежели б я на вторую битву не вышел, они б еще тогда всю страну захватили и полонили. Но я всё спас, и однажды, и в другой раз. И раз, и другой ходил на битву — спас страну да еще и песиголовцев полонил, землю их захватил. Всё, — говорит, — войне конец, но батюшка твой еще не мог со мною потолковать, а пригласил нынче вместе с ними ехать, чтоб поблагодарили меня за добрую службу и разузнали, кто я и откуда. Ну, да я сказал нет, сейчас не поеду — ранен, мол. А меня не ранили, я сам себя уколол, чтоб кровь потекла и все бы видели. Мне, — говорит, — и не больно. В воскресенье вечером будет у них большой бал, и мы с тобою пойдем. Теперь они узнают, кто таков зять-свинопас и кто те двое зятьев, гордецы надутые, кто они такие. Теперь, — говорит, — король все узнает.

До чего ж она обрадовалась, бросилась мужу на шею, обнимает, целует.

— Почему ж ты до сей поры все молчал?

— Теперь срок вышел, теперь уж мне надо говорить. А до сей поры нельзя было.

— Как же ты столько годов терпел? Господи, королевский сын, а в этой дряной будке жил, и все вынес, и все молчком!

— Зато вперед молчать не буду, снова самим собой стану. Давай-ка к воскресенью готовиться, к балу.

Вот устроили во дворце громадный бал, всех первых людей изо всей страны пригласили, музыка и так играет, и этак, уж гости собрались, а тех еще нет. Дунул Незнайка в свою свистульку — серебряный конек тут как тут!

— Что прикажешь, королевич?

— А вот что прикажу: подай сюда такую карету, чтоб вся, как есть, была стеклянная, углы и кисти чтоб бриллиантовые, колеса золотые, а оси, один Бог знает,

какие. — Все объяснил, что и как, запряжка чтобы четверкою, а кони чтоб вороные, как терновая ягода, черные, но с лоском. — Четверка, — говорит, — да чтобы цугом, и кольца па хомутах чтоб чистого золота. И чтоб кучер парадный, потому как мы, — говорит, — к тестю моему едем. Нынче, — говорит, — на моей свадьбе будем гулять. Все самое лучшее подавай, как я велю!

Только вымолвил, а стеклянная карета уж и стоит. Такая в точности, да еще окна, окна-то! — Господь Бог только и знает, что в окна вставлено. Человеческий глаз этакое никогда не видывал, красота необыкновенная! И четверка вороных в упряжке. Цветами убраны, хомуты, шлея — загляденье, кисти брильянтовые, с кольцами. Еще краше кажутся кони. Никогда такой красоты люди не видали.

— Ну, жена, теперь наряжаться будем. Теперь, — говорит, — подай свадебный наряд, новый-повехонький, и мне, и жене. Теперь только одеться — и едем!

Едва вымолвил, а уж все тут как тут. Настоящий королевский наряд, в каком короли ходят, с красными и золотыми кистями. Силы небесные, и не расскажешь! Кивер чистого золота и шпоры тоже, и все так блестит, что смотреть нельзя. А для невесты такая одежда подвенечная, какой никогда и никто не видал. Не угадаешь, то ли парча, то ли шелк, то ли еще что, — такая красота... На голове венок, в руке розы свадебные, с какими венчаться идут. Все до того было красиво, что поглядели они друг на дружку, перед большим зеркалом встали — и надивиться не могут, какие сами собою пригожие.

Ну, после сели в карету, парадный кучер на козлах, отправились. Едут, а там солдаты стоят, жандармы в два ряда выстроились, ждут гостей, как завидят, честь отдают. Сразу заметили карету, никогда еще такой не видывали. Карета красивая, кони красивые — это уж не король, это уж, должно быть, император! Сюда многие езживали, часто балы бывали, пиры, всякое бывало, но такая красивая карета к королевскому двору еще не приезжала. Тут же позвонили по телефону в замок, что прибыл какой-то гость, только не знают, император ли или еще кто, но такой красоты,

с тех пор как глаза смотрят, еще не видали. Какие кони, какая карета, не иначе, что его императорское величество пожаловало! Все гости из-за стола повскакали, все в коридор выбежали, ждут. Музыка так играет, что земля дрожит. Марш играют, приветствие.

Вот прибыли, в ворота потихоньку вкатили. Все как взглянули, только глаза да рты раскрыли. Кто это может быть? Сам король затрясся, что за неожиданный гость нагрянул? Это, это... это не король, это, наверно, император чужеземный, вот тебе и раз, невесть откуда! Прибыли, значит, остановились у дверей замка. Все важные господа мигом вниз сбежали, все смотрят. Открыли дверцу. Увидал король свою дочку, всю такую разодетую рядом с мужем, не сообразил, однако ж, что это Незнайка. Не узнал его. Дочку узнал, а мужа дочкина — нет. Назвались они, представились. Промеж господ-дворян так заведено, как придут, сразу сказывают, кто да что. Назвалась, стало быть, королевна по отцу, сказала, какого короля она дочка.

— Батюшка, — говорит, — я пришла, чтобы весь обман открыть. Это мой муж, мой супруг, которого я себе выбрала, суженый мой, мой жених. С ним мы друг дружке перед алтарем поклялись, а нынче свадьбу у тебя играть будем. Хоть ты от меня и отрекся, из замка вон выставил, все равно ты мой батюшка, а я твоя дочка.

Король, как это услышал, так в ноги им и упал, на-земь повалился, прощенья у дочери с зятем просит, за то, что сделал, — он, дескать, не знал, что делает, не знал, с кем дело имеет. Очень он тогда огорчился, не знает, куда и деваться от стыда да от огорчения.

— Не сердчайте, — говорит, — простите меня!

А зять, Незнайка, говорит:

— Встаньте, батюшка, ваше величество, не падайте в ноги, потому как не стою я того, чтобы мне в ноги падать. Право, не стою.

А он у дочки в ногах валяется:

— Доченька, прости, что я такой срам над тобой учинил! Родной отец от дочери родной отказался. Прости, потому что я от всего сердца раскаиваюсь и все исправлю. Только не сердись! — говорит.

Обнял отец дочку, в дом повел, все следом пошли.

Двое зятьев за столом сидели друг подле дружки, вместе с женами, этих тоже рядышком с ними усадили. Меньшая королева с головы до пят в подвенечном наряде и такая пригожая, что остальным хоть и прятаться впору. И у зятьев то же самое: Незнайка красавец писанный был, я уж сказывала, такого пригожего мальчика свет не видывал, а теперь, когда он взрослый стал да в нарядное платье оделся, ну, до того хорош был, до того хорош — глаз не отвести!

Ну, так вот, взошли они в дом и рассказали все по порядку. Незнайка открыл, чей он сын, и что он тоже королевич, потому как и его батюшка был король, и почему пришлось ему бросить свою землю и королевский замок, и что сделал с ним гофмейстер, и что отец его, верно, погиб на войне, только точно он не знает, жив ли батюшка, нет ли, ну, да все равно, землю свою пришлось бросить. Ему было велено чтоб молчал, ничего не говорил, покуда срок не выйдет, потому он и не разговаривал. И это он сад разорял, не птицы и не звери, а он на своем скакуне.

— Любезная моя невестушка, — говорит, — все прекрасно видела, потому что из окна смотрела.

Король говорит:

— А все ж не выдала тебя, все только глядела, как я тебя мучаю, с места на место гоняю, однако ж не выдала, что ты не виноват.

— Так она и не хотела выдавать ни себя, ни меня. А теперь, — говорит, — она моя, а я ее, и мы всем откроем, что любили друг дружку и не хотели разлучаться. Благослави Бог старого короля, нашего батюшку, и нас вместе с ним!

— Ну, коли так, — говорит король, — вон сколько тут князей и прочих первых в нашей земле господ — у всех на глазах отдаю тебе мою корону, ты ее стоишь! Это ничего, что ты самый меньший и двое свояков тебя старше, все равно ты стоишь короны.

Отдал ему и корону, и все королевство, всю свою державу, и стал Незнайка той земли государь. Другой зять стал королем в земле татар-песиголовцев, а с третьим что случилось, не знаю. Премьер-министром сделался или чем еще. Так до нынешнего дня всё и живут, ежели только не померли.

БРАТЕЦ-ОЛЕНЕНОК

Ну, вот, было то или не было, а только за семижды семью землями, за Морем-Океаном, за Стеклянною горой жил однажды бедняк с женою. Столько у них было детей, сколько в сите дырок, и еще на одного больше. И до того бедные были, что церковные мыши. Бедняк каждое утро поденно уходил работать, тем только на пропитанье и зарабатывал.

Как-то говорит он жене:

— Жена, я уж и забыл, когда мясо ел. Куплю-ка я нынче из поденщины мяса, а ты мне сваришь, чтоб хоть раз поесть, досыта мясом накушаться, потому как на этаких бедных харчах уж и молотить мочи нет. Больно много у нас ребятишек, мне куска вкусного не достается, всегда самое дешевое стряпать надо.

— Купи, — говорит жена, — я сварю, покушай на здоровье. И я с тобою.

Вот ушел бедняк на работу. Жена вечером дома ждет, приносит муж четыре кило мяса.

— Вот, — говорит, — и довольно будет. Навар сделай пожиже, тогда уж точно хватит.

— Ладно, — говорит.

Назавтра, как ободняло, жена, первым делом, мясо варить поставила. Сама с детьми днем перекусила, чем пришлось. К вечеру случилось ей из дому отлучиться, потому как завела она сколько-то курочек, думала, нестись начнут скоро. Вышла она, значит, курочек покормить, попоить, поглядеть, целы ли. Вот зачем наружу вышла. А наперед того дочке наказала, у ней дочка по четырнадцатому годку была, это самая большая была, а за ней мальчик, по десятому годку. Говорит она дочке:

— Я выйду за делом, а ты покамест присмотри за мясом, соли положи и пускай варится. Отец воротится, чтоб готово было.

— Ладно, матушка.

Вышла мать, дело делает. А в доме голодных ребятишек куча. Дочка в чугуне мешает, чтоб не пригорело мясо. Зачерпнула она одну ложку, один кусочек взяла,

поглядеть, готово ли, нет ли. Увидали это остальные ребятишки. Все к чугуно кинулись. Каждый по кусочку ли, по два ли взял. Ничего не оставили в чугуне, пустой чугуно!

Ворочается беднякова жена со двора, сразу к чугуно бежит, суп помешать. Глядь, а мяса ни кусочка!

— Господи, Создателю мой, куда ж мяса-то подевалось? Что вы наделали?

— Я, матушка, только один кусочек взяла, попробовала, долго ль еще варить.

— А остальное где?

— А все братцы-сестрицы набежали, каждый по кусочку взял, — говорит. — Я им говорила, чтоб не трогали, да куда там! Так и не осталось ничего.

Горюет жена, и не расскажешь, как! Да и боится тоже. Что она на стол подаст, как муж воротится? Он-то, бедный, думал мяса покушать! А теперь вовсе, нечего подать и сделать ничего не сделаешь. Пошла она в чулан и два кило мяса с ног, с голяшек своих, срезала. После вымыла, как следует, на куски порубила, варить поставила. Ноги перевязала чем-то, кровь уксусом остановила, так и варила то мясо.

Ну, вечер настает. Приходит муж.

— Ну, жена, ужин поспел? Очень я голодный!

— Я так думаю, что поспел. Сейчас подам, покушай.

Вышла она, принесла еду. А ребятишки всё плачут, больно их мать прибила. Один под кровать залез, другой в духовку, третий под стол, во все углы забились, еще один — в люльку, повсюду, словом. В двух, не то в трех местах были.

— Что это ребятишки плачут?

— Прибила я их, плохо сами себя вели.

А не посмела сказать, за что прибила. Принесла она еду, сели они ужинать, детям отдельно подала. Наелся муж досыта, дети все спать легли. Двое старших наруже спали, под навесом. Там печка была, они на печке и спали. Потому как в дому места на всех не хватало. Вот они двух старших там и укладывали. Стали жена с мужем беседовать. Говорит жена мужу:

— Как тебе ужин понравился?

— Такое вкусное да сладкое было мясо, давно этого не едал!

— А ты знаешь, какое ты мясо ел?

— Конечно, знаю, — говорит, — какое купил.

— Нет, не то, какое купил.

— А где ж то мясо, что я купил?

— Дети съели. За это и выдрала их, так что до сей поры ревут. Я отлучилась, дело на дворе было, а они тем часом все до кусочка съели.

— А откуда ж ты, — говорит, — это мясо взяла?

— А вот погляди, откуда. Видишь, у меня ноги перевязаны? Это я мякоть со своих ног срезала, с обеих голяшек, ее и сварила.

— Ох-хо-хо, вон, значит, какое человечье мясо вкусное! Я раньше не знал, не ел потому что. Послушай-ка, — говорит, — что я придумал!

Они так считали, что ребятишки все спят, потому как улеглись ребятишки.

— Слышишь, я так полагаю, зарежем-ка мы завтра дочку, а послезавтра сынка, самых старших. Они оба жирненькие. Зарежем, — говорит, — а мясо засолим, и пока будет солонина, об еде и думать не надо.

Жена говорит, хорошо, мол, правильно. А мальчик на печке их разговор услышал, он не спал, слышал, об чем отец с матерью толковали. Остальные-то уснули, а он нет.

Муж говорит:

— Это все ладно, только бы не проведаль никто. Ведь мы при большой дороге живем, они закричат, их и услышат.

— Ничего, — говорит жена, — я так устрою, что они и охнуть не успеют. Они ведь оба школьники, а я завтра их в школу не пущу, скажу дочке, что нужно мне ее искупать, голову ей помыть, а сыну велю двор подмести и все наруже прибрать, а в школу их не пущу. Вот, — говорит, — как вымою дочке голову, вымою, значит, а наперед того нож наточу и наготове положу, но так, чтоб незаметно, после она сядет на стул, чтоб я ей волосы расчесала, тогда, — говорит, — как стану расчесывать, тут горло надвое и перехвачу, она и не пикнет. Как нельзя лучше сойдет. А мясо засолим да припрячем, и на завтра будет, и на послезавтра.

А мальчик молчит да слушает.

Когда решили они, что да как, тоже улеглись, усну-

ли. Слышит мальчик, храпят отец с матерью во всю глотку, толкает сестру, старшую дочку.

— Сестрица, а сестрица, встань, выйди со мной.

— Зачем тебе?

— Выйдем пописаем.

— Да ты сколько раз выходил, что ты меня тормозишь? Ступай один!

— Не пойду, — говорит, — боюсь один, выйди со мной!

— Раньше-то не боялся! Что с тобой?

— Пойдем, будет тебе упрячиться, выйди со мною, потому как мне нужно выйти.

Неохота девочке, а все ж встала, вышли они.

— Ну, ступай, писай!

— Нет, — говорит, — пойдем со мною на зады.

Пошла девочка, а сама очень серчает, что братец ей покою не дает, разбудил, поднял, и обратно лечь нельзя. Мальчик говорит:

— Милая сестрица, не потому я тебя позвал, что боюсь, я не боюсь, как раньше выходил, так и теперь вышел бы. А только послушай, об чем батюшка с матушкой толковали. Ты спала, а я — нет. Ты только послушай, что они надумали.

— Что? — говорит.

— Мы, — говорит, — не знали, что за мясо матушка в другой раз варила, а эту мякоть она со своих ног, с голяшек срезала, в чугунок положила, и они с батюшкой вечером ужинали. Когда они так рассудили, что мы уже спим, тогда стала матушка спрашивать, вкусно, дескать, было, понравилось мясо? Батюшка говорит: «Очень вкусно, я такого сладкого мяса не едал». Она говорит: «А ты знаешь, какое это было мясо?» — «Как не знать, я его покупал. Говядину купил». Она говорит: «Нет, это не говядина, гляди, я со своих ног, с голяшек мякоть срезала и сварила, а что ты купил, твои дети съели, оно еще и не поспело, а они уж все до крошки умяли. Муж вот-вот воротится, жду тебя — нечего делать, срезала мясо с ног со своих». — «Вот, значит, человечье мясо какое вкусное? Тогда по-другому сделаем. Детей у нас и без того куча, завтра зарежем дочку старшенькую, она и пожирнее, а послезавтра сынка, так, — говорит, — покамест мясо будет, об еде думать

не нужно. Только как устроить, чтобы ни одна душа про то не проведала? Ведь мы при большой дороге живем, закричат они — кто-нибудь и явится». — «Не закричат, — говорит. — Завтра не пуцду их в школу, скажу дочке, что надо мне голову ей вымыть да расчесать, а мальчику велю двор вымести, дров наколоть, дела, дескать, есть. Так, — говорит, — дома их и оставлю. Мальчика наружу вышлю, двор мести, а дочке голову вымою, и, как стану волосы расчесывать, нож наготове будет, острый, наточенный, полосну по горлу — и все!» — говорит. «Ладно, — говорит, — правильно». Теперь скажи, милая сестрица, что нам сделать, чтобы не помереть? В этикие молодые годы — и помирать! У меня прямо сердце надрывается! Что ж будем делать? Размыслим вдвоем, здесь нас никто не услышит.

Девочка говорит:

— Знаешь что? Я обожду до завтра. Ночью я никуда не пойду, боюсь. А завтра, как матушка мне голову вымоет, я ленточку на палец навью, а ты, — говорит, — вскочи в дверь да ленточку из руки у меня и вырви. Скажешь: «Для кнута мне нужна!» Я начну плакать, отдай, дескать, мою ленточку, отдай, тогда ты беги прочь со всех ног, а я за тобой, с плачем, с криком, отдай, мол, отдай мою ленточку, так, — говорит, — она ничего не заметит, ты только беги как нельзя шибче! Выбежим в поле, там уж бояться нечего, никто нас не увидит, через хлеба проберемся да и уйдем, куда глаза глядят. Не дадимся, чтоб нас убили!

Так оно и получилось. Утром тряслись оба со страха, потому как знали, что их ожидает. Жена ворчать принялась, муж на работу ушел. Тут матушка шум подняла:

— Некогда вам, — говорит, — нынче в школу идти, потому как тебе, Юлишка, — говорит, — я голову должна вымыть и волосы расчесать. А ты, — говорит, — ступай, наколи дров, потому как завтра воскресенье, завтра чтоб не колоть, и двор прибири, вымети. Нынче, — говорит, — у вас у обоих дома дела есть.

— Ладно, матушка, — говорит, — и дров наколю, и все сделаю, что надо.

Вышел мальчик наружу, за работу принялся. А мать распустила дочке волосы, вымыла голову, а после бросила ей ленточку:

— На, разгладь, а то она вся измятая.

Девочка стала разглаживать, потом сложила. Вдруг мальчик забежал, выхватил ленточку у ней из руки:

— Как раз мне на кнут сгодится! — и с этими словами выскочил за дверь.

Слышит он:

— Матушка, он мою ленту для волос утащил! Что же вы мне теперь в косу вплетете? Я догону его, мигом отниму! — это дочка сказала и тоже за дверь.

Мать говорит:

— Не беги ты никуда, светик мой ясный, мы с тобой другую ленту возьмем.

— Не отдам ему на кнут! Моя лента!

Выскочила следом за мальчиком, а мальчик уж Бог весть где, так быстро бежит. Она вдогонку.

— Стой! — кричит. — Отдавай мою ленту!

До той поры бежали да друг с дружкой перекрикивались, покуда за деревню не выбрались. А как выбрались за деревню, забежали в кукурузу, в пшеницу, в хлеба, одним словом, мчатся, что есть духу. Вот уж и за межу вышли, чужого села земли начались. Там тоже не остановились, все бегут и бегут. Наконец и за рубеж выбрались, в другой стране очутились. Идут, а впереди лес, такой громадный, что даже темно в нем, до того громадный. Девочка говорит:

— Погляди-ка, братец! Видишь какой лес? Ежели мы в него взойдем, нам уж нечего бояться. В этом лесу нас уж не найдут, потому как мы уж далёко.

Взошли они в лес и снова побежали, спешат, торопятся. Вдруг мальчик говорит:

— Ох, милая Юлишка, до того пить охота, просто смерть!

— Потерпи, милый братец, тут воды нет. Может, после найдем.

Вот выходят они на сырое место, лужицы кругом, в звериных следах вода стоит. Другой не было воды, только в этих самых следах, снизу ли проступила, после дождя ли осталась, а все равно вода. Мальчик говорит:

— Погляди, милая сестрица! Вон волчий след, а в нем вода. Я попью.

Она говорит:

— Не пей, милый братец, потому как, ежели из вол-

чьего следа напьешься, сам волком скинешься и съешь меня.

Испугался мальчик, не стал пить. Приходят они к медвежьему следу.

— Погляди, милая сестрица, вон медвежий след, я попью.

— Не пей, милый братец, медведем скинешься.

Не стал он пить. Дальше идут, приходят к оленьему следу. Девочка не заметила ничего, потому как мальчик позади шел. А он наклонился да напился, сестре вовсе ничего не сказал. Тут обернулась девочка, оглянулась, а за ней олененок идет. Она сразу поняла, что он из оленьего следа напился и в оленя оборотился.

— Ох, ох, милый мой братец! Раньше было у меня, с кем поговорить, словом хотя б перемолвиться, а теперь и того не будет! Ведь я тебе сказывала, не пей из звериного следа, сам зверем оборотишься, ежели из следа напьешься.

Идет за нею олененок, она впереди, а он за ней, не отстает. Такой пригожий был олененок, прямо загляденье! Вот выходят они на ровное место. Совсем пустая равнина, только одно-единственное дерево стоит. И покос только один видать, сено уж скошено, в стог уложено. Девочка говорит:

— Милый братец, залезем-ка под стог да отдохнем, я, — говорит, — больше ни бежать, ни идти не могу. Передохнем и тогда дальше отправимся.

Олененок говорит:

— Ладно, сестрица, заберем-ка под стог.

Забрались они под стог, а на девочке одни лохмотья, так вся одежда порвалась, когда они кустарником бежали, в клочки все колочками изодрано, она, почитай, что голая осталась. Забралась она, значит, под стог, и олененок с нею. Выдернула она из стога клоч сена, заткнула лаз, легли они. Не успели еще уснуть, как слышат какие-то громкие голоса. Перепугались, конечно, мол, Господи, ты Боже мой, что там такое? Они испугались, что это родители за ними гонятся. Высунула девочка голову, она ведь уж совсем девица была. Высунула она голову, глядит потихоньку, кто там разговаривает. А это король на охоту выехал и с ним целое войско. Коней к дереву привязали, ружья одно к од-

ному составили, после есть сели, недалеко от того стога, покушать, стало быть, расположились. Сидят и разговаривают. Девица голову убрала, чтоб не заметили их ненароком, слушают они с братцем. Король говорит:

— Ну, пора и за обед! Поедим и начнем охотиться.

Взялся всяк за свою сумку, еду достал, есть собрался. Король тоже сел, сумку взял, есть собирается. А сумка маленькими круглыми булочками набита. Достал он одну булочку и сперва собаке своей кинул. Была у него охотничья собака, гончая, он ей булочку дал, после другую достал, сало достал и, Бог его знает, что там еще, есть принялся. Схватила собака булочку, а у ней такая была привычка, чтоб не есть, где дадут, а утащить подачку в иное место, вот она и убежала, чтоб не видели, как она есть станет. Значит, поймала она булочку и к стогу отошла. Передними лапами придавила, сейчас грызть начнет. А девица это заметила, выхватила булочку у собаки и надвое разломил. Половину олененку отдала, половину съела. Собака обратно к хозяину побежала. Села перед королем, хвостом виляет, в глаза хозяину засматривает, облизывается. Смотрит на нее король.

— Ох, — говорит, — бедняжка, до чего проголодалась! Как скоро булочку сожрала, мигом, можно сказать.

Кинул ей еще одну:

— На, ешь досыта!

Снова поймала собака булочку, снова убежала. У стога положила. А девица снова высунулась, снова утянула у ней булочку. Они ведь голодные были, как волки. Снова она половину съела, другую олененочку скормила. Снова подбегает к королю собака:

— Нет, — говорит король, — тут что-то нечисто! Не может собака так скоро булочку сожрать. Я ведь ей еще одну дал, она б и не сожрала так скоро, и, уж верно, сыта была бы. Не иначе, как она зарыла где-то булочку.

Потом говорит одному солдату:

— Ступай, — говорит, — погляди, куда она булочку понесет. Я еще кину, а ты смотри в оба, может она унесет да в землю и зароет. Это такие собаки, что зарывают.

Пошел солдат, крадется за собакою, чтоб она не уви-

дала. А собака снова подходит к стогу, кладет булочку, тут высунулась красивая белая ручка, утащила булочку. Не посмел солдат поглядеть, кто там и что. Прибежал он к королю и говорит:

— Король-государь, что я видел! Собака булочку не ест, а уносит к стогу, а там красивая белая ручка из-под сена как высунется, хватъ булочку и утянула под стог. Ясное дело, и две другие так же исчезли, коли третья так исчезла.

Король говорит:

— Надо поглядеть, кто там!

Тут же вскочил король на ноги, взял ружье и пошел с одним солдатом. Солдату король велел отгрести сено, а сам кричит:

— Кто там внутри? Кто под сеном? Ежели жив человек, отзовись, а ежели бесовское наваждение — сейчас пристрелю! Ежели жив человек, отзовись скорей и назовись!

Девушка сильно перепугалась.

— Я не дикий зверь, я жив человек, не убивайте меня, — говорит, — никогда никому я злого не делала, не убивайте!

— Тогда выходи, стань передо мной! Расскажи, кто ты, что ты!

— Я бы вышла, — говорит, — да стыдно, я почитаю, что голая, стыдно мне, — говорит, — порвалась моя одежда.

— Ну, — говорит король, — вот тебе мой плащ, надевай да выходи.

Отдал он плащ, девушка оделась, вышла. Оглядел ее король всю, как есть, он ведь и сам из себя молодец был. А девушка такая пригожая, ну, прямо красавица! Очень ему понравилась. Говорит король:

— Как ты, девушка, сюда попала?

— Как попала-то? — Рассказывает она, как туда попала. Всю правду открыла. — Бездомная я теперь.

Из-за батюшки с матушкой, они зарезать их хотели. Вот она с братцем и убежала.

— Что ж, — говорит король. — Я возьму тебя к себе в замок.

— Ох, нет! А вы сами кто будете?

— Я королевич, королевский сын.

— Ох, господин королевич, как же мне с вами ехать, когда тут братец при мне?

— Где ж он?

— Там, в сене.

— Так и братца твоего с собой возьмем.

— Да как же, когда он в оленя оборотился! В олененочка. Я ему сказывала, — говорит, — не пей, мол, из звериного следа, не напился он из волчьего следа, отговорила его я, не напился из медвежьего, а после на олений след набрел и слова мне не сказал, взял да напился, да олененком и скинулся, да за мною по пятам, а я его не покину, потому как он братец мне.

Король говорит:

— Все равно, бери его с собой!

Кликнула девица олененка, а он до того пригожий, что король и говорит:

— Ежели б ты и не хотела его брать, я бы сам взял, очень уж он пригожий. Чудо, какой пригожий! Поедем, — говорит, — олененочку ни в чем отказу не будет. В хорошие руки его отдам. Тебя в жены возьму, и олененочек с нами будет, никто его не обидит, никто пальцем не тронет.

Обрадовалась девица. Посадил ее король в карету, охотников на месте оставил, а сам с девицею домой поехал. Как привез домой, сразу распорядился, чтоб отвели девицу в баню и одели бы, как королевен одевают, в королевский наряд. Вот нарядили ее, в бане вымыли, и такая сделалась она пригожая, что на солнышко еще можно глядеть, а на нее — нет.

— Ну, вот, — говорит, — ты моя, а я твой, только заступ могильный нас разлучит.

Тут же вызвал король кухарку и говорит:

— Знаете, кухарка, что я вам скажу? Возьмите этого олененочка к себе, на кухню, и что я ем, то и он будет есть, что я пью, то и он пускай пьет, а еще глядите, чтоб ни единая шерстинка из его шкуры не пропала, ежели выпадет хоть одна шерстинка, вы ее подберите да в золотой ларчик уберите, а после мне долбжите, что выпала, дескать, одна шерстинка, вот она, дескать, а всего, сколько было шерстинок, столько и есть.

А жене король говорит:

— Слышишь, жена, чего олененочек ни пожелает,

все ему будет, это моя забота, чтоб ему во всем угождали. Не печалься ты об олененочке, ему, право слово, хорошо будет, потому как я каждый Божий день стану проверять, контроль наводить, нет ли в чем нужды.

Что ж, радуется девица. Так оно и вышло. Девица и сама кухарку упрасивала, чтоб за олененочком хорошо смотрела. Увела его кухарка на кухню, что король ест-пьет, тем и его кормит-поит. Раздобрел олененок, до того хорош да гладок стал, что король в его шкуру, как в зеркало, глядится. И на жену молодую радуется король. Она уж и затяжелела, жена-то. Радуется король, что Господь Бог плодом их благославил.

А только недолгая была эта радость, потому как является однажды конник и подает королю письмо запечатанное. Он открыл, прочитал. Извещает письмо, что татары-песиголовцы хотят на его страну напасть. Ежели думает он свою страну спасти, пускай войско против татар выставляет.

Ох, и огорчился же король, не знает, что и делать! А та кухарка ведьма была, а у ней была дочка, и ради дочки она воровала — дочку кормить, весь замок обкрадывала, что под руку ни попадет, и ей совала. Очень ей хотелось, чтоб как-нибудь дочку с королем свести, чтоб засватал ее король.

Вот прочел король письмо и сильно закручинился.

— Милая женушка, — говорит, — расстаемся мы с тобой. Пришла весть, что война начинается, надо нам против татар-песиголовцев выходить. Должен я тебя одну оставить, и великая в том для меня печаль. Что с тобою станется, не знаю. Кабы матушка моя жива была, чтоб о тебе позаботиться!.. Да она уж померла, кому же тебя доверить? Только что кухарке, боле некому, может, она позаботится. А главная моя печаль — что, ежели тебе срок приспее, а я не ворочусь? Ведь за ним какой уход надобен, за младенчиком! Кто выкормит, кто вынянчит?

— Не горюй, любезный супруг, — говорит королева.

— Не горюй, муженек, с нами Господь, он нас не покинет. Лишь бы он тебя от шальной пули уберег, а обо мне не горюй, ведь я дома остаюсь, справлюсь как-нибудь.

Приходит кухарка, король ей говорит:

— Вы здесь уже давно, десять лет, и я вас знаю за

женщину достойную. Поручаю вам мою жену, королеву, чтоб вы об ней, как об родной дочке, заботились, и даже еще лучше. И когда, с Божьего изволения, приспееет время рожать, чтобы чего дурного с ней не случилось.

— Что ты, — говорит, — что ты, король-государь, нечего тебе опасаться, ложись на меня! Об родной дочке так бы я не заботилась, как об королеве позабочусь! Не печалься, не горюй, не томи себя!

Вот пришел день в поход выступать. Трубы повсюду трубят, войско перед замком выстроилось, стоят, короля ждут. А король никак из дому уйти не может. Десять раз жене на шею кидался, в обе щеки целовал, после вышел в двери, но тут же и воротился:

— Любезная женушка, береги себя! Береги себя, чтоб чего дурного с тобою не приключилось. Ежели захвораешь, худо сама себя почувствуешь, вели врача звать, пускай рядом сидит, пускай выхаживает.

— Не горюй ты из-за меня! — говорит. — Храни тебя Господь и верни домой целым-невредимым!

Распрощались. Уехал король. Кухарка хорошо об королеве заботилась. Вкусно стряпала, кормила досыта. Ну, конечно, и дочка теперь при ней была. Она королеву и одевала, и раздевала, и еду подавала, уж и слуги не надо, за столом прислуживать, — всё сама исполняет.

Ну, вот, дал Господь, пришло королеве время рожать. Мальчиком разрешилась, да каким милым, волосики золотые, ангелочек настоящий! Радуется королева на сыночка, а и плачет тоже, как бы, мол, отец порадовался, ежели б сына увидал!

Идет-бежит время, и вот однажды одолел кухарку ехидный бес зависти. Стали они с дочкою хитрить да мудрить, чтоб каким ни на есть способом, а королеву бы извести и королевский наряд у ней отнять.

— Тебе, — говорит, — наряд достанется, тебя наряжу, а после ляжешь ты в ее постелю, малыша рядом положишь, и будешь ты королева!

— Ох, хорошо бы!

Как-то раз говорит кухарка королеве:

— Ну, королева-государыня, нынче буду я вас купать, голову вам чесать. Волосы расчешу, вошек вы-

чешу, потому как обыкновенно вошки в голове заводятся, ежели кто долго в постеле лежит. Не дай Бог, хоть одна появится, убьет меня король!

— Что ж, — говорит, — только у меня их отродясь не бывало.

— Конечно, не бывало, — говорит, — потому как вы сами себя в чистоте содержали, а теперь и разрешились, и лихорадка у вас, тут, — говорит, — вошки очень просто и заводятся.

— Ладно, я не против.

В тот же день искупала ее кухарка, раздела догола, намылила, вымыла. У королевы и в мыслях не было, что это ее последнее купанье. Вот, значит, искупала ее кухарка:

— До той поры не стану вас одевать, покуда волосы не расчешу. Только, — говорит, — королева-государыня, сядьте на окошко.

А замок такой был, что подошвой в море стоял. Усадила она ее на окошко и вдруг наружу вытолкнула. Упала она в море. Но, как упала, не утонула, потому как сей же час золотою уткою оборотилась и прочь уплыла.

Остался бедный младенец с кухаркиной дочкой. Мачеха его подле себя усаживает, укладывает. Нянчит, будто собственного.

Малое время спустя воротился король. А олененок плачет — глаз не осушает, что сестру в море кинули, он все знал. Воротился король и прямо к постели:

— Как поживаешь, любезная женушка?

Тут его чуть удар не хватил — это он увидал, до чего жена дурная стала.

— Что с тобой, любезная женушка? Ты ведь не такая была, когда я уезжал!

— И не спрашивай! — говорит. — Слезы меня съели! Как ты уехал, я было померла с тоски. Так я все горевала да горевала, а после родами слегла, так что уж и не знаю, когда налажусь, когда пригожество мое воротится.

А король глядит и не верит. «Как так? — думает. — Почему цвет лица такой безобразный, почему жена прямая уродка сделалась?»

— Ну, рассуди сам, сынок, — говорит мать, — рассу-

ди сам, это ее роды, да слезы, да тоска извели! Ты пойми, сколько она плакала, что, мол, погибнешь ты на войне и тогда что с нею станется! Вот увидишь, воротится к ней пригожество, поправится она.

На том и успокоился король, что все, дескать, наладится.

Но, конечно, не наладилось ничего, со дня на день все дурнее она делалась, не то что краше. Малышу сиську дает, как будто кормит, а у самой в сиське столько ж молока, сколько у меня. Плачет малыш, плачет с вечера до утра и с утра до вечера, плачет — не перестает, и олененок с ним вместе плачет — не перестает.

Вот однажды говорит ведьма дочке:

— Не нравится мне, дочка, чем в воздухе пахнет. Ты только погляди, — говорит, — олененок плачет — не перестает, как бы король чего не заметил. Вот что я тебе скажу, притворись-ка ты, будто захворала смертельно, вызови короля из парламента, домой вызови, помираешь, мол. И как он придет, ты ему скажи, чувствую, мол, что вот-вот помру, но, ежели исполнишь, что я попрошу, тогда жива останусь. Явился, мол, мне во сне старик и сказал, пускай король олененка зарежет, а я чтобы сердце и печень скушала. Как покушаю, так и вылечусь. А иначе, — говорит, — откроет король нашу тайну, потому как плачет олененок — не перестает.

На другой же день посылает она срочного гонца в парламент за королем. Вытянулась на постеле, так, дескать, истомилась.

— Что с тобой, жена?

— Что со мною? — говорит. — Чую, близко моя смерть.

— Да в чем дело-то? Что с тобою случилось?

— Да все у меня болит, чую, так и помру болями этими.

— Что же делать? Позову-ка я к тебе врача.

— Не зови ты ко мне врача, не будет от того проку. А вот послушай, что я во сне видала. Задремала я чуток, и стоит передо мною старец, седой старик, и говорит так: «Дочка, очень худо ты больна, и ежели только не зарежет король олененка и не накормит тебя его

сердцем и печенью, быть тебе на третий день в гробу. Скажи королю, чтоб велел зарезать олененка, сердце и печень сварить и тебе подать. Скушай — и вылечишься». Ежели исполнишь, может, и цела останется твоя жена, не исполнишь — помру.

— Опомнись! — говорит король. — Чтоб мне зарезать олененка, которого я так люблю? Ведь когда я звал тебя сюда, ты сказала, что, ежели олененка не возьму, так и ты не поедешь. «Ежели и королевой стану, не надо мне и королевства, ничего не надо, ни за что братца не покину». Как же ты нынче велишь, чтоб я его зарезал?

— Что ж, ежели тебе олененка жалче, пускай я тогда помру.

— Ладно, — говорит, — коли так тебе хочется, он ведь тебе брат, не мне, что ж мне его больше жалеть, чем ты жалеешь? Обожди еще два дня, и ежели не полегчает, велю зарезать.

Ладно, согласилась королева два дня обождать. Вот на другой день и говорит олененок королю. Потому как король пришел к нему и говорит:

— Что стобой олененочек, отчего ты такой невеселый?

— Ах, — говорит, — милый шурин, прошу тебя, исполни мое желание!

— Какое есть твое желание?

— Привяжи ты маленького моего племянничка к моей шее, я его в сад отнесу, на спине покатаю. Погулять, — говорит, — вынесу, очень мне его жалко, целую ночь он плакал. Я все время слышу, как он плачет. День и ночь все плачет да плачет.

А что с сестрицею его сделали, того не выдал.

— Что ж, олененочек, — говорит, — раз я пообещал ни в чем тебе не отказывать, значит, будь по-твоему. Разрешаю.

Сам и уложил младенца ему на шею. А королева заворчала, заныла:

— Не привязывай! Уронит он моего младенчика, не привязывай!

— Ладно тебе! Пускай его, пускай вынесет, пускай повозит!

Привязал он младенца к шее, выпустил олененка в сад, побежал олененок. Видит, между цветов дорож-

ки, запах душистый. Носит он младенца, укачивает. Притих младенец, не пикнет. Побежал олененок прямо назад, в дальний конец сада, там к морю сад выходил. Море стену замка мыло, а к саду вплоть подкатывало. Как выбежал олененок на берег, так и закричал:

— Сестрица, сестрица, подымись со дна морского! Принес я тебе твое дитё, накорми ты его, запеленай, в сухое переложу да накорми, потому как острят нож на мое горлышко, миску мою под алую мою кровь!

Трижды он повторил:

— Сестрица, сестрица, подымись со дна морского, принес я тебе твое дитё, накорми ты его, запеленай, в сухое переложу да накорми, потому как нет мочи слезы его слушать, а на мое горлышко нож острят, мою миску под алую мою кровь!

Вдруг приплыла золотая утка, вода надвое расплеснулась, до того шибко плыла. Как до берега доплыла, из моря выпрыгнула, сразу через голову перекувыркнулась. И такой пригожей королевою стала, во сто раз краше прежнего! Подошла она, обняла сына, в обе щеки расцеловала, распеленала и до той поры кормить не села, пока одежду его в морской воде не вымыла и поверх цветов не расстелила. После села, начала младенчика кормить. Кормит, а сама слезы младенцу на личико беспрестанно точит. Очень пригожий был ребенок. Плачет она, и олененок с нею.

— Сестрица, сестрица, пропал я, перехватят мне ножом горлышко, уж и миску мою под алую мою кровь!

Плачут оба. Накормила она младенца, он сразу и уснул. Тогда она младенца одела, запеленала, в сухое переложила, снова олененку на шею уложила. С тем через голову перекувыркнулась, снова в море прыгнула и уплыла.

Обратно принес младенца олененок. Молчит ребенок, вовсе не плачет. Отвязал его король, в обе щеки расцеловал, в постелью, рядом с матерью, уложил ребеночка. Так крепко спал до завтрага младенец, что и не всхлипнул ни разу.

Король говорит:

— Видишь, все-таки хорошо, что вынес олененок младенца в сад. Не знаю, может, он притомился или

еще что, а только на пользу ему пошло, гляди, как он успокоился. А, бывало, как плачет!

— Конечно, — говорит, — спит он, оттого что я его кормила, и не раз!

На другой день, как светло стало, снова олененок приходит.

— Что такое, олененочек? — говорит король. — Или какая просьба есть у тебя?

— Есть, шурин. Пускай привяжут племянничка к моей шее, и я с ним в саду погуляю, уж недолго осталось мне с ним гулять.

Король говорит:

— Пожалуйста.

Вынес он младенчика, сам к шее привязал, снова в сад выпустил, а олененок опять на берег выбежал, опять заводит:

— Подымись, подымись, сестрица, со дна морского, выйди сюда, искупай своего сыночка, другая его так не искупает, с той поры, как ты сгинула, не купают его так, плачет он день и ночь. Выйди, милая сестрица, потому как мою миску под алую мою кровь, острят нож на мое горлышко!

Вдруг приплывает золотая утка, да так шибко плывет, что надвое воду рассекает. Снова на берег выпрыгнула, такой пригожей королевою стала, что на солнышко еще можно глядеть, а на нее — никак. Снова подхватила младенчика на руки, к сердцу прижала. Распеленала, искупала, одежду вымыла, пеленки поверх цветов расстелила, пускай, мол, сохнут, покамест она кормит. А покамест кормила, солнышко жарко пекло. Лето было, высохли пеленки. Запеленала она ребеночка.

После говорит:

— Милый братец! — и поцеловала олененка, в обе щеки расцеловала, и ребеночка тоже, опять к шее привязала, в обратный путь отправила.

Опять принес его олененок домой. Так крепко спал младенец, что до завтра не пробудился.

— Все-таки хорошо, милая жена, что погулял с ним олененочек. Очень мне жалко этого олененочка резать. Видишь, какая он нянька хорошая? Уж из одного этого стоило бы нам его пощадить.

— Ну, ежели ты олененка больше жалеешь, как меня, и любишь больше, тогда оставь, пускай я помру!

— Ну, — говорит, — коли так тебе хочется, завтра велю его убить.

Вот утром, как светло стало, приходит король к олененку. Плачет по олененку король, слезы так и бегут, и олененок тоже плачет. Король говорит:

— Какая еще у тебя просьба, олененочек?

Он говорит:

— Такая еще у меня просьба, чтобы привязали племянничка к моей шее и я бы еще разок с ним погулял.

Привязал король.

— Только скорей назад ворочайся!

Вот побежал олененок, бежит через сад, рысью бежит, опять на берег моря вынес младенца, остановился и кличет:

— Сестрица, сестрица, выйди со дна морского, снова принес я тебе сыночка, накорми его, потому как некому больше будет его приносить — моют миску под алую мою кровь, нож острят на мое горлышко. Сегодня еще свидимся мы с тобой, а боле — никогда.

Вдруг приплывает золотая утка, выпрыгивает из воды.

[Дальше стану сказывать, пропустила кой-что!]

А король тоже туда пришел. Он за олененком подглядывал.

— Надо, — говорит, — посмотреть, как он его носит, как укачивает, самому надо знать, что делать, как гулять с младенчиком, чтобы засыпал этак хорошо, потому как зарежу олененочка — сам буду с ним гулять.

Прошел король потайной дорожкой, между цветами, видит, олененок в дальний конец сада бежит, на морском берегу останавливается и начинает:

— Сестрица, сестрица, выйди с морского дна, в последний раз принес я тебе твое дитяtko! Накорми его, — говорит, — искупай, потому как больше никогда не увидишь, распрощайся с ним, потому как уж моют миску под алую мою кровь, острят нож на мое горлышко!

Слушает король. Плохо дело! В другой, в третий раз слышит:

— Сестрица, сестрица, подымись со дна морского, выйди сюда, принес я твое дитяtko, накорми его, запеленай, в сухое переложу, потому как острят нож на мое горлышко, моют миску под алую мою кровь!

Тут вдруг вышла из воды утка, через голову перекувырнулась и такой пригожей королевою стала, во сто раз краше против прежнего, когда ее еще море не проглотило!

— Милое, пригожее мое дитяtko, неужто больше я тебя не увижу?! За какой такой великий грех разлучили меня с тобою? И за что, — говорит, — так на тебя обозлились, милый мой братец, что извести надумали? Ведь ты никогда и никому ничего дурного не сделал! А нынче, оказывается, и тебя погубить надумали!

Крепко обняла королева олененка. Наклонилась и обняла, к себе прижала. Тут король стал у ней за спиною и говорит:

— Что здесь такое? Что такое?

Королева испугалась, распрямилась и король признал свою жену.

— Ох, любезная женушка, где ж ты до сей поры пропадала? Ты ведь моя жена, верно?

— Верно, — говорит.

Бросились они друг дружке на шею, обнялись. Плачут, целуются.

Не смолчала, конечно, королева, пожаловалась, что с нею сделали. Король говорит:

— Я не виноват, потому как ничего об этом не знал, а как воротился с войны, так они и стали меня морочить, оттого, дескать, жена подурнела, что родами лежала да обо мне горевала. Я спрашиваю, почему ж она как баба деревенская стала. Говорят, воротится к ней ее пригожество. Младенец, дескать, сосет, силу у нее отбирает, оттого и отошала она. Вот как они мне ввали, — говорит, — и уверили-таки, будто это моя законная супруга. Ну, да ничего, дорогая моя женушка, они скоро за все заплатят, — говорит, — я ее вылечу, эту хворую!

Не может король от жены ни на шаг отойти, все целует ее и сына. Тут и олененочек через голову перекувырнулся и красивым парнем оборотился. Ему только временно, на срок надо было эту оленью шкуру

носить, а теперь он ее сбросил. Тут все четверо домой пошли — король с женою и с ребеночком и олененок в человечесьем обличье, парнем, то есть, обернувшийся. Идут они, не торопятся, а королева их в окно увидала.

— Ох, матушка, с кем это король? Гостей ведет, да какая красивая женщина, а парень какой красивый! Не знаю, — говорит, — может, это и королевич какой. Но до чего ж пригожие, чудо, как хороши!

— Ничего, дочка, пусть сперва взойдут, мы их приемем, как надо, ежели взойдут.

Тут старуха узнала, — она ведь колдунья была, — узнала, стало быть, что это настоящая королева.

Король говорит:

— Подать сюда тещу с дочкою! Сейчас они получат награду по заслугам, сейчас мы их наградим по заслугам! Как вы смели так нагло врать королю, будто оттого она подурнела, что очень сильно тосковала и что ребенка на свет произвела? А ребеночек мой, невинный младенец, оттого, оказывается, плакал — не переставал, что она ему давала свою шаршавую сухую сиську, а мне говорила, будто хворает ребеночек, оттого, мол, и плачет. Вот как вы нагло врали насчет того, почему ребеночек плачет. Вот как вы нагло врали и уговорили-таки меня, будто она королева, а дорогою мою женушку в море рыбам кинули. Но Господь Бог вранья не попускает, и невинности должно было выйти наружу. Вот теперь вы и поплатитесь.

Тут же велел король привести двух жеребцов и тех двух негодяек привязать за волосы к конским хвостам, чтобы кони волочили их за собою вдоль всего моря и назад.

— Хоть и поздно уже, а я хочу собственными глазами увидеть, как они сгинут. Гоните жеребцов по берегу моря, чтобы в клочья их разнесли!

Едва смогли кожу от мяса отличить, все в студень обратилось, — и мясо, и всё.

— Сжечь их, — говорит, — и золу от этих двух негодяек по ветру развеять!

После задал король большой бал, созвал отовсюду королей, герцогов, баронов. Привезли и епископов, снова обвенчались и такую свадьбу закатили, что музыканты четыре дня играли и даже утки со дна мор-

ского на берег вышли и тоже плясали. Рыбы, все до одной, из глуби поднялись. Так вот они снова обвенчались и до сих пор всё живут, ежели еще не померли.

11

МАЛЫЙ С КАМЫШИНАМИ

Жили однажды батрак с женой, и был у них сын. Как вырос парень, в школу уж не стал ходить, так говорит матери, пойду, мол, свет погляжу, счастья своего понятаю. Мать ни за что не пускала, да не смогла с ним сладить. Видит мать, что не может с сыном сладить, сумку дорожную ему накладывает. Пустился он в путь. Скоро добрался до большого леса, долго через тот лес шел. Вдруг видит, навстречу двенадцать возов. Все двенадцать возов камышинами наложены. Как сошлись, поздоровался он с главным возчиком и попросил одну камышину. Говорит ему возчик:

— Выбери, сынок, какую хочешь.

Вот он все двенадцать возов перевероршил, а себе по вкусу не нашел. Но потому как возчиков промешкать заставил, дал им сколько-то на вино и распростился с ними. Идет, бредет, сперва тот лес позади оставил, после семь раз по семь стран миновал, наконец, к морю вышел. Огляделся по сторонам и вдруг заметил, в воде, у берега два камышевых куста растут. Как увидел, тут же решил про себя, что с одного куста камышины для ружья сгодятся, с другого — для сабли. Подошел и срезал, двенадцать камышин срезал. А при корнях камышей был королевский дворец. У короля, хозяина того дворца, была дочка. Завел парень с нею разговор, о том — о сем беседуют, после он спрашивает, нравится ли королевне дома жить. Не хочет ли замуж? Она отвечает, что вышла бы, только не объявлялся еще такой жених, у которого столько ж денег было бы, сколько у нее. А за другого отец не отдает. Кто ни сватался, у всех меньше было, отец и не отдал. Попрощался он с королевною и дальше пустился. Идет, бредет, до той поры шел, никуда до королевского города не дошел, король в том городе жил. Как раз воскресенье было.

Народ в церковь отправился, вот и он тоже. По случайности в таком месте сел, в уголке, где королевич сидел. Королевичу глаза колет, что какой-то бедняк рядом уселся, на его скамью уселся. Но тут на лицо королевич глянул, — оказалось, в точности парень лицом на него похож. Как из церкви выходить стали, окликнул он того малого с камышинами, обедать к ним зовет. Согласился малый, пошел. После, как пришли ко дворцу, королевич ворота отворил. Старый король на дворе перед дворцом прогуливался. Кричит он отцу:

— Батюшка, который из двух ваш сын?

Король говорит:

— Ты, сынок, — говорит.

— Чудо, — говорит, — батюшка, что вы меня признали. Это потому, что у меня одежда не такая.

Тут рассказал он старому королю, что этого приятеля в церкви встретил и обедать позвал. Спрашивает король у малого с камышинами, зачем он в путь пустился. Тот объясняет, ушел, мол, из дому счастья искать. Старый король ему и говорит, чтоб он дальше не шел, у них бы остался. Навсегда бы там поселился. Так они и выросли вместе, двое парнишек, они ведь и ровесники были. И до того выросли, такие стали их годы, что уж обоим и жениться пора. Подбивают они друг дружку:

— Женись, братец!

А другой в ответ:

— Ты женись!

Вот однажды королевич говорит:

— Я до тех пор жениться не могу, братец, покамест не найду девицу, у которой было бы столько же денег, сколько у меня. А у меня денег двенадцать возов. Такую только жену возьму, у которой столько же будет. Так мои родители хотят.

А малый с камышинами и скажи ему, что знает, мол, такую девицу, у которой тоже двенадцать возов денег. Только вот пойдет ли за него, не знает. Обговорили они это дело и в путь, чтоб девицу навестить. На корабле плыть пришлось, потому как она в море жила, та королевна. Как добрались до камышей, где при корнях дворец стоял, уговорились, что молодой король взойдет, а он наруже останется, обождет, пока королевич вый-

дет и расскажет, что да как. Вот после выходит молодой король и говорит малому с камышинами, что ему все одно, есть у девицы деньги или вовсе ничего нет, — только б ее за себя взять. Да он так чувствует, что не отдадут девицу. Поразмыслили они вместе, что делать, и надумали уводом брать. Так порешили, что молодой король обратно во дворец воротится, а он корабль вплоть к порогу подведет, потому как и вода дотуда доходила. Ежели королевна королевича провожать выйдет, тогда малый с камышинами потихоньку корабль с места и стронет. Так оно и получилось. Они до того заговорились, что, пока оглянулась королевна, дворца уж рядом и нет, кругом вода. Ничего не поделаешь, пришлось барышне с ними плыть. Плынут они и промеж себя переговариваются, что будет, ежели они к берегу пристанут. После спать захотели, легли, заснули. Малый с камышинами один остался, корабль ведет и вдруг слышит — крик какой-то с вышины, окликают его с вышины. А была то птица гриф.

— Эй, малый с камышинами, увезли вы королевну, а для кого — сами не знаете. Потому как, — говорит, — чуть выйдете на берег, а у королевича серый жеребец есть, и его туда пригнали. Королевич захочет королевне показать, как он верхом скакать умеет, а жеребец как подпрыгнет — сбросит королевича да вдребезги и расшибет. Кто это услышит, а после проговорится кому, пускай, — говорит, — до колен окаменеет, мраморный станет!

А никто другой этого и не услышал, только малый с камышинами. А он про себя решил, погляжу, мол, правда ли это, что там жеребец будет, и, ежели можно, спасу королевичу жизнь. Тут снова, в другой раз, окликает его с вышины птица гриф:

— Эй, малый с камышинами, увезли вы королевну, а для кого — сами не знаете.

— Я так отвечу, что для королевича. Для кого ж еще?

— Нет, — говорит, — когда домой воротитесь и свадьба в самом что ни есть разгаре будет, выйдут молодые погулять, там сад большой, туда и выйдут. А у старого короля есть один солдат, давнишний слуга, он в кустах зайца караулить будет. Да только не зайца он подстрелит, а молодого короля. Кто это услышит,

а после проговорится кому, пускай по пояс мраморный делается.

Он и это про себя заметил, чтоб, ежели только можно, вызволить королевича. В третий раз окликает его с вышины птица гриф:

— Эй, малый с камышинами, увезли вы королевну, а для кого — сами не знаете.

— Я опять так отвечу, что для королевича. Для кого ж еще?

— Нет, — говорит, — чуть только отойдет свадьба, в первую же ночь налетит двенадцатиглавый дракон, молодого мужа убьет, жену себе в жены возьмет, вот как! Кто это услышит, а после расскажет кому, от маковки до пят пускай мраморный делается!

После подошли к берегу, привязал малый с камышинами корабль, разбудил молодых. Сошли все с корабля. И точно: пригнали серого жеребца! Говорит королевич невесте:

— Погляди, как я верхом скакать умею!

Пошел верхом садиться, а малый с камышинами из своего камышового ружья жеребца и застрелил. Очень осерчал молодой король, подошел он к малому с камышинами и говорит:

— Ох, и осрамил же ты меня, братец!

— Вот что я тебе скажу: молчи, потому как, не будь меня, и тебя бы не было!

Молодой король ни слова больше не прибавил, отправились они в замок, и он показал невесту своему батюшке — хочет, мол, за себя брать, хотя б даже и вовсе без денег была. Увидел старый король, как крепко сын полюбил, и говорит:

— Что ж, сынок, тогда венчайтесь.

Свадьбу устроили на славу, герцогов пригласили, графов, баронов, все радуются, веселятся, один только малый с камышинами невесел. Второго ждет — сбудется ай нет. Все наблюдает, куда молодые уходят, где прогуливаются. Вот видит он, взялись они за ручки, в сад пошли. Схватил он свое камышовое ружье и за ними следом, а они и не заметили. Как вышли, он сразу глазами ищет, где старый солдат, а тот в кустах засел. Вот, значит, увидел он, что старый солдат в кустах сидит. Вдруг заяц выскочил. Старый солдат только вы-

стрелить собрался, а малый с камышинами из своего камышового ружья его и застрелил. Тут подходит молодой муж с женой, говорят малому с камышинами:

— Худо ты сделал, — говорит, — осерчает на тебя батюшка, потому как это давнишний его слуга.

А малый с камышинами снова то же отвечает:

— Молчи, братец, потому как, не будь меня, и тебя бы не было.

Ну, они очень друг дружку любили, вот и не сказали старому королю правду. Пришли и все трое, в один голос — старый солдат сам, дескать, себя убил. Пожалели, да что ж поделаешь, мертвого не подыметь. Отошла свадьба, похоронили старого солдата. В тот же день все за свои дела принялись, только малый с камышинами все невеселый, места себе не находит. Подходит к нему молодой король, спрашивает, отчего он такой грустный, может, жалеет, что с этою барышней его познакомил? Отвечает малый с камышинами брату, что нет, мол, не жалеет, а только есть у него одна просьба. Такая просьба, чтоб дозволил ему королевич в той же комнате переночевать, где молодые спать лягут. Говорит ему молодой король, что дозволяет, конечно, и не только что в одной комнате, хоть и на одной постеле все втроем пускай лягут. Но малый с камышинами сказал, что он ложиться не будет, ему бы только в той же комнате побыть. Третьего ждет, что птица гриф с вышины прокричала. Сел он за стол, книжку читает. Как одиннадцать часов сравнялось, ветер поднялся, это уж дракон подходил. А он загодя дверь так привязал, чтоб никому без его ведома не взойти. В полдвенадцатого постучались, малый с камышинами спрашивает, кто там. Отвечают за дверями, что двенадцатиглавый дракон, отворяй, мол. Встал он, взял в руку камышовую саблю, после подошел к двери и так растворил, чтоб дракон только одну голову мог просунуть. Так и получилось. Дракон одну голову просунул, а он мигом саблею ее и снес. Он еще чуть приоткрыл, дракон вторую всунул, он и ее отсек. Так, одну за одной, девять голов отхватил. Только три головы осталось у дракона. Тут уж, о трех головах, пустил его малый с камышинами. Стали они биться, а только такие у малого верные были удары, что ни удар — голова долой. Прикон-

чил он дракона, после под кроватью, на какой молодые лежали, яму саблею вырыл и дракона закопал. Тут уж и сам на диван отдохнуть прилег. Как рассвело, встали молодые. Увидали, что все кругом в крови, — чуть не обмерли. Глядят на малого с камышинами — он весь тоже кровью залит. Бегут молодые к родителям, рассказывают, что у них в комнате делается, какой, дескать, страх! Пришли старый король с королевою, тоже ужасаются, что такое могло ночью случиться! Уж верно, малый с камышинами знает! Но только очень они его любили, не стали будить. После он сам проснулся, принялись они расспрашивать. А он им сразу объявил: ежели расскажет, что здесь случилось, в камень обернется. Ну, да они не поверили, подумали, врет он. Все упрасивали, упрасивали, он тогда и говорит:

— Ладно, — говорит, — скажу, но тут и жизни моей конец.

Стал он рассказывать, что птица гриф сперва с вышины прокричала:

— «Эй, малый с камышинами, увезли вы королевну, а кому — и сами не знаете». А я ей на это отвечал, для королевича, дескать, для кого ж еще! «Нет, — говорит, — до берега доберетесь, а туда королевичева серого жеребца пригнали, он захочет невесте показать, как верхом скакать умеет, а жеребец как подпрыгнет — сбросит его да вдребезги и расшибет. Кто это услышит, а после проговорится кому, пускай до колен мраморный сделается».

А никто этого и не слышал, только малый с камышинами. Он один слышал. Он все исполнил. А теперь потребовали, чтоб он пересказал заветье, он и пересказал и тут же до колен мраморный сделался.

— После, — говорит, — в другой раз слышу крик, снова с вышины окликают: «Эй, малый с камышинами, увезли вы королевну, а для кого — сами не знаете». Я и тут так же отвечал, для королевича, мол, для кого ж еще! «Нет, — говорит, — как свадьба в самом что ни есть разгаре будет, выйдут молодые в сад погулять, а один старый солдат зайца будет караулить, да только не зайца он подстрелит, а молодого короля. Кто это услышит, а после кому проговорится, пускай по поясу мраморный сделается».

Того ради он жеребца подстрелил, чтоб королевич не помер. Чуть только он это рассказал, зачем подстрелил жеребца, тут же до колен сделался мраморный. Тогда стали примечать, что исполняется над ним заклятие, стали его спрашивать, чтоб не рассказывал дальше. А он говорит, что его жизнь все равно ничего не стоит, потому как он уж до колен мраморный, и, что птица ни сказала, он все перечислит. И старого солдата он застрелил того ради, чтоб старый солдат короля не застрелил. И про это он рассказал, что застрелил солдата, — по пояс мраморным обернулся. Тут еще пуще стали его спрашивать, чтоб ничего больше не говорил, помолчал чтобы. Ну, да он уж так про себя рассчитал, что все скажет.

— В третий раз закричала птица гриф: «Эй, малый с камышинами, увезли вы королевну, а для кого — сами не знаете». Я ответил, что для королевича, мол, для кого ж еще! «Нет, — говорит, — как отойдет свадьба, в первую ж ночь, в двенадцать часов, налетит двенадцатиглавый дракон, молодого мужа убьет, жену себе в жены возьмет». Почему я и просил у братца дозволенья, чтобы мне в одной комнате с ним спать, — думал, ежели смогу, спасу его от смерти, а молодую от этой гнусной твари спасу. Почему я и хотел в этой комнате спать — чтоб дракона погубить. Коли не верите, вон он там, под кроватью зарыг. Что птица гриф говорила, я все исполнил. Одного только не исполнил: вы потребовали, чтоб я пересказал, я и пересказал. И от маковки до пят мраморный сделался.

Ужасное тут поднялось гореванье. Король строгонастрого приказал, чтобы по всей стране сколько-то времени траур справлять. А тот город, где сам король жил, и вовсе траура не снимал. Время течет, не останавливается, родились у молодых двое ребятешек с золотыми волосиками. Тут радость великая поднялась. Но когда они вспоминали про малого с камышинами или же заходили в ту комнату, где он в камень обратился, все равно плакали.

Еще много спустя пришел в ту страну один нищий. Как пришел, смотрит, все в трауре. Стал он спрашивать, кто тут помер, по ком траур носят. Наконец, после долгих расспросов, объявились такие люди, что в точ-

ности рассказать могли, кто помер. Тогда старый нищий и спрашивает, где тут королевский дворец, охота ему, дескать, на того человека взглянуть, что в камень обернулся, — правда ли, что про него сказывают. Растолковали ему, где. Он прямым ходом туда, к замку, на двор взошел. Взошел, а старый король по двору прохаживается. Подошел старый нищий к королю. Поздоровался. Ответил старый король учтиво, позвал нищего на кухню. Велел кухарке покормить его. После еды поднес ему старый король стакан-другой вина, потому как бедняки оттуда никогда так не уходили, и допреж того, что беда случилась, — тоже. А теперь еще больше радел об нищих старый король. Вот спрашивает старый нищий у короля:

— Король-батюшка, так, мол, и так толкуют в городе, что будто здесь, в какой-то комнате есть человек, который в камень обратился.

Как спросил это старый нищий, заплакали все. Отвечают сквозь слезы, что правда, обратился. Тогда старый нищий говорит, что очень охота ему своими глазами поглядеть, пусть, мол, покажут. Повели старого нищего в ту комнату, где малый с камышинами окаменел да там и остался. Тут поверил старый нищий, как собственными глазами увидал. Кругом все плачут, голосят, а он вдруг и говорит: ежели, мол, дадут ему, что он попросит, он из этого камня снова человека может сделать, какой раньше был. Король с семьею растерялись, ушам своим не верят. Наконец отвечает ему старый король, что все отдаст, только бы он этого человека оживил. Полцарства — и то не пожалеет. Только старый нищий вот чего попросил — чтобы тех двух ребятишек ему отдали, которые у молодых родились. Затем, чтоб ему обоих ребятишек зарезать и кровь выточить, потому как этот камень кровью надо смазать. Тогда он снова человеком обернется. Призадумались и молодые отец с матерью, и старый дедушка, совещаются промеж собою, вправду ль оно так будет либо еще и дети ни за что пропадут? Ну, да старик, нищий то есть, объявил, пусть, дескать, с ним что хотят сделают, как угодно расправятся, ежели успеха не будет. Вот обмыслили они все дело и сговорились отдать детей, потому как дети еще могут родиться, такие ж точно, а такой чело-

век больше не родится, да вдобавок он через них и погиб-то! Отдали обоих ребятишек нищему. Он отвел их в лес и зарезал. После воротился и стал тою кровью камень обмазывать. Как весь обмазал, так он снова человеком обернулся. И еще во сто раз краше стал, чем наперед того был. Тут великая поднялась радость, но и горевали тоже, как про двух ребятишек вспоминали.

До того старый король на своего воскресшего приемца полагался, — потому как он верный был, — что отдал ему в руки все ключи. А в королевском замке было сто комнат. Девяносто девять ключей отдал ему король в руки, только сотого не отдал. Очень удивился малый с камышинами, отчего не дают ему того ключа. Все раздумывал, что такое может быть в той комнате, и каждый день ходил подглядывать в замочную щелку, что там, в этой комнате. А там ничего и не было, кроме трех лоханей для купанья. Вот он и думает про себя, непременно кто-нибудь сюда купаться приходит. Вот однажды подглядывал он таким манером, и как раз три девицы разделись и купаться стали. Чуть он их увидал, сразу в самую меньшую и влюбился. Ему и в голову никогда не приходило, чтобы самому жениться, а эту бы он за себя взял. Как бы с нею словечком перемолвиться? Внутрь взойти нельзя. Вот он и надумал замочную щелку на бумажку срисовать, длину измерить и после к мастеру сходить, чтобы ключ сделал. Когда ключ был готов, он примерил, годится ли. В точности годился ключ, открыл малый с камышинами комнату. С той поры он изо дня в день там караулил, не увидит ли тех трех девиц, не придут ли когда еще купаться. Вот однажды он как раз караулил, а три девицы, в лебедином обличьи, в окно влетели, наземь опустились, вострепенулись, да тремя королевнами и обернулись. Одна из девиц так заговорила:

— Ежели б кто сейчас взошел и нашу одежду унес, никогда бы уж нам отсюда не выбраться.

Малый с камышинами это все слышал. Думает про себя, ежели еще раз прилетят, он заметит, куда третья девица свою одежду кладет, да и стащит потихоньку. Может, и вправду, так будет, как девицы говорили. После он всё видел — как они купались и откуда меньшая королевна одежду свою взяла. Вострепенулись де-

вицы и улетели. На следующий раз, как прилетели они, заметил малый с камышинами, куда эта девица, в которую он влюбился, свою одежду сложила. После, когда уж они купались, заскочил он потихоньку в комнату, одежду той девицы забрал и назад выскочил. После того сразу две сестрицы оделись, лебедями обернулись и в окно улетели. Смотрит малый с камышинами в замочную шелку и видит, одна та девица осталась, совсем голая, в чем мать родила. Okликнул ее малый с камышинами и говорит, чтоб она об своей участи не тревожилась, потому как он сейчас ей одежду принесет. Да только ту одежду, что у ней раньше была, обратно не отдал. Подошел к дверям, самую что ни есть красивую одежду ей подал, оделась она. После, как уж она оделась, он тоже взошел и говорит, что хочет на ней жениться. Девица и согласилась, потому как тоже полюбила, а к тому ж и деваться некуда. Обнял он девицу и повел к старому королю с семейством. Объявил, это, мол, его жена будущая. Все семейство обрадовалось, что и он тоже нашел жену себе по сердцу. Тут устроили богатую свадьбу. Герцогов созвали, баронов, графов. Большой был пир, долго гуляли. После пожилы сколько-то, и тут один добрый приятель, который у них на свадьбе гулял, тоже женился и их пригласил. Они обещались. Но когда их пригласили, молодая говорит мужу:

— Ладно, пойдём на свадьбу. Только вот что: я так хорошо плясать умею, что, ежели кто раз со мною попляшет, все время еще со мною плясать хочет. Ты про то ничего не сказывай, а говори только, что, мол, конечно, жена умеет плясать, и особенно — ежели в своем наряде. Тогда все станут требовать, чтоб ты принес мой наряд, но ты не приноси. Потому как я под заклятьем, и, ежели тот наряд накину, придется нам расставаться, хоть я тебя и люблю.

Когда они явились, на свадьбе уж всю гуляли, и молодая, как пустилась плясать, так от одного кавалера к другому и переходит. Все дивятся, какая она плясунья. Как это так? По какой причине? А малый с камышинами все одно твердит: конечно, мол, она хорошо пляшет, и особенно — ежели в своем наряде. Тут ему и говорят:

— Ну, так и принеси этот наряд, раз он какой-то особенный, раз она в нем еще лучше пляшет! Дай поглядеть, как она в том наряде пляшет!

Пока не разгорячился малый с камышинами, всем одинаково отвечал: нет, мол, не принесу. Но после жарко ему стало, а они все своё — принеси да принеси! Пошел он за жениным нарядом. Жена и говорит:

— Не носи сюда мой наряд, потому как, ежели я его на плечи накину, тогда прощай!

Ну, да все его уверяют, что ей отсюда не скрыться, что б она ни делала, как бы ни старалась. Пошел он, принес наряд. Накинула молодая жена на плечи свой наряд, тут как раз лихой чардаш заиграли, и первый его приятель пригласил молодую. До того хорошо она плясала, что все только на нее и смотрели. Пляшет она, пляшет и вдруг кверху подпрыгивать начинает, а после выпрыгнула у кавалера из рук, встрепенулась, мигом птицею скинулась да в открытое окно и выпорхнула. Муж в двери выбежал, кричит ей вслед:

— Погоди, любезная женушка, погоди!

Потому как она еще по низу летела. Но да уж она не могла погодить, на ней заклятье лежало. Ежели надет наряд, значит, приходится улетать в то место, которому она заклята, — к себе домой, то есть. Говорит ему жена:

— Ежели захочешь меня сыскать, то на высокой горе стоит высокая крепость, а над высокою крепостью звезда яркая светит. Там я живу, туда и приходи. Бог тебе в помощь!

С тем и улетела, а он вернул, где свадьбу играли. Там все ужасаются, какое горе случилось! И ему уж не до веселья, попрощался с приятелем и домой отправился. Рассказывает родителям, что с женою приключилось. Они его было утешать, да все попусту. Он про себя решил, что, ежели только сможет, непременно жену сыщет. Оседлал коня, приготовился, в путь пустился. Едет, едет, семь раз по семи стран проехал. Наконец и конь под ним пал. Уж и деревни навстречу не попадаются, одна степь кругом, глухая степь. Вдруг показался впереди большой лес, идет он по лесу, смерклось. Видит, далече огонек, совсем далече где-то.

— Ну, слава Богу, уж давно ни с кем не встречался.

А там кто-то должен быть, где огонек. Дотуда, — говорит, — дойду еще.

Однако, пока дошел, рассвело. Домик стоит, как раз при дороге. Оттуда огонек и виднелся. Взошел он в домик, а там старуха, совсем старая старуха. Поздоровался он со старухой и спрашивает, не знает ли, где такое место: высокая гора, а на горе крепость высокая, а над высокою крепостью звезда яркая светит. Потому как он туда путь держит. Так, мол, и так с женою случилось, а он за нею отправился.

Старуха в ответ:

— Я, — говорит, — любезный сынок, не знаю, а вот сын мой не знает ли?

Спрашивает малый с камышинами:

— А кто ваш сын?

— Солнце, — говорит, — вот кто.

— А где он? — говорит малый с камышинами.

— Ушел, — говорит, — мы люди бедные, он поденно работает.

— А воротится когда?

— К вечеру, — говорит.

Он так про себя рассудил, что обождет до вечера, потому как уж сколько времени ни с кем не встречался. А Солнце куда только ни ходит, должно знать, где эта высокая гора может быть. Вот воротилось в вечеру Солнце, говорит старуха сыну:

— Сынок, не знаешь, где это может быть: высокая гора, а на горе крепость высокая, а над высокою крепостью звезда яркая светит? Этот добрый человек туда путь держит, да не знает, куда идти.

— Нет, — говорит, — земляк, я, слышь, не знаю, а вот мой дядя не знает ли?

— А кто ваш дядя? — спрашивает малый с камышинами.

— Мой дядя, — говорит, — Ветер.

— А он где живет? — спрашивает.

— Ступайте этой дорогою, пока к такому ж домику, как наш, не придете, там он и живет.

Тут он попрощался и дальше отправился. Очень долго шел, покамест добрался, опять утро настало. Там тоже старая старуха сидела. Он взошел, поздоровался со старухой. Спрашивает у старухи, не знает ли, где

такое место: высокая гора, а на горе крепость высокая, а над высокою крепостью звезда яркая светит.

Говорит ему старуха, что она, мол, не знает, а вот сын ее не знает ли?

— Кто ваш сын?

— Ветер, — говорит, — вот кто. Он, может, и знает.

— А где он, ваш сын?

— Ушел, — говорит, — на поденщину. Мы люди бедные, тем и живем.

— А когда воротится?

— К вечеру.

Вечером воротился он домой, спрашивает у сына старуха про высокую гору, а на горе крепость высокая, а над высокою крепостью звезда яркая светит — не знает ли, мол, где такое место.

А Ветер в ответ:

— Знаю, — говорит, — нынче там был, поденщину работал, белье сушил, и завтра туда ж подамся. Только вам, земляк, туда не подступиться. Неприступное это место.

Тут принялся малый с камышинами сетовать, что все его труды понапрасну пропали, ну, да это Бог с ним, только б ему на ту гору своими глазами взглянуть! После многих его сетований согласился Ветер отправить его к подошве горы с нарочным.

— Вы, — говорит, — сядьте там, у стены, а я пришлю терновый куст, он будет моим нарочным. Следом за ним пойдете, он вас к подошве горы и приведет.

Послал Ветер терновый куст, пригнал к дому, где малый с камышинами у стены сидел. Повернулся терновый куст и вперед малого пошел, покатился, а тот — следом, и так вплоть до горы, где его жена содержалась.

А гора до того высокая, что макушки и не видать. Кругом горы вода течет. Пошел он по берегу в обход и по другую сторону горы увидал большую мельницу. Взошел он в ту мельницу, стал насчет своего дела спрашивать.

Говорит ему мельник:

— Попусту хлопотать будете, земляк, никогда доверху не доберетесь, ежели только моего слова не послушаетесь. А мое слово вот какое: посажу я вас в боч-

ку. Оттуда, что ни день, прилетает за мукой птица гриф, в этой бочке, вместе с мукой, я вас и отправлю.

И правда, посадил его мельник в бочку, из мельницы выкатил, перед дверями поставил. Часов в одиннадцать прилетела птица гриф. Спустилась, бочку когтями уцепила, наверх понесла. Очень ей тяжело было. Долго летела, медленно. А там мука уж позарез нужна, служанку послали поглядеть, не летит ли птица гриф с мучною бочкой. Служанка приходит, летит, говорит, только далеко еще. Подумали они и решили не ждать муки, что-то еще к обеду приготовили. Когда обед уж поспел, прилетела птица гриф с мукою. Опустила бочку перед дворцом, после в сени вкатила. Тут барышни вышли, обедать сели. За обедом наливает себе каждая вина.

Две старшие говорят друг дружке:

— Дай нам Бог здоровья!

А меньшая всякий раз откликается:

— Малый с камышинами, дружочек ты мой, ежели бы я могла этот стакан тебе поднести — целого мира не пожалела бы!

Услыхал он, что его имя поминают.

— Не иначе, как это моя жена!

Кричит из бочки:

— Подноси! Я здесь!

При этих словах, как услышали они человеческий голос, все три сестрицы наружу выбежали — кто там перед домом разговаривает? Никого не увидали, назад воротились, снова вина в стаканы налили — услышат ли снова голос? Вот снова чокаются две старшие, говорят друг дружке:

— Дай нам Бог здоровья!

А жена малого с камышинами как крикнет:

— Только б этот стакан тебе поднести — мира целого не пожалела бы!

Тут снова выбежали наружу три барышни. А он уж теперь не стал ждать, чтоб его искали, сам в стенку бочки постучал — тут, мол, я. Выбили у бочки дно, малого от муки очистили, в дом повели, приняли с почетом. Невдолге свадьбу сыграли. Да всё и живут, ежели только не померли.

МАЛЕНЬКИЙ СВИНОПАС

Было то или не было, а только была на свете, по ту сторону Моря-Оксана, а от Стеклянной горы по сю сторону печь-развалюха, ни одного кирпичика целого не осталось, и где хорошо было, там было худо, а где худо было, там было хорошо, и все ж испекли в той печи семьдесят семь листов погачей. Проходили мимо трое голых цыганят, каждый полно погачей в подол рубахи набрал. Больше уж, пожалуй, и соврать-то нельзя, разве что вот, послушайте, что я расскажу.

Жила однажды на свете бедная женщина, и был у нее сын. Ему надо бы поросят караулить, а он только на пакости всякие был горазд, никак не могли его к делу приспособить, даже свиней пасти не годился. Билась с ним мать, билась, да всё понапрасну, всё ему без разницы, никак с таким мальчишкой не сладишь, даже если ангельским языком говорить станешь. Совсем никчемный был малый!

И вот прослышал как-то этот горе-свинопас, что если кто сумеет так схорониться, чтобы королевская дочка не нашла, он как раз королеву в жены и получит.

— Ну, маленький свинопас, — говорит он про себя, — теперь не зевай, рукава засучивай! Много можно выиграть, ежели со смекалкой!

Мигом собрался, велел испечь целую сумку погачей пополам с золой, на плечи шитую накидку набросил и в дорогу отправился.

Идет, бредет, через пень-колоду, по горам, по долам, по полям, по лесам, погачи уж на исходе, а королевского дворца все не видать. Идет целую неделю, уж последнюю погачу по жопке похлопал — нет дворца! И нить тоже охота, язык во рту совсем высох.

Что ему делать? Неужто погибать злою смертью? Знал бы заранее, с места бы не тронулся!

Шел он, шел, и еще много спустя попался ему на пути колодезь, на краю два белые голубя сидят.

Подходит он.

— Ну, два белые голубя, сейчас я вас съем, потому как с голоду помираю!

Говорят два белые голубя:

— Не ешь нас, маленький свинопас, а лучше вытащи нам воды ведро, очень уж пить охота! За добро и сам добра жди!

Так его упрашивали два белые голубя, что не стал он их есть. Подошел ближе к колодцу, вытащил для них ведро, сам досыта вкусной, холодной воды напился.

Пошел дальше.

Теперь уж пить не охота, зато брюхо урчит, точно пес цепной.

Идет он голою степью, еле ноги тянет, и встречается ему хромая лиса.

— Ну, хромая лиса, я не я буду, если тебя не съем!

Молит его хромая лиса, чтоб не ел ее, несет она еду малому своему лисенку.

— За добро и сам добра жди, маленький свинопас, — говорит. — Я еще тебе отслужу.

У маленького свинопаса от голода уж глаза вылезли, а все-таки не тронул он лису. Решил, что еще отплатит она ему за доброту.

Бредет, ковыляет маленький свинопас, пашнями, нивами, стернями, пустошами ведет дорога, последние крошки из сумки выгреб, съел. Да что этакая малость голодному желудку! Вправо качнулся, влево шатнулся, никогда уж, думает, до места не добраться.

Дорогою замечает он издали большое озеро. Вот хорошо, сейчас поглядит, нет ли там кого или чего! Выходит он на берег и видит, бьется на краю воды маленькая рыбка. Схватил он ее с великою жадностью, вытащил из воды. А маленькая рыбка и говорит ему:

— Не ешь меня, маленький свинопас, я еще отслужу тебе за твою доброту!

Долго смотрел на рыбку маленький свинопас, красивая была, чешуйки под солнцем так и играют. Пожалел, пустил назад в воду.

Мошеник он, этот голод! Ни на шаг от человека не отстает. Кается маленький свинопас, что отправился в путь-дорогу.

Да теперь уж все одно, даже если небо и земля расколется, он обратно не повернет. Идет и идет дальше. Снова замечает колодезь, а на краю два белые голубя сидят.

— Ну, нынче вы меня не проведете, нынче я ни Бога, ни человека не послушаю — съем вас!

Умоляют два белые голубя, чтобы пощадил их единственный раз, они ему еще отслужат за его доброту.

— Как бы не так! Вы все время меня дурачите, а я все слушаю, уши развесил. А что я с голоду пропаду, это вам дела нет!

Хотел было схватить голубей, а они всё просят, молят. В конце концов, не тронул он их, еще и ведро воды им вытащил. Сам из ведра глотнул, с тем и дальше пошел.

Только, думает, теперь уж, и вправду, не дотянуть — с голоду пропадать!

Уж и сам не знает, сколько времени он в пути, одно знает — очень давно. Покорился он своей судьбе, будь что будет, что-нибудь да будет!

Много спустя прибыл он ко дворцу.

У ворот стоял король. Маленький свинопас поздоровался пристойно, и король так же его приветил.

— Как ты сюда забрел, маленький свинопас? Сюда и птица-то не залетает! Чего тебе здесь надобно?

Рассказал ему маленький свинопас, зачем пришел. Затем, конечно, дескать, что прослышал, как король дочку свою в жены сулит тому, кто от нее схорониться сумеет, вот и он тоже удачи попытать хочет.

— Что ж, сынок, ладно, — говорит король. — А только видишь ли девяносто девять голов на шести воткнуты? Твоя будет сотая, ежели схорониться не сумеешь.

А маленькому свинопасу хоть бы что.

— Ничего, — говорит, — как-нибудь обойдется!

Вошли они внутрь, жалуется маленький свинопас, что от голода еле жив, нет ли, мол, каких остаточков. Дали ему поесть, наелся до отвала.

На другой день, чуть поднялся, приходит к нему король, говорит, чтоб прятался скорей, пока принцесса не встала, потому что, как встанет, от нее уж никак не схорониться.

Озирается маленький свинопас, озирается, глянул в окно, а за окном первые два белые голубя. Отворил он окно, а они говорят:

— Иди скорей, унесем тебя!

Недолго думал маленький свинопас, доверился голубям, а те — фьють! — умчали его, как ветер, прямо солнцу за спину.

Принцесса тоже собралась, спустилась в сад, сорвала самую красивую розу, потом повернулась раз на каблуках.

— Выходи, маленький свинопас! Вон ты где, у солнца за спиной!

Ох, и рассердился ж маленький свинопас, да и напугался тоже, а что поделаешь? Вышел у солнца из-за спины и напрямиком на кухню.

Наутро, как рассвело, встал маленький свинопас, выглянул в окно, а хромая лиса уж тут как тут, на дыбки поднялась, его поджидает. Он мигом собрался, отворил окно, ушли они с лисою.

Унесла его лиса на семь локтей под землю.

Спускается принцесса в сад, срывает самую красивую розу, повертывается раз на каблуках.

— Выходи, маленький свинопас! Под землю ты, в семи локтях!

Что будешь делать? Снова вышел маленький свинопас.

На третье утро отправился он к маленькой рыбке, в озеро, и унесла его рыбка в дальний закуток.

— Ну, уж сюда-то ни один глаз не заглянет, здесь она меня не найдет!

Но принцесса как спустилась в сад, как сорвала самую красивую розу, как повернулась раз на каблуках, так тут же и окликнула маленького свинопаса — выходи, мол, со дна озера!

— Ну, конец мне! Верное дело, конец! Сотый шест уж мой! — говорит маленький свинопас. — Коли три раза нашла, стало быть, и на четвертый не схорониться мне так, чтоб она не углядела!

Лег он, чтоб выспаться, отдохнуть, да ни спать, ни отдыхать не может, только с боку на бок ворочается.

Поутру, на заре видит он в окне двух белых голубей. Как они его увидели, один тут же улетел, другой остался. Впустил он голубя. Тот говорит:

— Идем быстрее! Ты обернешься красивой розою, и я тоже!

Так оно и случилось.

Еще до полудня все бутоны в саду раскрылись, и там, и сям цветы, один краше другого!

Выходит принцесса, ищет самую красивую розу, находит две одинаковые. Сорвала она обе. Приколола к груди.

После повернулась на каблуках, а маленького свинопаса не видит. В другой раз повернулась, все равно не видит.

— Ну, батюшка, не вижу я нынче маленького свинопаса. Так схоронился, что и не нахожу!

— Не может быть! Повернись-ка еще на каблуках — авось, и увидишь!

Повернулась девица и в третий раз, но теперь сколько ни поворачивайся, маленького свинопаса не сыскать!

Тут одна роза с ее груди голубем вспорхнула, а другая обернулась маленьким свинопасом.

Дивится принцесса, что видит перед собою маленького свинопаса.

Тут маленький свинопас обнял ее.

— Любовь моего сердца! Я — твой, ты — моя! Только заступ могильный нас разлучит!

Обнялись они, поцеловались, маленький свинопас всемеро пригожей сделался, и были они друг подле дружки, будто цветики в букетике. Потом сыграли свадьбу, зажили счастливо. Из маленького свинопаса такой хороший человек вышел, что лучше и не надо, из девицы — красавица на загляденье. Они и сейчас все живы, ежели только не померли.

13

ПРО МАЛОГО, КОТОРЫЙ УТАИЛ СВОЙ СОН

Был такой обычай в разных странах у королей, кто что увидит во сне, утром чтоб рассказал. А тому малому приснилась большая для короля опасность, — так оно потом и сбылось, — и он не рассказал. Король разгневался и велел его замуровать. Да чтоб медленно зачах, не вдруг помер.

Вот замуровывают его, а королевская дочка все

вокруг мастеров потихоньку похаживает. Говорит она главному каменщику:

— Дяденька, нельзя ли дырочку незаметно в кладке оставить?

— Отчего ж нельзя! Можно.

— Оставьте, — говорит, — я вам хорошую цену заплачу.

Они, и вправду, оставили, а королевская дочка целую тарелку денег им отвалила. Замуровали малого. А она через ту дырочку все время втихомолку его кормила. И завтрак приносила, и обед, и ужин. И так — многие годы.

И вот много лет спустя приключилась с ее отцом та самая беда, что малый во сне видел. Прислал ему турецкий султан палку, оструганную, выкрашенную, и велит пометить, какой конец ближний к корню. Не укажет — голову с плеч долой. А найти не могут: оба конца одинаковые.

Вот вечером приносит девица ужин, а сама плачет-заливается. Говорит ей малый, когда она дырочку откупорила:

— Что случилось? Или горе какое во дворце?

— Да, — говорит, — прислал турецкий султан отцу палку и велит пометить, какой конец ближний к корню, а догадаться не могут, потому что она и остругана и выкрашена. Как тут догадаешься?

— Ох, надвигается на вашего батюшку мой сон! Завтра поутру скажите, что сон видели. Не говорите только, кто научил! Пусть измерят ту палку в длину и как раз посерединке навяжут снурок или веревку какую-нибудь, а после подымут. Который конец ближний к корню, тот книзу опустится, потому что тяжеле. Пусть пометит, не сомневается, да и отсылает.

Девица насилу утра дождалась, глазом не сомкнула, сбудется ли, мол, ее сон? Еще и не рассвело, а она уж приходит к отцу.

— Любезный батюшка, что мне ночью приснилось! Приснилось мне, чтоб вы измерили ту палку в длину, как раз посерединке навязали бы снурок или же веревку и подняли. Какой конец ближний к корню, тот и опустится, потому что тяжеле. Помечайте его, не сомневайтесь, и шлите палку назад.

Король послушался, измерил, и так оно и вышло, сбился дочкин сон. Измерили палку, один конец книзу опустился. Ведь не притча про то есть, что снизу гуще, сверху жиже. Пометили, отправили назад.

Написал ему султан:

«Ну, ты, пес, чьею головой ты думал, своею ли собственной, чужою ли, а только помни: самым кончиком щелкнет кнут!»

Стал он со своими министрами думать, что бы еще послать. И пришли им на ум жеребята.

— Соберем семерых жеребят!

Эти семеро были похожи друг на дружку, как две капли воды. Первый — годовалый, второй — двухгодовалый, третий — трехгодовалый, четвертый — четырехгодовалый, пятый — пятигодовалый, шестой — шестигодовалый, седьмой — семигодовалый, а с виду все семеро — будто годовалые.

— Ну, вот, их и пошлем!

Пишет письмо:

«Ну, ты, пес, ежели не пометишь, сколько какому годов, голову с плеч долой!»

Привезли жеребят ему на горе, письмо тоже передали.

Смотрят там на жеребят, смотрят, не могут догадаться, какая промежду ними разница. Очень все в королевском дворце печалятся. Идет девица, несет ужин, а сама плачет, слезы глотает. Открыла дырочку, приметил малый по голосу, что беда случилась.

— Или беда какая во дворце?

— Конечно, беда, да еще какая!

— Что такое?

— Так и так. Прислал турецкий султан семерых жеребят, все разнолетки, а сколько какому годов, угадать не могут.

— Я уж говорил, как раз мой сон и есть! Потому и не хотел сон рассказывать. Я ведь знал, ежели объявлю, что на него идет, он еще пуще осерчает, сей же час погубит. Но тогда и себя самого погубил бы, потому как ни за что ему эту загадку не разгадать.

И объясняет он девице:

— Ну, так вот, скажите вашему батюшке, что видели сон. Пусть возьмет овса семи урожаев — летошнего, двулетошнего и прочее — по годам жеребят. После

пусть насыплет на дворе в ряд, один от другого врозь. После надо выпустить этих семерых жеребят. Только глядите, чтоб овсы не перепутать, — какому год, какому два и прочее. Вот выпустят семерых жеребят, и станут они носиться по двору туда-сюда. Тут наготове быть надо. Каждый жеребенок у такого овса остановится, сколько самому от роду лет, — прямо тавро и выжигай. И назад пускай отсылает. Да не говорите, кто научил, только одно — сон, мол, видала.

Насилу дождалась утра, места себе не находит — удастся ли, нет ли? Хоть бы Господь помог! Утром пошла к отцу.

— Любезный батюшка, что мне приснилось!

— Что, дочка?

— Приснилось мне, чтоб вы взяли семь разных овсов, от летошнего до семилетошнего, да чтоб не смешивали их. Пусть насыплют их на дворе один от другого врозь. После выпускайте этих семерых жеребят, чтоб носились по двору туда-сюда. Но будьте настороже, следите, какой жеребенок у какого овса остановится. Тут прямо тавра пускай и выжигают.

Так и сделали. Сразу нашли овес, насыпали. Выпустили жеребят. Жеребята застоялись, бегают, носятся, играют друг с дружкой. И вдруг все остановились, каждый — перед другой кучкою овса. Теперь уж узнали, сколько кому годов, схватили, тавра поставили. Всех семерых пометили.

— Ну, теперь ешьте!

Съели они овес, стреножили их. Король написал: «Этому столько лет, тому — столько, на таврах все обозначено». Привезли жеребят к султану. Верно угадано!

Пишет ответ султан:

«Эй, ты, пес, не знаю, чьею головой ты думал, своею ли собственной, чужою ли, а все равно кнут концом щелкает. Скоро еще пришло, жди!»

Сколько-то спустя пишет:

«Ну, ты, пес! Назначим одно время, чтобы, когда у меня утром поднимаются, тогда б и у тебя подымались, у меня приносят дрова, огонь раскладывать собираются, и у тебя в тот же самый час — после по книге сверим. Ежели не сойдется, конец твоей жизни! Когда

огонь раскладывают, к мяснику в лавку за мясом посылают, когда повар мясо и прочие кушанья к обеду на огонь ставит — пусть и у тебя все точь-в-точь, минута в минуту! Придет полдень, на стол накроют, и и тебя пускай в ту же минуту накрывают. Повар на стол подаст, и у тебя в ту же минуту пускай подаст. А ежели не так будет, ежели в чем просчитаешься, голову с плеч долой!»

Пуще прежнего закручинился король. Кто этакое распутает? Дочка тоже письмо прочитала. Сперва понадеялась было немного, да уж больно далеко султана земля! Что ж теперь будет? Великий у короля при дворе испуг! Идет королевская дочка, несет ужин, плачет.

— Ну, что случилось? Эх, знал я раньше, как оно обернется! Так что же всё-таки?

— Прислал этот султан письмо, так, мол, и так пишет. Да кто ж этакое распутает?

— Пустяки! Теперь не говорите, что видели сон, а скажите, что, мол, батюшка, этого никто устроить не может, кроме одного человека, которого вы замуровать велели.

Она и говорит отцу.

— Ох, дочка, от него уж и костей не осталось!

— Нет, батюшка, он все устроит.

Все-таки согласился король, посылает каменщиков разобрать кладку. Ого! Ну и красавец же из малого получился, ведь сколько лет миновало, а девица на совесть об нем заботилась!

Говорит он королю, как только вышел:

— Вот, наше королевское величество, это самое я во сне и видел, а рассказывать не хотел. Вы бы только на меня осерчали и казнить приказали, потому как не поверили бы, что этакое с вами случится. Но ежели бы меня погубили, так и себя самого погубили бы.

Король его тут же усыновил.

— Ну, сынок, что будем делать?

— А вот что: сложим такую башню, чтоб я мог заглянуть в султанов дворец, потому как передняя стена у него стеклянная.

Тут же стали возить кирпич, каменники за работу взялись. А он присоветовал королю написать султану,

чтобы султан обождал, — напишет, дескать, еще, когда пора. Как стала башня совсем высокая, так что уж и заглянуть с нее можно, он взошел наверх и стал глядеть. Тут король написал, что пора.

Назначили день. Он все видит, что у султана делается, и вниз записки посылает, что им делать. Они в книгу заносят и исполняют. Как султану обед подали, так и здесь подают. Вот султан воткнул в жаркое вилку — вот так.¹

— Интересно, этот пес тоже воткнул?

Вертит вилкой туда-сюда, а тот издалека, с башни, прицелился да стрелой мясо с вилки и сбил. Султан и вилку уронил. Ужас как рассердился.

«Ну, ты, пес, — пишет, — нет тебе больше пощады! Своею ты головою думал, чужою ли, а кто это со мною сделал, пусть перед мои очи явится!»

Говорит малый королю, напиши, мол, чтоб ожидал.

Тут выбрал он между солдатами двенадцать молодцов, в точности на него похожих. Одежу такую ж велел для них справить, сбрую с седлом, коней таких же, чтоб и не отличить друг от дружки, на кого ни взгляни, будто одного человека видишь. После начал он этих двенадцать молодцов учить:

— Как приедем, спросит нас султан, кто из вас, дескать, молодой король, а мы тринадцатью глотками в один голос: я! Как спросит, так все тринадцать разом одно ответим.

Выучились, наострились, как следует. Настал срок, собрались в дорогу.

Дома он такой наказ оставил на тот случай, ежели ему приговор объявят и вешать поведут. В этот самый день чтобы двенадцати молодцам одеться во все черное, как вороново крыло, и чтоб кони тоже черные, все чтоб черное. А двенадцати другим — во все белое, как лебяжий пух, и чтоб кони белые, все, как есть, белое. Он записал на бумажку, чтоб ничего не перепутали и дела бы не испортили, когда его к виселице поведут. В тот день им туда же нагрять. В такой и такой час черным с запада к виселице подскочить, белым — с востока.

¹ Рассказчик, как и во многих иных случаях, иллюстрирует свои слова жестикующей. (Прим. составителя.)

— Если они меня от петли не спасут, значит, я пропал.

После отправился он с двенадцатью молодцами. Поехали. Написали, что едут, их уже ожидают. Ну, хорошо, прибыли. Только и надо было, что с коней соскочить, больше никаких забот. Горница отведена, в ней тринадцать постелей постелено. Там они и прохлаждались все время, только в день два раза на маршировку выходили. Выходят утром, до завтрака. Спрашивает султан:

— Который из вас молодой король?

Отвечают все тринадцать:

— Я!

Смотрит он на них, смотрит, с кого начать, не знает.

— Ладно, ступайте в горницу.

Позавтракали, отдохнули. После обеда снова выходят, маршируют по-военному. Султан повернул их к себе лицом.

— Который из вас молодой король?

Все тринадцать глоток, как одна:

— Я!

«Ну, — думает султан, — не знаю, что с ними делать».

И вот что сделал: подослал в горницу шпиона, чтобы он заметил, какой постели королевские почести оказывают. Спрятался шпион. Скоро все пришли, ужин получили, поужинали. Разделись. Возле каждой постели был гвоздь, одежду повесили — куртки и прочее. А султан шпиону так сказал:

— Какой постели королевские почести оказывают, там вырежи из кафгана на спине кружок с двухгрошовую монету.

Сидит, подслушивает.

Конечно, прочие честь оказывают. Один говорит:

— Ох, и хорошо же у этого султана вино!

Откликается молодой король:

— Оттого хорошо, что в точиле с человечесьей кровью смешалось.

Другой говорит:

— Ох, и хорош же хлеб у султана!

— Оттого хорош, — говорит, — что на женском молоке замешан.

Шпион все замечает.

Третий говорит:

— Душа-человек, этот турецкий султан!

— Оттого душа-человек, что пригульный.

Шпион и это примечает.

Поговорили друг с дружкой, примолкли. Тогда шпион вылез, снял с гвоздя куртку, вырезал аккуратно кружок с двухгрошовую монету и ушел. Отдал он султану этот клочок и рассказывает, что молодой король отвечал:

— Про вино сказал, что оно в точиле с человеческой кровью смешалось, про хлеб — что на женском молоке замешан, а про ваше величество — что вы пригульный.

Султан и без того злился, а тут еще хуже осерчал, с досады чуть не лопается. Насилу утра дождался, посылает за ними. Теперь уж наверняка отыщет, который король!

Быстро оделись, по-солдатски. Пошли. Султан поставил их к себе лицом, спрашивает:

— Какой из вас молодой король?

Одно прокричали тринадцать глоток. Султан смотрел, смотрел, а потом как рывкнет:

— Кругом!

Повернулись они спиной. Смотрит султан, а у каждого на куртке дырка. Молодой король во-время заметил, что кафтан продырявлен.

— Эге, неладно дело! Несите все сюда свои куртки!

И в каждой вырезал по дырке. После все клочки сжег, чтобы, ежели обыск будет, только один клочек остался, — который шпион вырезал.

Султан говорит:

— Ступайте к себе!

Очень был сердитый, прямо страсть!

Подали им завтракать. За завтраком говорит молодой король остальным:

— Слушайте, что я скажу, будет нам ждать-поджидать! Теперь, как спросит, кто, мол, из нас молодой король, никто рта не раскрывай! А я вперед выступлю.

И правда, выступил вперед остальных, каблуками щелкнул, честь отдал и говорит:

— Я!

Султан взял его под руку.

— Ну, пойдем! А вы можете идти.

Привел в свою комнату. Те уж особо обедают, а он — с султаном.

Стал его султан спрашивать:

— Откуда ты знаешь, что мое вино в точиле с человечью кровью смешалось?

— Кто точило топтал, его спросите, он скажет.

Вызвали того человека.

— Как это так, что ты в мое вино человечью кровь примешал?

— Какой-то сборщик, уж и не знаю какой, бросил между гроздьев осколок стекла, я стал топтать и ногу порезал. Кровь потекла, а я что могу поделывать — топчу да топчу!

— А это откуда знаешь, что мой хлеб на женском молоке замешан?

— Кто тесто месил, ее спросите.

Султанова мать уж старая была, женщина к ним ходила, служанка. А у нее был ребеночек. Она всегда так подгадывала, что, как ей тесто идти месить, сперва ребеночка кормит. А тут как раз уснул ребеночек, не сосет, а тесто пора месить. Собралась, пошла. Как начала месить, молоко из груди вышло и в квашню на капало.

Осерчал султан и на женщину, и на того человека.

— А откуда знаешь то, что я пригульный?

— Спросите у вашей матушки!

Кличет султан мать:

— Матушка, идите сюда! Как это так, матушка, что я пригульный?

— Что ж, — говорит, — сынок, батюшка твой по часту на войне бывал, а тут случился дядюшка Пали, тот что битые горшки проволокой обтягивает, он тебя и сделал.

Тут он и на мать разозлился.

Устроили суд и на другой же день приговор объявили — виселицу. До тех пор судили да рядили, пока к виселице не присудили, хоть вина на нем никакой не нашли. Вот оно, лукавство!

К тому часу, который он назначил, остальные уж на месте были. Увидали товарищи, что его выводят, пошли в конюшню, оседлали коней, паружу вывели, и его коня тоже.

Вокруг виселицы народу тьма, палач подходит, а он то на запад взглянет, то на восток. Чует, что вот-вот черное воинство налетит, чует, что и белое неподалеку.

Говорит султан:

— Помилую тебя, ежели скажешь, что это черное, вон оттуда надвигается.

— А это черные черти. Они думают, законного сына вешать собрались, вот и спешат по его душу. Унести хотят.

— А вон то, другое?

— Эти думают, что пригульного собираются вешать, по его душу спешат. Это ангелы.

Оттолкнул его султан. Обрадовался, что за душою прибудного ангелы явились. Говорит палачу:

— Меня вешай!

Повесил его палач.

Те прискакали, здороваются с молодцами. Султан так на виселице и остался. Вот она, правда! Те домой отправились, радуются, веселятся. После король на радостях отдал малому свою дочку и королевство передал, за то что он все дела обделал.

Пожились молодые, свадьба была на славу. Ходили за нуждою, жиром нужду справляли. От Хенциды, до Бонциды текла желтая жижа. Цыгане в пух и прах разрядились, только головы непокрыты и обуться не во что. Собаки сбежались, наестся собрались. Пока последняя прибежала, первая уж с голодухи околела. Тису с Дунаем в один мешок запихнули, оглоблею завязали, веревкою подперли. И я тоже там терся, болтался. Я был больший дружка, а еще был меньший дружка. Я плясал, скакал, подле мешка вертелся, соломенной шпорою, овсяным репейком за мешок зацепился, мешок порвался, вот меня сюда и занесло.

МАЛЬЧИК ИЗ ГРОБА

Было то или не было, а только жили на свете двое странников. Пока ходили-бродили с места на место, свечерело.

Добрались они до какой-то деревни. Просят пере-

ночевать, никто в деревне не принимает. Везде просились двое странников, везде им отказали.

Вот заходят они к одному бедняку, а у того столько детей, что и сам позабыл, какой осенью родился, какой — весною. А жена снова на сносях.

Говорит им бедняк:

— Я бы вас пустил, да места нет, лечь некуда. Вон сколько ребятешек!

— Не беда, — отвечают двое странников, — мы на полу ляжем, соломки подложим.

— Ладно, коли ляжете, — говорит на это бедняк, — только другая беда пуще первой. Жена моя вот-вот разродится. Что тогда с вами делать.

— Тогда и придумаем, что делать, — отвечают двое странников.

Легли честь по чести. Бедняк притащил соломы, улеглись странники. Такая нужда в доме, что и простыни не нашлось солому покрыть. Просят странники хлеба.

Говорит им бедняк, что он уже двадцать лет хлеба не видел, погачи пополам с золой — вот и вся их еда.

Что ж поделаешь, так и легли, голодные.

Вдруг жена начинает стонать:

— Ой, — говорит, — умираю!

Испугался бедняк — что теперь будет? Что делать странникам, ежели жена разродится? Да еще и повитухи нет.

Говорит один странник другому:

— Ступай, погляди, как на дворе.

Вышел странник, вернулся.

— Сильно пасмурно, — говорит.

— Ну, — отвечает товарищ, — стало быть, ребеночку еще не время.

А женщина уж всю стонет. Как стала в голос кричать, снова окликает один странник другого:

— Выдь-ка еще раз, погляди, как на дворе.

Опять вышел странник, откликается снаружи:

— Вроде бы расходятся тучи!

— Все еще не время ребеночку, — отвечает ему товарищ.

А женщина еще пуще голосит. Так голосит, что не выдержал дольше первый странник, говорит товарищу:

— Ступай-ка еще, погляди, как на дворе.

Вышел тот и откликается:

— Хорошо, ясно! Ни облачка нигде!

— Теперь и родиться можно ребеночку, — отвечает старший странник.

Через минуту разрешилась женщина, принесла пригожего мальчика.

В это же время родился ребенок и в соседнем доме. Жил в том доме справный хозяин, большой богатей, и родилась у него дочка. Этот самый богатей не пустил к себе странников.

Ну, хорошо. Рассвело. Двое странников отправились дальше. Только оставил старший в соломе кольцо, как будто позабыл. А на самом деле хотел испытать бедняка.

Вот стал бедняк подбирать солому и нашел кольцо.

— Ох, — говорит, — это двое странников кольцо позабыли! В солому завалилось. Пойду, — говорит он жене, — догоню, отдам. Да куда идти? Ведь я и не знаю, куда они отправились!

Все равно пошел бедняк, выбежал за деревню. Видит, шагают двое странников. Кричит он им вслед, а они не слышат. Даже шапкой машет бедняк.

Наконец, услышал один странник. Говорит другому:

— Бедняк-то бежит за нами со всех ног, даже шапку снял. Что там такое могло случиться?

— Погодим, — говорит другой, — посмотрим, что такое.

Догнал бедняк двух странников, задыхается, насилу выговорил:

— Кто-то из вас кольцо позабыл, вот оно, я принес.

— Спасибо большое, что принесли, — говорит один странник, — мы вас за это отблагодарим.

— Тогда будет у меня к вам одна просьба, — отвечает бедняк. — Окажите такую вашу милость, вернитесь, а то я до того бедняк, что у меня и младенца никто крестить не соглашается.

— Пожалуйста, с удовольствием!

Вернулись. Не во что младенца запеленать, ничего в доме нет, этакая бедность. Так и понесли его крестить двое странников.

Тогда ж и дочку богатого хозяина крестить понесли,

когда беднякова сына. Девочку честь по чести крестные матери держат, — хотят, чтоб ее раньше окрестили. Один странник и говорит:

— Так не годится, добрые люди. Сперва шляпа, потом чепец.

И сперва окрестили беднякова сына, а уж после богатею дочку.

Как вернулись домой с крестин, крестные и рассказали богатею, что случилось. Что, мол, двое странников принесли крестить беднякова сына и не пропустили вперед богатею дочку. Сказали, что, дескать, сперва шляпа, потом чепец.

Богатей стал браниться. Очень он рассердился.

— Ничего, — говорит, — они еще увидят, чем угостит этот нищий своих куманьков, когда у него и погачей-то пополам с золой вдосталь нет!

Беднякова жена была совсем здорова, хотя почью рожала. Честь по чести спрашивает у нее один странник:

— Нет ли сколько-нибудь муки, чтобы испечь нам погачу?

— Ох, — говорит, — уж двадцать лет, как я и цвета муки не видала!

— Ступайте-ка, — говорит ей странник, — загляните в мучную бочку. В утор всегда мука набивается. Может, сумеете выскрести сколько-нибудь?

Пошла хозяйка, наскребла не больше, чем с наперсток.

— Ну, — говорит странник, — сыпьте в квашонку!

— Так ведь потеряется в квашонке, — говорит беднякова жена.

— Об этом не тревожьтесь. Сыпьте, и все тут!

Высыпала она муку в квашонку, замочила.

— Что ж, вымешивайте! — говорит ей странник.

Хозяйка вымесила. Да месить было нечего, только сгребла все вместе, в один катышок. Вышел катышок с кукурузное зерно.

Тут говорит один странник хозяину, чтобы поднялся на чердак, поглядел, не осталось ли сколько-нибудь мяса.

— Ох, — вздыхает бедняк, — даже веревку, которой копченые связывали, и ту мыши съели!

А странник свое:

— Полезайте на чердак да поглядите хорошенько!

Поднялся хозяин. Как ступил на чердак, так сразу и стукнулся головою об огромный свиной бок. Глядит кругом — столько всего повешано, что сало, грудинка, колбаса и прочее иное друг с дружкой стыкаются. Кричит бедняк с чердака:

— Что бросать?

А снизу отвечают:

— Во что сперва ткнулись, то и бросайте.

Он и сбросил весь свиной бок целиком.

Хозяйке странники сказали, чтобы теста пока не разваливала. Сперва велели печку разжечь, и чтобы разгорелось как следует. Растопила она жарко, как раз, чтобы хлебы печь.

— Ну, — говорит один странник, — теперь делите тесто на шесть частей да и сажайте в печь.

— Куда ж сажать? — удивляется хозяйка. — В таком огне все дотла сгорит! Слыханное ли дело!

— Об этом не тревожьтесь, — обнадеживает странник. — Делите на шесть частей да в печь — и все тут!

Вот беднякова жена поделила катышок на шесть частей, и каждая оказалась не больше пшеничного зернышка.

Пометала все в громадную печь. «Ну, — думает про себя, — не видать нам хлеба!»

Погодя велит ей странник заглянуть в печь, испеклись ли уже хлебы.

Заглянула хозяйка, а в печке шесть хлебов, каждый — что большая корзина! Смотрит она, что сделалось из этой крохи теста, и надивиться не может:

Теперь спрашивает один странник бедняка, нет ли сколько-нибудь вина.

— Куда там! Мы в винной бочке золу держим, уж невесть с какого времени! Да и зола-то высыпалась, до того бочка рассохлась.

— Ничего, вы только пойдите, загляните в погреб, — уговаривает странник.

Пошел бедняк. Спустился в погреб, а бочка из-под золы полна вином, добрым красным вином! Принес он баклагу.

— Ну и ну! — говорит. — Там целая бочка вина.

— Вот видите, — молвит странник, — а вы было отпирались, ни вина, дескать, нст, ни муки.

Хорошо. Положили свиной бок в большую кастрюлю. Пospel ужин, сели все ужинать.

У богатея тоже пир горой идет, поют, веселятся. Говорит богатею кумам:

— Чем же, с позволенья спросить, потчует крестных этот нищий?

Женщины, известное дело, любопытны, отправились к бедняку на двор, поглядеть. Стоят, подглядывают, а один странник заметил, что под окном кто-то стоит. Выбросил за окно два свиных ребра, да самые жирные.

— Собакам сгодятся, — говорит.

Но женщины подобрали, не дали собакам.

— Вот это да! Вот это угощение! Не то, что нам выставили!

Тут странник выкинул громадную краюху белого хлеба. Женщины снова подобрали, положили в передник. В конце концов, столько навывкидывал странник мяса и хлеба, что все женщины по полному переднику набрали.

Вернулись они к богатею. Дивится богатею, спрашивает:

— Что там такое?

— Там пир горой, не то, что тут! — отвечают женщины. — Вон какое мясо выкидывают за окно, собакам, дескать, сгодится! Мы и подобрали, нам сгодится, не собакам! — говорят женщины. — Вино пьют — красное, что кровь!

А у бедняка знай себе едят, и за едой один странник и шепни другому, но так, чтоб женщины тоже услышали, что он сказал:

— Вот увидишь, этот мальчик еще возьмет в жены богатею дочку!

Женщины, конечно, пересказали богатею, что шепнул один странник другому.

— Чтобы он взял мою дочку? — вскинулся богатею. — Сын этого нищего? Нет, сперва убью мальчишку!

После того на другой день странники ушли своей дорогой. Распрошались с бедняком.

Много осталось и мяса, и вина, а бедняку ненадолго хватило, скоро все до крошки, до капли и вышло. Опять одними погачами пополам с золой стали кормиться.

А богатея без конца голову ломает, как бы у бедняка младенца выманить да извести. Вот приходит он однажды к бедняку и говорит ему:

— Отдай мне твоего сына, тебе все равно нечем его кормить. Может, еще и так станется, что моя дочка выйдет за него замуж. У меня ему будет хорошо. А я тебе дам за него две корзины кукурузы.

Бедняк думал-думал, да и решил: зачем несчастному дитяти голодать дома, лучше отдам его за две корзины кукурузы. Так оно и вышло.

Богатея, первым делом, заказал маленький гробок. Положил он младенца в гробок и пустил в реку, чтобы водой унесло.

Понесла вода гробок. Несет, несет, а ниже по реке была мельница, и прибило гробок к мельнице.

Мельник как раз наруже был, рыбу удил. Увидал мельник гробок, сказал про себя:

— Не иначе, как был где-то сильный дождь, утащила вода гробок из дому.

После того честь по чести выловил мельник гробок, забрал домой. Говорит жене:

— Гляди, мать, вода принесла маленький гробок. Что внутри, не знаю. Наверно, младенец.

И правда, открыл мельник гроб, а в нем пригожий мальчик.

— Ох, какая удача, судьба сына нам посылает! — говорит мельник. — Своих детей у нас никогда не было, а теперь уж и не будет, старые мы стали.

Распеленали они младенца, завернули в чистое, накормили. С тех пор постоянно об нем заботились. Мельник был уже старик, жена тоже старая, оттого особенно радовались ребеночку.

Вырос мальчик, стал уж парнем. И у богатея дочка выросла, стала уж девицей на выданьи. Скоро начали богатею дочку сватать, и за первого, кто посватался, она и согласилась выйти.

В один прекрасный день заложил богатея в большой воз четверку волов, насыпал пшеницы и повез на мельницу — смолоть к свадьбе.

Как приехал на мельницу, видит пригожего молодого парня. Парень мелет, а старый мельник только похаживает туда-сюда. Богатея сразу подумал про

себя: уж не тот ли это мальчишка, которого я на воду спустил? И так рассудил, что он самый и есть.

— Может, еще и дочка моя ему достанется, хоть она уж и обручена!

Говорит богатей мельнику:

— Будьте так добры, отпустите своего парня, пусть он снесет письмо моей жене, я кой про что запомнил.

Говорит старый мельник:

— Я бы отпустил, — отвечает, — да работы очень много, без него мне не справиться.

— Он быстро вернется, — обнадеживает богатей.

До тех пор упрасивал и уговаривал богатей мельника, пока он не отпустил парня.

Понес парень письмо богатеевой жене. Несет честь по чести, и надо ему лугом пройти. А по лугу — кустарник. Идет парень через луг, и вот из-за одного куста окликает его седой старик:

— Куда спешишь, сынок? — спрашивает.

— Иду, — отвечает парень, — в такую и такую деревню, несу письмо жене одного богатей.

— Покажи-ка мне это письмо, — говорит ему старик.

— Да ведь его нельзя распечатывать, — возражает парень.

— Ты только покажи!

До тех пор приневоливал старик парня, пока тот не отдал ему письма.

Распечатал старик письмо, и вот что было там написано:

«Любезная жена, ты и прежде слушалась моего слова, а теперь послушайся вдвое. Возьми отравы на одного и подсыпь этому малому в питье, чтобы он помер».

Старик тут же написал другое письмо. Запечатал конверт, как раньше было.

— Ну, сынок, — говорит, — вот тебе письмо, носи и передай хозяйке.

Принес парень письмо. Отдал хозяйке. Прочла хозяйка, и вот что было там написано:

«Любезная жена, ты и прежде слушалась моего слова, а теперь послушайся вдвое. Как получишь это письмо, сейчас же пожени мою дочку с этим парнем. Исполни непременно!»

Жена, как получила письмо, сейчас честь по чести позвала писаря, чтобы он женил молодых. Он и поженит.

Ну, а тот седой старик был не иной кто, как странник, который ночевал когда-то в доме бедняка. Он теперь и дал письмо парню.

Богатей смолот муку и вернулся домой. Въехал во двор, а молодые уж стоят на крыльце, обнимаются, как молодым и положено. Богатей так разозлился, что даже кнут наземь швырнул.

— Жена! — кричит. — Разве я это тебе писал?!

— Так вот же письмо, — отвечает жена, — погляди! Твоя рука!

Смотрит богатей — и правда, рука его.

— Ну, ничего, — говорит, — все равно не будет моя дочка за ним, как-нибудь, а изведу его!

Потом обращается к беднякову сыну:

— Попусту вы поженились, потому как все равно не будет моя дочка за тобою. Ступай-ка ты к его величеству Цветочному королю да принеси от него три цветка — вот когда будет за тобою моя дочка!

Ну, хорошо. Наложили парню сумку, он и отправился. Идет, бредет, семь раз по семи стран миновал. Потоль брел, куда вся еда не вышла.

Тут прибыл он в один город. В этом городе жил король. Парень подумал да и пошел к королю — едою хоть сколько-нибудь раздобыться.

А король весь ранами и болячками покрыт, так что и шевельнуться не может. Спрашивает он у парня честь по чести:

— Куда путь держишь?

— Иду, — отвечает парень, — к его величеству Цветочному королю, за тремя цветками.

— Ну, — говорит, — коли так, то спроси у него, почему я весь ранами и болячками покрыт. А на обратном пути зайди ко мне и скажи.

Тут снова наложили ему сумку, дали денег на дорогу и отпустили. Отправился он дальше, снова идет, бредет, семь раз по семи стран миновал. Потоль брел, куда опять вся еда не вышла.

Опять прибыл он в город. И в этом городе живет ко-

роль. Там тоже явился он к королю, чтобы можно было дальше двинуться.

Этот король тоже спрашивает у него:

— Куда надумал идти?

Парень и ему сказал, куда хочет добраться.

— Раз ты идешь к Цветочному королю, — говорит король парню, — спроси у него, почему я ослеп. Если будешь возвращаться, зайди ко мне и скажи, что услышал.

Хорошо, снова наложили парню сумку и проводили в дорогу. Отправился парень, идет, бредет, семь раз по семи стран миновал. И на этот раз потопь брел, покуда есть нечего стало.

Тут вышел он к большой воде. Как на ту сторону переправиться?

Думает он, гадает и вдруг видит, какая-то женщина челнок вверх-вниз по воде возит. Окликнул он женщину.

— Перевезите меня через воду, потому как я иду к его величеству Цветочному королю.

— Что ж, — говорит женщина, — я тебя перевезу, но только ты спроси у него, почему я все таскаю этот челнок.

— Ладно, — обнадежил ее парень, — спрошу.

После того честь по чести перевезла женщина парня через воду.

Пришел парень к Цветочному королю. А короля как раз дома не было, только жена. Вот королева и говорит:

— Ой, как же ты очутился в таких далеких краях, куда и птица-то не залетает?

— Пришел я, ваше величество Цветочная королева, — отвечает парень, — за тремя цветками.

— Мой хозяин, — говорит королева, — как придет домой, так сразу тебя и убьет. Знаешь что? Я тебя спрячу. Мой-то все равно усталый воротится. Поужинает, сразу ляжет да уснет.

Положила его хозяйка под кроватью, большим корытом накрыла. И говорит ему:

— Смотри, не усни! Слушай, что мой-то говорить станет.

Ну, вот, лежит парень под корытом. Вскороги воротился Цветочный король домой. Как ступил в комнату, сейчас и говорит жене:

— Кто здесь побывал? Чужой дух чую!

— Никого здесь не было! Это ты повсюду слонялся, оттого теперь чужой дух и чуешь.

— Нет, здесь кто-то был!

Не отстаёт от жены король, а хозяйка свое твердит, что, дескать, он издалека воротился и оттого чужой дух чует.

Наконец, унялся король. Поужинал и, как лег, сразу и уснул.

Как уснул король, жена вырвала у него один волос. У короля все волосы были цветы, каждый волосок — цветок.

Вырвала она первый волосок и толкнула короля в бок. Король проснулся и спрашивает:

— Ты что меня тревожишь? Не мешай спать!

— Ох, — говорит королева, — ты только послушай, что мне приснилось!

— Что ж тебе приснилось?

— Приснилось мне, — рассказывает королева, — что в таком и таком городе есть король. И весь он покрыт ранами да болячками, так что и шевельнуться не может. Отчего же это он весь в ранах?

— Поделом ему! — отвечает Цветочный король. — Есть у него печка, в которой пекут хлеб. А под той печкой — жаба, громадная, что корзина. На ней, стало быть, и пекут ему хлеб. За то он и покрылся с головы до пят ранами да болячками. Ежели бы печку разломать, сложить бы другую да хлеба из той другой отве-дать, тогда бы все болячки и отвалились. Ну, ладно, а уж больше мне не докучай! — говорит он жене.

Снова уснул Цветочный король. Спит он крепким сном, а жена снова вырывает у него волосок. Опять толкает в бок Цветочного короля. Проснулся он:

— Что ты мне все докучаешь?

— Ох, опять приснилось! — говорит ему жена.

— Что ж такое приснилось?

— Приснилось мне, — рассказывает жена, — что в таком и таком городе есть король. Этот король слепой. Отчего же это он ослеп?

— Поделом ему! — говорит Цветочный король. — Весь его дворец покрыт золотом, даже курятник, даже ограда — всё! Ежели бы он сорвал золотую кровлю

и велел снести в ту реку, что течет мимо дворца, а дом покрыл черепицею или дранкой, сразу бы и прозрел.

Теперь было уже два цветка, только одного не доставало.

Снова уснул Цветочный король. Спит крепким сном. Жена опять выдергивает волосок и толкает мужа.

— Так и не дашь мне нынче поспать? — говорит король. — Смотри, пожалеешь, коли будешь все время в бок тыкать!

— Ох, опять приснилось! — говорит жена.

— Да что приснилось-то?

— Какая-то вода, а рядом женщина, челнок по воде возит, то вверх, то вниз, без передышки. Отчего же это она все возит этот челнок?

— Поделом ей! — отвечает король. — Из доброй пшеницы хорошего хлеба испечь не умеет. Пусть спечет хороший хлеб, тогда и челнок больше возить не будет. Но если ты еще раз меня тронешь, ох, пожалеешь! — говорит он жене.

— Не бойся, — обнадеживает жена, — не трону больше!

Опять уснул Цветочный король крепким сном. Тут королева сняла с парня корыто.

— Ну как, — спрашивает, — слышал, что он говорил?

— Все слышал, до последнего слова.

— Но только женщине, — говорит королева парню, — не рассказывай ничего, пока она тебя не перевезет, а иначе за реку не попадешь. Как будете на другой стороне, так и скажешь ей, что услышал от короля.

Взял парень три цветка, поблагодарил королеву за ее доброту и отправился в обратный путь.

Пришел снова к воде. Встретился с тою женщиной. Она ждала его со своим челноком. Спрашивает нетерпеливо:

— Ну, что сказал Цветочный король?

— Перевези, — говорит парень, — тогда скажу.

— Не повезу, пока не скажешь!

— А я не скажу, пока не перевезешь, — отвечает парень.

Стоят, спорят, наконец, женщина говорит:

— Ну, будь по-твоему, садись в челнок!

Сел парень в челнок, перевезла его женщина на дру-

гую сторону. Чуть пристали к тому берегу, она и спрашивает:

— Ну, говори скорей, что он сказал!

— Цветочный король сказал, оттого, дескать, возишь ты здесь челнок, что не умеешь хорошего хлеба испечь.

— Ох, зачем ты мне там не сказал — ни за что б тебя не перевезла!

— А ты испеки хороший хлеб!

— Да я не умею!

— Тогда, стало быть, вози челнок!

— Твое счастье, что на той стороне не сказал! Наверчно бы там остался!

После того молодой человек пошел прочь от реки. Быстро добрался до того города, где был слепой король. Пришел к нему, чтобы пересказать, что Цветочный король сказал.

Но едва он успел договорить, как его мигом посадили под замок, за то что осмелился этакое вымолвить — чтобы король со всего строения содрал золото и в воду кинул! Но золотую кровлю король все же велел снять, чтобы поглядеть, правду говорит парень или нет.

После того честь по чести созвали мастеров, те сбросили золото с дворца, с ограды, отовсюду и кинули в воду. После того покрыли все строение черепицей.

Когда кончили крыть все строение черепицей, король видел так же, как двадцати лет отроду. Радуетя король, что правду сказал парень. Тут же выпустили его из-под стражи.

— Ну, — спрашивает король, — что желаешь получить за то, что я прозрел?

— Только то и желаю, — отвечает парень, — что ваше величество пожаловать изволит.

Король тут же распорядился привести доброго коня. Насыпали парню две переметные сумы золотом, навьючили на коня.

— На это, — обнадеживает парня король, — проживешь без забот.

Теперь едет парень верхом, не нужно больше ноги бить. Быстро добрался до другого города. И тут первым делом пришел к королю.

Этот король тоже спрашивает у него:

— Ну, спросил?

— Спросил, — отвечает парень.

— И что он сказал?

— Сказал, — отвечает парень, — что под печкой, где вашему величеству хлеб пекут, жаба живет, громадная, что твоя корзина. Но ежели бы эту печку разломать, а другую сложить и хлеба из той, другой отведать, все болячки бы отвалились и больше бы ваше величество не хворали.

Парня и тут посадили под замок, за то, что посмел говорить, будто королевскую печку надо ломать. Но печку все ж честь по чести сломали и сразу другую сложили. Пока ее складывали, поварихи уж тесто месили, чтобы, как только истопится печка, сразу же хлебы и посадить и король чтобы поскорее отведал хлеба из новой печки.

Сделали печку. Истопили ее, хлебы посадили. Только поварихи, как заведено у крестьянок, вместе с хлебами посадили колобок, чтобы он поскорее испекся и король пораньше бы отведал.

В два счета испекся колобок. Король уж ждал, чтобы побыстрее отведать. Как начал он есть колобок, раны стали заживать, как наелся досыта — ни одной не осталось!

— Ну, — говорит парню, — твоя правда.

Выпустили парня из-под стражи. Спрашивает его король:

— Чего от меня потребуешь?

— Того только, что ваше величество пожаловать изволит.

И этот король тут же распорядился привести доброго коня. Насыпал две переметные сумы золотом и говорит:

— Ну, сынок, это тебе подарок, за то что спросил Цветочного короля про мою болезнь.

Парень поблагодарил и пустился в путь с двумя конями и четырьмя переметными сумами золота.

Прибыл парень домой, а богаты сидит под забором, дрожит от холода. А дом-то, а двор-то! Окна заколочены, все крапивой заросло, всякой худой травой. Такое на дворе запустение, что и поесть-то досыта не могут, едва со дня на день перемогаются.

Подъехал молодой человек, три цветка в шляпу воткнуты. Поздоровался.

— Ну, батюшка, вот три цветка, от его величества Цветочного короля привез.

— Хорошо, сынок, что привез. Только сам носи, тебе они к лицу, а мне нет. Мне уж теперь не до цветов.

— Не горюйте, батюшка, — говорит ему парень, — вы только взойдите-ка в дом!

Взошли они в дом. Помирился богатей с парнем. Сыграли пышную свадьбу, потому как раньше, когда они поженились, свадьбы не было.

Такую свадьбу устроили, что из семи раз по семи стран гостей созвали. Пригласил парень родню — отца, мать, двоих странников.

Честь по чести гуляли, пировали. Я тоже в каком-то углу притулился, жду, не перепадет ли какой кусочек. И правда, достался мне здоровый кус мяса. Ел я ел, да еще и домой понес.

Была у меня лошадь, тулово восковое, хвост кудельный, голова тыквенная, глаза кукурузные, уши — ложки, а копыта стальные. Ехал я раз с горы, спотыкнулась моя лошадь о камень. Стальное копыто искру выбило, кудельный хвост занялся, восковое тулово растопилось, тыквенная голова треснула, оба кукурузных глаза выскочили и обернулись двумя ладными петухами. Наместо лошади, пошел я дальше с двумя петухами, да так до нынешнего дня и хожу. И петухи мои целы, ежели только куры их куда не загнали.

15

РАСПИСНЫЕ ЗАЛЫ

Жил однажды на свете король, и был у него сынок, один-единственный, так что растили его в холе да в неге, — ведь он у них единственный был, а к тому ж, и вправду, того стоил, — а удальству научить позабыли. Когда ему девятнадцать сравнялось, начал уж он разбирать, что к чему, вот и говорит родителю:

— Батюшка, стыд и срам, что мне уж девятнадцать годов сравнялось, а вы никакому удальству меня не выучили. Зато теперь, батюшка, уйду я из дому, удальству стану учиться.

Король с королевою не хотели с сыном расставаться, — ведь он у них единственный был, — но он до той поры родителя упрашивал, покуда отец дал ему золота-серебра, одежду дал хорошую и в путь отпустил. Поцеловал он отца с матушкой и отправился.

Семь раз по семи стран прошел парень и очутился в громадном лесу. Бредет он через этот лес день за днем, а в лесу музыка красивая слышна, это ветки так красиво играют. А королевич кручинится, не знает, что и делать, потому как души живой в лесу не видать. Отломил он одну ветку — поглядеть, отчего она играет так красиво. Как отломил ветку, все деревья в лесу онемели. Деревья онемели, а он обезножел, не может дальше идти, еле тащится от кустика к кусту.

Ковылял он этак, ковылял и повстречался с каким-то седым стариком. Поздоровался парень:

— День добрый, Бог в помощь, дедушка!

Говорит ему старик:

— Куда идешь, зачем в путь пустился? Ведь сюда и птица-то не залетает!

— Затем я, дедушка, в путь пустился, что нужда погнала. Был я у отца, у матушки единственный сын, растили они меня до девятнадцати годов, а никакому удальству не выучили. Королю стыд и срам, ежели он никакому удальству не умеет, вот я и сказал батюшке с матушкой, ухожу, мол, и до той поры ходить буду, покамест какому-нибудь удальству не выучусь.

Седой старик говорит:

— Ну, ежели ты удальству выучиться надумал, здесь как раз и выучишься, потому как, ежели исполнишь, что я скажу, удальцом станешь. Есть у меня три коня необъезженных, попытай-ка удачи.

— Хорошо, дедушка, попытаю.

Взошел седой старик в свою землянку и вынес оттуда малую медную уздечку. Погремел он уздечкою, и вдруг, откуда ни возьмись, скакун медной масти. Старик говорит:

— Ну, сынок, ежели верхом сядешь и поскачешь, не побоишься, значит, выйдет из тебя мужчина!

Вскочил Янош — его Яношем звали — на медного скакуна верхом, и в тот же миг, как вскочил, взвился медный скакун вместе с ездоком в воздух, после в лес

прянул, у ездока кровь в жилах заледенела. Назад стали ворочаться, на краю леса дворец девятиглавого дракона стоял, медный скакун как копытом в стену стукнет, так кусок и обвалился. Говорит ему девятиглавый дракон:

— Вижу, ты настоящий удалец, а все ж прочь отсюда! Ежели я подымусь, конец твоей жизни!

Воротились они, соскочил Янош с коня. Седой старик говорит:

— Видать, что выйдет из тебя удалец.

На другой день поутру взошел седой старик в свою землянку, вынес оттуда малую серебряную уздечку. Погремел уздечкою — откуда ни возьмись, серебряной масти конек. Седой старик так говорит:

— Ну, сынок, ежели и на этом прокатишься, значит, будешь мужчиною!

Вскочил Янош на серебряного скакуна верхом, серебряный скакун тоже так же в воздух взвился, в лес ездока приволок, чуть не насмерть Яноша укатал. Серебряный скакун тоже ко дворцу девятиглавого дракона примчался, на каменной скале стоял дворец, тоже стену повалил. Говорит девятиглавый дракон:

— Прочь отсюда! Вижу, ты парень и пригожий, и бравый, но ежели я выйду, тут твоей жизни и конец!

Воротился Янош к седому старику, соскочил с коня. Седой старик говорит:

— Вижу, сынок! Будет из тебя мужчина!

На третий день поутру — опять сначала: взошел седой старик в свою землянку, вынес малую золотую уздечку. Погремел — откуда ни возьмись, скакун золотой масти. Говорит ему седой старик:

— Ну, сынок, ежели еще и этого выездишь, тогда, наверняка, будет из тебя мужчина!

Вскочил Янош на золотого скакуна, а скакун такой бешеный, что на каждом шагу искры подковами высекает, изо рта пламя выдувает. Сперва Янош струсил немного, а все ж собрался с духом, уселся покрепче, а скакун как подпрыгнет вверх, у Яноша и одежда, и мясо на костях рваться стали. После по лесу принялся носиться золотой скакун, до той поры туда-сюда Яноша мотал, покуда мясо ключьями не полетело. Тогда прямым ходом к драконову дворцу примчался и так

копытом в стену грохнул, что вывалился девятиглавый дракон из своего дворца. Тут уж он осерчал не на шутку, так на Яноша и кинулся. Как увидал это седой старик, — какой Янош удалец и что он и дракона не испугался, — тут же уздечками от двух других скакунов погромел, и так сам себя почувствовал седой старик, будто двадцати лет от роду сделался, весело на бой поскакал, Яноша выручать. Когда он двумя уздечками погромел, два скакуна мигом, откуда ни возьмись, появились, так что седой старик сам-третей Яношу на ручку поскакал. Одолели они девятиглавого дракона. Как дракона девятиглавого прикончили, снова пригласил седой старик Яноша в свою тесную землянку, тут долго Яноша благодарил за удалство, потому как Янош его от заклятья избавил. Он девяносто девять лет под заклятьем пробыл: пока такого удалца не встретит, чтоб этих трех коней объездил, нельзя ему из лесу никуда выйти. И кони тоже закляты были — на самом деле не кони, а молодые парни. Вот снова обернулись они парнями, тоже Яноша за удалство благодарят, потому как он и их от заклятья избавил, но сразу ж и померли. Тут седой старик говорит:

— Спасибо тебе, Янош, век твоей доброты не забуду, вот тебе прут, ежели в беду какую попадешь, очерти кругом себя этим прутом, и мигом решетка железная встанет, такая здоровая, что ни зверю, ни злодею через нее хода нет.

Поцеловались они со стариком, попрощались. Еще говорит ему старик:

— Дай мне от той рубахи клочок, что на тебе порвалась, когда ты на золотом скакуне скакал, тогда я сразу увижу, ежели ты в беду какую попал, быстро рядом появлюсь, выручу тебя.

Пошел Янош в ближний город службы искать. Нашелся он к королю, и была там одна колдунья, суцная ведьма. Говорит она Яношу:

— Ежели ты это стадо овец не укараулишь, не сносить тебе головы!

А Янош, как выгнал овец, так сразу тем прутом круг и очертил, решетка железная поднялась, никому ходу нет. Когда он еще по лесу брел, то свирель смастерил, и до того хорошо она играла, что всякий, кто слышал,

радовался. После, как выгнал овец, тоже на свирели заиграл, а королева услышала, и очень ей понравилось, очень она Яноша полюбила. А старая ведьма от записи чуть не лопалась, об том только и думала, как бы Яноша извести. Но как голову ни ломала старая ведьма, придумать ничего не могла. Обручился Янош с королевой.

Скоро уж и свадьба, и вот что старой ведьме на ум пришло. Велела она сделать большую бочку, как раз впору, чтоб Яношу купаться, и говорит Яношу:

— Гляди, что я надумала! Как раз впору тебе будет купаться, только залезь-ка внутрь, посмотрим, до коих пор она тебе доходит.

А у бочки была такая двёрка сделана, чтобы, ежели Янош внутрь залезет, ведьма его мигом там и захлопнула бы и Янош наружу не мог бы выбраться. Так оно и случилось. Только Янош внутрь залез, старая ведьма мигом двёрку захлопнула, занерла Яноша в бочке. После скатила старая ведьма бочку к Дунаю и в воду столкнула, чтоб ее водой унесло и чтоб Янош никогда уж не воротился, потому как у старой ведьмы тоже был сын и она желала, чтоб он королеву за себя взял. Искали молодого пастуха повсюду, да не нашли.

Несет Яноша водою через семь раз по семь стран, а королева кручинится горько, тоскует по Яношу, ведь они уж обручились втихомолку, а тут пропал Янош, нет нигде!

Тем временем, покамест Яноша водою несло, сватались к королеве герцоги и бароны, толстожопые словаки и самые первые цыганские парни, но королеве ни один по сердцу не пришелся, потому как у ней в ушах все еще та свирель гудела. Король очень был недоволен, что такое, столько герцогов, графов, самых первых цыганских парней его дочку сватают, а ей ни один не по сердцу? Раз как-то спрашивает король:

— Вот что, дочка, отчего ты замуж идти не хочешь, ведь самое время!

Девушка говорит:

— До той поры, батюшка, не будет у меня охоты замуж идти, пока ты такого живописца не сыщешь, чтоб залу по моему вкусу расписал.

Велел король извещение сделать, и стали живописцы

сходиться, один другого учнее, один другого умнее, но только примутся залу расписывать, взглянет королева — нет, не нравится.

Ну, ладно, пусть девица покамест печалится, а мы пойдете-ка Яноша поищем, что он там среди Дуная поделывает? Вышел Янош цел из беды, потому как тому старику вдруг на ум пришло:

— Надо бы на ту рубаху кровавую поглядеть, что Янош дал, где он, не приключилось ли с ним чего худого?

Глядит старик на рубаху и видит, Янош уж сколько недель по воде плывет, середь Дуная. А как обещался старик, что Яноша изо всякой беды выручит, и как Янош его от вечной неволи избавил, отправился он Яноша искать. Нашел бочку, выловил, выбил дно, глядь, а там Янош, уж чуть живой.

— Ну, сынок, ты меня выручил, теперь я тебя выручу, съем эту ведьму, что тебя на воду спустила!

Тронулись они в обратную дорогу. Недели две шли, пока добрались. А как прибыли в ту землю, в которой Янош жил, тут же и услышали, об чем король повестил, что, дескать, за того дочку отдаст, кто залу по ее вкусу расписать сумеет, чтоб похвалила королева.

Старик сразу объявил, что распишет, но только король пускай его желание исполнит. Король говорит:

— Исполню, но ежели не понравится дочке, как зала расписана, голову с плеч долой!

Старик говорит:

— Слова против не скажу, ежели его королевское величество голову с меня снимет! А только прикажите новый дворец построить, потому как на этот росписи жалко.

Король приказал выстроить красивый дворец. Когда готов был дворец, старик говорит:

— Велите все окна и двери так затворить, чтоб ни сколько света не проходило. Дайте мне новую колоду карт и мелких денег корзину, одни крейцеры пускай будут, другого ничего не надо, и когда один у другого все деньги выиграет, как раз к этому времени и зала будет готова. Да, еще скажу: внутри все кругом занавесями завесьте, чтоб стен не видно!

Вот играет старик с Яношем в карты, а Янош сильно

боится, ведь залу-то они не расписывают, только в карты играют, не сносить им головы! Утешает Яноша старик:

— Не бойся, сынок, поспеем, распишем, а сперва поиграем!

Выиграл старик у Яноша все деньги, после отворил дверь и впустил королеву поглядеть, хорошо ль расписано. К этому времени зала уж расписана была, только Янош ничего этого не знал.

Как взошла королева, старик занавесь по правую руку отдернул. Там такая была роспись, что жил однажды король, а у того короля с женою сын маленький родился. Дальше пошли, под второю занавесью — король, королева и сынок. Подошли к третьей, а там сынок уж парнем взрослым сделался. К четвертой подошли, парень с отцом, с матерью прощается. К пятой подошли, видят, бредет парень один-одинешенек пустым, голым полем. Дальше идут, к шестой, тут видят, парень уж на опушке леса, лес большой начинается. Чем дальше они подвигаются, тем больше нравится королеве роспись.

— Очень все складно! — говорит.

После видят, деревья в лесу музыку красивую играют. Еще занавесь отдернули, видят, отломил странник одну ветку, онемели деревья. Видно, какую он наделал беду, огорчился странник, оттого что онемел лес-музыкант. От огорчения достал он из кармана складной ножик и свирель смастерил, и так она сладко играла, что никто молча пройти не мог, она всякую тоску-кручину разгоняла. Идет молодой странник по лесу, и попадает ему тесная землянка, а в землянке старик живет. Здравается он:

— День добрый, Бог в помощь, дедушка!

Говорит ему старик:

— Куда идешь, зачем в путь пустился? Сюда и птица не залетает.

— Затем я, дедушка, в путь пустился, что удалства попытать хочу. Батюшка мой до девятнадцати годов меня растил, а никакому удалству не выучил. — Это все на росписи было. — Я так подумал, что королевичу это стыд и срам, да и пошел удалства пытаться.

— Ну, сынок, — говорит старик, — ежели такое твое желание, здесь как раз и выучишься удалству.

На другой день достал старик медную уздечку, погремел ею, и вдруг, откуда ни возьмись, скакун медной масти, вскочил на него молодой странник, взвился скакун в воздух, в самую густую чащобу вместе с ездоком кинулся. Когда назад ворочались, мимо дворца девятиглавого дракона проезжали, и медный скакун копытом в стену ударил. Видно на росписи, что обвалилась одна стена у дворца, все хорошо на росписи видно, очень довольна девица. Двинулись они дальше, и видит королева, что старик уже вторую уздечку вынес и, как погремел ею, серебряной масти скакун невесть откуда взялся. Видит королева, что вскакивает на него странник верхом, а скакун в воздух взлетает. Снова подходят они к другой занавеси, а под ней молодой странник к каменной скале примчался, и опять скакун так копытом грохнул, что стена обвалилась. После еще к одной занавеси подходят, видят, старик золотую уздечку достает, гремит уздечкою, золотой скакун является, подковами искры высекает, изо рта пламя выдувает. Опять вскакивает странник верхом. Взвился скакун, как бешеный между ветвями несется, со странника мясо ключьями летит. Как назад повернули, золотой скакун тоже прямо к драконовой скале примчался и так лягнул копытом, что дракон под скалу скатился. Сильно осерчал дракон, а странник мигом битву начал. Увидал это старик, обрадовался, уздечками от двух коней погремел и сам-третьей страннику на выручку отправился. И кони, и старик от заклятья избавились, что на них лежало, и выручили Яноша. Как одолели дракона, еще к одной занавеси перешли, под ней прощался старик с молодым странником, и скакуны — тоже. Странник дал старику от кровавой рубахи клочок, а старик молодому страннику — прут, и с тем оба в путь пустились, и старик, и молодой странник. Странник пришел к королю на службу проситься, и его взяли овец пасти. Это все на росписи видно, под занавесями. Вот стал странник выгонять овечье стадо, а старая ведьма ему и говорит:

— Присматривай хорошенько, ежели хоть одна пропадет, не сносить тебе головы!

Вон еще когда супротивничала старая ведьма! А странник как выгнал овец, так пришел ему на память

прут, что старик дал, и тем прутом прочертил он вокруг всего стада черту, чтоб недохвата не случилось. И про свирель тоже вспомнил, которую раньше смастерил, заиграл на свирели. Очень эта роспись королевне понравилась.

Снова подходят к другой занавеси, видит королевна, старая ведьма лохань начинает делать. Еще к другой подходят, видно, как молодой странник в лохань залезает, а старая ведьма крышкой лохань захлопывает. Все это видно было. Тут спрашивает старик у королевны, нравится ей, как зала расписана, ай нет. Говорит королевна:

— Да, очень даже нравится.

Подходят еще к другой занавеси, видно под нею на стене, как старая ведьма бочку в Дунай скатывает. Еще к другой подходят, там уж несет бочку по Дунаю. Еще к другой подходят, там уж несет бочку водою, а королевна молодого странника ищет, да нигде сыскать не может. К другой занавеси подходят, видят, женихи собираются — герцоги, графы, словаки и самые первые цыганские парни, а королевна ни за кого идти не хочет. Говорит королевна:

— До той поры, батюшка, замуж не выйду, пока ты такого живописца не сыщешь, чтоб залу по моему вкусу расписал.

Король велит повестить, ежели кто так красиво залу распишет, что королевне понравится, за того он и дочку отдаст. Тут сходятся живописцы, один другого учнее, один другого умнее, но только взглянет королевна, как они расписывают, — нет, не нравится!

Дальше идут, к другой занавеси, видят под нею, как старик бочку на берег вытаскивает, открывает, глядь, а в ней молодой странник, уж едва жив. К другой занавеси подходят, а там уже старик и странник между живописцами. Идут дальше, тут старик с королем беседу ведет, что, дескать, распишет, залу, только пускай король новый дворец выстроить прикажет, потому как на этот красивой росписи жалко. Вот уж строят красивый дворец, после все двери и окна затворяют, чтоб несколько света не проходило. Тут росписи и конец.

Дошли они до последней занавеси, старик все ведет девицу, чтоб она поглядела, хорошо ль зала расписана.

Тут увидела девица, что это и есть тот молодец, которого она полюбила. Обрадовалась королева и пошла со своею радостью к отцу:

— Ну, батюшка, теперь уж иду замуж, ты так устроил, что расписали залу по моему вкусу.

Обрадовался король, что и его дочка, наконец, замуж выходит.

16

РОЗАН И ФИАЛКА

Было то или не было, а только жил однажды на свете король. Как-то раз охотился он с двенадцатью солдатами на краю леса, а после зашел, где погуще, и увидел ужасно громадного орла. Сел он на орла, а тот его подхватил и унес с собою. Прилетел орел на макушку какой-то горы, ссадил короля и сам человеком обернулся, потому как был он Бабке-Железный нос супружником.

— Ну, — говорит орел, — знай, пробудешь ты здесь, по малой мере, семь лет безвыходно.

Вот миновали семь лет, и спрашивает орел короля:

— Наверно, домой тебе хочется?

Король говорит, что очень хочется, тогда снова спрашивает у него орел:

— Что дашь, ежели домой тебя снесу?

Король и небо, и землю сулит, но орел только одно попросил — об чем король и сам не знал, что это у него есть. Ладно, уговорились. Подхватил орел короля и на том самом месте ссадил, откуда унес. Двенадцать солдат снова там же охотились, один сразу побежал королеве весть подать, да сгинул дорогою. Другой отправился, тоже сгинул. Только третий до королевы добрался. Она тоже очень обрадовалась, мигом карету закладывать велела. Сама навстречу поехала и сына повезла, который уж после того родился, как орел короля похитил. Розаном сына назвали. Радость, конечно, была, когда друг дружку увидали. Король мальчика на коленки посадил и говорит:

— Ну, погоди, проклятый орел, не отдам тебе сына, ежели ты про него думаешь!

Да только орел врасплох напал, выхватил мальчика из рук и улетел с ним. Великое у родителей горе, а уж поздно, ничем не поможешь.

Бежит-течет время, вырос из маленького Розан такой крепкий и пригожий парень, что просто чудо. А у Бабки-Железный нос родилась между тем дочка, и назвали ее Фиалкой. Она тоже такая пригожая выросла, что в целом свете никогда краше не бывало. Ну, конечно, полюбили они друг дружку, да так крепко, что и жить друг без дружки не могут.

Сперва Розану у орла хорошо жилось, а после, как он уж большой стал, говорит ему орел, будет, мол, в игрушки играть. Есть, мол, у него конь необъезженный, так вот, завтра должен Розан того коня укоротить и выездить, а иначе на цепу его изрубят. Розан едва дождался, чтоб Фиалке на свою беду пожаловаться, только вечером мог он с нею потолковать, когда все уж легли, потому как Бабка-Железный нос полный день дочку ни на шаг от себя не отпускала. Говорит ему Фиалка:

— Это еще полбеды: тот конь батюшка мой будет. Я тебе шпоры дам, и чем лучше ты его пришпоришь, тем скорее укоротишь.

Вот на другое утро показывает ему Бабка коня, а королевич так его пришпорил, что конь в два счета как шелковый сделался.

— Ладно, — говорит ему Бабка-Железный нос, когда он коня в стойло поставил, — завтра другого коня получишь, и смотри, в клочки тебя разорву, ежели и того не укоротишь!

Вечером сказала ему Фиалка, что этим конем она будет, не падо, значит, особенно пришпоривать. Он и не пришпоривал.

— Ну, — говорит Орел, — завтра самого бешеного моего коня будешь объезжать, и, ежели до вечера не укоротишь, на медленном огне тебя изжарю!

Но теперь парень и сам знал, кто этот конь будет, — Бабка-Железный нос! — и целый вечер шпоры свои острил. На другой день задал он ногам работу, и, как конь ни покорялся, как смирю ни ступал, Розан драл ему бока до самого вечера без роздыха.

— Ладно, — говорит король, — вижу, ты парень

крепкий. Еще три дела тебе задам, и ежели все исполнишь, можешь сразу домой возвращаться, а ежели нет, живьем шкуру с тебя спущу. К завтрашнему утру чтобы мне здесь этого моря не видеть! И ямы чтоб не было, засыпана чтоб была!

«Ну, все, — думает про себя Розан, — завтра об эту пору лежать мне рядышком с собственной шкурой, это уж наверняка!»

Насилу дождался, чтоб с Фиалкою попрощаться, а она ему говорит:

— Не горюй, это все еще полбеды. Ложись и спи спокойно, а утром скажешь, на заре, мол, все уж готово было, вот ты и соснул часок.

Он так и сделал.

Наутро Бабку-Железный нос и ее супружника чуть удар не хватил! Глядят, а где море было, там поле расстилается.

— Ладно, — говорят, — к завтрашнему утру пускай и эта гора таким же полем станет, на поле пускай виноград растет, а здесь, на столе, чтоб блюдо винограда стояло и вина бутылка!

«Ну, все, — думает про себя Розан, — теперь уж точно пропала моя шкура!»

А Фиалка снова его утешила:

— Ложись, спи спокойно, на заре и виноградник будет, и вино.

Так оно и вышло.

Бабку-Железный нос и ее супружника скрючило со злости, когда они поутру поле увидали, виноградник и вина бутылку.

— Ладно, — говорят, — к завтраму чтоб не видать нам этого леса, и чтоб пшеница сжата уж была, обмолочена, смолота, и хлеб белый на столе чтоб стоял, из той пшеницы испечен!

«Ну, все, — говорит Розан, — я уж и чувю, как меня обдирают!»

А Фиалка снова его утешила:

— Ложись, спи до утра, на заре все будет исполнено, вон там, подле твоей постели хлеб стоять будет.

Так оно и вышло.

Понапрасну Бабка-Железный нос и ее супружник ногами со злости топали. Надо Розана домой отпускать.

Королевич попросил только, чтобы ему с Фиалкой проститься. Хорошо, разрешили, но дали ему часы, которые каждую минуту бьют, а как пробьют, надо крикнуть: тут, мол, мы! Ну, да все равно в два счета стоворились они бежать. Фиалка сказала, чтоб они оба наземь плюнули, рядом с часами, тогда, наместо них, плевков голос подаст, как часы станут бить. После обернулась она конем, Розан верхом вскочил, и в следующий миг так далеко они были, что уж и не видно.

Надоело Бабке-Железный нос это их прощанье, посылает она супружника за Розаном. Плевки все голос подают: тут, мол, мы! А их уж и след простыл. Рассерчала Бабка-Железный нос, тут же послала орла в погоню. Говорит Фиалка Розану:

— Ну-ка, обернись назад, не увидишь ли чего.

Увидал Розан какое-то черное облако.

— Это мой батюшка, — говорит Фиалка, — ну, да я мельницей обернусь, а ты мельником будешь и скажешь ему, что с той поры, как эту мельницу сложили, ни разу молодую девицу вместе с парнем не видал.

Так они и сделали. Орел назад полетел. Как рассказал он дома, что видел, выбрала его Бабка-Железный нос, потому как она сразу догадалась, что мельница Фиалка была, а мельник — Розан.

Снова погнала орла за ними, но Фиалка опять почувствовала неладное, что снова батюшка налетает под видом облака. Говорит она Розану:

— Я теперь просом обернусь, а ты полевым сторожем будешь и скажешь, что с той поры, как засеяли поле, ни разу молодую девицу вместе с парнем не видал.

Так они и сделали, и орел снова назад повернул. Но Бабка-Железный нос опять догадалась, кто было просо и кто сторож, чуть супружнику глаза не выдрала.

На этот раз сама вдогонку пустилась, в орлином образе, большим белым орлом скинулась. Опять говорит Фиалка Розану:

— Обернись-ка назад, я так чувствую, увидишь кой-что.

Услыхала Фиалка, что большой белый орел за ними летит, и говорит:

— Да, это матушка. Ну, теперь держись молодцом, не то мы пропали. Я теперь озером стану, а ты — золо-

тою уткой на озере. Матушка, как тебя увидит, так перья и сбросит, чтобы тебя изловить, но ты скорей на берег выскакивай и хватай перья, а я сей же миг под тобой буду. Только смотри, ни единого перышка ей не бросай, как бы она ни молила!

Так оно все и вышло, и Бабка-Железный нос на сухом месте осталась. Понапрасну она молила кинуть ей хоть одно перышко, чтобы до дому кой-как добраться, — ничего ей не дали.

— Ну, ежели и того не даете, — говорит Бабка-Железный нос, — будьте же вы прокляты! Чуть только разлучитесь друг с дружкой, чтоб никогда больше королевич про тебя не вспомнил!

Полетели они дальше, и, когда к тому городу прибыли, откуда королевич родом был, Фиалка наземь опустилась и снова девицею обернулась. Неподалеку нашли они красивый дворец. Фиалка там поселилась, а королевич к отцу отправился. Пошла у них радость, веселье, такой пир закатили, что собаки со всего королевства три дня кости грызли.

Но Розан совсем позабыл Фиалку, ни слова про нее отцу не сказал. Бежит-течет время, и однажды говорит ему отец:

— Вот что, сынок, женись-ка ты на дочке соседнего короля. Девица пригожая, добрая, богатая — как раз тебе пара.

Ладно, на другой же день отправили троих начальников невесту сватать. Первый сто форинтов получил, второй — двести, третий — триста. Ехали они мимо того дворца и увидали в окне Фиалку. Поправилась им пригожая девица, остановились они отдохнуть. Едят, пьют, беседуют и за беседою рассказали Фиалке, зачем в путь пустились.

— Этого так нельзя оставить! — говорит про себя Фиалка и приглашает гостей в карты поиграть.

Вот проиграл первый начальник Фиалке все деньги. Как стали укладываться, спрашивает этот начальник у Фиалки, можно ль, дескать, в ее комнате лечь. Можно, говорит, но только после, когда она сама ляжет: тогда пускай заходит и дверь за собою затворит. Целую ночь начальник только и делал, что затворял да отворял дверь, глаз сомкнуть не пришлось. На другой день вто-

рой начальник все деньги потерял. Он тоже к ней попросился и целую ночь не спал — все вьюшку в дымоходе задвигал. На третий день третий начальник без гроша остался, да впридачу еще целую ночь окно затворял и открывал. Ну, без денег сватать невесту нельзя, воротились они домой, все королю рассказали, как дело было.

Король их простил, но тут же велел закладывать золотую карету и сам вместе с сыном поехал невесту сватать. Фиалка их у окна ждала, а перед дворцом одну старушку поставила, которую воду носить нанимала. Этой старушке, как карета к дворцу подкатит, надо было крикнуть: «Розан-королевич, неужто ты, и вправду, позабыл Фиалку?». Как услышал это королевич, сразу опомнился и говорит отцу:

— Дорогой мой батюшка, не поедем дальше, не нужна мне соседская королевна. Вот моя пара, она меня от ста смертей спасла, заступ гробовой — и тот нас не разлучит!

Теперь уж он все отцу рассказал, потому что, как увидал Фиалку, всю свою жизнь вспомнил.

Дальше и не поехали. Карету во двор завели, и король тут же стал Фиалку за сына сватать. А их и уговаривать не надо — мигом друг дружке на шею кинулись. Воротились домой, и после того трижды солнцу не закатилось, как такую свадьбу сыграли, что и я там был. У меня рысак был, хвост кудельный, шерсть пливовая, я на нем за вином, за солью, за перцем и еще кой за чем ездил.

Но и соседская королевна в девках не засиделась, у ней тоже свадьба была, только с другим королевичем. И все четверо жили — не тужили, покамест не померли.

СТАРЫЙ РЫБАК И ЕГО КИЧЛИВАЯ ЖЕНА

Было то или не было, а только жил за седмижды семью землями старый рыбак. И была у него кичливая жена.

Однажды пошел старый рыбак к морю ловить рыбу. Скоро поймался карп, большой и красивый на загляденье. И — чудо из чудес! — вдруг заговорил карп:

— Отпусти меня, бедный рыбак! Я тебе так отплачу, что никогда в жизни не пожалеешь. Все твои желанья исполню!

Молил карп, молил, вот рыбак и пустил его назад, в море. Воротился домой, жена и спрашивает:

— Ну, что поймал? Принес что-нибудь?

— Поймал большого карпа, да какого красивого!

— Почему ж домой не принес?

— Он, бедняга, так просил отпустить его, уж так просил! Все наши желанья обещался исполнить.

— Тогда ступай назад и скажи ему, что мне нужен дом, и как можно лучше.

Потому как жили они в лачужке на берегу моря.

Побрел рыбак обратно к морю. Остановился у самой воды и громко крикнул:

— Эй, карп, слышь-ка! Жена велит сказать, чтобы ты построил нам у берега моря хороший домик.

— Ступай домой, добрый человек. Уже исполнено!

И правда, вернулся он и видит прекрасный дом. Жена на кухне хлопочет. Сколько-то времени очень она была довольна. А после опять говорит мужу:

— Слышь-ка, ступай назад к своему карпу и скажи ему, что мне этот дом надоел, пусть теперь даст замок, и ты чтоб стал графом, а я графиней.

Опять пошел рыбак на берег моря. Кричит:

— Эй, карп, слышь-ка! Жена-мерзавка покою мне не дает!

Сколько-то спустя выныривает рыба и спрашивает:

— Чего ж она хочет, твоя жена?

— Замок хочет и чтобы мы были граф с графинейю.

— Ступай домой. Уже исполнено!

Вернулся он и видит прекрасный замок, а жена, точно графиня, из комнаты в комнату похаживает.

— Ну, теперь уж ты довольна? — спрашивает рыбак.

Жена рада — не нарадуется.

На другое утро, только проснулась, говорит жена:

— Слышь-ка! Ступай к своему карпу, скажи ему, что я желаю быть королевой и жить во дворце!

Что делать бедному рыбаку? Опять бредет, унылый, на берег моря. Кричит:

— Эй, карп, слышь-ка! Жена-мерзавка покою мне не дает!

Чуть спустя выплывает рыба и спрашивает:

— А теперь чего хочет твоя жена?

— Желает быть королевой и жить во дворце!

— Ступай домой. Уже исполнено!

Вернулся бедняк домой, глазам своим не верит: роскошный дворец, кругом солдаты, все так и блестит — чуть было не ослеп бедный рыбак! Когда мимо солдат проходить стал, все, как один, в струнку перед ним вытягиваются. Поднялся он по длинной-предлинной лестнице, прошел невесть сколько покоев и спрашивает жену:

— Ну, хозяйка, теперь-то уж ты довольна своею участью?

— Довольна! — отвечает жена счастливым голосом.

Назавтра, чуть рассвело, говорит жена:

— Слышь-ка, ступай назад к своему карпу и скажи ему, что теперь я желаю быть императрицей и чтобы у меня был такой дворец, такая крепость, каких и на свете нет!

До того приставала, что пришлось бедному рыбаку опять на берег моря отправляться. Говорит он совсем уныло:

— Эй, карп, слышь-ка... Жена-мерзавка не дает мне покою...

Замутилась вода морская, всколыхнулась. Не скоро выплыл карп. Спрашивает сердито:

— Ну, чего хочет твоя жена?

— Теперь она желает быть императрицей. И чтобы был у нее такой дворец, и такая крепость, каких и на свете нет.

— По совести сказать, не заслуживает она этого, ну, да все равно, ступай домой, уже исполнено!

Вернулся бедняк домой. Опомниться от изумления не может — такие перед ним палаты, такая крепость, такая толпа придворных! Спрашивает он у жены:

— Довольна ты наконец? Потому как больше я к карпу не пойду!

Жена, и вправду, казалась очень довольна.

Но назавтра, не успели еще встать, а она уж и говорит мужу:

— Слышь-ка, ступай назад к своему карпу и скажи, что я желаю быть госпожой всего мира! Желаю, чтобы

все мне кланялись и в ноги валялись! И чтобы моя держава тянулась от одного края мира до другого!

Напрасно спорил и увиливал бедный рыбак, все равно пришлось идти. Говорит он и вовсе уныло:

— Эй, карп, слышь-ка... Жена-мерзавка не дает покою...

Очень долго пришлось ему ждать. Разбушевалось море, вспенилось, такие поднялись волны, каких еще никогда не бывало. В одном месте вода замутилась, но только много-много спустя вынырнула рыба.

— Чего еще нужно твоей жене?

— Желает быть госпожою всего мира, чтобы всякая живая тварь кланялась ей в ноги.

— Ах, вон оно что! — говорит рыба. — Она думает, будто можно жить — ничего не делать, да еще и над другими командовать, — так будьте же снова рыбаками! Ступай домой, найдешь жену в рыбацкой лачуге!

Так оно и случилось.

Застал бедный рыбак на прежнем месте свою лачужку, а в ней — жену. С той поры сделалась она и работающей и прилежной. Много они трудились и жили неплохо. Может, и до сего дня живы, если только не померли.

ПАНЦИМАНЦИ

Было то или не было, только за Морем-за Океаном жила однажды бедная женщина, и была у нее дочка, ужаскакая ленивая, вовсе ничего не работает, зная сидит себе на лавочке перед домом или по деревне взад-вперед разгуливает. Мать ее без конца колотила, да все без толку. Вот однажды как раз лупила она дочку, а мимо королевич со свитой проходил. Говорит ей королевич:

— Послушайте, бедная женщина, за что вы так больно бьете эту девицу?

— Ох, господин королевич, да как же мне ее не бить, когда она все в доме, что только под руку ни попадет, все, как есть, в золотую пряжу перепрядает, вот и нынче, я в городе была, на хлеб зарабатывала, а она

все постели в золотую пряжу перепряла, теперь и голову приклонить негде!

Крепко задумался королевич: «Ого, вот это девица! А что ежели за себя ее взять?»

В другой раз снова прогуливался там королевич, и снова мать дочку била-колотила. Спрашивает королевич:

— За что вы опять бьете эту девицу, бедная женщина?

— Ох, господин королевич, да как же мне ее не бить, когда она и плетень в золотую пряжу перепряла?

Еще крепче задумался королевич.

На третий раз он уж нарочно той дорогою пошел, глядь — снова тиранит дочку бедная женщина.

Тут уж не вытерпел королевич, как заорет:

— Тьфу ты, окаянство! Да что вы ее колотите, эту бедную девицу?

— Да как же не колотить, господин королевич, когда она и крышу с дома в золотую пряжу перепряла? А на что мне золотая пряжа?

— Потому и не бейте, что она этакая пряжа отменная! Я ее за себя беру, у меня найдется, из чего золотую пряжу пряхть!

Очень обрадовалась бедная женщина, что можно избавиться от такой скверной дочки. И королевич тоже радуется: ежели она даже из плетня золотую нить прядет, что ж она в королевском доме из дорогого, хорошего льна выпрядет?

Не стали они тянуть да откладывать, обвенчались и такую свадьбу сыграли, что все реки наваристой похлебкою текли, берега затопили.

После свадьбы через неделю говорит королевич жене:

— Ну, любезная женушка, ты уж, поди, скучаешь, оттого что пряхть нельзя, но не бойся, скоро будет у тебя лен. Завтра в соседнем городе ярмарка, куплю хоть и целый воз.

И правда, столько накупил льна, что на восьми волах насили довели.

— Ну, вот, женушка, пряди себе на здоровье!

Не посмела бедная королева признаться, что и пряхть-то не умеет. Закрылась она в какой-то комнате и там три дня и три ночи плакала, не переставала. На

третью ночь она все плачет-заливается, и вот округ полуночи стучится кто-то в окно.

— Отвори окно, королева!

Королева открыла, и в окно вскочил маленький человечек, росту три пяди, усы аршинные, борода — в локоть. Молвит он королеве так:

— Знаю я, отчего ты кручинишься, но могу твоему королевскому величеству помочь. За три дня весь этот лен я в золотую пряжу перепряду, а ты до того времени угадай, как меня звать и, ежели угадаешь, оставайся дома, а ежели нет — уведу тебя с собою.

Думает королева, что делать? Подумала, подумала да и решила отдать человечку лен. Все одно: и так, и так погибать.

Унес человечек весь лен. А королева еще пуще закручинилась, потому что никоим образом не могла угадать, как человечка зовут.

На другой день послал королевич своих охотников в лес. Вечером воротились они, спрашивает у них королевич:

— Что нового, ребята?

— Ох, господин королевич, — начинает один, — рассказал бы я кой-что, да боюсь, твое величество не поверит.

— Почему это не поверю? Конечно, поверю, рассказывай скорей!

— А вот, король-государь, как время к вечеру, так остальные костер разложили, песни заиграли, а мне до того спать хотелось, бросил я их и пошел дальше в лес, найду, думаю, мягкое, мшистое местечко да и сосну. Брожу туда-сюда, вдруг вижу, огонек мерцает. Я мигом на огонек повернул, поглядеть, что там такое, и что же? Маленький, крохотный огонек горит, и скачет через него, взад-вперед, маленький, крохотный человечек, росту три пяди, усы аршинные, борода в локоть, скачет и все кричит: «Я — Папциманци, никто моего имени не знает, нынче пеку, варю, стряпаю, послезавтра невесту пригожую приведу!» Я скорей обратно к товарищам, чтоб они тоже на чудака этого поглядели, но, пока мы снова на то место пришли, его уж и след простыл.

Все только дивились, что за история такая, одна ко-

ролева радовалась, потому как она знала, что это ее человечек. Вечером сидит она весело у себя в комнате, окно настежь оставила, и впрыгивает в окно маленький человечек.

— Ну, королева, три дня прошли! Я привез тебе пропасть золотой пряжи, а ты догадалась, как меня звать?

— Еще бы, Панциманци, как не догадаться!

Бедный Панциманци так рот и разинул. Больше ни слова не сказал, молчком всю золотую пряжу в чулан сложил.

На другое утро взяла королева мужа под ручку, повела в чулан, показала всю золотую пряжу.

— Погляди, любезный муженек, король-государь, сколько я золотой пряжи напярла.

Король от сильного блеска чуть не ослеп, отвернуться пришлось. Расцеловал он жену в обе щеки.

Через три дня была в том городе, где жил королевич, ярмарка, пошел королевич на ярмарку и скупил весь лен, какой только был. А королева дома плачет-заливается, опять не знает, что с этой горою льна делать.

Вдруг вспомнила она, что неподалеку живут три нищенки, у одной спина горбатая, у другой нижняя губа на грудь свисает, у третьей язык до пупка достает. Королева всех трех позвать велела и наказала им, что, ежели спросит король, отчего они такие убогие, чтобы отвечали: от того, дескать, что пряли много.

Так оно и получилось. Воротился король домой, пообедал, после обеда вышел прогуляться. Прогуливается он по двору, вдруг заскрипела калитка, обернулся король, видит, бедная женщина, и такой у нее горб на спине, что еле-еле в калитку проходит. Просит она у короля:

— Подайте что-либо, во имя Божие!

Дал ей король золотой и спрашивает:

— Скажите-ка мне, бедная женщина, отчего у вас такой горб на спине вырос? Или это всегда так было?

— Ох, король-государь, не было в этом городе девицы пригожее меня, но уж очень я была работящая, пряла день и ночь, и от того, что все сидела за прялкой, вырос у меня такой горб.

Королю сразу на ум пришло, ну как и его жена тоже такая горбатая сделается? Однако ничего, дальше про-

хаживается. Немного погодя снова отворилась калитка, входит другая нищенка, а у нищенки губа по груди шлепает. Этой тоже дал король золотой и тоже спросил, отчего у ней такая губа выросла.

— Ох, король-государь, — отвечает нищенка, — не было девицы пригожее меня далеко окрест. Да только пряла я много, все коноплю жевала, под конец губа этак и выросла.

Тут уж король подумал, что надо жену упредить, пусть, мол, прядет поменьше, и уж было в дом двинулся, но забрехали собаки, и он обернулся поглядеть, кто пришел. А пришел не иной кто, как третья нищенка, у которой язык до пупка.

— Почему это у вас язык такой долгий вырос? — спрашивает у ней король.

— Ох, король-государь, потому что я много пряла. Когда прядешь, надо пряжу все время слюнуть, оттого он и вырос этаким долгим.

Король бегом к жене, рассказывает ей, что видал-слыхал, с какими тремя нищенками повстречался.

— Больше не разрешаю тебе прясть! Локтя одного — и то не разрешаю!

Королева прикинулась, будто очень жалко ей с пряжею расставаться, заплакала, зарыдала, но только попусту. Король весь лен велел сжечь и даже золу со двора вон выкинуть.

С того дня не осталось у королевы никаких забот. Они и сейчас все живут-не тужат, ежели еще не померли.

ДЕВЯТЬ ВОПРОСОВ ЧЕРТА

Одному бедному малому припала охота жениться, и он матушке открыл, что у него на уме.

— Ах, ты, никчемный, никудышный! Да разве женитьба — для таких, как ты, дело? — затрубила матушка. — Выбрось это из головы, не валяй дурака, наместо того возмись-ка лучше за работу!

— Нет, матушка, я непременно женюсь, — твердит

свое малый, — мое время подошло, нельзя дольше так сидеть.

— Но только сюда молодую не смей приводить! — говорит матушка. — Я в этом доме и варю, и пеку, и мою, пока сил хватает, а ты погляди на соседскую молодую, на языкатую, как она со свекровью обходится, как поносит ее, как позорит по всей улице безо всякой вины, у самой разных-всяких пакостей столько, сколько в огороде у вдовы Янко Дудаша бурьяна, а все свекровины пакости с языка не сходят, хоть и вся деревня знает, что пакостница-то она, вот и со мной твоя жена так же обходиться станет, и ты не смей приводить к нам в дом этакую буянку, чтоб она здесь все вверх дном перевернула, и мне не перечь, потому как худо тебе придется, коли нынче же не угомонишься, уж ты мне поверь!

У малого вся веселость мигом пропала, уставился он на матушку большими глазами, да как заорет:

— Матушка! Бросьте вы попусту языком трепать, ведь все парни на деревне, одноклассники мои, уж поженились, теперь моя очередь!

— Ты на меня глаза не лупи, — говорит матушка все так же с сердцем, — не знаю, какой нечистый тебя подбивает, что никак тебе нейдет, а только закрой рот да помалкивай, лучше будет!

— Никакой нечистый меня не подбивает, — бурчит малый, — а только время и мне жениться.

Тут снова говорит ему матушка:

— Ну, коли уж ты непременно надумал жениться, смотри, веди ее хоть к черту в ад, а сюда, в наш дом не смей, лучше я тебе шею сверну, чем такое позволю!

Отец в разговор не вступал, потому как голова дому жена была.

Досада взяла бедного малого, вышел он из дому, ворчит про себя, к ужину не вернулся и спать улегся в сарае, на охалке сена пополам с грязью, и во всю ночь, до зари глазом не сомкнул, а после встал и отправился жену себе искать. Бредет мрачный, так злобою на матушку и вынет, оттого что так скверно с ним обоилась, чуть руки-ноги ему не отъела — зачем жениться надумал!

Идет один-одинешенек, с коротеньким батожком,

с пустою сумкою (потому как матушка на дорогу ничего не положила), по чужим, незнакомым местам, по горам, по долам, по ровным полям, пока поздно вечером не добирается до медного моста. Там остановился, глядит, дивится, а ступить на светлую медь не смеет. Стоял он, стоял и вдруг заметил старика с седой бородой, и тот ему говорит:

— Иди, бедный малый, иди, не бойся, но только по мосту на цыпочках идти надо, иначе не сносить тебе головы, потому как Чертовым мостом зовут его люди, стало быть, переходи так, чтоб сапогами по нему не стучать, до сей поры здесь девяносто девять путников пропали, оттого что громко топали, а не тихонько шли, а однажды целая свадьба сгинула, с повозками, с лошадьми, с женихом и невестой, из-за того что с шумом, с грохотом по мосту скакали.

Бедный малый боялся сперва на мост ступить, до того боялся, что дрожмя дрожал, ну да как этот мост никаким путем не обойти, в конце концов, собрался он с духом и благополучно перешел медный мост, таким самым образом, как его тот старик с седой бородой научил.

Но за мостом едва десять, не то двенадцать шагов ступил, как вдруг выскакивает из-под моста черт и окликает его:

— Постой, постой, бедный малый, не бойся, разговор один есть, короткий разговор.

Встал бедный малый, как вкопанный, до того испугался, что почитай что и не дышит с перепуга. А черт подступил поближе и говорит ему:

— Вот что, бедный малый, знаю я, зачем ты в дорогу пустился, знаю, что жениться хочешь, знаю и то, что ты бедный, а раз ты так чинно-благородно по моему мосту прошел, не потревожил меня, не разозлил, не то, что другие путники, я тебя за это награжу, чтоб, когда молодую приведешь, было на что свадьбу сыграть. Как пойдете с невестою обратно, по-иному не ходите, так же ворочайтесь, тогда и отдам тебе, что надумал дать. А теперь ступай, считая от этого места — до девятой деревни, ее Тихим селом кличут, ежели заплутаешься, спроси у любого, кого ни встретишь, где, мол, Тихое село, любой тебя направит, и на краю деревни, как раз

у околицы, живет хозяин, у него три дочки, ты сватай самую пригожую, а ежели не отдадут, — другую, какую придется.

Отправился бедный малый и все шел да шел, покуда до той деревни не добрался, а там взошел в дом, куда его черт посылал. Хорошо встретили бедного малого, девицы смекнули, что он свататься пришел, забежали, захлопотали, не знают куда гостя и усадить, накормили досыта. После угошенья парень объявил, что взял бы за себя одну из девиц, ежели отдадут, затем, конечно, и пришел.

— А которую бы именно из трех? — начинает отец.

Малый указал на самую меньшую (потому как она была самая пригожая) и говорит:

— Вот эту.

— Эй, братец, — говорит отец, — стог снизу не починаят, ежели бы сейчас самый богатый герцог стал меньшую сватать, я б и то не отдал, пока двух старших с рук не сбыл.

— Что ж, я не против, ежели и самую большую за меня отдадите, раз такое ваше желанье, — говорит малый.

Отец с матерью тут же и помолвили старшую дочку, позвали попа, обвенчали молодых. Как венчанье отошло, пообедали все вместе, а после молодые в путь отправились. Когда добрались до Чертова моста, так же тихо на другую сторону перешли, как наперед того жених в одиночку ходил. Тут выскочил черт из-под моста и закричал громким голосом:

— Эй, погодите! Сейчас отдам, что обещал!

Остановились они, а черт выгнал из-под моста девять жирных свиней и говорит жениху:

— Вот, дарю вам этих девять свиней, из потрохов приготовьте свадебный ужин, а сало на чердаке повесьте и кушайте помаленьку. Но вот еще что скажу тебе, жених. Ровно через четыре недели я тебя навещу, в десять часов вечера приду, задам тебе девять вопросов, и ежели не сможешь ответить, отниму у тебя все сало, и не одна эта будет с тобою беда, да не вздумай со страху из дому бежать, потому как я тебя и со дна морского достану, так и знай!

Гвоздем засел в голове у молодого этот разговор, но

и за всем тем забрали они с женой девять жирных свиней и домой погнали, да не к отцовскому дому, потому как матушка не велела малому жену приводить. Наняли они в деревне, на невестины деньги, дом и поселились. Закололи они девять жирных свиней, от двух свиней потроха на угощенье пошли, а все сало молодые на чердаке подвесили и стали хозяйствовать.

Как четыре недели после свадьбы кончились, закручинился молодой, места себе от тревоги не находит, что ежели черт нагрянет, а он на девять вопросов не ответит — худо ему тогда придется. Вот боится он, а тут заходит к ним какой-то человек в нищенском обличи, оборванный невозможно, на ночлег просится. Они тут же его пустили, ужин сытный на стол поставили, после улегся он у плиты, лежит себе в золе и спрашивает у молодого, отчего он такой хмурый, молодыены ведь обыкновенно веселые бывают.

— Беда у меня, хуже не надо, — говорит малый, — бедная моя голова, надо мне нынче на девять вопросов отвечать, и ежели б я хоть знал, какие такие будут вопросы, тогда дело другое, я бы так не кручинился, да вот беда, не знаю, какие, и боюсь, не сумею ответить, а тогда худо мне придется.

— Коли так, забудь про свою кручину, — говорит нищий у плиты, — ложись во всем на меня и только знай помалкивай, ни слова, наместо тебя я отвечать буду, как будто это ты голос подаешь.

Молодой успокоился немного, легли они с молодой женой, а глаз сомкнуть не могут, гадают, чем дело обернется.

Вот лежат они, и этак к полуночи стучится кто-то в окно.

Черт стоит за окном, выкликает зычно:

— Спишь, хозяин?

— Нет, не сплю, — отвечает нищий у плиты наместо хозяина.

— Как сам надеешься, на девять вопросов моих ответишь? — снова спрашивает черт.

— Я так надеюсь, что да, — опять говорит нищий.

— Тогда, перво-наперво, вот что тебя спрошу, — говорит черт, — что есть на свете, чтоб только одно было?

Нищий отвечает:

— Один Бог в небесах, одно солнце на небе, одна голова у человека на плечах.

Черт:

— А про двойку что можешь сказать?

Нищий:

— У кого два зорких глаза, тот счастливец — все ясно видит под солнцем.

Черт:

— Что скажешь про тройку?

Нищий:

— Ежели в доме три окна, света в самый раз.

Черт:

— Послушаем, что про четверку скажешь.

Нищий:

— Четыре колеса в самый раз телеге, больше не надо.

Черт:

— Про пятерку что-нибудь сказать можешь?

Нищий:

— Пять пальцев в самый раз для рукояти сабли.

Черт:

— Теперь что-нибудь про шестерку скажи.

Нищий:

— У кого шестерка добрых волов, тот и пашет, и сеет, и боронит, и дрова возит сам — у чужих помощи не просит.

Черт:

— Неужто и про семерку что-нибудь скажешь?

Нищий:

— У кого семь дочерей, у того голова от забот пухнет, пока всех до последней замуж хорошо не отдаст.

Черт:

— Скажи что-нибудь и про восьмерку.

Нищий:

— У кого в овине восемь скирдов, тому чужой хлеб без надобности.

Черт:

— И, наконец, про девятку что скажешь?

Нищий:

— У кого девять свиней на чердаке подвешены, не побежит за салом к соседу.

Подивился черт на скорые ответы — он-то думал, что хозяин сам отвечает, — и говорит:

— Ладно, не трону тебя, вижу, что ты знаешь поболее моего, — и с этими словами воротился туда, откуда пришел.

Назавтра молодой хозяин накормил-напоил нищего до отвала да с собою дал окорока, свиных ножек и еще чего-то — на радостях, что выручил его нищий из беды. А сами молодые так старались, что невдолге нажили славное именье, дом построили, и свекрови жена много помогала, когда ей помощь занадобилась. Она и по сей день все блинчики печет, ежели только сало от тех девяти свиней еще не вышло.

20

ИЛОК И МИХОК

Было то или не было, а только за семижды семью землями жила однажды вдова, и был у нее бесталанный сын, по имени Михок. Вот как-то говорит Михок матери:

- Милая матушка, я жениться хочу.
- А взять кого надумал, милый Михок?
- Илок, милая матушка.
- Ступай, сынок, посватайся.

Пошел Михок к Илок домой, и подарили ему там иголку. Идет обратно, надоело иголку в руке держать. Догнал он воз с сеном, воткнул иголку в сено. Доехал воз до места, сено свалили, а Михок стал иголку искать. Искал-искал, не нашел и домой отправился, к матери.

- Где был, милый Михок?
 - У Илок, милая матушка.
 - А гостинец какой понес?
 - Никакой.
 - Что подарили?
 - Иголку.
 - Покажи-ка.
 - Я ее в сено воткнул, а теперь никак найти не могу.
 - Ох, сынок, неладно ты сделал, в шапку надо было воткнуть!
 - В другой раз так и сделаю.
- Вот снова говорит он матери:

— Милая матушка, я жениться хочу.

— А взять кого надумал, сынок?

— Илок, милая матушка.

— Ступай, сынок, посватайся.

Пошел Михок на смотрины, и подарили ему сошник. На возвратном пути воткнул он сошник в шапку, только не держится сошник, стянул шапку на левую сторону, по голове бьет. Наконец, плюнул Михок, кинул сошник в грязь. С пустыми руками вернулся.

— Где был, сынок?

— У Илок, милая матушка.

— А гостинец какой понес?

— Никакой. Сам подарок получил.

— Что подарили?

— Сошник.

— Покажи-ка.

— Я в шапку воткнул, а он держаться не хочет, я его и выкинул.

— Ох, сынок, неладно ты сделал, надо было на плечо взвалить и домой принести.

— В другой раз так и сделаю.

Снова свое заводит Михок.

— Милая матушка, я жениться хочу.

— А взять кого надумал, сынок?

— Илок, милая матушка.

— Ступай, сынок, посватайся.

Пошел Михок к девице домой, подарили ему щенка. На возвратном пути взвалил щенка на плечо, несет. Никак не нравится щенку на плече, чем сильнее прижимает его Михок, тем сильнее он бьется, наконец кусаться начал. Больно стало Михоку, бросил щенка.

— Где был, сынок?

— У Илок, милая матушка.

— А гостинец какой понес?

— Никакой. Сам подарок получил.

— Что подарили?

— Щенка.

— Покажи-ка.

— Я его на плечо взвалил, а он — кусаться, я его и отпустил.

— Ох, сынок, неладно ты сделал! Надо было на веревке за собой тянуть, да присвистывать: фью! фью!

- В другой раз так и сделаю.
- Милая матушка, я жениться хочу.
- А взять кого надумал, сынок?
- Илок, милая матушка.
- Ступай, сынок, посватайся.

Пошел Михок к Илок, и подарили ему свиной бок, полтуши. Бредет он домой, сало волоком за собой на крепкой веревке тянет и все присвистывает: фью! фью! Собак долго упрашивать не надо, со всей деревни к салу сбежались, и пока Михок до дому добрел, все съели, только челюсть оставили, к которой веревка была привязана.

- Где был, сынок?
- У Илок, милая матушка.
- А гостинец какой понес?
- Никакой, а мне сала сколько подарили — вот, гляди!

- Да ведь это одна челюсть!
- А я веревку привязал да за собою и тянул. Может, собаки съели.
- Ох, сынок, неладно ты сделал! На спине надо было принести, а дома коптиться повесить.

- В другой раз так и сделаю.
- Милая матушка, я жениться хочу.
- А взять кого надумал, сынок?
- Илок, милая матушка.
- Ступай, сынок, посватайся.

Опять пошел Михок к девице домой, и подарили ему теленка. Накинул он теленку петлю на шею, взвалил себе на спину и, сколько тот ни вырывался, ни барахтался, ни брыкался, отнес с превеликим трудом домой. А дома втащил на чердак и подвесил к наместу.

- Где был, сынок?
- У Илок, милая матушка.
- А гостинец какой понес?
- Никакой, сам теленка в подарок получил.
- Где он? Не вижу.

- А я его на спине домой принес и коптить повесил.
- Ох, милый сынок, неладно ты сделал! Надо было шею веревкой обернуть, да нетуго, домой привести, в сарае перед кормушкою привязать, сена задать.

- Милая матушка, я жениться хочу.

— А взять кого надумал, сынок?

— Илок, милая матушка.

— Ступай, сынок, посватайся.

Пошел Михок, и отдали ему девицу. Обернул ей Михок шею веревкой, домой ведет, понукает: «Ну, телушечка, ну, ну!» Дома в сарае привязал, сена в кормушку навалил, дверь засовом заложил, а сам — к матушке.

— Где был, сынок?

— У Илок, милая матушка.

— А гостинец какой понес?

— Никакой. Сам подарок получил.

— Что ж получил-то?

— Илок! Хи-хи-хи!

— Где ж она?

— А в сарае привязал.

— Ох, сынок, неладно ты сделал! Ступай скорей, приласкай ее, приголубь да в дом веди.

Михок живым духом на двор, поймал сколько-то голубей, шею им свернул, после взошел в сарай, приласкал Илок и дохлых голубей в руки подал. Илок, бедняжка, подумала, что Михок над нею надсмехается. Не поправились ей эти шутки, взяла да убежала домой.

Тем временем собрались гости на свадьбу, отправились они вместе с женихом за невестою, успокоили ее, назад привели. Как разошлись гости, проводили молодых на сеновал, на сено уложили. Не по сердцу пришлась Илок такая постель, надумала она улизнуть и под каким-то видом отпрашивается на минутку. Не поверил Михок, навязал ей длинную бечевку на ногу, на большой палец, с тем только и пустил. А Илок как сошла вниз, мигом бечевку распутала, козе на ногу навязала, сама домой припустилась. Михок ждал, ждал, кличет ее, она не идет, тогда он за бечевку дергать начал. Он дергает, а коза блеет, на шум мать выглянула. Что такое случилось? Поднялась на сеновал.

— Где Илок, сынок?

— Винзу, милая матушка. Козою обернулась.

— Как так козою?

— Я ей бечевку на ногу навязал, сейчас стал дергать, а она не откликается, только блеет.

Мать взялась за бечевку, добралась ощупью до козы

и живо сообразила, что к чему. Снова созвала гостей, пошли за невестой, утихомирили ее кой-как, опять к жениху отвели. Стали они мужем и женою и до сей поры живы, ежели еще не померли.

ТРИ ДУРНЯ

Было то или не было, а только жил однажды на свете богатый хозяин. Было у него два сына, один другого краше. Одного звали Янчи, другого — Пишта.

Вот подросли парни, говорит им отец:

— Ну, сынки, время уж вам и жениться. Ищите себе невесту, какая кому по душе, да и за свадьбу! Но вот вам мой совет: раскройте глаза пошире да глядите получше, кого сватаете, потому что баба бабе рознь, как и мы, мужеский пол.

Тогда старший сын, Янчи, и говорит:

— Любезный батюшка, пойду попытаю счастья, погляжу, с какой девицею повстречаюсь.

Ушел старший сын невесту присматривать. Приходит в дом, где дочь на выданьи. Поздоровался пристойно с родителями и говорит, что хотел бы жениться, да только после, как в солдатах отслужит. А покамест хотел бы дружбу с девицею свести, чтоб узнать, станет ли она его дожидаться целых три года.

— Хорошо, сынок, побеседуй с нею. Ежели по сердцу окажешься, тогда, конечно, и ждть будет.

Спрашивает парень девицу:

— Ну, голубонька, какое будет твое слово? Забирают меня в солдаты, службы — три года, так станешь ли дожидаться, пока я вернусь? Коли дождешься, возьму тебя в жены. Посулишь ли что в залог, что будешь три года ждть?

Говорит ему девица:

— Обещаюсь тебе, мой любезный, что за три года дом ни разу не вымету — вот ни один парень взойти и не сможет.

— Что ж, ладно. Бог тебе в помощь, да и мне тоже.

Пошел парень к другой девице. Снова поздоровался

пристойно с родителями. Рассказал, за каким делом явился. Отец девицы и говорит:

— Спроси у дочки, по сердцу ты ей ай нет.

Спрашивает парень:

— Скажи, дорогая, по сердцу я тебе ай нет? И согласна ль ты дожидаться, пока я из солдатской службы ворочусь, чтобы после на тебе жениться? И что станешь делать, чтобы другой парень тем часом к тебе не сватался?

Говорит ему девица:

— Обещаю тебе, мой любезный, что за три года ни разу не умоюсь, так что ни один из сынов человеческих меня не полюбит.

— Что ж, ладно. Бог в помощь!

С тем парень ушел и отправился в третий дом, где была дочь на выданьи. Снова поздоровался пристойно со стариками. Снова рассказал, за каким делом явился. Старики сразу отослали его к девице — спроси, мол, ее, какое будет ее слово. Спрашивает парень:

— Какое будет твое слово, голубонька? Станешь ждать, пока я отслужу три года, и что станешь делать, чтобы другой парень в тебя не влюбился?

— А вот что, мой голубок: три года каждую каплю помоев буду на чердак носить, с тем и стану тебя ждать.

— Что ж, ладно. Бог в помощь.

Теперь уж отправился парень домой, снарядился и ушел в солдаты.

Вот миновали, наконец, три года, воротился он домой и отправился к первой девице. Да только в дверь взойти не может, пришлось в окно лезть, до того полон дом сора. На самое девицу он и глядеть не стал, а сказал ей так:

— Оставайся-ка ты дома, батюшке будешь вместо торбы с овсом, матушке — вместо прачки, а мне ты не нужна, я тебя в жены не беру.

С тем и покинул первую невесту и отправился ко второй.

Ступил он через порог, увидал девицу и подумал, что попал к старой-престарой ведьме, годов этак за триста. Рожа вся грязью заросла, на голове конопля цветет, на ногах капусту сажать можно. Поздоровался парень пристойно. Но чуть только признал девицу, скорее

вон бросился. Так покинул он и вторую невесту и уж никогда боле к ней не захаживал.

Тут отправился он к третьей девице. Видит, в доме порядок, чистота, в окне повилика, ландыши, незабудки. А сама девица такая прибранная, такая пригожая, будто звездочка на утренней зорьке. Поздоровался парень пристойно, поцеловался с девицею, сел подле нее за стол, снова поцеловался. Спрашивает парень:

— А где помои, что ты всё сбирала?

— Пойдем на чердак, покажу.

Поднялись на чердак, а там никаких помоев, только девять громадных свиных боков висят, копятся. А с ними окорок, колбаса разная.

— Ну, вот, мой любезный, гляди. Это все из помоев, которыми я свиней откармливала.

После спустились они. Девица оторвала здоровый кус колбасы, принесла из погреба кувшин вина и хорошо угостила парня. Парень ничего не сказал, а только на другое воскресенье повел девицу к алтарю и повенчался с нею. И было у них, чем кормиться, покамест все девять свиных боков не съели.

Другой брат рассудил так же точно — отправился в дом, где была девица на выданьи. Эту девицу он приметил как-то за прялкою, и она ему приглянулась. Входит он в дом, здоровается пристойно, рассказывает, за каким делом явился. Хочет, дескать, жениться, не отдадут ли за него дочку. Девица обрадовалась, что такой видный жених сватается. Говорит ей отец:

— Сходи, дочка, в погреб, принеси кувшин вина. Надо гостя получше употчевать, за то что не побрезговал нашим домом.

Хватает девица кувшин, бежит со всех ног в погреб. В погребе, по левую руку винная бочка стояла, а по правую — здоровенная кадка с капустой. Подле кадки — стул. На стуле — тяжелый каменный гнет для капусты. Стала девица выцеживать вино да и задумалась: «Ах, ты Господи, Боже мой! Если этот парень возьмет меня в жены, вскорости родится у нас пригожий сыночек и мы купим ему кожушок. Как вырастет он маленько, так пойдет в погреб играть, а как начнет играть, так этот капустный гнет ненароком на него и свалится. Зашибет мальчишечку до смерти — кому

ж тогда кожушок-то достанется?» И так она задумалась над своею судьбиною, что и про кувшин забыла. Заплакала, да как еще горько-то!

Родителям и гостю в горнице прискучило ждать вина, вот хозяин и говорит жене:

— Слышь-ка, сходи, погляди, что там с дочкой случилось.

Спустилась хозяйка в погреб и слышит: девица плачет-разливается. Подошла к ней мать, спрашивает:

— Что такое, доченька?

— Ох, и не спрашивайте, матушка! Задумалась я про мою будущую судьбину, оттого и плачу так горько.

— Да про что ж именно-то?

— Да как же вы сами, матушка, не понимаете? Ежели теперь этот парень меня засватает, вскорости родится у нас дитя, мы ему купим кожушок маленький, и когда оно подрастет, так что уж на собственных ножках в погреб сойти сможет, тогда станет здесь играть, а капустный гнет и свалится, да и зашибет его до смерти — кому ж кожушок-то достанется?

— Ох, и умница же ты у меня, доченька!

И хозяйка тоже горько заплакала.

Хозяину и гостю в горнице надоело ждать, спускается в погреб и хозяин. Спрашивает, об чем они плачут так горько. Они и открыли ему все свои заботы и печали. Ежели парень засватает дочку, вскорости дитя родится. Ему купят кожушок маленький, и когда мальчишечка подрастет, сойдет на собственных ножках в погреб поиграть, а этот тяжеленный капустный гнет ненароком и зашибет его до смерти — кому ж тогда кожушок достанется?

— Ах, Господи, ты Боже мой, ну что за умница у нас дочка! Вот ведь как сумела про будущую свою судьбину задуматься!

Тут и хозяин заплакал горькими слезами. Теперь уж все втроем плачут.

Не достало парню терпения дожидаться, и он сам пошел в погреб. Сперва думал, не иначе, как погреб обвалился им на голову, но после слышит — нет, все трое стоят внутри и плачут. Спрашивает их парень, об чем они плачут так горько. Отвечает хозяин:

— Что за умница у нас дочка! Вот ведь как про

будущую свою судьбину задумалась! Ежели теперь вы возьмете ее в жены, скоро родится у вас сынок. Купите вы ему маленький кожушок. Как подрастет мальчишечка, так что на собственных ножках в погреб сможет спуститься, тогда станет играть капустным гнетом, а камень ненароком на него и скатится да и зашибет мальчика до смерти. И кому ж тогда кожушок достанется?

Как услышал это парень, говорит хозяину:

— Вот что, господин хозяин, пойду-ка я куда глаза глядят, другую невесту искать стану. Но ежели только повстречаются мне еще три таких же дурня, как вы здесь, вернусь и засватаю вашу дочку.

С тем распрощался и ушел.

Прошел не боле, как с версту, и видит, стоит при дороге дом. Какой-то человек трехзубыми вилами старается закинуть на чердак с мешок орехов. И хоть работает споро, на чердаке еще ни одного ореха нет. Спрашивает его парень:

— Что вы делаете, земляк?

— Ох, молодой человек, лучше и не спрашивайте! Вот уже три недели, как закидываю на чердак эту горстку орехов, а сколько их на земле было, столько и есть!

— Эх, дяденька, не так бы надо! Найдется у вас большая корзина?

— Даже две найдутся!

— Ну, так дайте мне хоть одну.

Принес человек с вилами корзину, парень насыпал ее орехами, отнес на чердак и там вывернул. Насыпал корзину в четвертый раз — ни одного ореха на земле и не осталось. Дивится хозяин. Он три недели бился, и ни одним орехом меньше не стало, а этот парень за час с четвертью всю кучу наверх перетаскал!

Отправился парень дальше. Думает про себя: «Одного дурня хоть куда я уже встретил, теперь еще два — и можно возвращаться к той девице».

Прошел не боле, как с длину деревенской улицы, и видит, какая-то старуха живую овцу к прялке привязала да так шерсть с нее и спрядывает. Спрашивает парень:

— Что вы делаете, бабушка?

— Шерсть пряду, молодой человек.

— Ох, бабушка, не так бы надо прядь!

— Нечего меня учить, я всегда так пряла!

— Ну и что ж, все равно не так надо!

— А как же?

— Состригите с овцы руно, вымойте, хорошенько растрепите и, когда станет совсем белое, тогда прядите.

Поблагодарила старуха за совет. А парень снова дальше отправился.

Спустя малое время попадаетея ему на пути новый дом. Видит он: какой-то парень, в его летах, тоже жениться пора, выстроил отменный новый дом, да только без окоп, без дверей. Под потолочиной большая дыра проделана, и через нее парень квашнею дневной свет в дом таскает. Да так проворно зачерпывает, что пот семьюдесятью семью ручьями стекает. Тянет он квашню, свет выплескивает, а в доме — хоть глаз коли. Вот подходит к нему первый парень, спрашивает:

— Что ты делаешь, братец?

— Эх, да пропади оно пропадом, братец! Три года, как я выстроил этот дом, и с той поры без конца таскаю свет, а в доме все равно такая тьма — хоть глаз коли!

— Так ведь это не так надо делать, братец! Вот увидишь, я и полстаканчика света не принесу, а в доме все равно светло станет. Ты только дай мне хороший бурав и пилу, а в остальном положишь на меня.

Другой парень дал ему плотницкую снасть, первый наметил место для двери, буравом высверлил вдоль притолоки, всунул полотно пилы и вырезал по намеченному дверной проем. Дом осветился немного. После вырезал он еще два больших окна, и тогда так стало в доме светло, хоть иголки с полу подбирай. Хозяин не знал, как и благодарить, за то что избавился от бесконечной работы. Тут распрощался с ним первый парень и отправился назад, к девицыну дому.

«Ну, — думает про себя, — есть, стало быть, и другие дурни на свете, да еще и подурее тех троих. Засватаю, стало быть, девицу».

И засватал.

На счастье, родился у них не мальчик, а девочка. Ей кожушок был ни к чему, купили ей туфельки, и капустный гнет ее не придавил.

После того жили они-не тужили да и по сей день живут-не тужат.

«А ТЫ СКАЖИ: СЕНО!»

Было то или не было, а жил один человек. Здесь, недалеко, в Дялакуте. Было у него столько дочек, сколько в сите дырок, но и все вместе не столько доставляли ему хлопот, сколько одна, самая меньшая. Окаянная девка хитрее самого черта была! Ни отца, ни матери нисколько не слушалась. Били ее, колотили — все без толку!

Вот в один прекрасный день взяла девчонка да и сбежала. До самой Надь-Галамбфалвы ни разу не присела. А как туда пришла, нанялась на место. Хорошая была работница, усердная, полюбил ее один парень, женился. Пожили они дружно сколько-то времени. Однажды говорит молодая мужу:

— Слышь-ка, поедем к моим родителям. Поглядим, живы они или померли.

Ну, конечно, собрались, приготовились, запрягли в телегу двух крепких коровок и отправились в Дялакуту. Как ехали через Сент-Дёрдь, увидела жена стог соломы в овине и говорит мужу:

— Глянь-ка, вон какой стог сена наметали!

Говорит ей муж:

— Это, жена, не сено, это стог соломы.

— Ан нет! Это, слышь-ка, сено!

— Солома! — говорит муж.

Тут так они поругались, что молодая со злости волосы на себе драть стала. Бранит мужа, зачем он не хочет признать, что, мол, сено. А муж все на своем стоит, что, мол, солома. Тогда молодая схватила кувшин с уксусом, да как шваркнет оземь промеж коровок, кувшин вдребезги, коровки испугались, понесли, не разбирая дороги, всю поклажу побили-попортили.

Муж уговаривает молодую образумиться, а она одно твердит — скажи, дескать, что сено, да и только! А муж свое — что, дескать, солома. Жена еще пуще бушует, рубаху на себе порвала, плачет-заливается. Муж хочет унять ее, говорит:

— Жена, мы уж недалече от Дялакуты, там тебя всякий знает. Брось дурака валять.

— А ты скажи, что сено.

— Нет, солома!

Приезжают к родителям. Сходит молодая с телеги, вся расцарапанная, лохматая, растерзанная, и прямо в дом, слова никому не сказала. Мать скорей расспрашивать: что такое? что случилось? Легла на постелю и молчит, как немая. Муж уговаривает:

— Встань, жена, стыд и срам на тебя глядеть! Не прикидывайся!

— А ты скажи: сено.

— Какое ж сено, когда солома!

Завечерело. Приходят гости, вся родня собралась, как один человек, все больную жалеют. Зовут молодую ужинать — не идет. Другую постелю приготовили, чтобы ей перелечь, — ни звука не вымолвит, не шелохнется даже.

— Не иначе, как померла!

Пошли за священником. Тем часом муж шепчет ей на ухо:

— Вставай, а то сейчас скажу, что ты прикидываешься.

— Скажи, что, мол, сено!

— Нет, солома!

Пришел священник, причастил ее, помолился и ушел. Рассвело, подходят поглядеть, жива она или уж померла. А она ни гу-гу и не дышит, и глаза зажмурены. Думает про себя, что напугает мужа. А муж только шепчет ей в ухо:

— Не валяй дурака, жена! Сейчас тебя на стол положат и в колокол зазвонят. Дрянь будет твое дело!

— А ты скажи: сено!

— Нет, солома!

Положили ее на стол, плачут, а как колокол зазвонил, так и заголосили. Настает срок похорон, кладут ее в гроб, собирается толпа, сбегается народ, гроб закрывают, священник проповедь говорит. Как договорил он, снова шепчет бедняга-муж:

— Жена, конец твоей жизни! Сейчас на погост понесут. Скажи что-нибудь! Опомнись!

— А ты скажи: сено!

— Нет, солома!

Тронулись на кладбище, поставили гроб у могилы,

чтобы на веревках спускаться. Муж подошел вплоть и снова шепчет:

— Жена, объявись, сейчас засыпать начнут, никогда больше на белый свет не выйдешь.

— А ты скажи: сено!

— Нет, солома!

Опустили гроб в могилу, каждый бросил на крышку по зеленой ветке, после засыпали, как полагается.

Ну, хорошо. Разошелся народ. Тут только и смекнула молодая, что она натворила.

Говорит она про себя:

— Хоть бы черт меня взял!

Только она это выговорила, слышит раскапывают могилу. Обрадовалась она, что муж передумал. Он, конечно, копает, кто ж еще! Ан не тут-то было: черт копал! Открыл он гроб и говорит молодой:

— Раз ты меня звала, идем со мною! Садись ко мне на шею.

Молодая, конечно, села, да еще как лихо! Выбрались они на землю.

— Теперь слезай! — говорит черт.

— Кто? Я??

Уселась она покрепче и прищипривает черта, чтоб вез ее домой.

— Эй, ты, слезай! — кричит черт.

— Кто? Я?? — откликается молодая.

Испугался черт, что теперь, гром ее разрази, с нею делать? Пустился бежать, с одной горы на другую перескакивает. Бежит, а навстречу ему гусар в красном кивере. Заклинает черт гусара, чтоб избавил его от молодой, озолотить сулит. Гусар сперва приступил любезно да учтиво, но как увидал, что доброе слово не помогает, саблю выхватил:

— Слезай, шкура барабанная, сейчас зарублю!

Молодая не стала пытаться, в шутку он грозит или вправду, и соскочила с чертовой шеи.

— Ну, гусар, — говорит черт, — служба за службу! Я отправлюсь ко двору и вселюсь в королеву, а ты придешь и скажешь только: «Кум, в дорогу!» Но до той поры меня не гони, покуда король тебе не пообещает дочку в жены, а как сам помрет — все королевство. Потом я вселюсь в другую королеву, и ты снова меня

прогонишь, за хорошие деньги. А уж когда я в третью вселюсь, тут уж не гони, не старайся понапрасну.

Вот отправился черт и вселился в королеву. Король сей час же повестил по всей своей державе, чтобы, сколько есть докторов, все к нему явились. Все и явились, а помочь королеве ни один не может. Прибыл и гусар, велит доложить о себе, входит. Кругом королева родня сидит, все плачут, причитают, всхлипывают, уж и слезы все повыплакали. Гусар стал перед королевою, пощупал пульс, подумал, перекрестил королеву лоб да и говорит:

— Кум, в дорогу!

Черт мигом и вышел. А чтобы мне не сбиться, скажу: гусар до той поры за дело не брался, покуда король не пообещал, что отдаст за него свою дочку, а как сам помрет — и все королевство ему достанется.

Теперь черт пошел и вселился в другую королеву. Созвали всех докторов, сколько их в той стороне ни было, а помочь ни один не может. Тем часом прошел слух о гусаре, позвали и его. Он, конечно, вытряхнул черта за хорошие деньги.

Отправился черт к третьей королеве. Поместился со спокойной душою, не боится, что гусар снова его потревожит.

Третий король тоже прослышал про гусара, посылает за ним, сулит кучу денег — только бы поправил дорогую супругу! Кричит гусар:

— Кум, в дорогу!

А черт, конечно, и не шевелится. Молчит, как глухая свинья во ржи.

— В дорогу, кум!

Не шевелится черт. На третий раз забранился гусар:

— Эй, ты, окаянный! Живей собирайся, сскейская молодуха вот-вот нагрянет!

Больше и говорить ничего не пришлось. Бедный черт выкатился из королевы колесом и так припустился, что и по нынешний Божий день все бежит. А завтра поускай у вас в гостях объявится!

СКАЗКА ПРО ПАСТУХА

Однажды гнал пастух овец в лес, пастись, и вдруг видит, горит на меже огонь, а в огне змея корчится. Выснулась змея, овцы прочь, в обе стороны кинулись, а огонь все горит, змея промеж углей бьется. Подошел пастух ближе, жалко ему стало, что змея в огне мучается. Поддел он ее палкою, вывалил из костра. Тут заговорила змея:

— Эй, пастух, чего пожелаешь, за то что от огненной смерти меня избавил?

Испугался пастух: что за чудо — змея человеческим голосом заговорила?

— Чего желать-то? Все равно ты мне ничего дать не можешь!

— Нет, я хочу тебя отблагодарить, я тебя осчастливию, коли сам пожелаешь! Ежели, — говорит, — хочешь выучиться всем языкам, я тебя мигом выучу, но только, чур, никому об этом ни слова, а проговоришься — сразу помрешь.

Пообещался пастух, что никому не скажет, бережет тайну.

— Ладно, гони свое стадо, ступай следом за овцами — и выучишься говорить на всех языках, птичий язык, и тот будешь знать! Сохранишь тайну — все будешь понимать, проболтаешься — конец твоей жизни, тут же помрешь.

А овцы тем временем из лесу вышли. Идет пастух лесом, проходит мимо дуплястого дерева. Сучья у дерева пообломаны, прыгают поверху две сороки. Трещат сороки:

— Все деньги из копилки мы вытащили, уж дерево полным-полно набито, а еще осталось. Куда теперь носить будем?

Так сороки между собой совещались. А пастух, как услышал, оглядел дерево кругом.

— Хм, выходит, что змея, и впрямь, моя благодетельница! Дупло-то до краев деньгами насыпано.

А овцы тем временем на луг высыпали. Луг огороженный, ну, да они в ворота забежали. У пастуха две

собаки были, одна пули, другая волкодав, они с овцами шли. Подходит пастух к изгороди, заглядывает в проем, видит, бежит за стадом большой волк. Подбегает волк к пули и говорит:

— Дай мне одну овцу, я голоден.

Пули ему говорит:

— По мне хоть и всех забирай, только вон там большой волкодав, вон, у плетня лежит. Ежели он отдаст, я не против, по мне хоть и всех возьми.

Это все пастух понял — и как волк у пули овцу просил, и к кому пули волка послала.

— Ну, погоди, пули! Я тебе задам!

Подходит волк к волкодаву:

— Дай мне одну овцу, я голоден. У пули я уж просил, она меня к тебе послала, чтоб ты дал.

— Подойди поближе, конечно, дам.

Как кинется на него волкодав, волк еле ноги унес. Тут пастух взошел к овцам, кликнул пули и задал ей хорошую трепку. Когда он рассудил, что уж довольно ей всыпал, пошел пастух к волкодаву, приласкать его хотел. А тот испугался, что его очередь пришла, не стал дожидаться, убежал. Вперед пастух без пули овец пас.

Завечерело, погнал пастух стадо домой. Были у него два крепких осла, а еще был старый отец. Говорит он отцу:

— Батюшка, заложите этих двух ослов в телегу, спереди-сзади заслон поставьте, два топора бросьте.

— Что надумал, сынок? Ведь у нас дров довольно, больше не надо.

— Вы только сделайте, что я говорю. В лес поедем.

Старик послушался, запряг ослов, бросил в телегу два топора.

— Что ж, поехали, я не против.

Тем часом загнал пастух овец, закрыл хлев, и поехали они с отцом в лес. Приехали к тому дуплястому дереву.

— Теперь повертывайте телегу и распрягайте ослов. Это дерево валить будем.

— На что тебе это громадное дерево, сынок? Ведь нам его не увести.

— Вы только слушайтесь, делайте, как я говорю. Берите топор!

Боязно старику, не хочется такое большое дерево рубить, но да сын засучил рукава и стал тюкать сперва с одной стороны, потом с другой. Когда подрубил глубоко, упало дерево, а из него целая пропасть денег высыпалась. Теперь старик этакой кучи денег испугался, но да сын ему говорит:

— Видите? Счастье нам привалило! Скорей наложим деньги на телегу.

Уж совсем ночь была. Они все чин-чином в чулан сложили. Жена еще не знала, в чем дело, спрашивает у мужа, откуда деньги привезли. Говорит ей пастух:

— Не спрашивай! Откуда б ни были, лишь бы были!

Но да жена не давала мужу покоя, до тех пор все приставала да выпытывала, откуда он привез деньги, покамест не сказал ей пастух, что из лесу, из дуплястого дерева.

— А откуда ты про них узнал?

— Этого я тебе не скажу, потому как ежели только проговорюсь, тут же помру.

— Какой там «помру»! Скажи, ничего тебе не будет.

— Нет, вправду, помру.

— Ну, помрешь, так помрешь! — Это она про себя сказала, не вслух.

На другой день снова просит, чтоб сказал, как деньги нашел.

— Ни за что!

— Ты только попробуй! Скажи, вот увидишь, ничего не будет.

— Ну, коли ты мою жизнь ни во что не ставишь, ладно! Готовь ты мне смертное ложе, принеси саван. Лягу на смертное ложе, тогда скажу.

Жена еще пуще засуетилась, скажи, мол, и скажи поскорей. Она так думала, что муж кого-то убил. А он по-честному достал. Ну, вот уж готово смертное ложе, надевает муж саван.

Тут уже слух прошел, что помирает пастух. Он и дверь отворил, чтоб видели люди его смерть, как он помирать станет. Народу пропасть собралось. Смертное ложе, значит, готово, подвязал он себе челюсть, лег. Волкодав под кроватью улегся, потому как, ежели помрет хозяин, и он вместе с ним отойдет: погибнет, издохнет. Вот пастух и говорит со смертного ложа:

— Эй, жена, кинь ты этому моему любимому псу кусок хлеба. Вон он как закручинился, видит, что я помираю, и тоже отходить собрался, со мною вместе.

Жена тут же отрезала большой ломоть пшеничного хлеба, но собака только лапы передние сложила, голову на лапы опустила и грустно этак на хлеб смотрит. Заметил этот хлеб петух (дверь-то отворена была), залетел внутрь, клюет да приговаривает:

— Сюда-да-да, тут еда-да-да!

Пес заворчал на него:

— Не трожь ты этот хлеб, не тебе его кинули, а мне. Ты разве не видишь, что наш бедный хозяин помирает, — что ж ты так жадно набросился на этот хлеб? Я бы ни кусочка проглотить не мог, а ты и на мою долю накинулся, да как жадно! Неужели тебе нисколько не печально?

— А чего мне печалиться? Подыхай себе вместе со своим хозяином!

Пастух все слушает, что петух говорит. Хотел было вскочить, да петуха и пристукнуть, но после обождать решил, чем разговор кончится. Говорит петух:

— Дрянь никудышняя твой хозяин, да и ты такой же точно безмозглый. У меня вон семьдесят, не то во-семьдесят жен, и все моего приказа слушаются, а он одной-единственной приказать не умеет. Стало быть, и подыхай себе со своим хозяином! Мне-то что?

Тут повеселел пес, потому как верно сказал петух. А пастух мигом на ноги вскочил.

— Пойдем, жена, в чулан. Там скажу, откуда деньги взял.

Достал он из угла здоровую, крепкую веревку, вдвое свил. Говорит жене:

— Теперь заложки руки за спину!

— Зачем? — говорит.

— Затем, — говорит, — что только так можно рассказывать, откуда я эти деньги раздобыл.

Заложила жена руки за спину, а он ей большие пальцы медною проволокою скрутил.

— Вот теперь скажу, откуда!

Схватил ту веревку, что вдвое свил, и жену по голове! И спереди, и сзади охаживает! Заохала она:

— Ох, помираю!

А он ее всю, как есть, отхолил, до самых пяток.
А после, отхоливши как надо, спрашивает:

— Ну, что, рассказать?

— А только так, значит, можно? Пощадите, никогда больше спрашивать не буду!

— Да, по моему разумению, только так!

Никогда больше не спрашивала про то жена.

24

ЛЕНИВАЯ КОШКА

Один малый женился и взял жену богатую, но бездельницу. Однако пообещался, что никогда бить ее не станет.

Молодая ничего не работала, только из дома в дом ходила да сплетни водила и прочими дрянными делами занималась. Муж ее ни разу пальцем не тронул. Но вот однажды утром, как на работу уходить, говорит он кошке:

— Наказываю тебе, кошка, пока меня дома не будет, чтоб ты все сделала, что надо, дом, как следует, прибрала, к полдням обед приготовила, а еще веретено пряжи напярля. Ежели не исполнишь, ворочусь домой, так отдеру, что помнить будешь!

Кошка на печке дремала, выслушала, что хозяин сказал.

А жена подумала про себя: «Мой-то с ума спятил!» — и говорит:

— Как это вы кошке этикие вещи наказываете, ведь она в них ничего не смыслит!

— Смыслит, не смыслит — мне все едино, жена, — говорит муж, — больше наказывать некому. Но только ежели всего не исполнит, вот увидишь, так ее отдеру, что своих не узнает!

С тем и ушел на работу. А жена принялась кошку уговаривать:

— Работай, кошка, потому как отдерет тебя наш-то!

Нет, не работает кошка. Жена пошла по соседям, после домой воротилась, кошка все дремлет, и огонь уж погас. Снова говорит жена:

— Вздуй, огонь, кошка, работай, а не то быть тебе битой!

Нет, не работает кошка.

Приходит хозяин, озирается — все никуда! Сгрел он кошку, привязал жене на спину и до той поры бил, покуда не взмолилась жена:

— Будет вам лупить кошку, она не виновата, она в этих делах ничего не смыслит!

— А ты обещайся, что вместо ее все сделаешь, — говорит муж.

— И еще больше того сделаю, чем вы ей наказывали, только будет вам бедняжку лупить! — отвечает жена.

Побежала молодая домой к матери, жалуется на мужа, говорит:

— Я пообещалась, что вместо кошки все, как есть, сделаю, только б не бил он ее смертным боем у меня на спине.

Тут отец ей и говорит:

— Ежели пообещалась, исполни, а нет, так и завтра быть кошке битой!

С тем и отослал дочку назад, к мужу.

На другое утро снова наказывает хозяин кошке, что делать, только она и на этот раз ничего не сделала. Опять отодрал ее хозяин на жениной спине. Молодая и тут домой с жалобой побежала, но отец так назад ее завернул, что она ног под собой не чуяла, до того мчалась.

На третье утро снова дает хозяин кошке наказ. Кошка уж до конца не дослушала, до того страху набралась, но и не работала опять ничего. Только теперь вместо ее молодая все сделала, теперь уж не забыла, что обещала, — огонь развела, воды наносила, обед готовила, подмела, все исполнила, что надо было. Потому как очень уж бедную кошку жалела, да и немудрено: муж ее драть, а она от боли жене в спину когти запускает, и потом еще, что ни хлестнет хозяин двухвостую плеткой, не одну кошку, но и хозяйкину спину кончиками достает. Воротился муж — все ладно! Говорит он:

— Не бойся, кошка, нынче не трону.

Жена весело на стол накрыла, еду подала, покушали они досыта, оба довольны были. После уж каждый день так пошло. Кошку больше не драли, а из молодой такая хозяйка получилась, хоть куда!

ОХОТНИК ДО СХОДОК

Один хозяин часто ходил на сходки и всякий раз поздно возвращался домой. Надоело это жене, и однажды привязалась она к мужу: скажи и скажи, на какой конец столько сходок?

— Ну, вот нынче, к примеру, мы об том толковали, чтобы каждый муж мог бы еще по жене домой привести.

Жена принялась чертыхаться.

— Тут для нее и места никакого нет! Куда ее девать, когда мы и сами-то насилу помещаемся?!

Хозяин и дальше пропадал на сходках и домой всегда приходил поздно. Жена опять взялась за мужа, спрашивает:

— И об чем это, Господи, твоя воля, можно столько совещаться?

— Как тебе сказать, нынче к примеру, постановили мы, чтоб каждая жена еще по мужу могла бы в дом привести. Одно только худо...

— Что такое?

— Места для него нет!

— Как так «места нет»?! — подскочила жена. — Этот шкаф сюда подвинем, здесь кровать поместится! Тот комод туда поставим, там стол поместится! Как это «места не хватит»?! Тут места довольно!

«ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ!»

Было то или не было, а только жил однажды на свете король. И такая у этого короля власть была, что, как он чихнет, весь народ по всей стране кричать должен: «Доброго здоровья!» Иной раз схватит он насморк, так ничего другого нигде и не услышишь, кроме как: «Доброго здоровья!» Все одно твердят, только звездглазый пастух не хочет короля поздравлять, да и все тут!

Прознал про то король, страсть как осерчал. Велит пастуху явиться.

Пришел пастух, стал перед королем, а король на троне сидит. Что ни захочет, все сделать может, и к тому ж злой страсть! Ну, да все равно: хоть и злой, хоть и все может, а не боится его звездоглазый пастух.

— Говори немедленно: дай, дескать, мне Бог доброго здоровья! — приказывает король.

— Дай мне Бог доброго здоровья! — отзывается пастух.

— Мне, мне, прохвост ты этакий, разбойник! — шумит король.

— Мне, мне, ваше величество! — отвечает он.

— Да нет, мне, мне! — рычит король и злобно колотит себя в грудь.

— Ну конечно, мне, кому же еще! — снова говорит пастух и тихонько ударяет себя в грудь.

Король со злости чуть было рассудка не решился, но тут вмешался гофмейстер.

— Вот что говори: «Дай вам Бог доброго здоровья, ваше величество!» Да поживей говори, а не то смерть тебе!

— Не скажу, пока королевну за меня не отдадут, — отвечает пастух.

А королевна тоже там была, в той же комнате, подле батюшки своего сидела, на меньшем троне, такая пригожая, словно золотая голубка. Ну, да все равно, какая пригожая ни была, а пастуховым словам засмеялась, потому что понравился ей звездоглазый пастух, больше понравился, чем все королевичи.

Но король распорядился тут же бросить пастуха в клетку к белому медведю.

Взяли его королевские стражники и бросили в клетку к белому медведю, а тому уже два дня есть не давали, чтоб разъярить посильнее. Как двери закрыли, тут же кинулся он на пастуха, чтоб его растерзать и сожрать, но, как увидал глаза-звезды, до того перепугался, что чуть себя самого не сожрал, в самый дальний угол забился и глядит, а тронуть не смеет, хотя такой был голодный, что лапу с голода сосал. Пастух глаз с него не сводил и, чтоб не уснуть, песни играл, потому что знал, чуть он задремлет, медведь мигом его растерзает.

Так и не уснул.

Утром приходит гофмейстер на пастуховы косточки

полюбоваться. Смотрит, а он цел и невредим. Отвел он его к королю. Рассвирепел король и говорит:

— Ну, теперь ты рядом со смертью побывал, скажи наконец: «Доброго здоровья!»

А пастух свое:

— Я и десяти смертей не боюсь! Тогда только скажу, ежели королевну за меня замуж отдадут.

— Вот десяти смертям и достанешься!

И король распорядился бросить пастуха в клетку к великанским ежам. Бросили его стражники. А колючим ежам уже целую неделю есть не давали, чтобы разозлить сильнее. Но чуть они на пастуха кинулись, чтобы его разорвать, достал он из рукава балахона свирелку, которую на день Святого Венделина вырезал, и принялся Венделинову песенку насвистывать. Ежей сперва оторопь взяла, а после они лапами сцепились и в пляс пустились. Глядит пастух, как эти неуклюжие твари пляшут, и смех его разбирает, да только не смеет он свирелку от губ отнять, потому что знает, мигом тогда набросятся и в ключья разорвут, тут ведь глаза-звезды не помогут, десяти ежам зараз прямо в глаза не заглянешь! Вот он все и наигрывал Венделинову песенку, поначалу медленно, чтоб колючие звери чинно плясали, потом все шибче, шибче, а под конец до того живо стал им насвистывать, что они уже никак поспеть не могли, совсем умаялись и в одну кучу повалились. Тут только засмеялся пастух, да так смеялся, что утром гофмейстер пришел посмотреть, осталось ли что от его косточек, а у него, от хохота, все еще слезы по щекам текут.

Отвел его гофмейстер к королю. Еще пуще осерчал король, оттого что и ежи не сумели пастуха погубить, и говорит:

— Ну, теперь ты рядом с десятью смертями побывал, теперь-то уже скажешь: «Доброго здоровья»?

— Я и ста смертей не боюсь! Тогда только скажу, ежели королевну за меня замуж отдадут.

— Вот ста смертям и достанешься! — закричал король и распорядился бросить пастуха в яму с косами.

Отвели его стражники в темницу, посередине темницы глубокий колодезь вырыт, острыми косами кругом утыкан. На дне колодезя площадка горит, чтобы, ежели кого бросят, видно было, долетел он до дна или нет.

Как привели пастуха, попросил он стражников выйти на минутку, а он, дескать, тем временем в яму с косами заглянет — может, еще и передумает, может, и скажет королю: «Доброго здоровья!» Вышли стражники, а он воткнул стоймя, возле самой ямы, пастуший топор на долгом топорище, сверху балахон повесил, шляпой прикрыл, а сперва еще сумку повесил, — вроде бы есть кто в балахоне, — и кличет стражников: все уже, мол, обдумал, не скажет. Стражники вошли, столкнули в яму балахон, шляпу и сумку. Слышат — падает с косы на косу, после видят — до низу долетело, плоску погасило. Тут они вовсе успокоились, теперь-то уж точно пастуха конец! — и ушли, а он сидит в темном уголке да посмеивается.

На другой день является гофмейстер с лампою. Как увидал пастуха, чуть затылком оземь не грянулся! Отвел его к королю. Еще больше распалился король, а все-таки спросил:

— Ну, теперь ты сто смертей повидал, скажешь или нет: «Доброго здоровья»?

А пастух свое:

— До тех пор не скажу, покамест королеву замуж за меня не отдадут.

— Может, еще и подешевле столкнемся, — говорит король (он уж сообразил, что никоим образом нельзя пастуха извести) и приказывает заложить королевскую коляску.

Усадил он пастуха рядом с собой, привез в серебряный лес и обращается к нему:

— Видишь этот серебряный лес? Ежели скажешь: «Доброго здоровья!» — дарю его тебе!

Поразился пастух, а все-таки снова свое:

— До тех пор не скажу, покамест королеву замуж за меня не отдадут.

Пригорюнился король, везет пастуха дальше. Приезжают они к золотой крепости.

Тут король говорит:

— Видишь эту золотую крепость? И крепость золотую тебе подарю, и лес серебряный, только скажи мне, что дай, мол, Бог доброго здоровья!

Но пастух, хотя от изумленья рот закрыть не может, все свое:

— Нет, не скажу до тех пор, покамест королеву замуж за меня не отдадут.

Тут король и вовсе отчаялся. Дальше повез, к бриллиантовому озеру.

— Видишь, — говорит, — это бриллиантовое озеро? И его тебе подарю! Серебряный лес, золотую крепость, бриллиантовое озеро — всё, всё тебе подарю, только скажи ты мне: «Доброго здоровья!»

Тут пришлось пастуху зажмурить свои глаза-звезды, чтоб на озеро не глядеть, а все-таки он отвечал по-прежнему:

— Нет, нет, не скажу до тех пор, покамест королеву замуж за меня не отдадут.

Тут король понял, что по-другому с ним не сладить, и сдался.

— Ну, будь по-твоему, отдам за тебя дочку, но после ты непременно мне скажи: «Дай вам Бог доброго здоровья!»

— Конечно, скажу! Тогда отчего ж и не сказать? Скажу обязательно.

Очень обрадовался король. Велел объявить, чтобы по всей стране народ радовался, оттого что королева замуж выходит. А народ, и в самом деле, радовался, оттого что королева стольким королевичам отказала, а звездглазого пастуха полюбила.

После такую сыграли свадьбу, что по всей стране все, как один, ели, пили, плясали — даже смертельно больные, даже младенцы, что в тот самый день на свет родились.

Но самое главное веселье было в королевском доме, тут и музыка самая лучшая играла, и кушанья самые вкусные тут настряпали, народу за столами целое море, и настроение до того бодрое, что крышу над головой подымает. Но когда дружка вынес свиную голову с хреном и, честь по чести, промолвил:

— Кушай, гостечок,
После супа хреночек.
Хрен в носу свербит,
На поцелуи нудит, —

а король поставил блюдо перед собой, чтобы поделить на всех, он вдруг громко чихнул, очень уж лютый был хрен.

— Доброго здоровья! — крикнул пастух вперед всех, и король так обрадовался, что тут же на радостях и помер.

Стал королем звездглазый пастух. Хороший из него король получился, никогда он народ не донимал, чтобы хочешь — не хочешь, а желай королю доброго здоровья. Ну, да ему-то все добра желали, и без приказа без всякого, потому что он, и вправду, хороший был король и все его любили.

27

КОЛОЖ МАЛЫЙ И КОЛОЖ БОЛЬШОЙ

У Коложа Большого было четыре лошади, у Коложа Малого — одна. Пахали оба при большой дороге, а на семь деревень одна церковь была, из одной деревни в другую в церковь ходили, и все мимо поля Коложа Малого. У Коложа Малого в воскресенье пахали, потому как только одна была у него лошадь, Колож Большой за плугом идет, Колож Малый лошадей погоняет, и что больше народу мимо проходит, то громче Колож Малый выкликает:

— Но, мои лошадки! Но, но, но!

Колож Большой сперва молчал, а после не стерпел и говорит:

— Ты не так говори: «Но, мои лошадки!» — а так: «Но, моя лошадка!» Твоя ведь только одна, а люди могут подумать, будто все пять твои.

Не послушался Колож Малый, знай свое выкликает:

— Но, мои лошадки! Но, но, но!

Обозлился Колож Большой, схватил стрекало, зашил единственную лошадь Коложа Малого насмерть. Ободрал Колож Малый свою лошадь, шкуру высушил, сложил, в мешок засунул, на плечи взвалил и побрел в город. Пока до крайнего дома добрался, стемнело уж, заглядывает он в окно, а там молодец на молодку залез, он той молодки любовник был. Не стал Колож Малый под окном голос подавать, потому как сообразил, все равно почевать не пустят, а перелез через ворота и на крышу взобрался.

Видно ему в боковое оконце, что весь стол печеньями заставлен, жареным мясом, а посередке большая бутыл с вином. Скоро застучался кто-то у ворот, кричит:

— Жена, отворяй ворота!

Жена испугалась, говорит любовнику:

— Прячься в большой сундук!

Вино за шкаф заставила, печенья и жареное мясо в печку засунула, выбежала, ворота отворила, муж заехал, лошадей отпряг, в дом заходит. Как стал заходить, поглядел на крышу сарая, видит, там какой-то человек скрючился, кричит ему:

— Эй, ты, на крыше, кто ты таков?

Отвечает ему Колож Малый:

— Я бедный странник.

— Ну, так взойди в горницу!

Взошел Колож Малый следом за мужем в горницу, в мешке лошадиную шкуру несет. Говорит муж жене:

— Собери-ка нам поужинать. Ты стряпала что ай нет?

— Нет, не стряпала, не знала, что вы нынче воротитесь, есть хлебца немного, чеснок, лук.

Принесла жена хлеб, чеснок, лук, на стол поставила. Хозяин и Коложа Малого ужинать зовет, не заставил Колож Малый себя упрашивать, очень уж был голодный. Вдруг спрашивает хозяин:

— Что это у вас в мешке?

Говорит Колож Малый:

— В мешке у меня вещун.

— Об чем же он вещает? — спрашивает хозяин.

— Обо всем на свете, — говорит Колож Малый.

— А сей же час не поведал бы?

— Отчего ж нет? — говорит Колож Малый. — Вот как он вещает.

Надавил он на мешок, заскрипела сухая шкура. Хозяин спрашивает:

— А что ж это значит? Я не понимаю.

— И никто не понимает, хозяин один понимает. Это значит, что в печке жареное мясо стоит и печенья.

Муж говорит жене:

— Погляди, жена, может, и правда.

Жена выбежала, принесла, на стол поставила. Они оба голодные были, всласть покушали. После не выдержал муж и говорит:

— Надавите-ка еще разок, послушаем, что он повестит.

Колож Малый нажал изо всей силы.

— Ну, так что ж он вещает-то? — спрашивает хозяин.

— А то он вещает, что вон там, за шкафом, большая бутылка вина стоит.

Говорит муж жене:

— Ступай погляди, может, и правда, после мяса да печенья вино очень бы хорошо.

Жена скорей к шкафу, вытащила большую бутылку вина, поставила на стол. Велась они попили, снова хозяин говорит:

— Надавите-ка еще, послушаем, что в третий раз вещать станет.

Надавил Колож Малый и говорит:

— Теперь он то вещает, что в сундуке бес сидит.

Вскочил хозяин, откинул крышку сундука, видит, что-то большое, волосатое, скорей назад захлопнул, гвоздями забил, чтоб бесу не выйти, и просит Коложа Малого, продайте, мол, вещуна.

— За три корзины золота отдам, — говорит Колож Малый.

— Ладно, даю три корзины золота, только еще беса этого увезите, чтоб не было его здесь!

Легли они спать, утром встали, отмерил хозяин три корзины золота, большой сундук с бесом на телегу взвалили, едет Колож Малый домой и бормочет себе под нос:

— Брошу этого беса в Тису.

Отзывается бес:

— Не бросай меня в Тису, я тебе тоже три корзины золота дам, только отвези меня на квартиру.

— Как же я тебя отвезу, когда я не знаю, где твоя квартира?

Он ему объяснил, в таком, мол, и таком месте моя квартира. Колож Малый нашел, во дворе остановился. Отмерил ему бес три корзины золота, поворотил Колож Малый к дому, домой поехал.

Первым делом, старшего сына кликнул.

— Ступай, сынок, к дяденьке Коложу Большому, попроси мерку.

Побежал мальчик, говорит:

— Дяденька Колож Большой, одолжите нам мерку.

Спрашивает Колож Большой:

— На что твоему отцу мерка?

Мальчик говорит:

— Он лошадиную шкуру продал, целую телегу денег привез.

Взял Колож Большой мерку, сам к Коложу Малому отправился. Перемерили они золото, двенадцать мерок оказалось. Спрашивает Колож Большой Коложа Малого:

— Это ты все за шкуру взял?

— Да, за шкуру, — говорит Колож Малый.

Воротился Колож Большой к себе, убил всех четырех лошадей, на телегу навалил, тоже в город поехал, продавать, купцы хорошую цену дают, а он не берет, потому как Колож Малый сказывал, что за одну шкуру двенадцать мерок золота взял. Не стали купцы с ним и толковать. Снова воротился Колож Большой к себе, взял топор, хочет Коложа Малого убить, да Колож Малый почуял неладное, матушку на свою постелю уложил, сам на матушкину лег. Ночью Колож Большой прокрался, убил Коложа Малого матушку, он-то думал, на постеле Колож Малый лежит. Утром встал Колож Малый, обмыл матушку, усадил в повозку на заднее сиденье и поехал с нею в другой город. Остановился он у какой-то корчмы, взошел в корчму, спросил вина. Подал корчмарь вино, а он говорит:

— Вынесите и матушке моей стаканчик, только шумните погромче, потому как она сильно тугая на ухо.

Корчмарь вынес стакан вина, кричит во всю мочь:

— Вот вина стакан, сын ваш посылает.

А старуха не отзывается, как будто не с ней говорят. Осерчал корчмарь да стаканом старухе в голову и запустил, повалилась старуха. Тут выскакивает Колож Малый:

— Ох, что это вы с матушкой моей сделали? Убили!

Стал корчмарь Коложа Малого умолять, чтоб не сказывал никому, а он ему за это три корзины золота даст. Колож Малый говорит:

— Я не против, только матушку похороните, чтоб никто не проведал.

Корчмарь говорит:

— Есть у меня большой сад, там и схороноу, только не сказывайте никому.

Отмерил ему корчмарь три корзины золота, привез Колож Малый деньги домой, посылает сына к Коложу Большому:

— Принеси мерку!

Мальчик прибежал и говорит:

— Дяденька Колож Большой, одолжите нам мерку.

— На что твоему отцу мерка? — спрашивает Колож Большой.

— А он бабушку в городе продал, золота много привез, мерить хочет.

Схватил Колож Большой мерку, побежал к Коложу Малому, перемерили они все золото, шесть мерок оказалось. Спрашивает Колож Большой Коложа Малого:

— Откуда у тебя столько золота?

А он в ответ:

— Ты ночью матушку мою на постеле убил, а я в город ее свез, вот и деньги.

— Значит, там мертвых старух покупают? — спрашивает Колож Большой.

— Конечно, покупают, — говорит Колож Малый, — спрашивали даже, нет ли еще.

Побежал Колож Большой к себе, убил свою матушку, навалил на тележку, привез в город и ну выкликать:

— А вот мертвая старуха! Продаю мертвую старуху!

Полицейские тут же его схватили — что еще за мертвая старуха такая?

— А я матушку убил, продавать привез.

Полицейские его связали, посадили в холодную, а мать похоронили.

Когда выпустили Коложа Большого на волю, воротился он домой, взял мешок, пошел к Коложу Малому, засунул Коложа Малого в мешок, взвалил на спину, понес в Тисе топить. Как проходил мимо церкви, как раз обедню служили, бросил он Коложа Малого на землю, сам в церковь взошел, помолиться за спасение души, а Колож Малый давай кричать:

— Ох, несут меня в царствие небесное! Ох, не хочу!

Гнал седой старик стадо коров, услышал он крики из мешка, подошел и говорит:

— Ежели б, наместо тебя, меня унесли, сынок, я бы с моим удовольствием все стадо тебе отдал.

— Тогда развяжите мешок, отец, — говорит Колож Малый, — после залезете в него, а я завяжу.

Седой старик развязал мешок, забрался внутрь, Колож Малый завязал и говорит:

— Что б они там ни сказали, вы смотрите, голоса не подавайте!

А сам забрал коров и домой погнал.

Колож Большой кончил молиться, вышел из церкви, взвалил мешок на спину и к Тисе понес. Как дошел до берега, говорит:

— Ну, окаянный Колож, больше ты меня не проведешь! — и с этими словами кинул мешок в воду, а сам домой побрел, как вдруг видит, Колож Малый при большой дороге коров пасет, целое стадо.

— Эй ты, Колож Малый, откуда ты взял это стадо коров?

— Откуда ж еще, как не с того света? Со дна Тисы!

— Все забрал или еще что осталось? — спрашивает Колож Большой.

— Еще бы не осталось! Ведь я самых дряных угнал, а там такие коровы, одна другой лучше!

Говорит Колож Большой:

— Давай-ка, братец, снеси и ты меня да кинь в воду.

— Нет, мне тебя не снести, пойдем вместе, а после я тебя столкну.

Пошли они вдвоем к Тисе и, как вышли на берег, столкнул Колож Малый Коложа Большого в реку. Так и избавился от него.

КУМОВЬЯ БОГАТЫЙ И БЕДНЫЙ

Было то или не было, а только была на свете бедная деревенька. В той деревеньке жил один богатей. А по соседству жил бедняк с кучею ребятишек, и покумились соседи. Вот приходит богатей в управу — дескать, вся деревня у него в долгу.

— Все, как есть, должны!

Когда все уж и расплатились, тут вызывает богатей в управу и кума. Пришел бедняк, спрашивает писаря:

— Зачем меня звали?

Писарь и говорит:

— Спросите у кума.

Говорит ему кум:

— Вы что ж, забыли, господин кум, что три форинта мне задолжали?

— Я, господин кум, человек бедный, а только у кума своего ни одной спичкою не одалживался.

Повздорили они.

— Вот что, господин кум, хоть оба глаза мне колите — ничего я не должен!

— А что же — и выколю!

— Нет на мне вины, господин кум, но ежели совесть вам не помеха — колите!

Ткнул богатей ножом, выколол оба глаза.

— Без вины выкололи вы мне глаза! Теперь отведите меня к кресту, что у околицы. Да никому не говорите, где я, даже семье моей не сказывайте.

Вывел его богатей на околицу, сел слепой под крестом. Сидит он и слышит — крылья шелестят. Распятые кровлей жестяною покрыто, загремела жесть. Слышит, снова шелестят крылья. Кто после прилетел, говорит первому:

— Бараньбуты!

Отвечает первый:

— Бутьбуруты!

Слушает бедняк, кто бы это мог быть. А были это два черные ворона. Говорит один ворон:

— Слыхал, что случилось в этой деревеньке?

— Что?

— Я уже две недели, как за ними приглядываю. Есть у них один богатей, всю деревню вконец закабалил. А рядом с ним живет бедняк, его кум, ребят полон дом.

— Знаю того доброго бедняка!

— Вызвал его нынче богатей и выколол бедняге глаза. После бедняк попросил, чтобы тот куда-то его отвел, а куда — не ведаю.

Говорит другой ворон:

— Слушай-ка, хорошо бы разыскать того бедняка.

Нынешней ночью выпадет такая роса, что, ежели помазать ею глазницы, снова глаза вырастут. А там-то и там-то, в таком и таком пруду, живет зеленая лягушка, а у ней под языком — целебное снадобье. В соседней стране королевна уж семь лет, как болеет, никакое лекарство не помогает. Если б тот бедняк ту зеленую лягушку изловил, снадобье в вине развел и дал бы королевне испить, она бы поправилась.

С тем оба ворона и улетели.

Бедняк все в точности исполнил и тут же прозрел. Пошел к тому пруду, поймал зеленую лягушку, вынул у ней изо рта снадобье. Даже домой не заглянул, а сразу завернул снадобье в бумажку и отправился в тот город, где королевна хворала. Привратник не хотел его пускать, а бедняк все свое твердит. После выглянула королева, кричит привратнику:

— А ну-ка,пусти его! Душу под одежкой не разглядеть. Вдруг у него, и вправду, доброе снадобье.

Король тут же велел одеть бедняка, уж очень драная была на нем одежда, дал ему королевскую одежду. После взошел бедняк к больной, велит королеве принести с полстакана вина.

— Пусть выпьет все до капли.

Девица проглотила вино, а с вином лекарство и мигом уснула, голову до подушки донести не успела. Спала с полчаса. Открывает глаза:

— Дяденька лекарь, пожалуйте, сходите к моей матушке, скажите, чтоб принесла мне поесть, смерть как есть охота!

Лекарь сам себя не помнит от радости, бежит к королеве. Королева тут же принесла дочке поесть. Много принесла, и девица все бы и съела, да только дяденька лекарь не велел. Легла королевна, опять уснула. Поспала с часок, снова говорит:

— Дяденька лекарь, пожалуйте, сходите, пускай матушка поесть принесет.

Принесла ей мать с превеликим удовольствием, девица покушала. После опять легла девица, уснула. Сколько-то проспала, снова проснулась:

— Подите, пожалуйте, дяденька лекарь, скажите матери, чтобы принесла мне платье.

Радуетса мать, принесла платье, одела дочку, стали

они по комнате прохаживаться. Шутят, смеются, большая королю с королевою радость.

Утром говорит король:

— Объясните-ка мне, дяденька лекарь, что вы за человек, как дома живете?

— Ох, ваше величество, король-государь, детей у меня пропасть, живу я очень бедно, кой-как перемагаюсь.

— Ну, ладно, приятель, вот смотрите, дарю вам три воза, насыпем их пшеницею и прочим хлебом, заложим по четверке волов, а вы укажите батракам, куда ехать. Это все вам. И волов себе оставьте, и возы, только батраков с кнутами обратно отпустите.

После того запрягли лошадь в телегу, дали бедняку воскресную одежду, королевскую одежду да еще и будничную одежду и еще деньги, много денег.

— Ну, приятель, и это все ваше. Только возчика с кнутом отошлите назад, и батрака тоже.

Ладно, отправились, и уж под самую деревней батраков с возами нагнали. Говорит им бедняк, где остановиться, у каких ворот. Кум-богачей у себя на дворе стоял. Смотрит во все глаза и видит: соскакивает с телеги король, ворота растворяет. Вбежал богачей в дом, говорит жене:

— Идем скорей! Какой-то король к бедной куме пожаловал, даже сам с телеги спрыгнул ворота отворять. Почему он не у нас пристал, этот король?

Видит богатый кум: распрягли лошадь, потом три батрака, каждый с четверкою волов, к воротам подъехали.

Снова говорит он жене:

— Погляди-ка, что ей везут! Кто бы это мог быть? Как это возможно, чтобы столько всякого добра навезли?

Идет король ворота отворять.

— Гляди, сам король ворота пошел отворять!

Кто такой? что такое? — глядят богачей с женою, надивиться не могут. Въехали батраки во двор, отпрягли волов, к ярму привязали. Хозяйка сбегала в лавку, в корчму, в мясную, наварила, напекла для батраков, для возчика. Богатого кума с женою аж дрожь от любопытства пробирает. Хозяйка знатно уго-

стала батраков и возчика. Батраки взяли свои кнуты и отправились восвояси, а богатей знай подглядывает.

Бедный кум видит, что у богатей душа не на месте, и говорит сыну:

— Ступай, попроси у крестного корзину.

Пошел мальчик, спрашивает богатей у крестника, что это там у них за господин. Мальчик и говорит:

— Отец.

— Отец?

— Конечно. Вы, крестный, выкололи ему глаза, а Господь Бог ему за то отплатил.

— А корзина-то вам на что?

— Деньги станем мерить: сколько корзин привезёно.

Тут забыл богатей про свою гордость, окликает бедняка:

— День добрый, Бог в помощь, господин кум!

Отвечает ему кум:

— Бог в помощь, господин кум.

— Откуда к тебе все это добро?

— А Господь Бог дал, за то что вы, господин кум, глаза мне выкололи.

Говорит тогда богатей:

— Милости прошу ко мне, господин кум! Выколите и вы мне.

— Я бы уж не так просто, не без вины выколол, господин кум, а в отместку. Ведь вы-то, господин кум, выкололи мне ни за что, ни про что, потому как я вам ничего не задолжал. Но все равно не стану колотить!

— Ну, пожалуйста, господин кум!

— Нет, господин кум!

Пошел богатей в управу. Вызвал кума.

— Зачем звали, господин писарь?

— Это ваш кум звал.

— Затем я вызвал господина кума, чтобы он выколол мне глаза.

— Нет уж, не такой я нехристь!

Но писарь тоже напустился на бедняка:

— Раз он ваших глаз не пожалел, так возьмите, в самом деле, да и выколите ему глаза!

Выколол он глаза богатейю.

— Ну, что, господин кум, выкололи мне глаза?

— Выходит, что да, господин кум.

— Отведите теперь и меня под крест, чтобы Господь Бог и мне отплатил. И даже семье моей не сказывайте, куда отвели.

Отвел его кум под виселицу и посадил. Прилетает ворон, скоро вслед за ним другой. Поздоровались:

— Бараньбусть!

— Бутьбуруть!

Потом еще налетели, здороваются друг с дружкой, каркают во все горло. Богатей под виселицей и говорит:

— Вот и ангелы слетаются. Соберутся и станут советоваться, что бы такое мне дать.

Это богатей про себя говорит.

Каркают вороны, галдят, подлетает тот, который в деревне подглядывал. Смеется-заливается, остальные примолкли, а он все хохочет и начинает рассказывать, что нынче случилось.

— Тот бедняк, про которого мы вдвоем на кровле креста толковали, слышал, что мы говорили. Изловил он ту лягушку, достал у ней изо рта целебное снадобье, отнес королевне. После целое имение домой привез. А зтот его кум-богатей и позавидовал ему, нынче вызвал в управу, чтобы, значит, и ему, богатейу, глаза без вины выкололи. А бедняк и говорит: не без вины, дескать, а в отместку, потому как богатей ему ни за что, ни про что глаза выколол.

— Ого! — говорит про себя богатей. — Вон как меня ангелы жалеют! Наверняка, много получу.

— После, — говорит ворон, — как выколол глаза, куда-то отвел, а куда — не знаю. Давайте поищем!

Разлетелись кто куда, искали-искали, назад воротились. Прилетает еще один, самый последний, спрашивает остальных:

— Кого ищите?

— Того богатейя.

— Да вот же он, под виселицей!

Богатей все надеется, вот-вот будет ему награда.

Но вороны как накинулись всей стаей, сорвали с него платье и расклевали до костей.

Вот как оно было, а на самом-то деле ничего не было. Тут и сказке конец.

СИЛАЧ ЯНОШ

Жила однажды вдова, и был у нее сын. Уж восемнадцать лет ему сравнялось, а работать совсем ничего не хочет. Яношем звали парня. Мать очень горевала, что будет с сыном, когда он соломинку с места на место переложить не хочет. Знай сидит себе за печкой да золу толчет. Когда ему двадцать сравнялось, строили дом у соседа. Как раз стропила наверх поднимать собрались. Говорит он матери:

— Что это они там стучат, у соседа?

— Дом строят, сынок. Все работают, один ты работать не хочешь.

— Выйду, — говорит, — и я, пособлю.

Вышел. Как раз стропила наверх тащили. Тянут, надрываются, и так и этак — никак не могут.

— Отойдите отсюда, никудышники, я подыму, не бойтесь.

— Убирайся, ты, сиделец запечный, ты и луковицы не стоишь!

— А вы дармоеды!

Подхватил стропила и наверх закинул. С той поры слух о нем прошел, повсюду на поденщину звать стали. На то, что зарабатывал, оба с матерью жили, нужды не знали.

Был тогда в той деревне староста, ужасный сквалыга. Говорит он Яношу:

— Поступай ко мне, Янош, в работники. Год целый буду тебя содержать вместе с матушкой с твоею, только жалованья вовсе платить не буду, а так, что кто первый осерчает, у того из спины ремень и поршни вырежем.

— Ладно, господин староста, будь по-вашему.

У старосты была большая пустошь, вся ивняком заросла, а еще стадо овец.

— Ну, Янош, только всего и будет у тебя дела, что пасти овец, да ивняк вырубить до осени.

В первый день выгнал Янош овец, глядь, а в сумке пусто, вовсе ничего нет. Ну, да он не растерялся, поймал двух овец, самых во всем стаде первых, ободрал, огонь развел, изжарил и съел.

— Ну, что, Янош, — спрашивает вечером староста, — много вырубил?

— Да, двух уже нет, самых наипервейших.

Староста думал, он про ивняк говорит, что, мол, два самых больших куста вырубил. На другой день снова выгнал он овец, опять ничего ему с собою не дали. В тот день он тоже поймал двух овец, изжарил и съел. На третий день — то же самое. На четвертый день староста сам пришел поглядеть, что Янош работает. Видит, овец поубавилось, а ивняку — нисколько.

— Эй, Янчи, что ж ты здесь работал? — спрашивает староста.

— Сами видите, господин староста. Да вы никак осерчали?

Тут сообразил староста, что, ежели Янчи есть не давать, он и работать не станет, и овец всех до одной переведет. На другой день положил ему в сумку и хлеба, и сала, и луку, и даже палинки скляницу. Взялся Янош за дело, весь ивняк выкорчевал, ни одной лозинки не оставил.

Ладно, нету больше ивняка. На другой день вышли они пахать, господин староста и Янош. В полдни пустил староста волов пастись, сам обедать сел, а Янош говорит:

— Господин староста, мне бы домой на часок сбегать. Такой уж у меня обычай, как пашу, непременно чтоб ноги размять, побегать.

Отправился Янош, домой побежал. А там певчий был, старостихин любовник. Как завидела старостиха Яноша, еще издали завидела, говорит любовнику:

— Господин певчий, прячьтесь куда ни на есть, быть беде!

Певчий за печкою спрятался. Заходит Янош, старостиха спрашивает:

— Что такое, Янош?

— Господин староста велел все тычки для бобов за печку покидать.

Как раз перед тем чуть не воз бобовых тычков к старостину дому привезли. Взялся Янош за дело, все тычки за печку покидал, и все — острием вперед. Как надо, певчего исколол. После обратно на поле побежал. Спрашивает его староста:

— Ну, что, размял ноги, Янош?

— Да, господин староста, теперь и за работу можно.

До вечера пахали. Воротились вечером домой, жалуется старостиха, что, мол, Янош, натворил, когда в полдни домой прибежал. Все бобовые тычки за печку покидал. А того не сказала, что и певчий за печкою был.

На другой день снова нахать вышли, снова Янош в полдни убежал. И на этот раз домой помчался, а певчий снова там. Увидела старостиха.

— Ну, прятаться надо, снова Янош идет!

Певчий говорит:

— Черт его заberi, этого Яноша, он либо колдун, либо с ума спятил. Вчера всего меня исколол, а нынче что будет?

— Прячьтесь поживее, он уж тут! За дверями чан стоит с волною, в него и залезайте!

Заходит Янош, старостиха спрашивает:

— Что случилось?

— Староста велел скипятить два котла воды и ошпарить волну, что в чане за дверью.

Так Янош и сделал. Старостиха, было, спорить, да куда там! Скипятил Янош воду, облил волну и обратно в поле убежал.

— Размял ноги, Янчи?

— Да, господин староста, можно и за работу.

Работали до вечера, вечером домой поехали. Жена снова жалуется, как Янош вдруг явился и волну ошпарил. Не желает она больше этого Яноша в работниках терпеть!

— Да как же мне от него отделаться, как вон выставить, коли у нас уговор? Он сейчас поршни да ремень у меня из спины и вырежет!

Вот и придумал староста отослать Яноша в большой лес.

— Ступай, — говорит, — Янош, есть у меня в лесу стадо свиней и свинопас. Снеси ему рубаху и штаны. Скажи, пускай чистую рубаху наденет и чистые штаны, потому как уж давно исподнего не менял. И гоните свиней домой.

Ушел Янош. А у старосты никакого стада в лесу не было, он только так рассудил, что, может, Яноша дикие звери съедят.

Идет Янош, несет рубаху и штаны, весь лес обошел, нет нигде ни стада, ни свинопаса. Вдруг в самой часобе повстречались ему сколько-то диких свиней и медведь. Медведь диких свиней загонял. Поглядел Янош, подумал на медведя, что вот он, дескать, свинопас.

— Пойдите, — говорит, — исподнее перемените! Я чистую рубаху принес, штаны чистые! А после мы свиней домой погоним.

Староста сказывал, что свинопаса Миклошем зовут.

— Пойдите, дяденька Миклош! Куда же вы?

Медведь заводит:

— Рр-у, рр-у-у, рр-у-у!

— Да нет, не вру! Староста так велел, верьте слову!

А медведь только мечется туда-сюда. Ухватил Янош медведя.

— Дяденька Миклош, — говорит, — вот рубаха, вот штаны. Надевай да и погоним свиней.

Не хочет медведь. Ухватил его Янош и две затрещины отвесил. Медведь снова заводит:

— Рр-у, рр-у, рр-у-у-у!

— Как это еще вру?! Не вру, а погоним сей же час!

Увидал медведь, что сейчас еще затрещины посыплются, на дерево вскарабкался.

— Слезайте, дяденька Миклош, погоним свиней, поздно будет, вечер скоро!

Не идет медведь. Тогда выломал Янош длинную жердь и ну медведя тыкать.

— Ну, что, все не идете, дяденька Миклош?

Медведь снова заводит:

— Рр-у, рр-у, рр-у-у!

— Что это вы заладили — вру да вру! Ну-ка живо!

И с этими словами уцепил медведя за уши. Дал ему здоровенную плюху и вниз стащил. Шестом свиней погоняет, другой рукой дядю Миклоша держит. Свиньи как почувяли, что это такое — жердью по ребрам, сейчас в стадо сбились и пошли. Только одна идти не хочет, все на Яноша кидается, укусить норовит. Под конец Янош так треснул ее жердью, что она тут же и околела. Янош ободрал ее, изжарил и с дядей Миклошем поделился — покушай, мол.

Съели всё до крошки, дальше пошли. Дядю Миклоша

Янош вольно идти пустил, кричит, чтоб свиней гнал. А медведь только мечется туда-сюда, работать не хочет. Снова поймал его Янош за уши, силой потащил.

— Все равно свиней домой гнать, и вас, дяденька Миклош, отведу. Господин староста приказал, работник — исполняй!

Они уж у ворот были, как раз свиней загонять стали, тут только староста их увидал. Говорит жене:

— Ох, Боже милостивый, снова Янош явился, да еще сколько свиней приволок!

Янош говорит:

— Этому дяденьке Миклошу грош цена в базарный день! Чистую рубаху на него надел, штаны чистые — все равно идти не хочет. Зато жрать куда как горазд, полхлеба сожрал. Не отдавайте ему жалованья, не стоит он того!

— Ладно, Янош, ни единого крейцера не дам. Ничемный человечиска!

— А свиней-то куда запрем?

— В амбар запри, сынок, а дяденьку Миклоша — в свинарник.

Янош так и сделал. Свиней в амбаре закрыл, дядю Миклоша — в свинарнике.

На другой день староста говорит:

— Чем же я стану кормить такую прорву свиней? Ведь они меня с потрохами сожрут, ежели мы их обратно в лес не отгоним. Обратно, — говорит, — гнать надо.

Янош говорит:

— Я в свинопасы не пойду. Ежели господину старосте угодно, пускай сам гонит. А ежели нет, пускай дяденьку Миклоша посылает. Да всыпьте ему, как следует, он и не станет лениться!

Ну, да староста ни того, ни другого не хочет — ни к диким свиньям, ни к дяде Миклошу идти не желает. Говорит Яношу:

— Зарежем их, сынок, всех до последней.

Стали резать. Два дня режут и в соломе палят. На третий день вышла вся солома. Не в чем туши опаливать.

— Янош, сынок, — говорит, — ступай, сходи к соседу, попроси соломы взаймы.

Пошел Янош к соседу, просит взаймы соломы. Сосед говорит:

— Там, на задах, у амбара. Возьми оттуда, Янош, сколько нужно.

Янош целую коину подхватил и через двор понес, из сада. Да за угол амбара и зацепился. Спрашивает у соседа, можно ль подвинуть амбар чуток.

— Можно, Янош, можно.

Сосед-то думал, можно ль, дескать, нести.

А Янош ухватился рукою за амбар, толкнул амбар, унес солому. Опалили и остальных свиней, думают, куда столько мяса и сала деть, куда сложить.

Староста все голову ломает, как бы это Яноша как-нибудь извести. Был у него на дворе глубокий колодезь, без воды, пересох. Надумал староста сложить мясо в этот колодезь. Вот велел староста Яношу на дно спуститься, а устье колодезя громадным жерновом завалить велел, чтоб Янош выйти не смог. Видит Янош, не подают ему больше мяса, нечего складывать, уперся он обеими ногами в стенки колодезя и к устью поднялся. Смотрит, а устье громадным жерновом закрыто. Ну, Яношу это нипочем. Сунул он голову в дырку посередке жернова, да так, с жерновом на голове, из колодца и вылез. Идет к старосте, здоровается:

— Бог в помощь, добрый день, господин староста! Этаким шляпю у господина старосты никогда не бывало. Но не в том дело, а вот мясо почему больше не подают?

Староста говорит:

— Остальное я продал, Янош.

Тут приходит весть, что от их деревни двадцать, не то тридцать человек выставить надо. Большая драка идет, ту страну захватить хотят. Радуетя староста, теперь Яноша можно на битву, на войну отправить. Зовет он Яноша и говорит:

— Янош, сынок, на войну надо идти.

— А делать там что надо, господин староста?

— Ничего, только драться.

— Ладно, господин староста, пойду, — говорит.

Снарядил он Яноша в дорогу, дал ему кукурузной муки, пшеничной муки, свинины и большую сковородку. Отправился Янош. Приходит на войну и говорит:

— Сперва кукурузной каши сварю, после драться начну. Поем сперва досыта.

Варит он себе кашу, а вражеские ядра так и летят.

— Эй, не кидайтесь, а то худо вам будет!

А ядра, конечно, все летят. Какие мимо пролетают, какие прямо над котлом.

— Эй, да вы и впрямь мою кашу опрокинете! Уймись, не то пожалеете!

А ядра все летят, одно аккурат в котел и угодило. Котел вдребезги, каша вылилась. Осерчал Янош. Поблизости шатер стоял. Схватил он шест от шатра, кинулся на врагов, так их побил, что лучше и не надо.

Услыхал король, что явился какой-то малый, разбил врагов. Призвал он его к себе, с почетом привнял. Дочку замуж за него отдал.

Устроили богатую свадьбу. Ложек, тарелок вдоволь было, а все ж и тот себя счастливец считал, кому хоть капля супа досталась. И я на свадьбу ходил. Попросил мяса кусочек. А кто-то костью в меня кинул, так в левую ногу засадил — до сих пор хромаю. Там по соседству один человек жил. Голова совсем лысая была. Шаму Фехер Мартон его звали. Вот он тоже пришел, просит супа капельку. А кто-то осерчал, да тарелку супа на него и выплеснул, прямо с огня. Так он, бедняга, и помер со своею плешью.

А молодые и сейчас все живы, ежели еще не померли. Вот и сказка вся, расходишь, друзья!

РАБОТНИК ЯНОШ

Жила однажды на свете бедная вдова, и были у нее три сына. Бедные были, что церковная мышь. Говорит вдова большему сыну:

— Ступай, сынок, поищи-ка лучше места, чем нам дома голодом сидеть! Стыд и срам, право!

Ушел парень. Дорогою повстречался ему поп.

— Добрый день, Бог в помощь, ваше преподобье!

Поп спрашивает:

— Куда собрался, сынок?

— Места ищу, ваше преподобье!

— Вот и ладно, — говорит поп, — а я как раз работника нанимать иду. Как тебя звать? — говорит поп.

— Пиштой, — отвечает парень.

Поп говорит:

— Худо дело. Я было хотел Яноша нанять. Ну, да все равно, беру тебя в работники.

Принял, значит, парня. И так они уговорились, чтобы, кто первый осерчает, у того другой поршни из спины вырежет.

Пошел парень с попом. Как раз молотья стояла. А в старое время не было никаких этих моторов да машин, цепями молотили. Взялся Пишта за цеп еще с двоими молотильщиками. Пшеницу с усердием молотит.

Надо вам сказать, что в году тогда только три дня было. Вот молотит он первый день. Только, чу, двух других молотильщиков зовут завтракать, а его нет. И обедать не позвали, и ужинать тоже. Разозлился Пишта.

— Ваше преподобье, — говорит, — так я работать не согласен.

Говорит ему поп:

— Об этом, сынок, у нас речи не было. Харчей тебе от меня не будет.

— Тогда я сойду с места, — говорит парень.

— Что это? — спрашивает поп. — Никак ты осерчал?

— Как же не сердчать, ваше преподобье! — говорит ему парень. — Неужто вы так себе представляли, будто я на пустое брюхо работать стану?

Тут вырезал поп у Пишты из спины кожу на пару поршней.

— Теперь ступай с Богом! — говорит поп.

Воротился парень домой, рассказывает матери, какая с ним беда приключилась.

— Ничего, — говорит средний сын, — я пойду! Может, мне лучше повезет.

Идет средний брат тою же дорогою, какую старший уходил. А поп тоже в путь отправился, нового работника нанимать. Встречаются они.

— Добрый день, Бог в помощь, ваше преподобье!

— Куда собрался, сынок?

— В батраки, — говорит, — хочу напряться, потому как бедняки мы, жить нечем.

— Вот как хорошо, что мы с тобой повстречались, сынок! А звать тебя как?

— Дюри.

— Жаль, — говорит поп, — мне бы Янош нужен в работники. Ну, да уж ладно. Жалованье положу тебе хорошее, только чур: кто первый осерчает, тому отрежем пос.

На том и согласились.

Пошел парень с попом. Все еще молотьба стояла. Зовут двоих молотильщиков завтракать, а Дюри не зовут. И обедать тоже не позвали. Осерчал Дюри, бежит в дом:

— Ваше преподобье, неужто вы воображаете, что я на пустое брюхо стану работать? Дайте что-нибудь поесть!

— Об этом, — говорит, поп, — у нас речи не было, сынок.

— Ежели даже и не было, я без харчей работать не согласен. Этакого от меня никто требовать не может!

— Стало быть, серчаешь, сынок, Дюри?

— Как же не серчать, ваше преподобье! — говорит ему Дюри.

— А коли так, подавай сюда нос, сынок!

Воротился Дюри в тот же вечер домой. Тоже рассказал, что у него с попом получилось.

— Ну, черт вас побери, — говорит меньшей сын, — теперь моя очередь! Я с ним разделаюсь, с этим попом! Только бы мне с ним не разминуться!

На другой день утром отправился меньшей сын в работники поступать. Той же дорогою пустился, что двое старших братьев уходили. А поп тоже вышел, работника искать. Встречаются они. Янош еще издали шляпу снял.

— День добрый, ваше преподобье!

— Бог в помощь, сынок! Зачем в путь отправился?

— Места ищу, ваше преподобье, — отвечает парень.

— А как тебя звать? — спрашивает поп.

— Яношем.

— Вот это хорошо! — говорит поп. — Я как раз Яноша в работники ищу. У меня всегда Янош в работ-

никах жил, только двоих по-другому звали, и никак я с ними поладить не мог.

Янош говорит:

— Ваше преподобье, я на год не нанимаюсь, это слишком мало, мне бы наняться до той поры, покамест кукушка не закукует, потому как зима идет, а дома есть нечего. У вашего преподобья, уж верно, найдется, что делать.

— Ладно, сынок, — говорит поп, — служи, покамест кукушка не закукует, только чур: кто первый осерчает, тому оба ухаотрежем.

— Это пожалуйста, — говорит Янош, — до меня очередь не дойдет, это я точно знаю!

Пошли домой. Янош тоже молотить принялся вместе с двумя молотильщиками. Двоих молотильщиков завтракать кличут, Яноша — нет. Он тогда не очень еще проголодался, обожду, думает, до обеда. В обед кличут двоих молотильщиков, Яноша — нет. Ну, да он тоже не будь плох, огляделся, видит пустой мешок. Насыпал полно пшеницы, на спину взвалил. А по соседству была большая харчевня. Прибегает он туда и говорит:

— Господи! хозяин, дайте мне за эту пшеницу чего-нибудь поесть, только сейчас же, быстро!

Хозяин ему говорит:

— Сынок, за мешок пшеницы я тебя хоть целую неделю кормить буду, не то что сейчас.

— Да мне сейчас надо, — говорит ему Янош. — Когда проголодаюсь, еще принесу. Там этой пшеницы завались.

— Тем лучше, — говорит хозяин.

Принес Яношу поесть, попить и вкусно, и вдоволь.

Янош в два счета наелся, обратно побежал.

Двое молотильщиков еще не воротились, а он уж снова в риге посвистывает.

К ужину тоже не позвали Яноша. Поп двоим молотильщикам сказал, чтоб ужинать шли, Янош в риге остался. Снова он в харчевню с мешком пшеницы побежал, хороший ужин за нее получил.

На другое утро опять таким же манером мешок пшеницы отнес. Доволен Янош, веселится, а поп удивляется: как это до сей поры не осерчал парень? Как голод терпит?

Вот двоих молотильщиков в другой раз обедать кликнули, а поп за Яношем стал подглядывать. Видит, насыпал Янош мешок пшеницы, на спину подхватил, уходит. спрашивает поп:

— Куда ты пшеницу понес, Янош?

— В харчевню, — говорит, — ваше преподобье, меня за нее обедом накормят. Может, вы, ваше преподобье, осерчали, что я пшеницу из дому пону?

— Что ты, что ты, я никогда не серчаю! Только будь такой любезный, отнеси обратно. Тебя на кухне обедом накормят, я распоряджусь, — отвечает поп.

Обедает Янош на кухне, и, покуда вышел, двое других уж и отмолотились.

Кончилась молотба, а у попа была громадная куча навоза.

— Слышь-ка, Янош, — говорит ему поп, — надо тебе навоз вывезти. Дорога нынче хорошая, погода хорошая, вывози на мое поле.

— Ладно, ваше преподобье, вывезу, только пускай покажет кто, какое ваше поле, чтоб ненароком на чужое не вывезти.

— Нет, — говорит поп, — это ни к чему. Захвати с собой мою выжлицу, она знает, где мое поле, всегда там катается-валяется — там и сваливай навоз.

Были у попа две добрые лошади, запряг их Янош, навоз на телегу навалил. Как выехали за деревню, там как раз глубокая канава, соскочила выжлица в канаву и давай кататься-валяться. Подогнал Янош телегу к канаве и сбросил туда навоз. Как приехал обратно, поп спрашивает:

— Ну, как, валялась выжлица?

— Еще бы, ваше преподобье, и каталась тоже, — говорит Янош.

Вот он накладывает да возит, накладывает да возит, быстро дело подвигается, может, раз пятьдесят за один день съездил, к вечеру ничего навоза не осталось. Вечер хороший был, хотя и осень, поп и говорит жене:

— Пойдем, Катяца, прогуляемся до нашего поля, поглядим, куда этот парень столько навоза свалил.

Вышли они в поле. Видят, ни крупички навоза на их поле нету! А когда назад стали возвращаться, увидели, что канава полна навозом насыпана. Дома поп говорит:

— Слышь-ка Янош, ты куда весь этот навоз вывез? На моем поле вовсе ничего не свалил. — Это поп говорит.

— Стало быть, ваше преподобье, собаку лучше учить надо. Вы мне сказывали там сваливать, где собака стает валяться. Может, вы серчаете, ваше преподобье?

— Что ты, что ты, я, как не свет родился, никогда еще не серчал!

Подступила мокрая погода. От поповского дома до церкви грязь непролазная. Раз в воскресенье утром ушел поп в церковь, а Яношу наказал:

— Слышь-ка, Янош, положи тут что-нибудь, чтоб, как из церкви выйду, туфли в грязи не утонули бы.

Было у попа штук двадцать пять овец. Янош всем головы поотрезал и всех в один ряд положил. С одной на другую переступить можно.

Вышел поп из церкви, видит, все его овцы тут, в грязь уложены. И все до одной без головы. Идет он домой, трясется от злости.

— Слышь-ка, Янош, зачем ты моих овец сгубил?

— А зачем вы, ваше преподобье, не сказали, что мне в грязь положить? Или, может, вы серчаете?

— Что ты, сынок, не серчаю и не серчал никогда, — говорит, потому как за уши за свои боится.

На другое воскресенье снова ушел поп в церковь, и попадья с ним вместе. Было у них малое дитё, мальчик месяцев этак семи или восьми. Попадья говорит:

— Слышь-ка, Янош, ежели вдруг заплачет дитё, вынь его и вычисти.

Она то сказать хотела, чтоб Янош его в чистое завернул, но только не так сказала, а чтоб вычистил дитё Янош. А еще велела, чтоб он суп сварил и не забыл сельдерей и петрушки положить.

Была у попа собачонка, по кличке Сельдерей, и кошечка, у нее как раз Петрушка была кличка. Поймал их Янош и обоих живьем в чугунок сунул. Они мигом в кипятке околели.

Тем часом захныкало дитё. Янош подскочил, вспорол ему животик и дочиста вымыл нутро в корыте. После уложил обратно в люльку и накрыл, как следует быть. Пусть, дескать, спит себе дальше.

Конечно, и снаружи тоже помыл, в чистое запеленал.

Пришли хозяйева из церкви. Янош, как мог, постарался, чтоб кошка с собакой поверх морковки не всплыли, и еще здоровый кусок курятины в чугуи бросил. Попадья, как воротилась, клецки в суп запустила.

Сели есть. Поп куриную ножку обглодал, кость под стол бросил.

— Что ж Сельдерей-то не идет косточку грызть? Ведь он как косточки любит!

— Да откуда ж он возьмется? — спрашивает Янош.
— Вон он где, в чугуе!

Вышла попадья, помешала суп. А там и собака, и кошка, обе в шкуре сварены. Стошнило попа с попадьею. Попадья говорит:

— Слышь-ка, Лаци, как крепко дитё заснуло!

Пошла поглядеть на дитё, видит, оно как воск отцеженный. Уж и остыло.

— Слышь-ка, Янош, что ты с дитём сделал?

— Так ведь ее преподобье приказали, чтоб вычистить. Я, — говорит, — и вычистил, как сумел. Или, может, вы сердчате, ваше преподобье? — спрашивает Янош.

— Что ты, сынок, не сердчаю и не сердчал никогда, — отвечает поп.

На другой день похоронили дитё, и дело с концом. Следующее воскресенье приходит. Опять поп в церковь собрался. Теперь уж никакой кухонной работы Яношу не задают. Говорит ему поп:

— Слышь-ка, Янош, нечего тебе целый Божий день лодыря праздновать, работай и ты что-нибудь.

— Я работать очень даже люблю, — говорит Янош, — только скажите, ваше преподобье, что мне делать.

Поп говорит:

— Что ж я тебе всякий раз говорит должен! Погляди, что у соседей делают, и ты то же делай.

А по соседству стоял совсем худой дом. Видит Янош, взялись плотники дом разбирать. Как раз начали. Янош не долго думал, схватил топор, влез на чердак принялся по всей кровле дранки да рейки отбивать.

Покуда поп из церкви воротился, дом уж и раскрыт весь. Приходит поп, видит, что Янош делает.

— Ох, Янош, что ж ты здесь наработал?

— Так ведь ваше преподобье то велели работать, что

у соседей работают. Или, может, вы сердчаете, ваше преподобье?

— Что ты, не серчаю и не серчал никогда! — а сам страсть, как осерчал.

Была у попа в саду высокая, раскидистая черешня. И еще была у попа мать-старуха. Вот приставил поп к черешне лестницу и говорит матери:

— Матушка, полезайте на дерево, а я лестницу убери, чтоб этот малый не увидал. Вы оттуда кукушкой закукуйте, тогда, — говорит поп, — может, я сумею его из дому выставить, потому что у нас в уговоре так было, покамест кукушка не закукует.

Влезла старая чертовка с превеликою мукой на черешню. Пристроилась кой-как промежду сучьев. Поп лестницу унес, чтоб Янош ничего не смекнул.

А Янош всю эту затею выследил.

Вот заводит старая попадьа на дереве:

— Ку-ку! — Четыре, не то пять раз по-кукушечьи крикнула: — Ку-ку!

Услыхал Янош, побежал в горницу. Ружье взял. Поп как раз в конторе своей сидел, не заметил, как Янош с ружьем выбежал. Прицелился Янош да старуху с дерева и сбил.

— К чертям собачьим эту кукушку, ведь снег еще повсюду! Как она смеет голос подавать, раз весна еще не подошла!

Бегут на выстрел поп с попадьей. Пока добежали, старуха уж померла.

— Слышь-ка, Янош, ты зачем матушку мою застрелил?

— Глупости вы говорите, ваше преподобье! Я кукушку застрелил, боле никого! Кто этакое слышал, чтоб кукушка в феврале куковать зачинала? Ясное дело, с ума спятила. Вот я ее и подстрелил.

— Ох, Янош, овец ты моих сгубил, дитё сгубил, матушку сгубил!...

— Ну-ка, подавайте-ка сюда уши, ваше преподобье, сейчас обрежем!

Так свел работник Янош счеты с попом. После ушел своей дорогою. Они все и до сей поры живы, ежели только не померли.

МЕЛЬНИЧКА

За семижды семью землями жил однажды бедняк, и столько было у него детей, сколько в сите дырок, да еще на одного больше. Всего имения у того бедняка только и было, что пара волов, и выехал он со своими волами пахать. Пашет он, пашет и вдруг замечает, летит громадная стая воронов. Летели они с войны. Подлетают к бедняку. Говорит ему воронов атаман:

— Эй, послушай-ка, не уступишь ли одного вола? Мои солдаты его съедят.

— Как же так «уступишь»? — говорит бедняк. — Что вы мне заплатите?

— А что запросишь, то и заплатим. Хочешь — золотом, хочешь — деньгами.

Уговорили бедняка, отдал он вола. Насели на него вороны, съели. Да только не наелись, мало им одного, просят и другого.

— Уступи и другого, бедняк, — говорит атаман, — чтобы моим солдатам досыта наесться. Зато после, ежели придешь к нам, в Вороново царство, дадим тебе, что ни пожелаешь.

Отдал им бедняк и второго вола. Съели его вороны. Говорит атаман:

— Эй, послушай-ка, ежели попадешь к нам, в Вороново царство, не принимай от нашего короля ничего, что бы он тебе ни давал, — золото ли, серебро ли или еще что, — не принимай, говорю, ничего. А скажи ему, дескать, дай ты мне твою мельничку.

Распростились вороны и улетели. А бедняк бросил на поле плуг, телегу, воз, — все бросил да пошел домой. Приходит — жена и дети в слезы:

— Где ж волы-то?

— А воронам отдал. Они обещались, что заплатят, ежели я в Вороново царство приду.

— Ой, да ты с ума спятил? Да есть ли у них царство? Да разве они могут заплатить? Что ж теперь с нами будет?!

Говорит бедняк:

— Испеки мне погачу в золе.

Испекла жена, положила в сумку, отправился бедняк. Пошел он в Вороново царство, и, когда был уже неподалеку, выехали ему навстречу вороны в коляске. До того радуются, такой почет оказывают, уж и не знают, что бы такое для него сделать! Явился он в королевский дворец, вышел сам король, приняли бедняка на славу. Ели, пили, гостю тоже дали. Король очень его благодарил, что не дал он пропасть королевским солдатам. А после стал показывать ему золото. Предлагает всякие дорогие вещи, да только бедняк ничего не берет, а говорит королю так:

— Есть у тебя маленькая мельничка, ничего другого мне не надобно.

Не очень-то хотел король отдавать свою мельничку, а все-таки отдал. Бедняк взвалил ее на плечо и отправился домой.

Догоняет его ворон.

— Эй, бедняк, ведь ты не знаешь, как с мельничкой обращаться?

Говорит бедняк:

— Поняття не имею.

— А ей только приказать надо: вертись, мельничка, крутись, корми, пои досыта!

А у мельнички уж и готово все! Все вкусное да горячее!

Наелся бедняк, простился с вороном и дальше пошел. Идет, бредет, снова проголодался. Только он начал:

— Вертись, мельничка, крутись... — а уж все и готово! Сел бедняк за еду. Сидит, угощается при дороге, и подходит к нему цыган.

— Как это так, друг? Ни огня у тебя, ни воды, а горячее кушаешь!

— А это все моя мельничка, — отвечает бедняк, — она все делает. Садись и ты, покушай.

Сел цыган, поел, а после и говорит:

— Эй, друг, не променяешь ли свою мельничку? У меня есть сумка, а в сумке палка, ей только прикажи: «Палка, вон из сумки!» — она и выскочит.

Говорит ему бедняк:

— Ладно, променяю.

Променял он мельничку, сумку с палкою на плечо повесил. Цыган забрал мельничку, и оба отправились

своей дорогой. Прошел сколько-то бедняк, проголодался. Вспомнил про мельничку.

— Палка, вон из сумки! Беги за цыганом, дай ему по башке, отними мельничку!

Вот побежала палка, отняла мельничку, принесла обратно. Снова приказывает бедняк:

— Вертись, мельничка, крутись, корми, пой досыта!

Присел бедняк поесть. Опять сидит, угощается, и подходит к нему коробейник с большим мешком. А в мешке — косы.

— Как это так, добрый человек? Ни огня у тебя, ни воды, а горячее кушаешь?!

— А это все моя мельничка, она все делает. И ты садись, покушай.

Сел он, поел немного, после и говорит:

— Не променяешь ли мельничку за этот мешок с косами?

— Отчего ж нет!

— Им только надо приказать: «Режьте, секите!» — они и выскочат.

Поменялись, разошлись. Идет бедняк домой, снова проголодался, вспомнил про мельничку.

— Эй, коса, вон из мешка! Беги за коробейником, отсеки ему голову, отними мельничку!

Побежала коса, отняла, принесла. Снова приказывает бедняк:

— Вертись, мельничка, крутись, корми, пой досыта!

Снова присел, ест, подходит к нему немец.

— Что такое? Как так? Ни огня у тебя, ни воды а горячее кушаешь!

— Бог дал. Садись немец, покушай и ты.

Сел он, поел, благодарит:

— Вот что, добрый человек, ты меня накормил, а я тебе за то шляпу подарю. Ей только приказать надо, скажешь ей: «Буль-буль-булькен!» — и сейчас дождь так и хлынет, как из ведра!

Взял бедняк шляпу, пошел дальше. Теперь уж скоро и до дому добрался. Дети, жена, как увидели его, очень удивились. Они-то думали, что его уж и в живых-то нет. Вошел он в свою лачужку и ну приказывать мельничке:

— Вертись, мельничка, крутись, полон стол еды явись!

И пожалуйста — все готово!

— Ну, садитесь, ребятишки, кушайте. Чего еще желаете?

— Одежду хотим хорошую.

— Вертись, мельничка, крутись, одень всех ребят с головы до пят!

Она и одела всех.

С той поры они жили — не тужили, да так и живут, если еще не померли.

ШМЕЛЬ И МОХНАЧ

Было то или не было, — ни я того не знаю, ни ты, — а только в двух самых дальних углах белого света стояли два полка, и из каждого полка уволили со службы одного пораненного солдата. Оба безродные были, бездомные, и отправились оба, куда глаза глядят. По случаю сошлись оба в большом городе, там как раз ярмарка была. Вот слоняются они по ярмарке, а только не продают ничего, не покупают, потому как продать нечего, а купить не из чего. До той поры оба голову ломали, как бы денег хоть сколько-нибудь зашибить, покамест оба кой-чего не надумали. Один в лес пошел, набрал мешок чернильных орешков и на ярмарку воротился, чтоб наместо орехов какому ни на есть простаку всучить. Другой мешок червивых желудей набрал и за шерсть хотел выдать.

Долго оба со своим товаром расхаживали, а только втемную никто брать не желает. Друг с дружкой тоже не один раз встречались, но не заговаривали. Под конец тот, что шерсть продавал, окликнул второго:

— Что у вас, земляк?

— Орехи. А у вас?

— У меня шерсть, да никто втемную брать не желает, а я без погляда хочу продать.

— Вот и я так же свои орехи продаю. Знаете что? Поменяемся!

Обменялись они мешками втемную и разбежались поскорей. Обоим охота поглядеть, что за орехи, что за

шерсть, смотрят — друг дружку надули! Тут же назад повернули и середь базара повстречались.

— Ну, кум, — говорит торговец шерстью, — вижу, вы такой же в точности плутяга, как я, а я такой же в точности плутяга, как вы. Сделаем-ка складчину, станем добрых людей вместе дурачить.

— Я не против, — отвечает другой, — а как вас прозывают?

— Шмель. А вас?

— Мохнач.

Тут стали оба мошенника раздумывать, как прожить чем полегче, а работать чем поменьше. Под конец решили идти службы искать. Заявились они к какой-то старой ведьме. Ей только один работник был нужен, да они друг без дружки не нанимаются, просят-умоляют старуху, чтоб обоих приняла. Старуха им твердит, что ей только один нужен, что у ней только всего и есть, что одна корова, что, дескать, двоим округ одной коровенки делать? То, другое, ну, да двое отставных так в нее и вцепились, взяла обоих. Радуются двое отставных, как дурак грошику. Ведь и правда: сколько там округ одной коровы работы? Так условились, что один будет гонять корову на пастбище, другой — хлев чистить.

На первый раз Шмелю корову выгонять. Раздобыл он трубку с долгим чубуком и соломенный стул, чтобы, как придет на луг, на стул бы сесть, трубку запалить да покуривать себе, ровно турецкий паша, а корова округ него тихо-мирно пастись будет. Мохнач тоже надрываться не хотел. «С утра, — думает, — хлев вычищу, а после на полный день спать завалюсь, только поесть встану».

Отправился утром Шмель. Хлеб и сало в сумку сложил, стул к спине привязал, трубку в руке несет. Чуть за город вышли, корова как ударится бегом. Шмель — за ней. Когда уж он совсем приморился, остановилась корова, пощипала травки и снова бежать пустилась.

Так полный день было. Бедный Шмель чуть Богу душу не отдал, пока вечером домой воротились. Но и Мохначу пришлось не легче. Принялся он утром навоз лопатить. Одну лопату выкинет, вдвое прибавляется, так что поздно вечером только кончил. После стал

в дверях, Шмелья поджидает. Мало спустя пригоняет Шмель корову.

— Ну, друг, — спрашивает Мохнач, — как тебе работалось?

— Очень даже хорошо, друг, чуть за город вышел, такую важную нашел лужайку — трава по колено! Сел я на стульчик, запалил трубку, так все время и просидел. А ты что целый Божий день делал?

— С утра выкинул лопаты две-три навоза, после лег, проспал до самых полдней, в полдни встал, поел, опять завалился. Только сейчас проснулся. Ну, да завтра ты дома оставайся, а я с коровой пойду. Выспишься всласть!

Шмель балахоном прикрылся, ухмыляется. «Ну, ты-то не выступишься!» Это он про себя подумал, вслух ничего не сказал.

На другой день Мохнач корову погнал, наперед того стул и трубку с долгим чубуком у Шмелья выпросил. В точности то же и с ним случилось, что накануне со Шмелем, до того набегался, что ног под собою не чувял. А Шмель дома как взялся навоз лопатить, так только к сумеркам и управился. Тут и Мохнач с коровою воротился, сердитый. Сразу накинулся на Шмелья:

— Ты почему мне не сказал, какая корова бешеная?

— Ха! А ты почему не сказал, какой навоз бешеный?

Стали они совет держать, что за оказия такая. Под конец догадались, что хозяйка у них ведьма и надо завтра же бросать службу.

А старая ведьма подделушала этот их разговор. Знала она, что работники будут расчет просить, и задумала их надуть. Подучивает служанку:

— Ежели скажу тебе, что принеси, мол, денег из ямы, ты ничего не говори, а спроси только, каких, мол, желтых, белых или красных. После выйдешь на часок и принесешь вот это, — и подает служанке мешок медных денег.

Наутро, и правда, являются двое отставных, расчета просят. Ведьма кличет служанку:

— Эй, Марча, ступай принеси из ямы полпередника денег.

— Каких? Желтых, белых или красных?

— Нынче и красных довольноно.

Переглянулись двое отставных, в окно поглядывать

стали, куда служанка пойдет. Видят, в саду яма, в дальнем углу. Моргают друг дружке, украсть, дескать, нетрудно будет. А вслух ни слова не сказали.

Не скоро воротилась служанка, а как воротилась, разочлась старая ведьма с обоими отставными и отпустила их с Богом. Они насилу дождались, пока смерклось. Раздобыли они веревку, мешок у них был — на кражу отправляются. Пролезли на задах через садовую изгородь, быстро яму отыскивали. Тут принялись совет держать, как вниз спуститься.

— Ступай-ка ты, — говорит Шмель, — ты и потоньше и полегче, обвяжем тебя веревкою вокруг пояса, так и спущу тебя. Набьешь полон мешок, я сперва мешок вытяну, а после — тебя.

Согласился Мохнач. Спустился он в яму, шарит кругом себя руками, ничего не находит, кроме что костей колотых, дохлых мышек да лягушек да еще, может, говна кошачьего.

А Шмель все спрашивает сверху:

— Есть? Много? Можно уж тащить?

Не посмел Мохнач сказать, что нашел, побоялся, что бросит его приятель, только и ответил, что, мол, кончает мешок накладывать. А пока отвечал, тем временем сам в мешок залез. Устроился поудобнее и кричит во все горло:

— Тяни, друг, полон мешок!

Вытянул Шмель мешок, взвалил на спину и припустился, как из пушки вылетел. Мохначу в яме (он-то думал, что Мохнач в яме остался) слова не сказал. Тащит он мешок, не разбирая дороги, чуть не надорвался. Выбрался за город, тут подает Мохнач голос из мешка:

— Дальше не надо, друг, будет с меня.

Шмель чуть не лопнул с досады, что его так провели:

— Ах, ты, такой-сякой, окаянный, значит, это я тебя тащил?

— Так ведь, друг, — отвечает Мохнач, — я же знал, ежели только скажу, что я там нашел, ты меня бросишь, как Павел-апостол — румынов, вот я и подумал, что так лучше будет.

Присмирел Шмель, увидел, что опять он сукиным сыном против Мохнача вышел. Спрашивает приятеля, что там в яме было.

— Ничего, друг, не было, только кости колотые, мышцы да лягушки.

Оба смекнули, что опять друг дружку провели, а вдобавок старуха их обоих одурачила. Пуще прежнего бранят старую ведьму. Бранились они, бранились, а после совет держать стали, как на пропитание зарабатывать. В конце концов, порешили, что как-нибудь проживут, а работать ни за что не будут: не потечет, так накапает. Не долго думая, пустились они в путь, самую торную дорогу выбрали, а куда она ведет, того и знать не знают. Идут, бредут, глядь, корчма стоит, а кругом корчмы все виселицы, и на каждой виселице по удавленнику, ну, да все равно взойли двое оставшихся. Не вытерпел Шмель, спрашивает у корчмаря:

— Скажите, господин хороший, почему здесь столько висельников повешано? Какое же это злодейство они могли учинить? Я чуть не весь свет прошел, а эдакого никогда не видывал!

— Очень даже просто, господин солдат, был у нашего короля перстень, а в том перстне камень, и как повернет король перстень камнем к себе, так целый свет видит, а ежели от себя повернет, тогда свет его видит. Этот перстень на днях пропал, куда делся, никто не знает, вот король и повестил на весь свет, ежели кто скажет, где его перстень, того он важным господином сделает, ровно бы королем, только поменьше, но ежели точно сказать не может, пусть лучше вовсе не берется, потому как, ежели неправильно скажет, повесит его король. Это все гадальщики были, да ни один правильно угадать не смог, вот их и вздернули без всяких разговоров.

Шмелю больше ничего знать не надо. Говорит он корчмарю:

— Я тоже гадальщик, предоставьте меня к его королевскому величеству!

Бедный Мохнач знай дергает его сзади:

— Тебя, — говорит, — тоже повесят!

Куда там, еще упорней свое твердит, я, мол, тоже гадальщик!

Корчмарь мигом верхового послал весть королю подать, какие люди у него в корчме объявились. Король, как про то узнал, мигом отправил к корчмарю карету

четвернею. Шмель сел в карету, а корчмарю наказал, покуда он не воротится, чтобы Мохначу все давать, что ни спросит. Не оплошал Мохнач, полный день все только ел да пил, в охотку ль, через силу ли. А все ж сверлит в голове, что, дескать, со Шмелем станется? Они, конечно, уж и свыклись друг с дружкойю, но главное, у Мохнача гроша ломаного за душою не было, а долгов — куча. Решил он про себя, как завидит, что везут Шмеля, тут же давай Бог ноги! Но покамест Мохнач так умом раскидывал, у Шмеля тоже дело шло нехудо.

Взошел Шмель в королевский дворец, все низко кланяется, почтенье оказывают. Отвели ему особый покой, заперся Шмель. Как один остался, вынул календарь, что в корчме стянул, раскрыл книжку. Читать-то он не мог, вот и принялся пальцем тыкать то в белую бумагу, то в черные буквы, то в красные завитушки, тычет и приговаривает:

— Вот белый, вот черный, вот красный. Вот белый, вот черный, вот красный.

Наруже все подслушать старались, что гадальщик говорит, да разобрать толком не могли. Трое королевских слуг, которые перстень украли, они больные всех и уши настораживали, но тоже без толку. У них, у троих такие были прозвания, что одного Белым прозывали, другого Черным, третьего Красным.

Шмель, как взошел к королю, попросил у него три дня сроку, меньше, дескать, никак нельзя, а за три дня он как раз угадает, где драгоценный золотой перстень. Король с дорогой душой и шесть дней дал бы, только б любимое сокровище отыскалось. Воротился Шмель в особый покой, снова свое твердить взялся.

Прошел первый день. Посылает король слугу, Белого по прозванию, звать Шмеля обедать. Тот отворил дверь, а Шмель как раз говорит:

— Вот белый.

Очень испугался слуга, он-то думал, что Шмель его называет. А все ж собрался с духом, сказал, зачем пришел. Шмель вздохнул глубоко и говорит:

— Ну, слава Богу, этот уж точно есть!

Он про обед думал, что не уйдет от него нынешний обед, а слуга на свой счет принял. Теперь уж он и не

сомневался, что гадалщик все знает. Прибежал он к своим дружкам, трясется со страху. Стали они совет держать, как быть, что делать.

— Всего бы лучше с ним столкнуться, — говорит один, — потому как, ежели он откроет королю, что это мы, висеть нам на перекладине всем троим.

— Погодим еще день, — говорит другой, — может, еще он не про нас думал.

На другой день посылает король к гадалщику другого слугу, Черного по прозванию. Вошел он, а Шмель как раз говорит:

— Вот черный.

Бедный слуга так и остолбенел, до того перепугался, когда прозвание свое услышал, а все ж кой-как пробормотал, зачем пришел, — зовет, мол, король гадалщика к обеду. А Шмель вздыхает глубоко:

— Ну, слава Богу, и второй уж точно есть.

Слуга, как это услышал, насилию ноги за порог вынес. Тут же решили они отдать гадалщику кольцо и задобрить его, чтоб он их не выдал. Сразу после обеда к нему и явились. Шмель, с умным видом, снова по календарю вычитывает:

— Вот белый, вот черный, вот красный.

— Господин гадалщик, начал первый слуга, — мы уж видим, вы по этой вашей книжке все узнали. Верно, мы украли, а нынче за тем пришли, чтоб вам, господин гадалщик, перстень отдать. И еще, сверх того, хорошо вам заплатим, только не взводите вы на нас обвинения перед его величеством королем!

Шмель очень обрадовался, однако ж притворился, будто, и вправду, все уже знал. Столковался он со слугами, что не выдаст их, ежели они заплатят, как следует. Что он запросил, они дали.

На третий день, за обедом, спрашивает король у Шмеля:

— Ну, господин гадалщик, три дня прошли, вы уже знаете что-нибудь про мой перстень?

— Конечно, знаю, король-государь, да сказать еще не могу, потому как срок еще не вышел. Еще одна ночь осталась, и ежели я прежде времени скажу, всей моей науке конец, но завтра утром, как ваше величество встанет, сразу все открою.

После обеда вернулся Шмель к себе, в особый покойчик, и до той поры голову ломал, покамест не придумал, что делать с перстнем. Был у короля любимый павлин, король его птенцом получил, сам вырастил и, что ни день, из собственных рук кормил. За корову стельную, и то не отдал бы этого павлина! Шмель видел, что павлин всегда округ короля расхаживает, и надумал про себя, как там ни будь, а перстень этот ему скормить. Поутру он спозаранку поднялся, все в доме еще спали. Павлин уже по двору разгуливал. Шмель ловко его приманил, стал кидать хлеб, а в один кусочек запрятал перстень и тоже бросил. Павлин и этот кусочек сожрал.

Только он с этим покончил, только отогнал от себя павлина, выходит из дому король. Шмель — к нему:

— Ну, король-государь, приспел срок, теперь могу сказать, где перстень. Прикажите, ваше величество, убить павлина, — у него в зобу. Однажды ваше королевское величество умывались, а перстень рядом положили, павлин подошел и склонул, перстень так в зобу и застрял.

— Ладно, — говорит король, — но ежели не будет там перстня, помрешь ты у меня, господин гадальщик, злою смертью, потому как из-за тебя я любимую свою птицу загублю. Подумай-ка еще раз, да хорошенько, вот тебе мой совет.

А Шмель на своем твердо стоит, он, дескать, знает, где кольцо, из книги из своей вычитал, надо павлина зарезать. Зарезали. Смотрят король и королева, как его станут потрошить. Вспорола служанка зоб, и выкатился наружу перстень, чудо какой красивый.

Очень обрадовались король с королевою. Расцеловали Шмеля в обе щеки. После и родственников созвали и свойственников, и близких, и дальних, и устроили пир на славу.

После обеда прохаживалась королева в саду со Шмелем под ручку. Вот прогуливаются они, и вдруг поймала королева большого шмеля.

— Ну, господин гадальщик, догадайтесь, что у меня в руке. Сто золотых в награду!

Почесал Шмель в голове, бормочет про себя:

— Ну, Шмель, попался!

— Точно, господин гадальщик, — говорит королева, — ваша правда! Большой шмель!

Идут они дальше, снова обращается королева к Шмелю:

— Здесь в саду, на задах, сидит дикий зверь, догадайтесь, какой, господин гадальщик. Сто золотых в награду!

Видит Шмель, что раньше или позже прознают, что никакой он не гадальщик, вздохнул, нахмурился:

— Да, теперь я вижу: как лисица ни изворачивайся, под конец все равно в яму угодит.

— Точно, опять ваша правда, господин гадальщик, там лисица в яме сидит!

Очень обрадовался Шмель, что опять выскочил, не завязнул, но уж больше никаких ответов не давал, об чем бы ни спрашивали.

— У нас такой закон, чтоб зараз не больше, как три гаданья.

Его больше и не тревожили.

На другой день шестеркою заложили карету. Шмель нагрузил много денег, после сам сел, распрощался с королем и назад поехал, в корчму.

А Мохнач все в дверях караулит, когда, наконец, приятеля вешать привезут. Вдруг видит, подъезжает карета, шесть лошадей в запряжке, одна другой краше, смотрит лучше, видит, внутри Шмель сидит. Мохнач подумал, это сон, но только тогда удивился он по-настоящему, когда Шмель соскочил на землю и велел целую казну в дом заносить. Начал Мохнач расспрашивать, что да как.

— Что да как, это неважно, друг, а важно, что у нас денег куча, можем с тобой есть да пить, сколько влезет. Слыхал, как говорят: хочешь выиграть — не трусь? Так оно и есть.

Тут пошло у них веселье, кто мимо корчмы ни пройдет, ни проедет, всех подряд угощают, день и ночь пир, без конца, без края. Денег-то было, что полowy.

Ну, да какая бы длинная ни была колбаса, есть и у ней конец, остались двое отставных без единого гроша, еще и корчмарю задолжали. Сели они совет держать, что дальше делать. И на том порешили, что всего лучше улизнуть, не простившись. Той же ночью со-

брали они свои пожитки, стянули у корчмаря большой фонарь, поклонились только притолоке да в лес ушли.

Блуждают они по лесу и вдруг слышат, вроде бы какой-то крик, прислушались получше, и правда, как будто сеорятся или бранятся, пошли на шум — оказались посреди кладбища, у стены разваленной церкви. Заглянули в окно, видят, двенадцать разбойников груды золота и серебра делят и над поживой грызутся.

Долго раздумывали двое отставных, и оба над одним голову ломали — как бы это золото и серебро у разбойников отнять. Наконец, Мохнач говорит:

— Попытаем-ка удачи, друг, не сможем ли этих живорезов испугать? Прикинемся выходцами с того света, и, ежели они струсят, поделим мы с тобой эти денежки.

Шмель согласился. Еще немного посоветовались, как за дело приниматься, и под конец вот что придумали.

У Шмеля был длинный белый солдатский балахон. Накрылся он этим балахоном с головой, в руку фонарь взял и медленным шагом вошел в церковь, к разбойникам, да как загудит, будто в печной чугунок:

— Подымайтесь, погребенные тысячу лет назад, час суда настал, каждый да ответит за дела свои!

А Мохнач снаружи швыряет в разбойников камни и кости и кричит:

— Идем, господин, все, как один! Идем, господин, все, как один!

Тут разбойники разбежались в разные стороны, что цыплята, одежду, и ту бросили, только бы не застал их на кладбище Страшный Суд!

Принялись двое отставных деньги делить. Однако было у них подозрение: а ну как живорезы назад воротятся? И вот стали они кричать:

— Не отдам тебе мою денежку! Не отдам мою денежку!

Это они правильно надумали, потому как один из разбойников воротился поглядеть, вправду ли там выходцы с того света. Но когда он услышал, что они кричат, тут же назад кинулся, к своим приятелям:

— Эй, послушайте, их там столько, что каждому даже по монетке не досталось, а ведь денег пропасть была! Все в один голос орут: «Не отдам тебе мою денежку! Не отдам мою денежку!»

Тут разбойники и из лесу вон убежали, до того перепугались.

А двое отставных поделили деньги, каждому по целому мешку досталось. Бросили они разваленную церковь, из лесу вышли. Дошли до распутья, Шмель и говорит:

— Ну, любезный друг, довольно мы с тобой вместе пожили, довольно добрых людей вместе подуррачили, денег у нас теперь вдоволь, проживем и порознь, друг без дружки. Вот распутье, ступай-ка ты направо, а я налево пойду, а ежели еще когда друг на дружку набредем, снова вместе зажить сможем.

Распроцались они, один налево отправился, другой направо, а ежели бы не разошлись, так еще много плутней натворили бы, тогда бы и сказка дальше сказывалась.

Вот как оно было, а может, вовсе ничего и не было.

33

ЦЫГАН НА НЕБЕ И В ПРЕИСПОДНЕЙ

Было то или не было, а только жили однажды на свете, за Морем-за Океаном, цыган и двое бедняков. Пошли они втроем в лес по дрова. Рубят они дрова, рубят, и вдруг кто-то из них голос подает:

— А вот что бы мы сейчас загадали, ежели б Господь исполнил каждому по желанью?

— Я, — говорит один бедняк, — загадал бы, как ворочусь домой, на столе чтобы полное блюдо колбасы стояло и хлеб непечатый лежал.

— А я, — говорит второй, — чтобы пирога с творогом целое блюдо!

Цыган подумал про себя, что попусту желанья загадывать, раз они все равно не сбудутся, и решил пошутить немного:

— А я, — говорит, — чтоб, покамест домой ворочусь, жена — она как раз родами слегла — двенадцатью цыганятами разрешилась!

На том и покончили разговор.

Вечером привезли они из лесу дрова, заходит один

бедняк к себе в дом, глядь, а там и колбасы блюдо, и хлеб непочатый. Заходит другой, глядь, а там пирог с творогом, полное блюдо. Ворочается к себе и цыган, и, первым делом, навстречу ему повитуха. Только хотел он свалить дрова в угол, кричит на него повитуха:

— Туда нельзя, там дитя лежит!

Хотел он в другой угол свалить.

— Туда тоже нельзя, там тоже дитя лежит!

Хотел под печку ссыпать.

— А туда и вовсе нельзя, там двое лежат!

Он туда, он сюда — повсюду дети, полон дом, дрова некуда свалить. Наконец, разозлился цыган.

— Тыфу ты, пропасть! Сколько ж тут детей?

— Ровно дюжина, — отвечает повитуха.

Испугался цыган.

— Ну, тринадцатым я с ними не останусь, это число несчастливое! Лучше в ад пойду, в истопники.

Не успел он это выговорить, явился хромой черт, цап его за шиворот и в ад утащил, в истопники.

Двенадцать цыганят росли, подрастали и, наконец, взрослые парни сделались. Однажды самый меньшей спрашивает у матери:

— Матушка, неужто у нас никогда батюшки не было? А ежели был, то куда делся, так что я никогда про него и не слышал?

— Конечно, был, сынок. Но когда вы родились, он сказал, что тринадцать — число несчастливое и он с вами тринадцатым под одной крышею не останется. Ушел из дому, и с той поры никто его не видел.

— Ну, коли так, матушка, я его сыщу и домой приведу.

Пошел молодой цыган по белу свету отца искать. Искал, искал, всю землю обошел, а отца не нашел.

Вот ищет он однажды в лесу, и попадаетея ему на глаза высокий тополь, макушка до неба достает, корни — до преисподней. «Ну, — думает он про себя, — коли нет батюшка на земле, значит, на небе должен быть. Взберусь наверх, по малой мере, огляжу все внизу». Взял топор и принялся ступеньки в дереве вырубать. Все выше, выше ступени над головою рубит, наконец добрался до неба.

Добрался, оглянулся, видит — душ перед воротами

не сосчитать сколько. Ну, да это ему все едино, растолкал он их налево-направо, подходит к воротам, стучится.

— Кто там? — спрашивает изнутри святой Петр.

— Я, Жиги-цыгана двенадцатый сын.

— Сейчас нельзя. Обожди.

— Не стану я ждать, не для того пришел, пустите меня, дайте отца поискать!

— Нет, сынок, сейчас не пущу, Бога дома нет. Вот он воротится, с ним и толкуй.

Видит цыган, что никак святого Петра не уговорить, снял шляпу и за ворота закинул.

— Ох, господин святой Петр, ветер шляпу унес, отдайте обратно!

— Охотно, сынок, только она укатилась далеко, уж и не вижу куда. Пока прохожу за ней, пока проищу, целая прорва душ под воротами проберется, собачьим лазом.

— Ну, тогда меня пустите, я сам найду.

— Ох, сынок, да нельзя же! Я тебе уж сказал.

— Ну, что ж, ладно, а только я Богу пожалуюсь, когда он воротится, что вы чужого добра отдавать не хотите.

Что делать святому Петру? Боится, как бы не забранил его Бог. Пустил цыгана, но наперед взял с него обещание, что, как найдет свою шляпу, сразу обратно. Пообещался цыган, а чтоб исполнить, и в мыслях, конечно, не держит. Ему бы только взойти! Нашел он свою шляпу, надвинул поглубже и отца искать отправился, а заодно уж и на рай поглядеть. Бродит он этаким образом и выходит к какому-то холму, на вершине холма большое соломенное кресло поставлено, а вокруг кресла — много низеньких скамеечек. Большое кресло было сиденье самого Господа Бога, и весь мир оттуда видать, и небо, и землю, и моря, а скамеечки — для ангелов сиденья. Поднялся цыган на холм, подошел к Господнему креслу и, никого не спросясь, уселся. Сидит, удивляется, как далеко отсюда глаз достает, и вдруг замечает отцовский домишко. Зорче всматриваться начинает, матушку не увидит ли, но, вместо матушки, углядел соседа-цыгана, который как раз в это время надумал украсть у них единственного поро-

сенка, а того поросенка матушка сама где-то с превеликим трудом украла. «Ну, погоди! — думает он про себя. — Сейчас я тебя пугну!» Хватает скамейку да как запустит в него, но, конечно, даже и близко не попал. Хватает другую, снова промахнулся, потом третью, четвертую, пятую, так и швыряет скамейки одну за другой. В самый разгар работы воротился домой сам Господь.

— Ты что это здесь скамейками раскидался, мерзавец?!

— Да как же мне не кидать, ваше величество, когда я вижу, что сосед матушкина поросенка украсть надумал, а уж этим временем, и вправду украл! Хотел я ему в бок засадить, да не уметил.

— Ого, — отвечает Господь, — да ежели бы я во всякого, кто поросенка украдет, скамейкою кидал, все плотники и столяры со всего света на меня скамейки не напаслись бы! Ну-ка вон отсюда, покуда тебя плетью не выгнали!

Испугался цыган, так проворно убрался, будто его там и не было никогда. Как выскочил за ворота рая, начал раздумывать, где ж отец может быть, раз его ни на земле, ни на небе нет. «Теперь уж ясное дело, в преисподней, черти уволокли, — думает он про себя. — Ну, да я не дурее чертей, пойду, проучу их!»

С тем и отправился и все шел без остановки, покуда до рубежа преисподней не дошел.

Тут повстречался ему полк солдат.

— Куда идешь, цыган? — спрашивают солдаты.

— В преисподнюю, батюшку искать.

— Понапрасну ноги бьешь! Мы как раз оттуда, у нашего короля черти дочку единственную украли, мы, было, назад отобрать хотели, ну, да они, конечно, не выдали. А король и самое девицу и полкоролевства впридачу посулил, если кто домой ее воротит. Стало быть, не ходи-ка ты дальше, повертывай-ка обратно.

— Нет, уж коли так далеко забрел, назад ни за что не поверну! — отвечал молодой цыган и пошел дальше своей дорогой.

Добирается до ворот ада. Стучится.

— Дома Плутон?

— Нет.

— Ну, тогда вы отдавайте моего батюшку, знаю, он тут, у вас!

— И не подумаем! Мы еще с ума не спятили.

— Ладно! Отдадите, точно знаю, сами просить станете, чтоб забрал!

Черти только смеются, а цыган на них и не смотрит, и внимания не обращает. Достал лопату, и ну перед воротами ада взад-вперед вышагивать, место в длину, в ширину мерить, лопатою отмечать. Увидал один черт, подошел поближе.

— Что делаешь, цыган?

— Ничего, церковь закладываю, чтобы вам ни войти, ни выйти, покуда батюшку моего не отдадите.

Испугался черт, мигом побежал, вывел старого цыгана.

— Ну, вот твой отец! Ступай себе прочь.

— Хо-хо! Это еще не все! Прежде не отдали — теперь ни на шаг отсюда не отступлю, покамест и королевну не отдадите.

— Ох, цыган, только этого не проси! Дадим тебе лучше золота, серебра, сколько унести сможешь.

— Не нужно мне ни золота, ни серебра, королевну отдавайте!

— Ох, погоди хотя бы, пока Плутон воротится.

— И мига единого ждать не стану! Отдаете или не отдаете? Сейчас такой храм Божий здесь взбодрю, что самому Плутону наружу не протиснуться!

Насмерть перепугались черти, отдали королевну. Отправились они назад втроем.

Воротился Плутон в преисподнюю, тут же заметил, чего недостает.

— Где королевна?

— Мы ее цыгану отдали. Он сказал, ежели, мол, не отдадим, он такой храм перед воротами взбодрит, что нам ни войти, ни выйти.

— Ох, вы дурни! — говорит Плутон. — Не мог бы он такого храма построить, да и не из чего ему было! Эй, нарочный, догнать его, отобрать королевну!

Отправился нарочный, быстро нагнал цыгана.

— Эгей, цыган, отдавай обратно королевну!

— Этакому солляку, как ты, ни за что не отдам! Против тебя в чем хочешь выстою.

— Что ж, давай наперегонки, — говорит черт.

Заметил цыган, что рядом, под кустом, заяц лежит.

— Эх, ты, черт несчастный, — говорит он спесиво, — с таким сопляком, как ты, я и не побегу, братишку меньшого пошлю. Ступай, оклики его, вон он, под кустом задремал.

Пошел черт к тому кусту, заяц струсил, ударился бежать, мигом и след простыл. Поверил черт, что не сладить ему с цыганом, не посмел больше королеву назад требовать и, с великим позором, в ад воротился.

— Ну, где королева? — спрашивает Плутон.

— У него осталась, потому что так и так вышло.

И он рассказал, как именно.

— Ох, ты, дурень! Ведь то не братишка его был, а заяц, цыган так шибко бегать не может! Эй ты, с булавою, догони его, отними королеву, сынок!

Кинулся черт с булавою вдогонку, мигом настиг.

— Эгей, цыган, отдавай обратно королеву!

— Такому сопляку, как ты, не отдам! В чем хочешь против тебя выстою.

— Поглядим, кто эту булаву о двух мажа выше подкинет!

— Кидай ты первый.

Черт так высоко подкинул, что чуть видно. Как упала булава, цыган взялся за рукоять и кричит:

— Брат! Брат!

— Ты кого кричишь? — спрашивает черт.

— Брата старшего. Он на другом свете кузнец, вот я ему сейчас твою булаву и закину, чтоб столько железа даром не пропадало.

— Нет, нет, не кидай! Пусть уж лучше королева тебе остается, только булаву мою не губи!

Тоже, стало быть, без королевы в преисподнюю воротился. Спрашивает у него Плутон:

— Ну, где королева?

— Не смог отнять, потому что так и так вышло у меня с цыганом.

— Ох, ты, дурень! Ведь он твою булаву и с места стронуть не смог бы! Эй, ты, с кнутом, догони его, отними королеву, сынок!

Отправился черт с кнутом вдогонку, догнал.

— Эгей, цыган, отдавай обратно королеву!

— Получше твоего парню — и то не отдам! А с тобой в чем хочешь потягаюсь.

— Можешь этим кнутом громче щелкнуть, чем я?

— Ну-ка, щелкни, покажи, что ты умеешь.

Щелкнул черт кнутом, как из пушки выстрелил.

— Ну, цыган, твоя очередь!

Цыган в ответ ни слова, а только достал три обруча, один королевне на голову надел, другой — отцу, третий — себе.

— Что ты делаешь? — спрашивает черт.

— Ничего, обручи на голову набиваю, потому что сейчас как щелкни — у кого голова обручем не забрана, надвое расколется.

— Тогда и мне набей.

Стал цыган черту на голову обруч набивать, да так туго, что, в конце концов, взмолился черт:

— Ох, не дави, будет! Лучше оставь себе королевну!

Тут распустил цыган обруч, и черт воротился со срамом.

— Ну, где королевна?

— Не смог я отнять, потому что так и так с обручем вышло.

— Ох, ты, дурень! Ведь цыган и вовсе щелкнуть не сумел бы! Эй, где мой кучер? Догони ты его, отними, наконец, королевну!

Схватил Плутонов кучер железные вилы, кинулся двогонку, настиг цыгана.

— Эгей, цыган, отдавай обратно королевну, не то сейчас заколю!

— Это мне нипочем! — отвечает цыган. — Только вот что: на ровном месте силами тягаться — невелико искусство. Ежели ты не баба, так стань по эту сторону плетня, а я по ту стану, и поглядим, кто лучше друг дружку через плетень подденет.

У черта — двузубые вилы, у цыгана — вертел. Начали они через плетень биться, черт, понятное дело, ни разу не смог цыгана своими вилами достать, потому как они всякий раз в плетне застревали, а цыган вертелом в черта так и тычет. Под конец не выдержал черт, пустился бежать, назад, в преисподнюю, помчался.

— Как? И ты королевну не отнял? — спрашивает Плутон.

— Никак невозможно было, так и так вышло, совсем было заколол меня цыган!

— Так тебе, дурию, и надо! Ведь плетень двузубыми вилами и нельзя проткнуть! Эй, где мой портной? Догони ты его, сынок, попытай удачи.

Летит чертов портной, что есть духу, нагоняет цыгана у какого-то домишка.

— Эгей, цыган, ежели нужна тебе королева, выходи со мною на спор!

— Охотно, — отвечает цыган, — а в чем ты горазд?

— В шитье, попытаем, кто лучше шить умеет. Давай взойдем в этот домишко и станем шить взапуски.

Взошли, начали шить. Черт, чтоб нитку часто не втягивать, такую втянул длинную, что на каждом стежке в окно скакать надо, а у цыгана в иголке нитка коротенькая, так что черт от силы десять-двадцать стежков сделал, а у цыгана уж все готово. И этот черт, стало быть, не сумел королеву отыграть, с пустыми руками назад поплелся.

— Как? И ты без королевы воротился? — спрашивает Плутон.

— Конечно, потому как больно хорошо этот цыган шить умеет! Я такую долгую втянул нитку, что на каждом стежке в окно скакать надо, а он коротенькую, и все равно быстрее справился.

— Ох, дурень! Ведь ты как раз на том время и упустил, что взад-вперед скакал! Эй, где мой свинопас? Беги, сынок, не сможешь ли ты королеву отобрать?

Ну, давай Бог ноги! Летит чертов свинопас вдогонку, как раз на рубеже преисподней догнал.

— Эгей, цыган, не твоя королева!

— А чья ж?

— Того, кто свиней лучше пасти умеет. Вон, там, большой свинарник, битком свиньями набит. Ежели ты за час больше свиней выгонишь, чем я, уводи с собой королеву.

— Я не против, — отвечает цыган.

— А как мы узнаем, кто каких свиней выгнал? — спрашивает черт.

— Я, — отвечает цыган, — только таких буду гнать, у кого хвост крючком, а ты гони, у кого прямой.

Черт согласился. Стали они свиней выгонять. Цыган

десятка два-три выгнал, после прилег, а черт целый час искал свиней, у каких хвост прямой. До того переполошил, что все стадо наружу выбежало. Прошел час, цыган и говорит черту:

— Ну, черт, сочтем, каких больше, у кого хвост крючком или у кого прямой?

Начали искать и, конечно, ни одной с прямым хвостом не нашли. Снова цыган выиграл! Черт голову повесил, обратно отправился, а цыган с королевною за рубеж преисподней выступили, тут уж у Плутона никакой над ними власти не стало.

Как выбрались на этот свет, прямоком к королевнину батюшке пошли. Как увидал король единственную дочку любезную, как узнал, сколько великих трудов и опасностей вынес цыган, чтоб ее освободить, тут же свое обещанье исполнил, отдал ему дочку и полкоролевства виридачу. Свадьбу пышную сыграли, ели, пили, да и по сю пору живут — не тужат, ежели еще не померли.

А старый цыган домой воротился, к остальным одиннадцати цыганятам.

34

«ТЫ ЛОВЧЕЕ ОТЦА!»

У одного бедного пастуха было два сына. Старик любил украсть при случае, и хотелось ему, чтобы сыновья тоже выучились воровскому ремеслу.

Вот взял он с собою в лес старшего сына — испытать, на что он годится. А тот все только на маковки деревьев поглядывает, не видать ли где птичьего гнездышка. Пришли вечером домой, и говорит пастух жене:

— Ну, жена, этому никогда вором не бывать, только по древесным макушкам глазами и шарит.

На другой день младшего сына повел испытывать. Как пришли в лес, видят, какой-то человек гонит козу с ярмарки.

— Эх, вот хорошо бы украсть эту козу! — сказал паранек.

— О чем ты толкуешь, малый! Посмотрим, как ты посмеешь! — подзадоривает отец.

С этими словами старик оставил сына одного, а сам побрел по тропинке к овчарне. А паренек стянул с одной ноги сапог и поставил на краю дорожки, где должен был пройти человек с козой. Тот заметил сапог и подумал, что, конечно, его босоногому сыну сгодилась бы обувь, но и со всем тем не взял — кто, мол, знает, может, это какой бедный мальчишка здесь потерял и после еще придет за своим сапогом?

Как прошел мимо человек с козой, паренек тут же подхватил свой сапог, забежал вперед другою тропинкой и снова поставил сапог на краю дорожки.

«Нет, все-таки надо взять, — подумал человек, — пара — дело другое!» Привязал он козу к дереву и повернул назад, за первым сапогом. А парень подхватил свой сапог, натянул побыстрее, отвязал козу, пробрался с нею через чащобу к овчарне и отдал отцу, чтоб тот ее заколол и приготовил целый котел токани, а он покамест украдет у того человека еще и хлеб.

Беда тому человеку, что пришлось без сапога воротаться, но еще горше беда, что воротился он и видит — ни козы, ни сапога! Обшарил бедняга лес, во все уголки и закоулки заглянул, а козы не нашел, потому как из нее уж, конечно, токань сделалась. Уморился, просто смерть, и присел у какого-то ключа. Раскрыл сумку, чтоб перекусить немного. А паренек притаился в густом кустарнике и ну оттуда козой блеять. Обрадовался бедняга, думает, там его коза заблудилась, бросил хлеб, бросил сумку и кинулся в ту сторону, где козочка голос подает.

Когда уж он порядочно от ключа подался, паренек вернулся, взял хлеб, взял сумку и давай Бог ноги! Вмиг очутился с отцом в овчарне.

— Как ты сумел это стащить, пропащая твоя душа? — спрашивает отец.

— Не спрашивайте, как, не спрашивайте, у кого! Главное — что стащил, — отвечает паренек.

— Ладно, — говорит старик, — ты присматривай за мясом, а я пойду дров нарублю, чтоб огонь не погас.

Вот зашел он в лес и думает про себя: это все-таки слишком, ежели так дальше пойдет, и на виселицу угодить недолго, надо бы его маленько попугать. Завыл старик по-волчьи, а паренек тут же и закричал.

— Будет шутки шутить, батюшка! Несите скорей дрова, огонь сейчас потухнет!

Вернулся старик, только головой качает да хмыкает.

— Что ж так мало дров принесли, батюшка? — говорит паренек. — Этак коза никогда и не поспеет. Пойду я принесу.

Схватил топор, забрался в чащу и там принялся колотить по траве, колотит и жалостным голосом приговаривает:

— Не бейте меня, дяденька! Не я украл козу, вон там старик козлятину жарит, он и украл!

И как затопчет ногами, будто хозяин козы бежит к костру. Ох, ну и припустился же старый пастух, все равно, как если б ему оба глаза выкололи!

— Куда бежите, батюшка? — закричал ему вслед парень, а сам из кустов выбрался и смеется-заливается.

— А хозяин козы, разве его здесь нет? — спрашивает старик.

— Да что вы, старый, ведь это я колотил по траве топором!

Старик только головою затряс:

— Ну, сынок, сынок! Ты ловчее отца!

КАК ДВОЕ У ПАСТУХА ОСЛА УКРАЛИ

Пастух вел осла по дороге. Идут навстречу двое, и один говорит другому:

— Давай украдем осла у этого пастуха!

Говорит другой:

— Как ты украдешь, когда он осла в поводу ведет?

— Ну, и что ж? Он ведь идет, не оборачивается!

— Ладно, — говорит, — тогда я украду, а ты угони.

Вот один подкрался сзади безо всякого шума, снял с ослиной головы недоуздок да свою голову и всунул, а другой угнал осла прочь.

Когда угнал он осла так далеко, что уж и не видать стало, первый остановился и дернул повод, который

у пастуха в руке. Тут пастух обернулся, видит, не осел в недоуздке, а человек, спрашивает его:

— Как ты сюда попал, в мой, то есть, недоуздок? Тот и говорит:

— Матушка меня прокляла и на семь лет в осла обернула. Нынче седьмому году конец, вот я снова человеческое обличье и принял.

— Ну, коли седьмому году конец, ступай себе! Мне ты не нужен!

В ближайший базар один — не тот, что украл, а другой — пригнал осла, и пастуху тоже пришлось придти, потому как нельзя ему без осла. Приходит он на базар, видит, стоит его осел. Подобрался он потихоньку и шепчет ослу в ухо:

— Что, снова мать прокляла?

Осел головой мотает, а пастух ему:

— Понапрасну головой трясешь, не куплю тебя больше, боюсь, снова унесешь денежки, которые за тебя плочены!

ЦИРУЛЬНИК И БЕДНЯК

Это, слышьте-ка, вот как было: и не тут, и не там, а где-то на белом свете жил да был бедняк. И надо вам знать, слышьте-ка, да и Бог нускай слышит, до того он был бедный, этот бедняк, что не было у него в целом свете ничего, кроме дрянного, никудышнего, облезлого осла, и до того был осел старый да тощий, кожа да кости, что еле ногами двигал, насилу кладь подымал.

Однажды привез бедняк в город вязанку дров, нарубил кой-как и привез. Попадаетея ему навстречу человек, вроде бы цирульник, и спрашивает:

— За сколько всю поклажу отдашь, бедняк?

Назвал бедняк свою цену. Ладно, до той поры торговались, покудова не срядились. Пригнал бедняк осла к цирульнику, свалил дрова. А цирульник кричит ему, чтоб он сей же час всю, как есть, поклажу сложил, потому как он всю купил и заплатил за всю. Бедняк твердит, что он только дрова продал, а седло нет, а цирульник на то налегает, что они насчет всей поклажи ряди-

лись, стало быть, и насчет седла тоже. Сокрушается бедняк, да что ж поделаешь? Снял с ослиной спины седло и отправился, со своею кручиною, восвояси.

Однако ж так ли, сяк ли, а после, под конец, надумал кой-что и бедняк. В город отправился, осла за собой ведет. Пришел и напрямик к цирульнику. Осла к садовой ограде привязал, сам в цирульню заходит и спрашивает:

— Сколько возьмете, господин мастер, чтоб меня с товарищем побрить?

Цирульник сказал. Бедняк уплатил без долгих слов, мигом за порог и ворочается с ослом в поводу — вот он, мол, товарищ, брейте! Цирульник твердит, ни за что, он, мол, ослов не бреет. А бедняк уперся, на своем твердо стоит, взял, мол, плату — изволь и работу делать, да чтоб без изъяна, а не то в ратуше ответ держать станешь! Как увидел цирульник, что не на шутку дело пошло, стал он бедняка умолять да упрашивать, не постыдился, так, дескать, и так, он и деньги воротит, и от себя еще приплатит. Бедняк говорит:

— Ладно, будь по-вашему. Воротите деньги да еще седло, что прошлый раз отняли, тогда я отступлюсь, а иначе ни под каким видом, Бог свидетель!

Цирульник, ясное дело, и то и другое с охотою исполнил, и деньги воротил, и все, лишь бы он осла увел и сам убрался.

Так получил бедняк обратно свое седло. А ежели б цирульник денег не воротил и потянул бы бедняк цирульника в ратушу, то и сказка бы моя дальше сказывалась.

37

ТРОЕ ГЛУХИХ

Был один человек, пошел он косить, косит. Другой человек караулил трех коз на пригорке неподалеку. И вот, который козочек караулил, тот уснул, а пока он спал, разбежались козочки. Проснулся он, глядит — нет нигде! Отправился он тогда к соседу, к тому, что косил, и говорит ему:

— Не видал моих коз?

А оба были глухие. Вот другой и говорит:

— Летошнее кошу.

— Там, что ли видел?

— Что ж, — говорит, — ежели как следует поста-
раюсь, к вечеру и кончу.

Первый говорит:

— Ладно, ежели и вправду там найду, одна — твоя!

— Что ж, ежели нынче не кончу, завтра еще день
будет.

Так случилось, что нашел он в кустарнике своих коз.
Тут же взял одну, безрогую, и отвел к соседу.

— Вот, получай! Я своему слову хозяин.

— Да ты что!? Это не я обломал ей рога!

— Да я и не сулил тебе двух!

Заспорили. Тут едет мимо какой-то человек. Подъе-
хал он к ним, оба и побежали к нему с жалобой.

— Вы только поглядите, добрый человек, — говорит
один, — он говорит, будто я обломал рога этой козе!

А другой говорит:

— Да я и не сулил ему двух!

Третий испугался, потому как и он тоже был глу-
харь, соскочил с коня и пустился дальше пешком,
приговаривая:

— Раз вы говорите, что эта лошадь ваша, так и за-
бирайте ее себе! Я ее на поле поймал, вот и весь сказ!

ТРИ МОНАХА

Близко ли, далеко ли, был где-то на нашем белом
свете монастырь. А у монастырского звонаря была же-
на, и бойкая, и пригожая. До того собою была хороша,
что даже из братии многие на нее заглядывались.
Как-то раз выпал одному монаху случай с нею заго-
ворить, вот он и спрашивает, когда можно придти
побеседовать, время приятно провести. Женщина го-
ворит:

— Нынче ж и приходите, вечером, в семь часов, да
только триста форинтов с собой прихватите.

Малое время спустя другому монаху случилось с нею

заговорить, он тоже спрашивает, когда можно придти, позабавиться немного.

— Ежели уж такое ваше желание, нынче ж вечером и можно, в восемь часов, да только триста форинтов прихватить не забудьте!

Этот день как будто заколдованный был — третьему монаху тоже выпало с нею словом перемолвиться, и он то же самое:

— Скажи, моя красавица, когда бы мне к тебе зайти, пошутить с тобой малость?

Женщина говорит:

— А нынче же ввечеру, в девять часов, да только триста форинтов с собой прихватите.

Ну, ладно, время к вечеру. В семь часов первый поп является. Да, чтоб мне не сбиться: звонариха с супругником загодя сговорились, чтоб деньги у никчемных монахов отнять, а их самих на тот свет отправить.

Хорошо. Время на месте не стоит, в восемь часов является и другой монах.

Женщина говорит:

— Ох, ваше преподобье, взойдите вот сюда, в заднюю горницу, кто его знает, кто там пришел!

Монах взошел, а звонарь уж его поджидал и в два счета с ним разделался. Жена тем часом пустила второго монаха. Малое время спустя снова стучатся, третий монах заявился.

— Ох, ваше преподобье, — говорит женщина второму монаху, — ступайте живее в заднюю горницу, кто его знает, кто там пришел!

Монах взошел, звонарь и с ним живо разделался. А звонариха третьего монаха пустила. Малое время спустя застучали в дверь. Это теперь уж сам звонарь был. Женщина говорит:

— Ваше преподобье! Ваше преподобье! Стунайте скорей вот сюда, в чулан, кто его знает, кто там пришел!

С этими словами впустили и третьего монаха. Звонарь и его мигом прикончил.

Стали они советовать, что дальше делать. Деньги-то они у всех у троих отняли. И так прикидывают, и сяк, вдруг снова у дверей стучатся. Никуда не денешься — трясутся со страху, а отворяют. Оказалось, солдат отпущенной ночлега ищет.

— Ох, — говорит звонариха с превеликим облегчением, — милости просим, только вот беда какая, — это ей вдруг на ум пришло, — у нас всю ночь лампа горит, потому как одна окаянная душа, монах один, что ни ночь под окно приходит, а мы страсть как боимся, потому и отвязаться от него не смеем.

— Только-то и всего? — говорит солдат. — Положитесь на меня, я и самого черта не боюсь, не то что монаха, так с ним управлюсь, никогда больше не захочет с того света на этот пакостный выходить!

Ладно, накормили солдата, напоили. Спать уложили. Только он лег, сразу и уснул, потому как сильно очень приморился дорогой. А звонарь только того и ждал, вытащил наружу одного монаха и к окну прислонил. После будит солдата, тут, мол, монах. Солдат вскочил со своего места, озирается кругом, видит, прислонился кто-то к окну.

— Ах, ты окаянный монах, вот тебе!

Схватил топор, да как треснет монаха по голове, он наземь и покатился. Солдат сейчас его на плечи взвалил и прямо к речке Кюкюллё и понес. Дорогой повстречался ему ночной сторож. Кричит сторож:

— Эй! Погоди! Кто ты таков? Что тащишь?

— Я черт, монаха в ад тащу, ежели хочешь знать.

— Тащи, тащи! Там ему и место! — говорит сторож.

Но, покамест солдат ходил, звонарь примостил к окну и второго монаха. Воротился солдат, а он и говорит:

— Что же вы, господин отважный удалец, с этим монахом сделали? Ведь он опять здесь!

— Быть того не может, ведь я его в Кюкюллё кинул, в самую середку!

Глядит в окно, видит, и вправду, на прежнем месте монах. Кинулся на него солдат, снова на плечи взвалил, к Кюкюллё потащил. Кричит ему караульщик:

— Эй! Постой! Кто ты таков? Что тащишь?

— Черт я, вот кто! — отвечает солдат в сердцах. — Монаха в ад тащу!

— Тащи! Живей тащи! Там ему и место!

Да только тем временем, покуда ходил солдат, звонарь и третьего монаха у окна поставил. Взшел солдат в дом, а он говорит:

— Скажите, господин храбрый удалец, как это вы

этого богомерзкого монаха удалецкою рукою смиряете, что он все время наперед господина удальца назад ворочается?

— Тьфу ты, пропасть! — говорит солдат. — Но на этот-то раз уж не воротился?

— Как бы не так! Вон он, у окна.

Ох, и рассвирепел же солдат! Во всю жизнь ни разу этакой незадачи не случалось. Вскинул он попа на плечи и помчался во всю прыть, чтоб окончательно с ним разделаться. «Ну, постой, монах, — думает он про себя, — жив не буду, но глаз с тебя не спущу, как это ты раньше моего назад возвращаешься!» Снова повстречался ему ночной караульщик. Закричал караульщик:

— Эй, погоди, кто ты таков? Что тащишь?

— Черт я, монаха в ад тащу! — говорит он в сердцах. — Да тебе-то что? Ежели ты от меня не отвяжешься, сейчас и тебя на спину подхвачу!

До того перепугался караульщик, что бегом домой побежал. Лег в постелю, под одеяло забился и, пока солнышко не взошло, голову наружу высунуть не посмел. А солдат тем часом швырнул монаха в реку, вода так и хлюпнула. После жердь нашел, чтоб за монахом присматривать, как это он вперед его забежать ухитрится. Вдруг едет мимо на белой лошади того монастыря благочинный.

— Ах, ты, душа с тебя вон! Вот тебе! Больше вперед меня не забежишь!

Так треснул благочинного жердью, что он с лошади свалился, а солдат и его в воду! После сел верхом и назад, к звонарю.

— Вы только поглядите, — говорит, — на какой лошади он меня обгонял!

Ладно. Тем временем уж и утро настало. Ищут монахов и благочинного повсюду — в огне, в земле, на чердаке, — а только и следа от них под небом не осталось, нигде не находят! Пошли к ночному караульщику, не замечал ли он чего ночью.

— Ох, как же, как же, и не спрашивайте! — заводит караульщик, а сам весь трясется. — Как не видать? Конечно, видал! Всю ночь напролет, от зари до зари, черт монахов в ад таскал, не присел ни разу! Я было

спросить осмелился, кто, дескать, он таков и что тащит, а он до того разозлился, что это просто чудо, как и меня на спину не подхватил! Больше я ночным сторожем не буду, хоть вы меня озолотите, хоть полмира дайте!

Что ж еще сказать-то? Вот разве, что монахов и о сю пору все ищут, ежели только искать не надоело. А караульщик, и вправду, в тот же самый день прошение подал, чтоб уволили его от должности.

СМЕРТЬ И СТАРУХА

Было то или не было, за Морем — за Океаном, за Стекланною горой у печки развалюхи ни одного кирпичика не осталось, и где было хорошо, там худо не было, а где худо было, там уж чего хорошего, а под лысою горой «Ищи-не-сыщешь-у-собаки-сведай» текла речка, на берегу речки росла старая, дуплястая ива, на каждой ветке — по драной юбке, в каждой складке — по стаду блох, и всему блошиному стаду пусть тот будет пастухом, кто мою сказку вполуха слушать станет. А ежели хоть одна из них ускочит, пусть тогда из этого блошиного пастуха всю кровь выточат, пусть его насмерть закусают!

Было то или не было, жила одна старуха, ветхая-преветхая, древнее большой дороги, старее старого садовника в саду у Господа Бога. Эта старуха никогда не думала о том, что однажды придется и ей помирать, даже тогда, когда все зубы повывалились, а все только работала, все суетилась да хлопотала, богатство наживала. Сновала, шныряла, гребла, ковыряла, так бы весь мир и проглотила, а у самой никого в целом свете не было, одна, как перст. И все ж не понапрасну она старалась, потому как, в конце концов, до того нажилась, до того раздобрела, что уж больше нельзя. Был у нее в доме, как говорится, и большой топор и маленький, — все было!

Но однажды Смерть сделала пометку и против ее имени и пришла за нею. Жалко старухе оставлять свое богатство, просит-молит она Смерть обождать малень-

ко, дать ей еще хоть десяток годов, хоть пяток, хоть один-единственный годок! Но Смерть ждать не захотела, сказала только:

— Живо собирайся — и пошли! А не пойдешь — силой утащу.

А старуха все свое — просит, клянчит, чтоб дала ей Смерть еще сколько-нибудь времени, хоть бы и самую малость. Смерть — ни в какую! Под конец все-таки уговорила ее старуха, выклянула. Вот Смерть и говорит:

— Ну, будь по-твоему, даю тебе три часа.

— Это очень мало, — говорит старуха, — не утаскивай меня сегодня, переложи лучше на завтра.

— Нельзя!

— А все-таки!

— Никак нельзя!

— Ну, уж пожалуйста!

— Ладно, — говорит Смерть, — раз уж ты так уперлась, будь по-твоему.

— И еще, пожалуйста, как бы это сказать... напиши вот здесь, на дверях, что до завтра не придешь... Мне будет покойнее, ежели я такую надпись у себя на дверях увижу.

Смерть не хотела дольше терять время попусту и не стала дольше спорить, а достала из кармана мел и написала на двери сверху: «Завтра». С тем и ушла своей дорогой.

На другой день утром, как солнце поднялось, приходит Смерть к старухе, глядь, а та еще из-под перины не вылезала.

— Ну, пойдём! — говорит ей Смерть.

— Э, нет! Погляди, что на дверях написано!

Смерть поглядела, видит надпись: «Завтра».

— Верно. Но смотри, завтра непременно придут!

Смерть свое слово сдержала, на следующий день снова явилась к старухе, а старуха и на этот раз на постели потягивается, снова никуда идти не хочет, снова на дверь показывает, где «Завтра» написано.

Так у них и шло целую неделю. Наконец прискучила Смерти эта забава. На седьмой день говорит она старухе:

— Ну, больше не проведешь! Этот мел мне самой

нужен, я его забираю! — и стерла с двери надпись. — Завтра, запомни как следует! Завтра приду и утащу тебя.

Ушла Смерть. У старухи так борода и отвалилась. Видит, что завтра, хочешь не хочешь, а помирать придется. Боится, как студень, трясется.

На другое утро не знает от страха, куда деваться, в пустую бутылку заползла бы, если б можно. Гадает, куда бы спрятаться. Была у нее в чулане бочка меду, влезла она туда, только нос, глаза да рот наружу выглядывают.

— А ну, как и здесь найдет?! Лучше в перину схо-ронюсь!

Вылезла из меда и спряталась в перину, в самые перья зарылась. Но и на том не успокоилась, решила вылезти из перины и поискать места понадежнее, и только стала вылезать, Смерть как раз и нагрянула. Смотрит, что за чудо такое, ничего понять не может, до того перепугалась, чуть с ума не спятила, и с испугу как ударится бежать, так, пожалуй, и по нынешний день к старухе подойти боится.

«ЭТО УЖ НЕПРАВДА!»

Было то или не было, а только жил однажды на свете, по ту сторону Моря-Океана бедняк, и было у него три сына. Однажды король велел повестить по всей стране, что если кто сумеет сказать такую небылицу, чтобы он не поверил, тот получит в жены королевскую дочь. Прослышал про то старший сын бедняка, по имени Петер, отправился, не долго думая, к королю и говорит какому-то прислужнику, что, мол, хочет с королем побеседовать. Король мигом догадался, что у парня на уме, но никому не сказал, а только велел сей же час его впустить. А уж к этому времени столько побывало перед королем принцев и Бог знает каких важных господ, — все принцессу в жены получить желали, — сколько звездочек на небе, сколько травинок на лугу. Да никто такую небывальщину не сумел

сказать, чтоб король не поверил. Входит, стало быть, Петер к королю, здоровается:

— День добрый, Бог в помощь, король-государь!

— Бог в помощь и тебе, сынок! Зачем пришел?

— А затем, конечно, что жениться хочу, король-государь!

— Добро, сынок, а только на что ты с женою жить станешь?

— А Бог его знает! Как-нибудь прокормимся. У отца дом есть, земляца кой-какая.

— Верю, сынок, — говорит король.

— Еще есть у нас три коровы.

— И этому верю.

— Не так давно столько собралось у нас на дворе торфа, что нам и повернуться негде.

— Верю.

— Вот отец и говорит: вывозите-ка, сынки, все это добро на поле, может, какая польза и будет.

— Верю.

— Мы и возили на двух телегах целых три недели.

— Верю.

— Да только по ошибке свезли все до крохи на соседское поле.

— Верю.

— Что поделаешь, прихожу я домой, отцу рассказываю.

— Верю.

— Тогда, стало быть, я, батюшка и два меньших брата выходим вчетвером в наше поле.

— Верю.

— Взяли соседское поле за четыре угла, приподняли, как обыкновенно скатерть приподымают, да торф на свое поле и стряхнули.

— Верю.

— После засеяли свое поле травами.

— Верю.

— После вырос на нем такой гуцины лес, просто чудо!

— Верю.

— Жалко стало отцу валить такие деревья, и купил он стадо свиней.

— Верю.

— А после нанял вашего величества дедушку, чтобы он тех свиной пас!

— Врешь! Повешу!..

Но тут король вспомнил про свое обещание, велел сразу же позвать попа и повенчал свою дочку с бедняковым сыном.

Сыграли такую свадьбу, что гостей из семи стран созвали, даже сироток пирогами оделили, большими, что моя рука. Был суп, и другой суп, и еще суп, а мяса в нем ни крупинки.

Без вóрота балахон,
Я врал, а вы слушали.

41

ОТЦОВА СВАДЬБА

Однажды заметил я, что отец жениться надумал, матушку мою замуж братъ хочет. Говорит мне отец:

— Поезжай на мельницу, намели муки, хлеб на свадьбу печь будем.

Ну-ка, живо! Мигом собрался, как веселому парню и положено, нашел переметный выюк, отнес на чердак три сумки, девять мешков дальнокской пшеницы насыпал, что ни зернышко, то ровно желудь, все девять разом на плечи взвалил, на телегу кинул. Вывел волов, запрягать хочу, оба на прежних местах негожи, тогда я правого налево запряг, левого направо, и как раз получилось. Прилаживаю ярмо — не подходит, тогда я с одного конца черенок от лопаты воткнул, с другого — дышло, и как раз вышло.

Поехал на мельницу, приезжаю, волов остановил, кнутовище перед ними в землю воткнул, чтоб с места не струнулись, сам внутрь захожу, мельника кликнуть, чтоб пшеницу занести пособил. Глядь, а в мельнице ни души. Под кроватью искал, за печкой, вижу, нет зеленого кувшина, что на гвозде всегда висел. Тут догадался я, что мельник землянику в лесу собирает. Ладно, думаю, коли так, обожду покойно, да только вспомнил, что нет у него в заводе домой спешить, покамест

он явится, я, глядишь, и поседею, а потом и волам радости мало ждать год за годом, ведь корма-то для них я не захватил. Кинулся я следом на гору, бегу, ровно гончая, — вон он, кусты обнюхивает! Вырезал я здоровенную дубину и ну, что есть силы, по бокам его охаживать. Хотел еще раз хорошенько его дубиной вытянуть и уж было замахнулся, как вдруг слышу издалёка, застучало внизу, в долине, затолкло, запыхтело — точно! мою пшеницу мелют!

Чтоб поскорее с горы в долину спуститься, свернулся я клубком и вниз покатился, а за мною — тьма соломенных мочалок, позавидовали моему катанью. С ними вовсе ничего худого не случилось, а я тем только отделался, что рожею в мягкий коровий блин угодил, да и то не все дерьмо щеками смазал, на месте тоже вдоволь осталось. Хуже пришлось тому белому жеребчику, что под горою стреноженный пасся, так мы его, беднягу, перепугали, что он, вместе с треногою, ускакал, куда глаза глядят, да так по сей день и не воротился.

Вытер я нос об траву, как курица клюв чистит, и пошел поглядеть, на месте ль мои волосы, а кнутовище корни пустило, и такое из него дерево выросло, что большая колокольня в Брашшо, и столько птенцов вывели на нем скворцы, что за их чириканьем мельничного шума не слышать. Ух, и обрадовался же я, сейчас, думаю, по гнездам пошарю! Лазать я ловкий был, куда хочешь заберусь, вот влез я на дерево, сунул в дырку руку — тесно, попробовал голову сунуть — в самый раз! Полну пазуху птенцами набил. Хочу наружку вылезть — застрял! Сбегал домой, взял топор, вырубил края пошире. А слезть все равно не могу, потому как дерево толстенное было, а у меня еще и голова кружится, вот и кричу мельнику, чтобы он меня снял. Мельник подумал, я проголодался, оттого кричу, и послал ко мне сынка своего с погачами. Но я зашипел на него, ровно гусь, не в том, говорю, дело! Он мигом убежал, принес меру отрубей и на конце шеста подал. Я свил из них веревку, такую здоровую, что и жернов можно бы подвесить. Попробовал, достает ли до земли, — нет, не достает, тогда я вдвое сложил — так хорошо достала, что еще кольцом на земле свернула. Стал

я по ней спускаться, а наверху, на том суку, где я веревку привязал, червь сидел, он веревку перегрыз, и я вниз полетел. Но вперед того, что мне наземь шлепнуться, птенцы у меня за пазухой оперились, замахали крыльями и по воздуху меня понесли. Когда мы над Ольтом пролетали, какие-то женщины белье в реке мыли, стали они кричать:

— Какого черта он туда забрался, этот мальчишка, как это он летать выучился? Ежели упадет, как раз в Ольт угодит да и утонет!

А я вижу, все на меня уставились, да за скворчинным чириканьем не могу хорошо расслышать, что кричат. Я думал, они кричат, чтоб я рубаху распоясал, я и распустил пояс. Скворчата все разом из-за пазухи вырвались, все мои крылья улетели, и плюхнулся я в самую середку Ольта, да так, что он из берегов вышел, все вокруг затопил, до самых гор. Ну, да после вода назад вернулась почти вся, столько убыло, сколько овчарка в Гидофальве вылакала, и до того много рыбы осталось — от Мальнаш до Добой, от Аркоша до Андялоша все рыбой завалено, и все Сенмезё — тоже! Да, вдоволь было рыбки! На двенадцати возах целую неделю без передышки возили, а как будто и не начинали. Тут прибежал голый цыганенок из Кёрёш-патака, собрал все в подол рубахи и унес.

Тут приходит мне на память, что меня не в игрушки играть послали, а муку молоть. Отправляюсь я, значит, туда, где волы стояли, поглядеть, что с ними, может, ушли куда. Долго шел, притомился. Вижу, на лугу конь, я и подумал, верхом, мол, легко доберусь, куда мне надо. Кинулся я за конем, а он не стал меня дожидаться. Поймал я его за хвост, как дерну — мордою к себе поворотил. Говорю в сердцах:

— Стой, негодник! Не будь такой пугливый!

Он послушался доброго слова, стал, как вкопанный. Оседлал я чалого, сел на гнедого, скачу на кауром по горам, по долам — земля дрожит!

Проезжали мы виноградник, за изгородью деревья видны, и все уж спелое. Остановил я своего чалого, соскочил с гнедого, привязал каурого, пробую перелезть — не выходит. Тогда я хвать себя за волосы да через изгородь и перекинул. Стал трясти сливу, попа-

дали груши. Собрал я, значит, орехи, полную пазуху наложил.

Жара невозможная, пить хочу — помираю. Вижу, недалече жнецы, спрашиваю у них, где бы тут воды достать. Они мне ключ показали, тоже недалече. Подхожу, а ключ замерз. Я и каблуком лед пробивал, и камнем — никак, наверно, в сажень целую былтолщиною. Тогда я снял с головы череп, черепом и лед мигом проломил, и воды почерпнул. Напился всласть.

Воротился я к изгороди, снова схватил себя за волосы, на дорогу выкинул. Отвязал чалого, вскочил на гнедого и как помчусь на кауром по горам, по долам, только кудри на ветру вьются. Повстречались мне какие-то двое, я мимо проехал, а они вслед кричат:

— Эй, сынок, голову-то где потерял?

Щупаю задницу — и в самом деле, нет головы! Скорей назад, к ключу, и что ж я вижу? Моему черепу надоело меня ждать, и вот что он надумал (как только ума хватило!) — слепил себе из глины шею, руки, тулово, ноги, и ну по льду на коньках кататься. Так я его и застал. Я тоже на коньках умел нехудо, бегу за ним, да он шибче бегаёт, никак не поймаю, хоть плачь! Господи, Боже ты мой, что ж делать-то? Неужто навсегда без головы оставаться? Тут я сообразил кой-что и говорю про себя:

— Ну, нет, череп, со мной так просто не развяжешься!

Тут же слепил я из глины гончую, науськал на череп, она мигом его изловила и принесла. Я взял, сверху приладил, пошел к изгороди, за волосы себя схватил, на другую сторону перекинул. Отвязал чалого, вскочил на гнедого, лечу на кауром по горам, по долам, ровно птица.

Прискакал я к мельнице, и что же? Не смог отец меня дождаться, на поиски пустился, не нашел и заплакал, запричитал в голос:

— Ох, родной ты мой сынок, куда ж ты пропал? Ох, ох, и зачем только я тебя одного пустил? Ох, родной ты мой сынок, нет тебя больше на этом свете, пропал ты невесть где!

Отец, бывало, только и знал, что бранить меня да корить, никогда б я не подумал, что он так за мною

убиваться станет. Как завидел я это, так — издалека еще — кричу ему:

— Не горюйте, господин мой батюшка, я тут! Худого топора не потерять.

Утешил бедного батюшку.

Навалили мы мешки с мукой на телегу, домой поехали и справили отцову свадьбу на славу. Невеста матушка моя была, первый с невестою плясать я пошел, после — другие, по очереди. Как кончилась свадьба, все прочие восвояси убрались, а мы дома остались. И всё живем, если еще не померли.

Через год после того я на свет появился, потому как я своему отцу родной и законный сын. Вырос я чеством, и вышел из меня ловкий малый.

ЖЕРЕБИНОЕ ЯЙЦО ИЗ РАТОТА

Однажды ратотский полевой сторож нашел свежую, только что с грядки тыкву.

— Фу ты, нечистая сила, это еще что такое?

Подобрал, оцупал, обнюхал, но так собственным умом и не дошел, что это такое. Принес в сельское правление, а там как раз господа старшины на сход собрались. Как положил сторож перед ними тыкву, так все почтенное собрание и ужаснулось.

— До каких годов дожил, а этакой чертовщины никогда не видывал!

— Ну, и я тоже немало на своем веку повидал, но такого подобного встречать не доводилось!

— Да ведь и я, ежели по совести, не вчера родился, а за всем тем ума не приложу, что за диво такое!

После и староста голос подает:

— Вот что, земляки, это не иное что, как яйцо, и вид у него в точности яичный.

— Конечно, яйцо! Яйцо, разрази его гром, да и все тут!

Тут и полевой сторож подтвердил, что, дескать, когда клал его в сумку, оно еще совсем теплое было. Староста недаром умником был, захотел доискаться, что именно

за яйцо. Почтенное собрание так полагало, что это дракон снес либо же нечистый дух, но староста полевому сторожу веру дал, а сторож так рассказывал, что в это время чей-то чужой жеребенок на меже бродил.

— Вот-вот! Это чужой жеребенок снес! Кто еще, прах его побери, мог снести такую громадину?

— Ну, это мы, с Божьей помощью, разрешили, — говорит староста. — Теперь еще скажите, земляки, что нам дальше делать.

— Наседку посадить!

— Верно! Только где ее взять? Наши кобылы не несутся, значит, стало быть, и яиц не высидивают.

Опять все голову ломают, и опять одному только старосте добрая мысль пришла.

— Знаете, что, земляки? На что ратотским кобылам ума не достает, на то ратотским старшинам достанет. Вот что я скажу: давайте-ка это драгоценное яйцо сами высидим.

Трудное дело, ну, да, однако, все согласились. Староста пример подал, первый сел, после — остальные, по порядку, по очереди.

Так бы, наверняка, и донные кто-нибудь все сидел бы, ежели б не начали по соседним деревням шептаться, что под ратотскими старшинами жеребиное яйцо протухло. Тут уж они и сами зароптали, какая бы там, дескать, лошадь ни снеслась, а они больше высидивать не согласны!

Староста очень огорчился, потому как свято веровал, что маленький жеребеночек уж и шевелится. А старшины в один голос: яйцо уж и завоняло, дескать! В конце концов, согласились на том, чтобы протухшее яйцо на ратотскую межу вынести, на пригорок, и к той деревне скатить, которая над ратотскими старшинами всех больше потешалась.

Весь Ратот сошелся поглядеть на чудо, как соседи своим злым языком подавятся. Все заткнули нос, и староста покатиł жеребиное яйцо. Катилось оно, катилось да в куст боярышника под пригорком и закатилось. Тут вдребезги расколось, а из куста в тот же миг крохотный зайчишка выскочил. Весь Ратот как закричит:

— Гляди, жеребеночек-крохотка! Жеребеночек бежит! Держи его, люди добрые!

Всем скопом вдогонку кинулись. Один староста на пригорке остался и уныло этак про себя бормочет:

— Ведь я говорил, что жеребенок уж шевелится! Эх, не хватило нам терпенья еще день-другой на этом несчастном жеребенном яйце посидеть!

КОРОЛЬ МАТЯШ И ЗОЛОТОРУННЫЙ БАРАНЧИК

Раз приехал чужестранный король к Матяшу-королю. Поздоровались по-приятельски. Говорит чужестранный король:

— Слышал я, будто есть у вас золоторунный баранчик.

— Правда, — говорит, — есть у меня в стаде золоторунный баранчик, а пастух при овцах такой, что никогда не врет.

Чужестранный король говорит:

— А я докажу, что врет.

— Нет, — говорит король Матяш, — не врет, быть того не может.

— А я докажу, что врет, я так подведу, что он непременно соврет.

Тогда король Матяш и говорит:

— Пospорим на что хотите, что не соврет. Ставлю полкоролевства!

Говорит ему чужестранный король:

— Ладно, и я полкоролевства ставлю.

Хорошо. Ударили по рукам, после сказал чужестранный король покойной ночи и отправился к себе на квартиру. Тут переоделся он в крестьянскую одежду и пошел к овчарне. Здоровается с пастухом. Тот отвечает:

— Милости просим, король-государь!

— Откуда ты знаешь, что я король?

Пастух говорит:

— По разговору узнал.

Чужестранный король говорит:

— Я тебе дам много денег, а в придачу шестерку лошадей и коляску, а ты мне за это отдай баранчика с золотым руном.

— Ох, — говорит, — ни за что на свете не отдам!
Повесит меня тогда король Матяш!

Много денег сулил ему — нет, ни в какую не соглашается.

Пригорюнился он, на квартиру воротился и там все сидит, горюет. А с ним дочка была. Говорит дочка:

— Не горюйте, я схожу. Возьму побольше золота и обману его.

Взяла с собой ларчик золота и бутылку сладкого, медвяного вина, чтоб пастуха обмануть. А пастух говорит, что денег у него довольно, а король Матяш непременно его повесит, ежели хватится, куда делся баранчик с золотым руном. До той поры уговаривала его девица, до той поры заигрывала, пока они вместе вино не выпили. Но только наперед девице пришлось отведать, потому как он хотел посмотреть, не подсыпано ли чего в бутылку. После до того распалился пастух, что говорит, ладно, мол, отдаст, ежели она не против, чтобы он с нею лег, а денег не нужно, денег у него и так хватит.

Девица не долго спорила, дала пастуху. Вот после говорит ему девица:

— Обдери баранчика и мясо себе оставь, потому как мясо мне ни к чему, я только шкуру возьму.

Принесла отцу шкуру золоторунного баранчика, рада — себя не помнит. Отец, конечно, тоже обрадовался, что сумела дочка пастуха обмануть.

Ну, вот, утро настало. Горюет пастух, как он теперь королю Матяшу скажет, что пропал золоторунный баранчик? Домой пошел, думает, как бы королю соврать, что сказать? Дорогой втыкает он свой посох в какую-то червячью норку, сверху шляпу вешает. Попятился, потом снова подступил, здоровается с королем-государем. Говорит король:

— Что нового в овчарне?

(Это шляпа, значит.)

А пастух в ответ:

— Да ничего особенного, вот только баранчик с золотым руном пропал, волк его задрал.

Сказал, а сам испугался.

— Врешь! Когда так, не его одного задрал бы!

Тут вытащил он из земли посох, дальше пошел, ко

дворцу то есть. Снова попадается ему червячья норка, снова втыкает он посох, шляпу вешает, здороваётся с королем-государем.

— Что слышию в овчарне?

— Да ничего, вот только баранчик с золотым руном в колодезь свалился.

— Врешь! — говорит король. — Когда так, не он один свалился бы!

Снова вытащил он из земли свой посох, дальше идет. В третий раз попадается ему червячья норка, втыкает он посох, шляпу вешает, здороваётся с королем-государем.

— Что нового в овчарне?

— Баранчика с золотым руном украли.

— Врешь ты! — говорит король. — Когда так, не его одного украли бы!

Снял он свою шляпу, дальше отправился, ко дворцу короля Матяша, а там чужестранный король с дочкою за столом сидят. Входит он, здороваётся с двумя королями и с девицею. А чужестранный король принес Матяшу-королю шкуру с баранчика, и теперь они ждут, соврет пастух или нет, потому как, ежели соврет, король Матяш полкоролевства потеряет. Спрашивает король Матяш:

— Что нового в овчарне?

— Да вовсе ничего, вот только баранчика золоторунного на пригожую черную ярочку променял.

Ох, и обрадовался же король Матяш! А все же говорит:

— Приведи ее сюда.

А пастух в ответ:

— Вот она, промеж двух королей сидит.

— Молодец, — говорит король Матяш пастуху, — молодец, что не соврал, я тебе за это полкоролевства отдам, которое у чужестранного короля выиграл!

— Ну, — говорит чужестранный король, — а я тебе дочку мою отдам, все равно вы уж друг от дружки отдавали.

Так пастух чужестранным королем сделался.

КОРОЛЬ МАТЯШ И СЕКЕЙСКАЯ ДЕВИЦА

Был у короля Матяша верный слуга. Вот однажды посылает его король, — при большой дороге камень лежал, — и говорит:

— Кто большой дорогою ни пройдет, ни проедет, всякого останови и вели камень ободрать, такое, мол, королевское желанье, такое приказанье.

Много народу он остановил, да все только плечами пожимают:

— Как это — камень ободрать? Мы не умеем.

Вот идет мимо секеец с дочкою, слуга и его останавливает, чтоб остальным пособил. Толкуют они там, толкуют, а доченька и говорит:

— Батюшка, сходи к королю Матяшу в Буду и скажи ему, пусть он сперва кровь из камня выпустит, тогда мы, мол, обдерем.

Вот говорит король Матяш секейцу:

— Откуда ты узнал, секеец, что мне сперва кровь из камня выпустить надо? Ты, я погляжу, не прост!

Ну, тот говорит, есть, мол, у него доченька, она научила. Услыхал король, дал ему два ореха и денег целый кошель.

— Отнеси, — говорит, — своей доченьке, пусть она в землю посадит. Как орехи росток пустят, приходи ко мне.

Он принес, а доченька тут же орехи расколола да съела. Говорит секеец:

— Ну, теперь задал тебе задачу король Матяш!

А от того камня все разошлись, потому как обдирать уж и не надо.

Сколько-то спустя говорит дочка отцу:

— Ступай, батюшка, к королю Матяшу и скажи, про росли, мол, орехи.

Это она про груди свои говорила.

После дал король Матяш секейцу два стебля конопля. Из этой конопля, говорит, надо чепцы для королевского двора сделать. Снова получил секеец кошель денег, а те два стебля конопля домой повез, дочке, чепцы чтоб сделала. Говорит он дочке:

— Еще задачу задал тебе король!

А девица увидала на дворе две щепки, подобрала и говорит отцу:

— Отвези Матяшу-королю и скажи, чтобы он из этих двух щепок ткацкий стан сделал и челнок, тогда я из этих двух стеблей конопли чепцов наделаю, сколько надо.

Привез секеец щепки, говорит ему король:

— Скажи своей дочке, раз она такая умница, пусть ко мне придет, но только ни дорогою, ни без дороги, ни одетая, ни раздетая, и ежели она с лица хороша, я ее замуж возьму. — Король Матяш тогда еще неженатый был. — И чтоб гостинец разом и принесла, и нет, и поздоровалась, и нет.

Девица тут же изловила воробья, — в подарок, — и как явилась к королю, выпустила. Сама чуть поклонилась, а ни слова не сказала. У отца была большая рыбацья сеть, в ней и отправилась к королю. Был у отца большой осел, она его за хвост ухватила и все время по ослиным следам ступала. Стало быть, не большою дорогою шла, а ослиным следом.

Ну, вот, явилась она к королю, поклонилась, показала гостинец, выпустила птицу. А собой очень даже пригожая была. Король сразу поцеловал ее, за руку взял, обручились они, был большой бал, такой большой, что Дунай вином потек, когда у короля Матяша свадьба была.

Очень хорошо жили сколько-то времени, пока молодожены были. Но вот однажды была в том городе, в Буде, ярмарка. Возы тесно стояли, а у одного бедняка кобыла вот-вот ожеребится. Легла под чужую телегу и ожеребилась, жеребенка на свет принесла. Как увидал бедняк, что ожеребилась она, хотел было вытащить жеребенка из-под телеги, а хозяин не дает, говорит, что это его телега ожеребилась. Пошли оба с жалобою, а король Матяш и говорит, раз под телегою был жеребенок, стало быть, телега и ожеребилась, не кобыла.

Ох, и досадно же бедняку! Выходят они из суда, а он, конечно, слышал, что королева еще умнее мужа, и надумал сходить, совета спросить. Вот приходит он к жене Матяша-короля и жалуется на свою беду.

— Ах, ты, бедняга, видать, что бедняга! — говорит

королева. — Ступай, поищи сеть и рыбачий шест, каким обыкновенно рыбу в сеть загоняют. Выйди в поле и начинай шестом по песку возить, как будто рыбу сетью ловишь.

Бедняк так и сделал. Король увидел, велел кликнуть бедняка, что, мол, за болван такой — в песке рыбу ищет! Говорит ему бедняк:

— Конечно, нет в песке рыбы, но ведь и в днище телеги жеребенка нет!

— Эх, ты дурень несчастный, это моя жена тебя научила, знаю! Ну, да уж пускай, верну тебе жеребенка.

А все ж ужасно осерчал король на жену, за то что бедняку совет подала. Заходит к жене, говорит, чтоб вон убиралась, чтоб завтрашнее солнце ее на королевском дворе не застало.

— Ладно, — говорит, — уйду, только разреши мне, что я люблю, с собой унести.

Король говорит:

— Это пожалуйста.

Выселилась, стало быть, королева. А она знала, что у мужа такая была привычка: ложится вечером в постелью, на перину, и засыпает. Вот приходит она с четырьмя молодцами, ухватили они перину за все четыре угла и унесли короля туда же, куда королева выселилась, в домик с тусклыми оконцами. На другое утро проснулся король, глядит, а в оконце и не видать почти ничего, такое тусклое. Король говорит:

— Это еще что?

А королева в ответ:

— Ты мне разрешил унести, что я всего больше люблю, вот я тебя с собою и забрала.

Опять поцеловались они и до сих пор всё живут, если еще не померли.

ПРО МАТЯША-КОРОЛЯ

Король Матяш путешествовал и, когда проезжал через одну деревню, увидел чей-то дом, а на том дому написано: «Живу, поживаю, горя не знаю!» Король и говорит своему кучеру:

— Ну-ка, стой! Сколько я по всей стране ездил, а с таким человеком, что жил бы да поживал, горя не знал, еще ни разу не встречался!

Заходит он в дом, говорит:

— Вы этому селу староста?

— Да, — говорит, — я староста.

— Так, — говорит. — У вас на дому написано, что, мол, живете, поживаете, горя не знаете.

— Да, — говорит, — не знаю.

— Ну, так слушайте: я король Матяш. Вон там высокая гора. Будь она вся из чистого золота да серебра, что было б ее дороже? Ежели за двое суток ответа не дадите, конец вашей жизни.

Тут пригорюнился староста, который жил, поживал, горя не знал. Приходит вечер, воротился домой свинопас. Говорит ему свинопас:

— Никогда вы не горевали, а нынче пригорюнились.

— Как же мне не горевать, — говорит, — побывал нынче к нам король Матяш и так сказал: вон, говорит, высокая гора, будь она вся из чистого золота да серебра, что было б ее дороже? Ежели я за двое суток ответа не дам, конец моей жизни.

— Э, — говорит свинопас, — это проще простого. Поменяемся, — говорит, — вы ступайте свиной пасти, а я стану в вашем доме сидеть.

Поменялись.

— Теперь я буду староста. Пойду к королю, разгадаю загадку.

И правда, пошел он к Матяшу-королю.

— Вот он я, ваше королевское величество! Из такого и такого села, тот самый, что живет, поживает, горя не знает. Ваше королевское величество спрашивать изволили, если б высокая гора вся из чистого золота да серебра была, что было б ее дороже. А добрый майский дождик, он бы подороже был! Ведь та гора только у одного человека была бы во владении, а добрый майский дождик всем и каждому в целой стране был бы на пользу.

Так староста и спасся.

Еще в другой раз путешествовал король Матяш, а при дороге какой-то старик землю мотыжит. Говорит король кучеру:

— Стой! Хочу у этого старика спросить, как такой старик еще мотыгою махать может. День добрый, Бог в помощь, отец!

— И вам Бог в помощь!

— Ну, как, — говорит, — можете еще мотыгою махать?

— Могу потихонечку.

— А лет вам сколько?

— Восемьдесят, — говорит.

— Вот это очень хорошо! Человеку восемьдесят лет, а он еще мотыжить может. А скажите-ка, как вы столько годов прожили?

— Ох, — говорит, — на хлебе жил трехгодишном, на вине шестигодишном, и потом еще с женой только раз в год ложился.

Поехал король домой, рассказывает жене, какой старик там-то и там-то виноградник мотыжил. Королева говорит:

— Очень хорошо!

— Я спрашиваю: «Сколько вам лет?» — «Восемьдесят», — говорит.

Королева говорит:

— Очень хорошо!

— Еще он сказал, что на хлебе жил на трехгодишном.

— И это хорошо.

— А еще сказал, что с женой только раз в год ложился.

— Ох, и дурень же был!

Это уж ей не понравилось.

КОРОЛЬ МАТЯШ И МОЛОДОЙ СТАРОСТА

Однажды ездил король Матяш по стране и видит: в одном селе страшный беспорядок. Спрашивает король, кто этому селу староста. Говорят ему:

— Наместо прежнего старосты мы его сына выбрали.

— А почему прежнего не оставили? — спрашивает король Матяш.

— Старик в старосты не годится, — говорят.

Взошел он в управу, там молодой, кичливый староста сидит. Говорит ему король Матяш:

— Такой молодой в старосты не годится, не знаю, можете ли вы за свою должность ответ нести.

Говорит молодой староста, что за все ответ нести может.

— А коли так, когда я обратно поеду, предоставьте мне сюда, в управу, тридцать волков, сорок умников и шестьдесят дурней!

Пришел молодой староста домой, такой кручинный, ни есть, ни пить не хочет. Отец не утерпел, спрашивает у него, отчего он так закручинился.

— Оттого, — говорит, — что проезжал король Матяш и приказал: к тому сроку, как обратно поедет, предоставить в управу тридцать волков, сорок умников, да шестьдесят дурней. Ежели не предоставлю, выгонит он меня из старост.

Говорит ему отец:

— Ох, сынок, над такими-то пустяками ты еще голову ломаешь!

А больше ничего старик сыну не сказал, потому как подумал про себя, пускай, мол, голову поломает, сам в старосты набивался. Ну, да все равно собрал старик тридцать человек, которым аккуратно тридцать сравнялось, сорок человек, которым в аккуратно сорок, шестьдесят, которым шестьдесят. После говорит сыну:

— Я ответ держать стану.

Как прибыл Матяш-король, перепугался молодой староста, зачем, мол, столько людей сошлось, видно, на него поглядеть хотят, как король его из старост выгонять будет. А это его отец созвал их к управе. Как настал срок ответ держать, спрашивает король Матяш:

— Здесь тридцать волков, сорок умников и шестьдесят дурней?

Молодой староста побледнел, ничего ответить не может. Тогда старик встает и говорит:

— Да, здесь.

Показывает королю Матяшу тридцать молодых людей, сильные были, будто волки, сорок умников, их было сорок, и каждому по сорок лет, шестьдесят дурней, их шестьдесят было, и каждому по шестьдесят лет.

— Вот видите, — говорит король Матяш, — у старика побольше ума, чем у молодого. — После говорит старику: — Теперь ты будешь здесь старостой.

А молодого выгнал, потому что не смог он ответ держать. Отнял у него король Матяш должность и говорит:

— Вижу, что отец твой все еще умнее! Он и в старости годится, не ты!

47

КОРОЛЬ МАТЯШ И ПЕВЧИЙ ИЗ ЦИНКОТЫ В КОРЧМЕ

Певчий из Цинкоты выпивал в корчме. Входит король Матяш, усаживается подле и говорит певчему, что он у короля Матяша писец, а после спросил сразу десять кружек вина. Хозяйка не хочет подавать, думает, из чего, дескать, молодой писец уплатить сумеет, у писцов денежки не водятся. А король Матяш говорит:

— Знай, неси, у меня рыжий жеребчик¹ есть!

Только принесла корчмарка вино, заходят два цыгана. Пьют все вместе, веселятся, король Матяш пригожую корчмарку плясать потащил. За пляскою говорит он корчмарке, что, как придет пора платить, он скажет, будто потерял своего рыжего жеребчика, но только для виду скажет. И вправду, поплясали они, после хочет королевский писец платить, ищет рыжего жеребчика — нет нигде! Говорит, за пляскою потерял. Стали искать, все ищут, певчий даже на карачках ползает — нигде не находят! Корчмарка говорит, чтобы писец в залог остался, а певчий любил корчмарку, приревновал, вот и говорит, что не бросит, дескать, писца, а сейчас сходит домой за деньгами и выкупит его. Цыгане, как зашла речь о плате, мигом выкатились и, когда певчий шел домой, уж на земле валялись, пьяным сном спали, певчий в потемках об них и споткнулся.

¹ Фамильярно-жаргонное прозвание золотой монеты, вроде русского „рыжик“. (Прим. переводчика.)

Насилу поднялся и так отлупил обоих палкою, что цыгане заорали не своим голосом и мигом протрезвели. Денег у певчего в дому не оказалось, и он заложил отцову менту. Так только и расплатился с пригожею корчмаркой, пять монет пришлось отдать.

Король видит его доброту и говорит:

— Приходите в Буду, ко двору его величества короля Матяша. Король меня всех лучше любит, потому как я у него писцом.

Певчий не долго собирался. Говорит жене, чтоб и она в Буду шла, потому что писец Матяша-короля наказал, чтоб он и ее приводил. Жена — браниться: мало, дескать, что он ради этого писца отцову менту заложил, теперь и последние крейцеры, которые с той поры нажил, промотать хочет! А певчий не отступается, пришлось и жене идти в Буду, к писцу Матяша-короля.

— Он важная птица, — говорит певчий, — король Матяш его лучше всех любит.

Пришли они в Буду, ко дворцу, солдат их уж и поджидает, ведет прямо к Матяшу-королю в комнату. Король Матяш надел на себя ту самую менту, что певчий заложил. Певчий с женою только глаза раскрыли: как эта мента в Буду попала?

После солдат в другую комнату их повел, там уж на короле Матяше королевская мента была, вся в золоте, в жемчуге. Король Матяш сидит на троне, кругом бароны да герцоги стоят, теперь уж и жена смекнула, что они к Матяшу-королю пришли. Король Матяш встал, рассказывает господам дворянам, что этот добрый человек отцовой менты не пожалел, только бы его выкупить, а после свою дорогую менту певчему на плечи накиннул и говорит, проси, мол, чего хочешь! Жена шепчет, чтобы золота просил, жемчуга, а певчий только и попросил, чтобы в Цишкоте винная кружка вдвое больше была против других мест. Король Матяш и это ему пожаловал, и еще то, чтобы певчий, за свою доброту, вперед пил бы задаром. После угостил певчего с женою и отпустил.

Вышли они, а жена все бурчит, зачем золота-серебра не просил. Только когда менту обшарила, тогда и примолкла, потому как все карманы золотом были набиты.

«ТОЛЬКО РАЗ БЫЛА В БУДЕ СОБАЧЬЯ ЯРМАРКА!»

Король Матяш ездил по стране. Вот видит раз, один человек на двух волах пашет, другой — на восьми. Подошел он к тому, у которого восемь волов, спрашивает у него:

— Отдал бы ты еще пару волов тому, кто на паре пашет. Он бы тогда хоть на четверке пахал.

Говорит хозяин восьми волов:

— Сперва пусть собака наживет, после и у него будет!

Матяш придумал кой-что. Подходит к тому, у которого пара, говорит ему:

— Продай своих двух волов, сколько ни выручишь, на все купи собак и приводи ко мне в Буду.

Тот, с двумя волами, так и сделал. Продал свою пару волов, сколько выручил, на все собак накупил, привел в Буду к Матяшу-королю. Матяш столько денег за собак дал, что тот на них восемь волов купил. Прознал про это другой крестьянин, что на восьми волах пахал. Тоже продал своих волов, купил собак, привел в Буду. Явился к Матяшу, говорит ему, зачем пришел, а Матяш и отвечает:

— Забирай-ка своих собак обратно, приятель! Я их не возьму, потому как только раз была в Бude собачья ярмарка.

КОРОЛЬ МАТЯШ И ПАРЕНЕК

У короля Матяша была дочка, и не хотела эта дочка ничего работать.

Вот как-то осенью пашет сын одной вдовицы на четырех волах. Ни вожатого нет, ни погонщика с кнутом, а волы хорошо идут. Остановился король Матяш поглядеть, как малый с волами управляется, когда ни погонщика с ним нет, ни вожатого. Говорит король Матяш:

— Добрый день, Бог в помощь, сынок!

— Бог в помощь, ваше величество!

— Пашешь?

— Пашу.

— Без вожатого, без погонщика?

— Им кнут не нужен. Кто доброго слова не слушается, тот и кнута не послушается.

— Эх, а ведь малый-то прав, кто доброго слова не слушается, тот и кнута не послушается. Сынок, есть у меня дочка, ничего работать не хочет. Можешь ты ее выучить?

— Могу, ваше королевское величество.

Девушка, как привезли ее к пареньку в дом, так и села в угол. Что ж, пускай сидит, только есть ей не дают. И все время твердят: «Кто не работает, тот пускай и не ест».

Девушка рассудила, что скверно ей придется. На другой день, рано поутру, стала она прибирать кухню, горницу.

Тут ей дали поесть, и после она уж в угол не садилась, работала.

Недели через три-четыре пришло Матяшу-королю на ум, что хорошо бы навестить дочку, поглядеть, что она делает.

Вот оделся он нищим, чтоб все разузнать.

Рано поутру приходит к дверям, снимает шляпу, просит Христа ради. Девушка услышала, да только не то, чтобы подать, куда там, — схватила метлу и трижды вытянула нищего по спине.

— Ты что здесь шатаешься? Я королевская дочь, а все равно работать приходится. Пока не работала, и не ела. Работал бы ты, был бы и ты сыт.

Воротился король домой, сразу говорит жене:

— Не только что милостыни не подала, но еще и метлой, как следует, наподдала. Если б, говорит, работали, так и не шатались бы, не попрошайничали.

Радуетесь король. Еще недель через пять или шесть отправился вместе с женою навестить дочку. Написал пареньку, что в такой и такой день приедет, — пусть, мол, дома будет.

Приехал король, спрашивает дочку:

— Бил тебя парень?

— Пальцем ни разу не тронул, дурного слова не сказал.

После того и говорит король Матяш пареньку:

— Ну, сынок, раз уж ты так хорошо ее выучил, пускай и замуж за тебя идет.

50

ГОСПОДА ДВОРЯНЕ И КАМЫШИ

Король Матяш с дворянами гулял в поле. В одном месте проходили мимо камышей. Камыши совсем увяли. Матяш и говорит:

— Им бы дождь нужен!

Говорят в ответ господа дворяне:

— Ваше королевское величество! Зачем им дождь, когда они и так в воде стоят?

Матяш на это ничего не сказал. Пригласил дворян ужинать, а когда они пришли, велел им снять сандалии и каждому в лохань с водою встать. За ужином были всякие добрые яства, а питья никакого.

Один из господ и говорит:

— Господин король, попить бы тоже нужно.

Отвечает Матяш:

— Вы же говорили, что у камыша ноги в воде — довольно, мол, и того! А я говорил, что ему нужен бы дождь, да вы не поверили.

Господа язык и прикусили.

51

КОРОЛЬ МАТЯШ И ХВОРЫЙ ЕПИСКОП

Один епископ жаловался Матяшу-королю, что нет у него к еде никакой охоты, куска проглотить не может — все животом мается.

— Я вам помогу, — говорит король Матяш, — если хотите, вылечу вас.

Епископ согласился. Король отвел его туда, где бедняки землю копали. Дал ему тачку и другую снасть

и велел копать вместе со всеми, а он, дескать, тогда за ним явится, когда охота к еде придет.

Оставил его там король Матяш на целый месяц. После того является и спрашивает:

— Ну, как, пришла охота?

— Охота-то пришла, да вот беда: есть нечего!

Отдал ему король обратно епархию, и с той поры он уж больше не жаловался, что, дескать, есть неохота.

ЛАЙОШ КОШУТ И ГОСПОДА ДВОРЯНЕ

Однажды Лайош Кошут собрал дворян и спрашивает у них:

— Кому пить сок винограда?

Дворяне в один голос ответили: чья земля, тому и пить.

— Тогда, господа, пойдемте виноградник рыхлить.

Взялись за дело. Лайош Кошут первый рыхлит. Да только не как обычно, а вверх по склону.

Через несколько времени разрешил он им передохнуть немного и спрашивает:

— Кому ж пить сок винограда?

Дворяне на это снова в один голос: чья земля, тому и пить.

— Тогда, господа, пойдемте дальше рыхлить.

Снова взялись за мотыги. Обливаются потом господа дворяне.

Кошут снова спрашивает:

— Кому ж пить сок винограда?

— Тому, чья земля, и тому, кто ее мотыжит да потом поливает.

А Кошут не унимается, снова говорит:

— Тогда, господа, пойдемте еще рыхлить.

Еще, как следует, мотыгами помахали, после Кошут опять спрашивает:

— Так кому ж пить сок винограда?

Теперь уже все господа дворяне в один голос отвечали: тому, кто землю мотыжит, а кто сидит — ногами болтает, пусть радуется, если ему хоть капелька перепадет.

ТРИ УЗЛА

Нынче, на этих днях, в Дебрецене, в соборе лампада три раза кряду сама собою затеплилась, ее гасят, а она снова загорается. Приставили туда солдатский караул, а солдаты не знали, зачем их приставили. Одному любопытно стало, зачем они округ собора стоят, вот он и взошел в церковь.

Как взошел, видит на кафедре старик сидит, седой, борода длинная, а перед ним, на облокотнике кафедры три каких-то узла. Как заходит солдат, старик у него спрашивает:

— Зачем пришел, сынок?

— Узнать любопытствую, что это у тебя за три узла и что в них такое.

Говорит ему старик:

— Вытащи-ка, сынок, саблю из ножен да рассеки надвое первый узел — все узнаешь.

Вытащил солдат саблю, рассек узел надвое. Рассек надвое, а оттуда кровь так и хлынула.

Старик говорит:

— Видишь, сынок, это значит, нынешний год большое будет кровопролитие, столько крови прольется, что земля насилу вберет. Теперь другой надвое рассеки.

Солдат и другой рассек, оттуда пшеница посыпалась.

Старик говорит:

— Видишь, сынок, это значит, столько нынешний год будет пшеницы, что и убрать не сумеете. Рассеки теперь и третий, и все до конца узнаешь.

И третий узел рассек солдат, а оттуда деньги бумажные повалились, куча денег вывалилась.

А старик и говорит:

— Видишь, сынок, это значит, кровь, что нынешний год литься будет и земля насилу ее вберет, вся, как есть, в деньги обернется.

КОГДА КАБАЛЕ КОНЕЦ?

Мой дедушка сказывал, был он еще малец и понес своему отцу обедать. Там рыли канал, все камышом заросло, водой залито. Чтоб земля даром не пропадала, хозяин отводил воду из Капоша. Изо всей округи народ на работу согнали. Уж и роптать начали промеж себя люди, когда же этой кабале конец будет?

Как раз в обед появился один прохожий человек и повещает, что может открыть, когда конец, пусть только каждый ему по крейцеру выложит. Выложили по крейцеру, собрали деньги. А тот и говорит:

— Мало! Выкладывай еще по крейцеру!

Выложили еще. А он говорит:

— Опять мало! Еще по одному!

Третьего крейцера иные уж и не дали, ворчат, что и этот человек их дурачит. А другим любопытно, что будет. А он еще крейцер требует, четвертый. Да уж четвертого крейцера никто не дал, кричат:

— Хватай лопаты да бей его! И этому тоже только и надо, чтоб нас обдурить!

Тогда прохожий человек и говорит:

— Не трожьте меня! Я деньги верну! Вот тогда и будет конец вашей кабале, когда каждый схватится за косу, за мотыгу да — бей его! Не согласны, мол, большие кабальную работу работать!

В сорок восьмом и настало это самое «бей его!». Тогда и кабала прекратилась.

ПЕТР-АПОСТОЛ ХОЧЕТ БЫТЬ БОГОМ

Однажды странствовали Святой Петр с Иисусом Христом, и пришло апостолу на мысль, что хорошо бы стать Богом, хотя бы на один день: уж он бы тогда показал, как надо миром править! Иисус, как мог, старался его от этой дурацкой затеи отговорить. Но только видит он, что Петра умным словом не проймешь, наобо-

рот, чем больше он его отговаривает, тем сильнее хочется апостолу стать Богом. Тогда говорит ему Иисус:

— Ну, ладно, Петр, раз уж ты непременно желаешь править миром, будь по-твоему. Можешь нынче править, как вздумается, поглядим, что из этого выйдет.

В тот же миг появилось красивое золотое кресло, и Петр уж было сел, как вдруг женщина идет, корову с телком пастись гонит. Не удержался Петр, спрашивает у женщины, куда она корову гонит.

— А сюда, на пастбище.

Хлестнула раз-другой корову кнутом, корова дальше затрусилась, а женщина повернула и — напрямик назад, в деревню.

— А за коровой кто присмотрит? — спросил Святой Петр, когда увидал, что женщина домой пошла.

— А Господь Бог присмотрит, — говорит женщина, — потому как у меня дома столько дел, один Бог знает сколько! Четверо ребятишек на руках, мал мала меньше!

— Слышал, Петр? — говорит Иисус Христос, когда женщина ушла. — На тебя корову оставили, присматривай теперь.

И тут же появился на плечах у Петра пастуший кнут. Скоро и зандобился кнут, потому что телок замычал, задрал хвост и помчался прочь со всех ног. Бежит, бежит, по кустам, по колючкам, а корова за ним, ни на шаг не отстает. Схватил Святой Петр кнут и тоже следом кинулся, кричит: «Теля! Теля!» — но да корова, понятное дело, и ухом не ведет, знай, бежит себе за своим детенышем, так что солнышко уж совсем низко было, покуда он, наконец, корову догнал. А покуда назад пригнал, вместе с детенышем, уж и вовсе смерклось. От такой целодневной беготни до того уморился Святой Петр, насилию ноги держат! И корову бранит, и телка.

— Вот, гляди, Петр, — говорит Иисус Христос, — ты хотел быть Богом, хотел целым миром управлять, а сам за одной коровою с телком как следует присмотреть не можешь.

АПОСТОЛ ПЕТР И ПЧЕЛЫ

Однажды Иисус Христос ходил по земле, ходил бродил с места на место вместе с Петром-апостолом. Вот идут они, и говорит Святой Петр Иисусу Христу:

— Хорошо все-таки быть Богом!

— Почему, Петр? — спрашивает у него Христос.

— Помогать вдовам, сиротам, воздавать за добрые дела, карать злых. Право слово, будь я Бог, на всей земле ни одного дурного человека не осталось бы!

Только договорил Петр-апостол, Иисус огляделся кругом, увидел на молодом деревце рой и говорит Петру:

— Ступай, Петр, перейми рой и сложи к себе в шляпу. Возьмем его с собою, кто знает, может, и пригодится.

Петр подошел к деревцу и смел рой к себе в шляпу, но пчел было так много, что остаток апостол понес в горсти.

Идут они дальше с пчелиным роем у Петра в шляпе. Вдруг какая-то пчела впустила ему жало в руку. Петр закричал не своим голосом и шваркнул оземь весь рой.

— Что такое, Петр? — спрашивает у него Иисус Христос. — Что ты сделал?

— Ох, будь он неладен, этот рой! Пчела в руку укусила!

— Почему ж ты не выбрал из них ту, которая укусила?

— Если б я знал, которая! — говорит Петр. — Да ведь они все похожи друг на дружку, как одно чечевичное зерно на другое!

— Видишь, Петр, — говорит ему Иисус Христос, — если б ты был Бог, то поступал бы так же. Кто-нибудь из людей тебя обидел бы, а ты и готов был бы мстить всем остальным, ни за что, ни про что.

ОТЧЕГО КРЕСТЬЯНИН МНОГО РАБОТАЕТ?

Когда Господь наш, Иисус Христос, хлопотал за труждающихся и обремененных, просил он Бога, чтобы крестьянам меньше работать. Многие его заступничества не остались втуне, и Бог разрешил, чтобы двух часов в день было довольно.

Господь наш, Иисус Христос, сей же час посылает в путь Петра-апостола с таким наказом:

— Ступай и возвести людям, чтоб отныне работали только с пяти и до семи!

На заре спустился святой Петр на землю. Но со своею доброю вестью застрял он на краю первой же деревни, потому что крестьяне обрадовались и ни за что не пускали его дальше, пока хорошо не напоили. Когда ж он после все-таки от них ушел, то, с похмелья, не то повещал, чтоб работали с пяти до семи, а чтоб с семи до пяти.

ПОП И КОСЬБА

Однажды поп за проповедью говорил, что нет ничего легче косьбы. Слыхали его трое братьев и сговорились подшутить над попом.

Были у попа три лошади. Они всех трех свели и спрятали в лесу, там у них как раз покос был. Стал поп лошадей искать. Напал уж и на след, да после потерял и сам в лесу потерялся. Набрел на троих братьев. Просит, чтоб лошадей поискали. А как раз косовица стояла. Говорит один брат:

— Нельзя, ваше преподобье, косить надо!

Поп говорит:

— Ничего, я покошу за кого-нибудь из вас.

— Ладно, коли так, — говорят братья.

Вот один ушел к лошадям. Полный день возле них пролежал. Другие двое пошли косить с попом вместе. Первым один брат идет, после поп, позади другой брат. Надо попу живей пошевеливаться, чтоб задний косец

пятки ему не отхватил. К вечеру поп и говорит, уморился, мол, будет. Зашабашили. Вечером третий брат лошадей привел и ну попу жаловаться—до того, дескать, старался, чуть не надорвался. А сам полный день отдыхал.

На другое воскресенье поп за проповедью и говорит, что нет ничего труднее косьбы. Трое братьев тоже в храме были, слушали. Подпускает один словечко:

— Это потому, что от переднего отстать боялись!

А за ним другой:

— Это потому, что без пяток остаться боялись!

Больше поп никогда косьбу не унижал.

59

КТО ПЛЕТЕНЬ ЗАПЛЁЛ?

Один поп сказал за проповедью, что Господь, когда мир сотворял, Адама из грязи слепил да под плетнем сушиться и положил. Кто-то из храма кричит:

— Ну, это уж неправда!

Поп смотрит, кто это сказал.

А тот, что крикнул, снова голос подает:

— Кто ж плетень-то заплёл?

60

ДВА КУМА

Раз кумовья шили в погребе вино. Один все сидит, печалится.

— Об чем горюете, кум?

— Да вот пришло в голову: что будет после, как я помру?

— В гроб вас положат, что ж еще!

— Это понятно, а вот после что будет?

— Понесут на погост, что же еще!

— И это понятно, а после-то что?

— В могилу опустят!

— Это я все знаю, ну, а после, после?

— Землей засыплют!

- А еще после?
- Прахом рассыплется!
- И это я все знаю, а еще после что будет?
- На могилке трава гуще подыметя, чем вокруг.
- А после?
- Придет на вашу могилку соседская корова, травки густой пощиплет, жиру нагуляет и замычит про себя: «До чего ж вы, кум, переменились!»

ЛИСА, МЕДВЕДЬ И БЕДНЯК

Было то или не было, а только жил на свете бедняк. Однажды утром выехал тот бедняк с двумя коровами пахать. Едет он мимо леса и вдруг слышит какой-то топот, бормотанье. Входит в лес поглядеть, что такое. И видит: большой медведь с маленьким зайчишкой дерется.

— Ну, этакого я еще никогда в жизни не видывал! — сказал бедняк да так расхохотался, что чуть не лопнул.

— Ах, ты, окаянный человечиска, как ты смеешь надо мною смеяться?! — заорал на него медведь. — Но ты за это заплатишь, съем тебя вместе с твоими коровами!

Теперь уж бедняку стало не до смеху, молит он медведя, не ешь, мол, меня, а уж коли непременно так тому и быть, чтоб, по малой мере, до вечера погодил, пока он поле вспашет, иначе, дескать, жена и дети без хлеба останутся, бедные.

— Ну, до вечера — ладно, а после съем!

Медведь ушел своей дорогой, а бедняк, хоть и приуныл, а все ж принялся пахать и сколько ни ломал голову, как бы разжалобить медведя, ничего придумать не мог... Округ полдня забрела на поле лиса. Заметила, что бедняк приуныл и спрашивает, что случилось, не может ли, дескать, чем помочь.

Бедняк рассказал, что у него с медведем вышло.

— Только-то и всего? Ну, тогда я тебе легко помогу. Ничего с тобой не будет, и сам цел останешься, и коровы твои тоже, да еще медвежью шкуру впридачу получишь. А чем отблагодаришь, если помогу тебе?

Бедняк не знает, что и посулить, потому как у него нет ничего, а лисица дорого запрашивает. В конце концов, сошлись на девяти курах и одном петухе. С тяжелой душой посулил бедняк, потому как, откуда взять, не знает. А все ж посулил.

— Ну, теперь слушай, бедняк, что я тебе скажу! Когда медведь к вечеру придет, я спрячусь в кустах и затрублю, как охотники трубят. Медведь и спросит: «Это что?» А ты ему: «Охотники идут». Тогда медведь испугается и станет просить, чтоб ты его спрягал. Ты его засунь в этот поганый мешок и не вели шевелиться. Тогда я выйду из кустов и спрошу. «Что в этом мешке?» А ты скажешь: «Бревно горелое». Я тебе не поверю и скажу: «Ну-ка, рубани по этому концу топором!» Ты возьмешь топор и так рубанешь медведя по башке, что он тут же и сдохнет.

Обрадовался бедняк доброму совету и все в точности исполнил. Как лиса говорила, так оно и вышло: медведь попался в ловушку, а бедняк спасся от смерти вместе со своими коровами.

— Ну, бедняк, что я тебе говорила? — спрашивает лиса. — Это тебе урок, что умом больше возьмешь, чем силой. Но мне сейчас недосуг, домой спешу, а завтра приду к тебе за девятью курами и петухом. Да чтоб жирные были! И не вздумай куда уйти, а не то худо тебе будет!

Взвалил бедняк медведя на телегу, вернулся веселый домой, хорошо поужинал, а после спокойно уснул. Не очень-то боялся лису, потому как от нее ж и выучился: больше возьмешь умом, чем силою.

Утром, только открыл глаза, лиса уж у дверей стучится, девять кур и петуха требует.

— Сейчас, кума, сейчас, оденусь только, — говорит бедняк.

Быстро оделся, а дверь не отворяет. Вместо того стал посреди дома и затыкал по-собачьи.

— Эй, бедняк! Что это там? Уж не гончая ли?

— Да, кума, гончая, даже пара гончих. Спали здесь под кроватью, черт их знает, откуда взялись! Учужали твой дух, так и рвутся, уж насили удержать могу!

— Держи крепче, дай хоть убегу! Ладно уж, оставь себе и кур, и петуха!

Когда бедняк отворил, лиса была уже за горами — за долами. Ох, и смеялся же над ней бедняк, а может, и сейчас все смеется, если только не помер.

КОРОЛЬ КОТОФЕЙ

Было то или не было, а только жила однажды на свете вдова, и был у нее большой кот. Этот большой кот был такой же в точности лакомка, как всякий другой, и однажды утром вылакал целую кастрюлю молока. Разозлилась вдова, хорошенько кота поколотила и из дому выгнала. Схоронился кот на околице, сел подле моста, сидит, горюет. А на конце моста лиса сидела, хвост лохматый свесила. Заметил ее кот, подбежал, стал с лисьим хвостом играть. Лиса испугалась, вскочила, обернулась. Кот тоже перепугался, попятился, ошетинился. Стоят, глядят друг на дружку. Лиса никогда еще кота не видала, кот — лису, трусят оба, а что делать, не знают. Наконец лиса говорит:

— Не в обиду будь сказано, осмелюсь спросить, какого господин рода-племени?

— Я король Котофей!

— Король Котофей? И слыхом никогда не слыхала!

— Очень даже могли бы слышать. Все звери у меня под рукой, вот какая моя власть!

Тут лисица оробела и нижайше попросила кота в гости пожаловать, курятинки отведать. А как уж время к обеду шло и кот очень проголодался, то и не заставил в другой раз себя просить. Отправились они в лисью нору. Кот быстро свыкся со званьем важного господина и радовался, что лисица почтительно ему прислуживает — будто настоящему королю. И держал себя по-господски, говорил мало, ел много, после обеда спать завалился, а лисе велел сторожить, чтоб никто его не тревожил, пока он почивает.

Встала лисица у входа в нору, караул держит. Тут как раз пробежал мимо зайчик.

— Слышь-ка, зайчик, здесь не расхаживай, здесь мой господин, король Котофей, почивает, и ежели вый-

дет, не сносить тебе головы, потому как все звери у него под рукой, вот какая его власть!

Испугался зайчик, прочь убрался потихоньку. Присел на лужайке и все раздумывает: «Кто такой может быть этот король Котофей? И слыхом никогда про него не слыхивал!»

Ломит мимо медведь. Зайчик и спрашивает у него:

— Куда идешь?

— Погулять вышел, скучно мне очень.

— Ох, туда лучше не ходи! Лисица сказала, что ее господин, король Котофей, спит, и ежели выйдет, не сносить тебе головы! У него все звери под рукой, вот какая его власть.

— Король Котофей? И слыхом никогда не слыхивал! Теперь уж непременно туда схожу, погляжу, по крайней мере, что за король Котофей.

И вправду, отправился к лисьей норе.

— Слышь-ка, медведь! Здесь не расхаживай, здесь мой господин, король Котофей, почивает, и ежели выйдет, не сносить тебе головы, потому как все звери у него под рукой, вот какая его власть!

У медведя душа в пятки ушла, ни слова не вымолвил, повернулся и назад, к зайчику. Там повстречался он с волком и с вороною. Жалуются они, что и с ними, дескать, то же приключилось.

— Кто такой может быть этот король Котофей? Никогда и слыхом про него не слыхали! — говорят все в один голос.

Стали советоваться, как бы так устроить, чтобы взглянуть на него. На том сошлись, чтобы пригласить его к обеду, вместе с лисицею. Сразу ж и послали ворону гостей просить.

Как увидела лисица ворону, выскочила с великою досадою, бранится, — зачем снова докучает?

— Прочь отсюда! Ты разве не слыхала, что я сказывала? Мой господин — король Котофей! Ежели он выйдет, не сносить тебе головы! У него все звери под рукой, вот какая его власть!

— Знаю, прекрасно знаю! Да я не по своему почину прилетела, медведь, волк и заяц меня послали просить вас обоих к обеду.

— Это дело другое. Обожди малость.

Ушла лиса доложить королю Котофею. Немного погодя выходит и объявляет вороне, что король Котофей приглашение с удовольствием принимает и к обеду они будут. Только вот куда приходиться?

— Завтра я прилечу за вами и покажу дорогу.

Услыхали медведь, волк и заяц добрую весть, устроили жаровню. Поваром зайчика поставили, потому что у него хвост коротенький, и, стало быть, огнем опалиться не так легко. Медведь, самый здоровый, дрова и дичину на кухню таскал. Волк на стол накрывал и вертел вертел.

Когда все было готово, ворона отправилась за гостями. С дерева на дерево перепархивает, а спуститься не смеет. Так на макушке и осталась, оттуда и кличет лису.

— Обожди малость, сейчас будем готовы, — говорит лиса, — его величество только усы закрутит.

Наконец, вышел и король Котофей. Медленно ступает, важно, чинно, а ворону ни на миг из виду не упускает — боится. Ворона тоже трусит, только одним глазком на него косит, с дерева на дерево перепархивает, так и ведет их.

Медведь, волк и заяц ждут — не дождутся, все только, знай, друг дружку спрашивают: какой он может быть, этот король Котофей? Все на дорожку посматривают, откуда гостей ожидают.

— Идет! Идет! Ох, Господи, куда ж бежать-то? — закричал зайчик и, со страха, кинулся прямо в огонь.

Медведь тоже перепугался и впопыхах так треснулся о дерево, что башка пополам. Волк улизнул вместе с вертелом и жарким, а ворона от остальных не отстала, чтобы и следа от компании не осталось.

Смотрят голодные гости — ни обеда нет, ни хозяев. На их счастье зайчик тем временем отменно зажарился. Вытащили они зайца из огня, наелись доотвалу и по сю пору живут, ежели только не померли.

КОЛОБАНЧИК

Жил однажды на свете, по ту сторону Моря-Океана, бедняк с женою беднячкою, и было у них три дочери да маленький поросенок.

Вот откормили поросенка, сала по хребтине уж на два пальца, тут и закололи, мясо коптить повесили, а колобанчик колбасный к князьку привязали.

На пятерых один поросенок — все равно что ягода клубничная, мигом все съели — и подбрюшину, и голову, и хребтину. В один прекрасный день подумала хозяйка про колобанчик, потекли у ней слюнки, вот и говорит она старшей дочери:

— Ступай-ка, доченька, на чердак, принеси колобанчик, сварим его!

Поднялась девица на чердак и только было хотела колобанчик от князька отрезать, а он ей и говорит:

— Ам! Сейчас проглочу!

И вправду проглотил.

Внизу ждали, ждали — не идет девица с колобанчиком, что ты будешь делать! Говорит тогда хозяйка средней дочке:

— Ступай-ка, дочка, на чердак, за старшей сестрой, скажи, чтоб скорей несла колобанчик.

Поднялась и вторая девица на чердак, огляделась — нет нигде старшей сестры. Тогда подошла она к трубе, хочет отрезать колобанчик, а тот ей и говорит:

— Твою сестрицу я уж сглотнул, теперь и тебя проглочу! Ам!

И с теми словами проглотил, не поперхнулся.

Внизу ждет-пождет мать своих дочек, а после надоело ей ждать, и говорит она меньшей дочери:

— Ступай-ка, дочка, на чердак, кликни старших сестер. Эти дряни, уж верно, сидят себе да вишни сушеные поклевывают!

Поднялась девочка на чердак, а колобанчик ей говорит:

— Уж двух сестриц твоих я сглотнул и тебя проглочу! Ам!

Проглотил и ее.

Хозяйка уж не знала, что и думать. Куда дочки запропастились? Схватила скалку — и наверх, чтобы девчонок с чердака согнать. «Ну, погодите, — думает, — шкуру со спины спущу!»

Как поднялась, говорит ей колобанчик:

— Трех твоих дочек я уж проглотил и тебя проглочу! Ам!

С теми словами так проглотил, что и мизинца наруже не осталось.

Прискучило бедняку ждать дочек и хозяйку, поднялся он на чердак. Как подошел к трубе, говорит ему колобанчик:

— Трех твоих дочек и жену я уж проглотил, проглочу и тебя! Ам!

Да и проглотил сей же миг.

Но уж пятерых человек худая кудельная веревка выдержать не смогла — порвалась. Упал колобанчик. После приподнялся кой-как и покатился. Скатился по лестнице на землю.

Выкатился за калитку на улицу, а навстречу ему артель косцов, он всю артель разом и проглотил. Катится дальше, выкатился на большую дорогу, а навстречу ему полк солдат, он и проглотил всех, вместе с обозом. Дальше катится, дальше. Неподалеку оттуда, на краю канавы мальчишка пас стадо свиней, свиньи разбрелись вокруг, а мальчишка сидит на краю канавы да хлеб с салом ест, венским складным ножиком отрезывает. Подкатился колобанчик к свинопасу и говорит ему:

— Уж трех девиц с отцом, с матерью, артель косцов, полк солдат — всех я проглотил, и тебя проглочу! Ам!

Уж и проглотил было, да только застрял складной ножик у него во рту, а после и распорол колобанчика. Повалили наружу солдаты и все прочие. Каждый по своим делам отправился, а колобанчик, как лопнул, так на краю канавы и остался.

Ежели б мальчишкин ножик колобанчика не распорол, то и сказочка моя к концу б не пришла.

КОЗЕЛ-КОЗЛИНА, ШКУРЫ ПОЛОВИНА

Было то или не было, а только жил на свете один человек, и были у него два сына, а еще коза была. Однажды утром говорит он старшему сыну:

— Выгони, сынок, козу пастись, только такое найди место, чтоб она досыта наелась.

Нашел сын такое место, трава густая, сочная. Паслась коза, паслась, до того наелась, что уж насилиу шевелится. Тут спрашивает сын:

— Вдосталь, козочка, наелась,
Аль еще тебе хотелось?

Отвечает козочка:

— До того сыта коза,
Чуть не вылезли глаза!

Пригнал ее сын домой, а отец и спрашивает:

— Вдосталь, козочка, наелась,
Аль еще тебе хотелось?

Отвечает коза:

— Да какой уж там наелась!
Как собаке, жрать хотелось!

Осерчал хозяин, тут же сына вон вытолкал. На другое утро говорит он меньшому сыну:

— Теперь ты, сынок, выгони козу, только место найди хорошее, а ежели голодную домой приведешь, и тебе так же достанется, как брату старшему досталось.

Нашел сын место еще лучше давешнего, снова наелась коза досыта, насилиу жует.

Тут спрашивает сын:

— Вдосталь козочка, наелась,
Аль еще тебе хотелось?

Отвечает козочка:

— До того сыта коза,
Чуть не вылезли глаза!

Пригнал ее сын домой, а отец снова спрашивает:

— Вдосталь, козочка, наелась,
Аль еще тебе хотелось?

Снова отвечает коза:

— Да какой уж там наелась!
Как собаке, жрать хотелось!

Еще пуще осерчал хозяин, вытолкал вон и другого сына.

На третье утро некому уж было козу доверить, сам выгнал ее хозяин. Отец еще лучше место сыскал, чем сыновья, до того наелась коза, как бревно, наземь повалилась. Спрашивает хозяин:

— Вдосталь, козочка, наелась,
Аль еще тебе хотелось?

Отвечает козочка:

— До того сыта коза,
Чуть не вылезли глаза!

Пригнал ее хозяин домой. Дома спрашивает:

— Вдосталь, козочка, наелась,
Аль еще тебе хотелось?

Отвечает коза:

— Да какой уж там наелась!
Как собаке, жрать хотелось!

Тут уж он и вовсе осерчал, потому как увидел, что обоих сыновей без вины прогнал.

— Ну, погоди, подлая тварь, ты мне за это запла-
тишь!

Вынес он острый нож, козу к дереву привязал и стал живьем обдирать. Закричала коза:

— Смилуйся, хозяин!
Не трожь мою шубу!
До того сыта коза,
Чуть не вылезли глаза!

Тут бросил он ее драть, отвязал, а шкура уж наполнила и спущена. Как почувяла коза волю, мигом бежать ударилась, несется по кустам, по оврагам, дороги не разбирает. Бежала, бежала да лисью нору и увидала. Забилась она в нору, затаилась. Вот приходит домой лиса, голос подает:

— Кто в моей норке, кто в моей тесной?
— Я козел-козлинка,
Шкуры половина!
Как рогами пырну!
Как усами кольну!
Беги прочь!
Забодаю!

Испугалась лиса, к волку побежала.

— Кум волчок, пойдем скорей, у меня в норе злодей!

Пришел волк к устью норы:

— Кто в норке, кто в тесной, кто куме лисе злодей?

— Я козел-козлинка,
Шкуры половина!
Как рогами пырну!
Как усами кольну!
Беги прочь!
Забодаю!

Испугался волк, побежал к медведю.

— Кум, а кум, пойдем скорей, у лисы в норе злодей!

Пришел и медведь к норе, тоже голос подает:

— Кто в норке, кто в тесной, кто куме лисе злодей?

— Я козел-козлинка,
Шкуры половина!
Как рогами пырну!
Как усами кольну!
Беги прочь!
Забодаю!

Медведь тоже испугался, убежали они все втроем. Бежали, бежали и вдруг ежа повстречали.

— Куда это вы все бежите, кум медведь? — спрашивает еж.

— Ох, бежим вместе, давай и ты с нами! У кумы лисы в норке злодей засел!

— Нет, я не побегу. Воротимся-ка обратно, может, я его как-нибудь выпугну.

— Ну, да, выпугнешь! Я вон насколько сильнее, кум волк тоже — и то не выпугнули, — отвечает медведь.

— А все ж попытаем удачи, — говорит еж.

Вот воротились они.

Стах еж при устье норы, кричит:

— Кто в норке, кто в тесной, кто куме лисе злодей?

— Я козел-козлинка,
Шкуры половина!
Как рогами пырну!
Как усами кольну!
Беги прочь!
Забодаю!

А еж все равно не испугался, свернулся клубком, внутрь закатился и давай в ободренные бока колоть! Не до смеху козе, выскочила из норы. А как выскочила

она наружу, волк с медведем мигом узнали ее милость — схватили, растерзали, закусили на славу.

А ежели б не растерзали, так и сказка бы дальше сказывалась.

ПЕТУШОК И БРИЛЬЯНТОВЫЙ ГРОШ

Жила однажды на свете бедная женщина, и был у нее петушок. Все рылся петушок в мусоре, все копался, и вот однажды нашел брильянтовый грош. Ехал мимо турецкий салтан, увидел у петушка брильянтовый грош и говорит ему:

— Эй, петушок, отдай мне твой брильянтовый грош!

— Не отдам, он хозяйке моей нужен!

Ну, да турецкий салтан силою отобрал, увез домой и, где казна у него лежала, туда и брильянтовый грош убрал. Осерчал петушок, вскочил на изгородь и ну кричать:

— Кукареку! Эй, турецкий салтан, отдавай мой брильянтовый грош!

Не хочет турецкий салтан этого слышать, в дом заходит, а петушок на окошко взлетел и оттуда кричит:

— Кукареку! Эй, турецкий салтан, отдавай мой брильянтовый грош!

Осерчал турецкий салтан.

— Эй, слуга, ступай, излови петушка и в колодезь кинь, чтоб не кричал больше!

Поймал слуга петушка, кинул в колодезь. А он вон какую песенку завел:

— Зоб, зоб, соси воду! Зоб, зоб, соси воду!

Зоб всю воду из колодезя и высосал. Снова взлетел петушок на окно к салтану:

— Кукареку! Эй, турецкий салтан, отдавай мой брильянтовый грош!

Тут снова говорит турецкий салтан своему слуге:

— Эй, слуга, ступай, излови петушка и в печку кинь, в самый огонь!

Снова поймал слуга петушка, кинул в печку. А он другую песенку заводит:

— Зоб, зоб, пусти воду, загаси пламя! Зоб, зоб, пусти воду, загаси пламя!

Зоб всю воду и выпустил, загасил пламя. Снова взлетел петушок на окно:

— Кукареку! Эй, турецкий салтан, отдавай мой брильянтовый грош!

Еще пуще разозлился турецкий салтан.

— Эй, слуга, ступай, излови этого петушка, кишь его в пчелиный улей, пускай его осы насмерть закусуют!

Бросил слуга петушка в пчелиный улей. Снова заводит петушок:

— Зоб, зоб, соси ос! Зоб, зоб, соси ос!

Зоб всех ос из улея и высосал. Тут снова взлетел он к турецкому салтану на окно:

— Кукареку! Эй, турецкий салтан, отдавай мой брильянтовый грош!

Уж и не знает турецкий салтан, что с ним делать!

— Эй, слуга, ступай принеси этого петушка сюда, я его к себе в шаровары суну!

Поймал слуга петушка, сунул его турецкий салтан к себе в шаровары.

Тут снова заводит петушок:

— Зоб, зоб, пусти ос, пускай задницу кусают! Зоб, зоб, пусти ос, пускай задницу кусают!

Зоб всех ос и выпустил, как следует, накусали они турецкому салтану задницу.

Вскочил турецкий салтан:

— Ой, ой, черт его сожри, этого петушка! Отнесите его скорей туда, где казна, пускай отыщет свой брильянтовый грош!

Отнесли петушка туда, где казна, а он снова свою песенку заводит:

— Зоб, зоб, соси деньги! Зоб, зоб, соси деньги!

Зоб все три чана денег, что у турецкого салтана были, и высосал. Принес петушок деньги домой, отдал хозяйке. Разбогатела хозяйка и до сего дня все живет, ежели еще не померла.

ПЕТУШОК ПЛЕТЕНЬ ПОДРЫЛ

Однажды маленький петушок стал под плетнем рыться. До той поры все рыл да рыл, покамест не повалился плетень. Слетела на поваленный плетень сорока и спрашивает у него:

— Что это с тобой случилось, плетень? Еще вчера ты стоял молодцом, лучше не надо.

— Эх, кума сорока, — отвечает плетень, — вышел петушок, стал подо мною рыться, я и повалился с досады.

— Ну, тогда я свой пригожий хвост вырву, — говорит сорока, и правда, вырвала свой пригожий хвост.

Взлетела она после на орешину. Дивится орешина, что сорока такая кургузая, спрашивает у нее:

— Что с тобою случилось, кума сорока? Еще вчера был у тебя такой пригожий хвост, а нынче ты совсем кургузая!

— Эх, милая кума, — отвечает сорока, — вышел утром петушок, стал под плетнем рыться, плетень с досады повалился, вот я свой пригожий хвост и вырвала.

— Ну, тогда и я обрублю свои пригожие ветки, — сказала орешина, и правда, обрубилa свои пригожие ветки.

В полдень, в самый зной, приходит отдохнуть под орешину косуля. Видит она, что орешина совсем голая, спрашивает у нее:

— Что с тобою случилось, пригожая орешина? Еще вчера у тебя были такие пригожие ветки, а сегодня ты совсем голая!

— Эх, любезная косуля — отвечает орешина, — вышел утром петушок, стал под плетнем рыться, плетень с досады повалился, сорока свой пригожий хвост вырвала, а я сучья-ветки себе обрубилa.

— А я убью двух своих пригожих детенышей, — сказала косуля, и правда, убила обоих.

После того горевала она, горевала, а после пить захотела и пошла к колодезю. Удивился колодезь, что одна пришла косуля, потому как раньше двух пригожих детенышей приводила. Спрашивает у нее:

— Как это так, что ты нынче одна пришла, кума ко-
суля? Где ж ты бросила двух своих пригожих детены-
шей?

— Эх, кум колодезь, — отвечает косуля, — вышел
утром петушок, стал под плетнем рыться, плетень с до-
сады повалился, сорока свой пригожий хвост вырвала,
орешина сучья-ветки себе обрubiла, а я своих малых
детей убила.

— Ах, вот как? Ну, тогда и я свою чистую воду
в кровь обращаю! — сказал колодезь, и так оно и слу-
чилось.

Приходит служанка Шара с лоханкою к колодезю,
по воду, глядь, а там одна кровь. Спрашивает она коло-
дезь:

— Как это так, любезный колодезь, что нынче в тебе
кровь наместо чистой воды?

— Эх, сестрица Шара, — отвечает колодезь, — вышел
утром петушок, стал под плетнем рыться, плетень с до-
сады повалился, сорока свой пригожий хвост вырвала,
орешина сучья-ветки себе обрubiла, косуля своих ма-
лых детей убила, а во мне вода кровью обернулась.

— А я лоханку себе об голову разобью! — и правда,
разбила.

Идет с распухшим лбом к хозяйке. Хозяйка тут же
и спрашивает:

— Что с тобою случилось, служанка Шара?

— Эх, сестрица хозяйка, — отвечает Шара, — вышел
утром петушок, стал под плетнем рыться, плетень с до-
сады повалился, сорока свой пригожий хвост вырвала,
орешина сучья-ветки себе обрubiла, косуля своих ма-
лых детей убила, в колодезе вся вода кровью оберну-
лась, а я лоханку себе об голову разбила.

— А я опару по стене размажу!

Как раз она хотела тесто месить, но тут по стене
опару размазала. Увидел муж, как вечером домой воро-
тился, что опара по всей стене размазана, спрашивает
у жены:

— Ты что, с ума спятила, любезная супруга, что
столько огненной опары по стене размазала?

— Эх, любезный господин супруг, вышел утром пе-
тушок, стал под плетнем рыться, плетень с досады пова-
лился, сорока свой пригожий хвост вырвала, орешина

сучья-ветки себе обрубил, кося своих малых детей убила, в колодезе вся вода кровью обернулась, служанка Шара лоханку себе об голову разбила, а я по всей стене опару размазала.

— Ах, вот как? Ну, а я свою пригожую бороду обрею! — и правда, обрил.

Скоро и сын домой воротился, молодой парень. Видит он, что отец с лица — будто курица ошпаренная. Спрашивает у него:

— Что с вами случилось, господин мой батюшка?

— Большая беда стряслась, милый мой сын! Вышел утром петушок, стал под плетнем рыться, плетень с досады повалился, сорока свой пригожий хвост вырвала, орешина сучья-ветки себе обрубил, кося своих малых детей убила, в колодезе вся вода кровью обернулась, служанка Шара лоханку себе об голову разбила, твоя матушка опару по стене размазала, а я обрил пригожую свою бороду.

— Ладно, — говорит парень, — а я четверым нашим волам ноги поотрублю! — и с теми словами взял топор, пошел в стойло и тут же одному волу переднюю ногу и отхватил.

Уж и вторую рубить хотел, но тут как раз проходил мимо солдат, окликнул его:

— Ты что, малый, сбесился? Что ты над этим волом делаешь?

— Эх, любезный господин солдат, вышел утром петушок, стал под плетнем рыться, плетень с досады повалился, сорока свой пригожий хвост вырвала, орешина сучья-ветки себе обрубил, кося своих малых детей убила, в колодезе вся вода кровью обернулась, сестрица Шара лоханку себе об голову разбила, госпожа моя матушка опару по стене размазала, батюшка пригожую свою бороду обрил, а я ноги четверым нашим волам рублю.

— И в самом деле, сбесился! — крикнул солдат и так вытянул парня саблею плашмя, что тот едва ноги до дому донести сумел. А четверку волов солдат на базар погнал, продал и на те деньги, когда срок свой выслужил да женился, свадьбу богатую сыграл.

Они и сейчас все живы, ежели еще не померли.

ЛОЗИНКА И ПТИЧКА

Было то или не было, а только жила однажды на свете птичка. Заскучала однажды птичка, слетела на лозинку.

— Лозинка, а лозинка, покачай меня!

— Ни за что не стану птичку качать!

Осерчала птичка, улетела. Идет-бредет, а навстречу ей козочка.

— Козочка, а козочка, сглодай лозинку!

Не пошла козочка лозинку глотать, не стала лозинка птичку качать. Дальше идет-бредет птичка, навстречу ей волк.

— Волк, а волк, задери козочку!

Не пошел волк козочку драть, козочка не пошла лозинку глотать, не стала лозинка птичку качать.

Дальше идет-бредет птичка, навстречу ей село.

— Село, а село, затрави волка!

Не пошло село волка травить, волк не пошел козочку драть, козочка не пошла лозинку глотать, не стала лозинка птичку качать.

Дальше идет-бредет птичка, навстречу ей огонь.

— Огонь, а огонь, попали село!

Не пошел огонь село палить, село не пошло волка травить, волк не пошел козочку драть, козочка не пошла лозинку глотать, не стала лозинка птичку качать.

Дальше идет-бредет птичка, навстречу ей вода.

— Вода, а вода, залей огонь!

Не пошла вода огонь заливать, огонь не пошел село палить, село не пошло волка травить, волк не пошел козочку драть, козочка не пошла лозинку глотать, не стала лозинка птичку качать.

Дальше идет-бредет птичка, навстречу ей бык.

— Бык, а бык, выпей воду!

Не пошел бык воду пить, вода не пошла огонь заливать, огонь не пошел село палить, село не пошло волка травить, волк не пошел козочку драть, козочка не пошла лозинку глотать, не стала лозинка птичку качать.

Дальше идет-бредет птичка, навстречу ей дубина.

— Дубина, а дубина, зашиби быка!

Не пошла дубина быка зашибать, бык не пошел воду пить, вода не пошла огонь заливать, огонь не пошел село палить, село не пошло волка травить, волк не пошел козочку драть, козочка не пошла лозинку глодать, не стала лозинка птичку качать.

Дальше идет-бредет птичка, навстречу ей червяк.

— Червяк, а червяк, проточи дубину!

Не пошел червяк дубину точить, дубина не пошла быка зашибать, бык не пошел воду пить, вода не пошла огонь заливать, огонь не пошел село палить, село не пошло волка травить, волк не пошел козочку драть, козочка не пошла лозинку глодать, не стала лозинка птичку качать.

Дальше идет-бредет птичка, навстречу ей петушок.

— Петушок, а петушок, склюнь червяка!

Побежал петушок червяка клевать, побежал червяк дубину точить, побежала дубина быка зашибать, побежал бык воду пить, побежала вода огонь заливать, побежал огонь село палить, побежало село волка травить, побежал волк козочку драть, побежала козочка лозинку глодать, тут уж — куда деваться? — стала лозинка птичку качать.

А ежели б и тогда не стала, то и сказка моя дальше бы сказывалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

Материал для настоящего собрания заимствован нами из числа венгерских народных сказок последнего столетия. Говоря о последнем столетии, мы имеем в виду время собрания и публикации; сами же сказки, разумеется, восходят к прошлому, гораздо более отдаленному.

Группируя сказки, мы не следовали тому порядку, который принят в указателе сказочных сюжетов Аарне — Томпсона (условное обозначение — АТх); сборник открывается не сказками о животных, но волшебными сказками, завершается же кумулятивными (цепевидными) сказками с устойчивыми формулами и ритмическим построением. Тем не менее в кратких примечаниях, которыми снабжена каждая сказка, мы, разумеется, указываем и соответствующий номер по АТх, что позволяет включить венгерские народные сказки в сказочный репертуар Евразии. В тех случаях, когда типовой номер АТх не покрывает содержания сказки и структурных взаимосвязей между мотивами, мы применяем новые типовые номера: после букв АТх ставится тире (—), обозначающее отсутствие соответствующего типового номера в указателе, а затем — предлагаемый новый номер со звездочкой (*). Новый указатель венгерских сказочных сюжетов подготовлен группой научных сотрудников Венгерского этнографического музея под руководством Агнеш Ковач. Новые, предложенные ею номера также нашли себе применение в наших примечаниях, и мы рады воспользоваться случаем, чтобы выразить Агнеш Ковач свою признательность за ее ценную помощь. При определении типового номера мы обращались и к указателю Яноша Хонти, погибшего смертью мученика в 1944 году (Hans Honti, «Verzeichnis der publizierten ungarischen Volksmärchen», FFC. 81, Helsinki, 1928), и к проекту указателя, составленному Явошем Берзе Надь.

Венгерский сказочный репертуар не раскладывается полностью и без пробелов по системе, принятой финско-историко-географической школой; к такому же результату приводит

составление указателей и для других национальных репертуаров. Все шире распространяется взгляд (см. «Four Symposia on Folklore», Ed. by Stith Thompson, Bloomington, Indiana, 1953, *passim*), что национальный сказочный фонд следует описывать только при посредстве номеров сюжетного указателя, от времени до времени пополняемого. Ради простоты мы сохранили старые типовые номера, дополнив их нашими собственными обозначениями. Часто венгерскую сказку не удается определить при помощи одного типового номера (для сложных волшебных сказок это общее правило); тогда мы даем номера типов и главных мотивов в том порядке, в каком они следуют друг за другом в тексте сказки. Иногда вообще невозможно указать какой бы то ни было номер, поскольку для исторических анекдотов и местных историй еще не существует соответствующей нумерации. Уже Н. П. Андреев в своем указателе русских сказочных сюжетов отметил, что международная классификация неприменима для различения и распознавания сказок такого рода. Авторы монографии о типах турецких народных сказок также указывали, с какими трудностями сопряжена классификация национального сказочного репертуара из-за эволюции сказочных типов и их перехода в новые типы (W. Eberhard und N. P. Boratav, «Typen türkischer Volksmärchen», Wiesbaden, 1953, S. 5 ff.).

В тесных рамках наших примечаний мы пытались и для этих кратких сказочных и анекдотических историй наметить место, принадлежащее им в международном сказочном репертуаре. Более пространные ссылки на литературу мы сочли излишними, поскольку номера АТн и некоторые дополнительные сведения окажут достаточную помощь тому, кто интересуется международными взаимосвязями. Ссылки на комментарии к одному из самых знаменитых собраний в европейской сказочной литературе — собранию братьев Гримм (Bolte-Polivka, „Anmerkungen“), а также на монографию Томпсона будут в этом отношении полезны. В тех случаях, когда по отдельным типам сказки уже созданы детальные исследования, мы, разумеется, ссылались и на них.

Стараясь представить здесь сказки всех венгерских этнических групп (в пределах названного отрезка времени), мы, в первую очередь, включали точные записи подлинного крестьянского исполнения и наиболее характерные для венгерского репертуара сказки.

Материалы для нашего тома взяты из следующих венгерских собраний:

MAGYAR NÉPKÖLTÉSI GYŰJTEMÉNY («Собрание венгерского фольклора», сокр.: MNGY)

MNGY I. Arany László és Gyulai Pál, Elegyes gyűjtések Magyarország és Erdély különböző részeiből («Собрание сказок из разных частей Венгрии и Трансильвании»), Pest, 1872;

MNGY II. Török Károly, Csongrád megyei gyűjtés («Собрание сказок из комитата Чонград»), Pest, 1872;

MNGY III. Kriza János, Orbán Balázs, Benedek Elek és Sebesi Jób, Székelyföldi gyűjtés («Собрание сказок из Трансильвании»), Budapest, 1882;

MNGY VI. Vikár Béla, Somogy megye népköltése («Фольклор комитата Шомодь»), Budapest, 1905;

MNGY VIII. Dr. Sebestyén Gyula, Dunántúli gyűjtés («Собрание фольклора из Задунайского края»), Budapest, 1906;

MNGY IX. Berze Nagy János — Katona Lajos, Népmesék Heves és Jász-Nagykun-Szolnok megyéiből («Сказки из комитатов Хевеш и Йас-Надькун-Сольнок»), Budapest, 1907;

MNGY X. Horger Antal, Hétfalusi csángó népmesék («Сказки чанго [венгерское население Молдавии] из Хетфалу»), Budapest, 1908;

MNGY XI—XII. Kriza János, Vadrózsák, székely népköltési gyűjtemény («Дикие розы. Собрание секейского фольклора»), Budapest, 1911;

MNGY XIII. Kálmány Lajos, Ipolyi Arnold népmesegyűjteménye («Собрание народных сказок Арнольда Ипойи»), Budapest, 1914;

MNGY XIV. Szendrey Zsigmond, Nagyszalontai gyűjtés («Собрание фольклорных материалов из Надьсалонта»), Budapest, 1924.

ÚJ MAGYAR NÉPKÖLTÉSI GYŰJTEMÉNY («Новое собрание венгерского фольклора»), сокр.: UMNGY)

UMNGY I. Ortutay Gyula, Fedics Mihály mesél («Рассказывает Михай Федич»), Budapest, 1940;

UMNGY V—VI. Kovács Ágnes, Kalotaszegi népmesék («Народные сказки из Калотасега»), Budapest, без даты;

UMNGY VIII. Dégh Linda, Kakasdi népmesék («Народные сказки из Какашда»), Budapest, 1955;

Arany László Magyar népmese-gyűjteménye. Összes művei IV. kötete («Собрание венгерских народных сказок», Собр. соч., т. IV), Budapest, 1901 (сокр.: Arany);

Kálmány Lajos, Hagyományok («Традиции») I—II, Szeged, без даты (сокр.: Kálmány);

Dr. Berze Nagy János, *Baranyai magyar néphagyományok* («Венгерские народные предания из комитата Баранья»), I—III, Pécs, 1940 (сокр.: Berze Nagy);

Ortutay Gyula, *Magyar népköltészet* («Венгерское народное творчество»), I—III, Budapest, 1955 (сокр.: Ortutay).

На другие собрания мы ссылаемся в самих примечаниях, по мере надобности, приводя полные библиографические данные. Везде, где только возможно, сообщается имя сказителя и некоторые сведения о нем.

*

1. Про королевича, который искал бессмертья

(MNGY I, 361) Из коллекции Яноша Кризы, собранной в трансильванском комитате Харомсек. АTh —, 342*. Отдельные мотивы можно обнаружить у Стита Томпсона: «Motif-Index of Folk-Literature», Fo-F 199. Легендарный архетип нашей сказки, как указал Янош Хонти, появляется уже в 1527 году, в так наз. рукописи Эрди (Érdy-Kódex). См. Honti, *Az úrfiú, aki a paradicsomban jár* («Барчук в раю»), Budapest, 1938, 37—52. old. Некоторые мотивы, например, волшебные помощники (золотой перстень, золотой пруттик и др.) известны в международном сказочном репертуаре.

2. Змей-королевич

(UMNGY VIII, 137) Сказка рассказана в 1950 году 74-летней вдовою Палконе, неграмотной, из бедных крестьян, и записана на магнитофонную ленту. Собиратель — Лиinda Дег. Сказительница родом из Буковины и принадлежит к особой этнической группе — секеям (венгерское население Восточной Трансильвании); запись сделана в деревне Какашд (Западная Венгрия), где жила сказительница. Ее сказки, составившие целый том, были предметом особого исследования Линды Дег. Настоящая сказка излагает историю об Амуре и Психее — один из самых известных и всего более изученных сюжетов в мировой сказочной литературе: АTh 425/В. Не касаясь старых и хорошо известных работ на эту тему (Роде, Штумфаль, Тегетхофф), укажем только на новую монографию, освещающую историю и распространение этого типа сказки: Jan-Öjvind Swahn, «The Tale of Cupid and Psyche», Lund, 1955. См. также Bolte-Polívka, «Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm», II, 245; III, 37 ff.

3. Золотоволосые братец и сестрица

(UMNGY I, 109) ATh 707; см. также Volte-Polívka, II, 380 ff. Сказка записана от Михая Федича, крестьянина-бедняка 86 лет, на хуторе Баторлигет в 1938 году. Федич принадлежал к числу самых замечательных, самых одаренных сказителей. К сожалению, мы начали работать с ним незадолго до его кончины и смогли сберечь лишь часть его репертуара (все записи в целом составили только один том). О международном мотиве дракона, обучающегося игре на кларнете, см. ATh 1159 и Volte-Polívka, I, 68 ff. О вариантах и истории сюжета см. также A. Graf, «Die Grundlagen der Reineke Fuchs», Helsinki, 1920, FFC. 38. Мотив раздранной надвое королевы, из которой сыплются змеи и т. п. и которая через это «очищается», известен уже по рукописям венгерских религиозных легенд и, собственно, относится к типу «Благодарный мертвец»; см. ATh 506. Следует отметить, что в нескольких местах нашей сказки заметно влияние венгерской обработки «Gesta Romanorum»: зеркало «Весь свет покажу» — GR, CII, формула «Водою вас пришло, пеною пригнало» — GR, LXXX (дословное совпадение). Мы не станем останавливаться на некоторых спорных деталях, таких, как формула «Твое счастье, что ты меня бабушкой назвал», которая часто встречается в венгерских сказках, намекая, по предположению Шандора Шоймоши, на пережитки матриархата; см. «A matriarchatus nyomai a folklórban» («Следы матриархата в фольклоре»), Társadalomtudomány, I, 1921, 139. old. Мы не намерены также говорить о связях между мотивом растерзанного, а затем восстающего из мертвых героя и группой шаманских религиозных представлений, одним из обрядов шаманского посвящения (инициации). Зеркало «Весь свет покажу» можно сопоставить и с так наз. «шаманским зеркалом». В заключение укажем, что наши сегодняшние записи отличаются от старых, в частности, тем, что рука собирателя ничего в них не изменила и не исправила — как это было во всеобщем обыкновении на протяжении прошлого столетия.

4. Крестьянский парнишка

(MNGY I, 130) ATh 750/B+665; см. также Volte-Polívka, II, 210. Эта сказка также записана от Михая Федича и представляет собою характерный образец его исполнительской манеры: множество вставок, амплифицирующих подробностей, ни одна из которых не принадлежит органически к обычной композиции данного типа сказки. Пристрастие к религиозным мотивам также

характерно для Федича. Таковы превращение воды в вино, мотив Саломеи, в заключительной части которого история Иоанна Предтечи контаминирована с легендой о Святом Иоанне Непомук. Предостережение «К рыжему на службу не панимайся» ср. с советом в «Романе о Руодлибе» (XI век):

Non tibi sit rufus unquam specialis amicus...

Tam bonus haud fuerit, aliqua fraus quin in eo sit.

(Никогда да не будет тебе рыжий близким другом...

Как бы ни был хорош, непременно напакостит.)

См. также АТh 910 и Cosquin «Études folkloriques», 81. Что касается анекдота о поваре, приготовившем сто различных блюд, среди венгерских источников следует упомянуть сочинение Петера Борнемиссы (1578), которое, среди прочих материалов, включает в себе очень, ценное собрание европейских бродячих анекдотов и новеллистических историй; там мы находим и сжатый намек на этот шванк. См. Bornemissa Péter, «Ördögi Kisértekek» («Искушения диаволовы»), Ed. Eckhardt Sándor Budapest, 1955, 177. о.

5. Вечер, Полупочник и Рассвет

(MNGY IX, 1) АТh 301/А. Весьма популярный в репертуаре разных народов тип сказки; см. также Bolte-Polivka II, 297 ff. О немецких вариантах см. Kurt Ranke, «Schleswig-holsteinsche Volksmärchen (АТh 300—402)», Kiel, 1955, S. 58 ff. Наша сказка записана от Яноша Салан в 1903 году в деревне Бешенётелек (комитат Хевеш). Венгерские варианты также известны в большом числе.

6. Пестер Ландыш

(Ortutay III, 219) АТh —, 301/С*. Сказка записана от Иштвана Сендрей в 1936 году в деревне Пасаб (комитат Саболч). Прекрасный вариант (с ритмическим построением повторяющихся элементов композиции) сюжета о девушках (принцессах), похищенных драконом. Не только композиция, но и отдельные мотивы (напр., женщина, забеременевшая от цветка, и др.) отчетливо показывают, как внутри типа возникает новая группа, *Мажса* — венгерская мера веса, равная ста килограммам. *Погачи* — венгерское национальное блюдо, особым образом испеченные пышки.

7. Волшебный вол и его хозяин

(MNGY X, 26) Принадлежит к типу АТh 511, однако, чтобы

указать на отклонение нашего варианта от стандартного типа, мы обозначаем его 551/В*. Хонти предлагает отнести сказку к АTh 361 + 535, Агнеш Ковач дает ей новый типовой номер: 346*. См. далее Volte-Polívka III, 60ff. Записано от крестьянина-бедняка Михая Фазекаша в деревне Пюркереч.

8. Дерево до небес

(Ortutay III, 227) АTh —, 467/В*; см. Honti, FFC. 81, S. 21 — 554/В*. Мы считаем эту сказку очень ценным венгерским типом. Ее записал Имре Катона в 1946 году в деревне Копач (комитат Бараня) от крестьянина Антала Тюкош Хорвата. Мотив дерева до небес встречается в венгерских сказках достаточно часто, составляя важную вступительную часть, за которой следуют различные сюжеты других известных типов. Шоймоши, детально исследовавший этот вопрос, (S. Solymossy, «Éléments orientaux dans le contes populaires hongrois, Revues des Etudes Hongroises, 1928, p. 325 suiv.), пришел к заключению, что мотив проник в наши сказки из шаманского культа и круга идей (ср. характерное для шаманизма представление о столбе, поддерживающем небо). В сказочном репертуаре Запада он встречается редко (одну сказку опубликовал У. Ян в «Volksmärchen aus Pommern und Rugen», Leipzig, 1891, S. 19 ff.) Несколько вариантов известны у соседних с венграми румынов и южных славян. Среди венгерских вариантов существуют и гораздо более пространные. *Паприкаш* — венгерское национальное блюдо: мясо (или рыба), тушенное с большим количеством паприки, т. е. красного перца.

9. Незнайка

(UMNGY VIII, 24) АTh 314 + 532. Указывают ли типовые номера на два далеко разошедшихся варианта одного семейства сказок или же на два различных типа, — вопрос остается спорным; отчасти здесь применим и АTh 530; см. также Volte-Polívka III, 94 ff. Шандор Шоймоши полагает, что фабула сказки с полным основанием может быть присоединена к типу «Золушка»; см. «Ethnografia, 30, S. 66. По мнению Томпсона («The Folktales», New York, 1946, p. 59, 61 ff), эта сказка — русского происхождения, но наиболее многочисленные варианты, помимо славянских, — финские, прибалтийские и венгерские. В самом деле, этот тип представлен в венгерском репертуаре достаточно обильно. Наша сказка (насколько мы можем судить, один из самых богатых, всего более отмеченных чертами индивидуальной

фантазии вариантов этого типа) была записана в 1949 году от той же вдовы Палконе (см. сказку № 2). О немецких вариантах см. K. Ranke, *op. cit.*, S. 196 ff.

10. Братец-оленинок

(UMNGY VIII, 155) ATh 450. (См. также ATh 403/IIIa, IVa, Va.) Один из самых известных типов в европейском сказочном репертуаре; см. Bolte-Polívka I, 79 ff. К мотиву о людоедстве см. Thompson, «Motif-Index», G 36. Следует отметить, что подобные мотивы довольно резко выражают социальные тенденции — иногда прямо, иногда в скрытой форме. Так же, как и предыдущая, эта сказка рассказана вдовою Палконе (1950); все три сказки Палконе, включенные в настоящий сборник, были записаны на магнитофонную ленту. Как и Федич, и все сказители вообще, она временами ошибается, а затем, по ходу рассказа, исправляет ошибку. Мы полагаем, что подобные промахи не в состоянии нанести ущерба ни психологической изощренности ее исполнения, ни композиционному богатству сказки. Такие сказители, как Палконе, оправдывают метод, в согласии с которым анализируется не тот или иной вид сказки, но весь репертуар сказителя в целом.

11. Малый с камышинами

Végh József «Sárréti népmesék és népi elbeszélések — Шарпетские народные сказки и рассказы — Debrecen, 1944, 158 о.) ATh 516 + 400/A + 400/C* (вставной эпизод). Оба сюжета, из которых составлена наша сказка, широко распространены в Европе; см. Bolte-Polívka, I, 46 ff, II, 318, 335, III, 406 ff. Новое немецкое собрание типа ATh 400 — K. Ranke *op. cit.*, S. 282 ff.; о распространении за пределами Европы см. Stith Thompson, «Tales of North American Indians», Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass. 1929, p. 135 ff. Записано от Лайоша Молнара, крестьянина-табаковода 59 лет, в деревне Хоссупайи (1943).

12. Маленький свинопас

(MNGY IX, 54) ATh 329; Bolte-Polívka III, 365. О распространении сказки см. Thompson, «Folktales» p. 57, 280 ff. Записано от Эвы Сабо в деревне Бешенётелек (комитат Хевеш) в 1904 году. В зачинах или концовках венгерских сказок часто делается оговорка, что речь идет о вымышленной истории; этот обычай венгерский фольклор разделяет с фольклором многих народов,

13. Про малого, который утаил свой сон

(UMNGY I, 193) ATh 725 О связи с родственным сюжетом у братьев Гримм см. Bolte-Polívka I, 324, IV, 104, 412 ff. Записано от Михая Федича в 1936 году; см. №№ 3 и 4. Главный мотив нашей сказки известен уже из истории об Ахикаре: царь Ассирии осуждает Ахикара на смерть, но вместо него казнен раб, и впоследствии, когда на Ассирию нападают египтяне, Ахикар спасает страну. Загадки принадлежат к циклу так наз. «загадок царицы Савской»; см. Zachariä, «Kleinere Schriften», Bonn-Leipzig, 1920, S. 58. В некоторых вариантах, бытовавших на Карпатской Украине, в роли главного героя сказки выступает король Матфей (Матяш). *От Хенциды до Бонциды* — поговорка, означающая очень большое пространство.

14. Мальчик из гроба

(Ortutay III, 342) Ath 750/C* + 461. Эта сказка с религиозным зачином композиционно примыкает к хорошо известной группе волшебных сказок. Записана в 1942 году от Михая Кюрти Лацко в деревне Богданд (комитат Сяладь).

15. Расписные залы

(Kálmány II, 23) ATh 506. Наша сказка примыкает (хотя и с некоторыми отклонениями) к этому семейству типов, в особенности — к IV части, группе b. Композиционные повторы подобного рода для венгерской сказки не характерны и встречаются редко. Записано в 1913 году в деревне Эдьхазашкер от Михая Борбея, крестьянина-табаковода. Михай Борбей был первым венгерским сказителем, чей полный репертуар появился в виде отдельной книги (собрал и издал Лайош Калмань). Важное исследование, посвященное этому типу сказки, — Sven Liljeblad, «Die Tobiasgeschichte und andere Märchen mit toten Helfern», Lund, 1927.

16. Розан и Фиалка

(MNGY XIV, 183) ATh 313/C. Этому знаменитому типу сказки посвятил особую монографическую работу один из самых выдающихся представителей финской историко-географической школы — А. Аарне: А. Aarne, «Die magische Flucht, eine Märchenstudie», Helsinki, 1930, FFC. 92; см. также Bolte-Polívka II, 516 ff. и новое немецкое собрание, где, в числе прочих, представлены также и немецкие варианты, записанные на территории Венгрии, — К. Ranke op. cit., 150 ff. Записано от Лайоша Фазекаша, крестьянина 84 лет, в деревне Надьсалонта (1915).

17. Старый рыбак и его кичливая жена

(Ortutay III, 367) ATh 555; см. также Bolte-Polivka I, 138. См. далее Thompson, «Folktale», p. 134. Записано от Анны Палашти, домашней прислуги, 55 лет, в городе Чонград (1946).

18. Панциманци

(Arapu, 29) ATh 500 + 501. См. Bolte-Polivka I, 490 ff. и 109. Далее см. C. W. von Sydow, «Twa spinnsgor», Stockholm, 1909.

19. Девять вопросов черта

(MNGY XII, 219) ATh 812 см. также Bolte-Polivka III, 12; O. Dänhardt «Natarsage», Leipzig—Berlin, 1907—1912 I, S. 194 ff; Thompson «Folktale», p. 43. В Венгрии этот тип редок.

20. Илок и Михок

(MNGY I, 422) ATh 1684* + 1685; мы добавили свой номер, чтобы обозначить мотивы, не отвечающие основному номеру. Записано в Тороцко (ныне Римеца в Румынии) Шамуэлем Брашшаи, известным ученым конца прошлого века. В народе помнят много вариантов, хотя и менее совершенных художественно, не отличающихся такою живостью перипетий, как наша сказка. К вопросу о происхождении типа и его литературной судьбе см. Thompson, «Folktale», p. 195.

21. Три дурня

(Ortutay III, 520) Классифицировать сказку возможно лишь при посредстве нескольких номеров ATh, присовокупив к ним еще и новые номера: 1452/B* + 1450 + 1384 + 1229* + 1230 + 1245. Сказка удачно объединяет различные мотивы, хорошо известные в европейском сказочном репертуаре. Записано Ольгой Б. Браун в начале 40-х годов нашего столетия от Андраша Альберта в деревне Чиксентдомокош. Многие варианты этого типа очень популярны в Венгрии.

22. «А ты скажи: сено!»

(MNGY III, 325) ATh 1365 D* + 332. Томпсон («Folktale», p. 210) и другие исследователи связывают варианты в первой половине нашей сказки со средневековыми притчами. Эта часть очень остроумно и в композиционном отношении весьма удачно соединена со вторым анекдотом, также широко распространенным в европейском репертуаре. См. Bolte-Polivka I, 377 ff. Рейдар Т. Христиансен в работе об этом типе сказок рассматривает 124

разных варианта; см. «Danske Studier», Kobenhavn, 1915, S. 72 ff. Новое немецкое собрание — у К. Ранке: *op. cit.*, S. 265 ff. Вторая половина сказки органически переплетается также и с так наз. «сюжетом о Бельфагоре»; см. ATh 1164 и Thompson, «Motif-Index», T 251, I, I; см. также Thompson, «Folktale», p. 209. Наша сказка записана Яношем Кризой в середине прошлого века в Трансильвании.

23. Сказка про пастуха

(MNGY VI, 294) ATh 670; см. также Bolte-Polívka I, 132 ff. А. Аарне написал особое исследование об этом типе сказок: «Der tiersprachkundige Mann und seine neugierige Frau», *Natina*, 1914, FFC. 15. Записано от Дёрдя Ковача в деревне Юта. Пули — венгерская овчарка, небольших размеров и очень косматая.

24. Ленивая кошка

(MNGY XII, 137) ATh —, 1370* (предложено Хонти); см. также Thompson, «Motif-Index», T 254; возможна связь с пунктом Э-м этого номера. В венгерском репертуаре известно несколько вариантов.

25. Охотник до сходок

(Berze Nagy II 554) ATh —. Венгерское крестьянство знает много анекдотов этого типа; различные группы таких анекдотов занимают все большее место в прозаической устной традиции. Записано от Иштвана Сийац, 74 лет, мелкого сельского хозяина, в Бецефа (1934).

26. «Доброго здоровья!»

(MNGY I, 480) ATh —, 858* (предложено Хонти). Под покровом волшебной сказки здесь также видна ясная социальная тенденция. Записано во второй половине прошлого века в области Гарам.

27. Колож Малый и Колож Большой

(Kálmány I, 107) ATh 1535; см. также Bolte-Polívka II, 1 ff.; Thompson, «Folktale», p. 165, 174, 198, 204 ff. Сказка пользуется большою любовью у венгерских крестьян. Уже собиратель, Лайош Калмань, высказал предположение, что вариант, записанный им в начале этого века в деревне Эдьхазашкер, восходит к какому-то венгерскому переводу андерсеновской сказки «Маленький Клаус и большой Клаус». Мы сочли нелишним вклю-

чить в наш сборник такого рода вариант, созданный под непосредственным литературным воздействием.

28. Кумовья богатый и бедный

(Ortutay III, 361) ATh 613. Этот вариант знаменитого сказочного сюжета «Правда и кривда» мы записали в 1953 году от 86-летнего Михая Лацы в деревне Тисаберсель (комитат Сабольч). Незадолго до того сказитель был удостоен звания «Мастера народного искусства» и денежной премии; в прошлом бедняк, крестьянин-табаковод, он получил также и пенсию. Автор этих строк записал от Михая Лацы более ста сказок и готовит к печати монографическое исследование. В истории венгерской сказки этот сюжет играет важную роль. Латинский вариант появляется уже у Пелбарта Темешварского в «*Sermones Pomerii De Tempore*» (расч. 8, Y), напечатанных в Хагенау в 1501 году. На это указал Лайош Катона в работе «*Temesvári Pelbárt példái*» («Питчи Пелбарта Темешварского»), Budapest, 1902; см. A. Wesselski, «*Märchen des Mittelalters*», Berlin, 1925, S. 44, 202 ff. Этому же типу посвящена важная монография Р. Т. Христиансена: «*The Tale of the Two Travellers, or the Blinded Man*», Helsinki, 1916, FFC. 24. См. также Bolte-Polívka II, 468 и Thompson «*Folktale*», p. 80, 445 ff.

29. Силач Янош

(MNGYX, 35) ATh 650; см. также Bolte-Polívka II, 285 ff. и Thompson, «*Folktale*», p. 28, 85, 279. Очень популярная сказка, многие варианты которой были зафиксированы уже после публикации указателя Хонти. Записано от Михая Фазекаш Фориша. *Палинка* — венгерская водка, которую гонят из разных плодов.

30. Работник Янош

(UMNGY V, 201) ATh 1000; см. также Bolte-Polívka II, 293 ff. Сказка записана от Мартона Михая в 1941 году в деревне Кестеш (комитат Колож). По свидетельству собирательницы, Агнеш Ковач, слушатели очень любили эту сказку. Известно много венгерских вариантов. Бедному крестьянину в самых различных странах она импонирует своей социальной тенденцией. Томпсон также отмечает («*Folktale*», p. 203), что этот тип сказки широко распространен и сказители с охотой включают его в свой репертуар.

31. Мельничка

(Ortutay III, 526) ATh 569; вернее было бы обозначить этот сюжет номером 569*. Записано в 1953 году от Иштванне Гал, родом из Молдавии (венгерское население Молдавии составляет особую этническую группу, называемую «чанго»); запись сделана в деревне Эдьхазашкозар (комитат Бараня), где проживала сказительница. Об этом типе см. также Bolte-Polívka I, 464 ff. Томпсон («Folktale», p. 74) утверждает, что эта сказка уже в 1554 году была известна в Германии в литературной форме и своим распространением обязана именно этому обстоятельству.

32. Шмель и Мохнач

(Arapu, 218) Эту историю, сплетенную из нескольких сюжетов и анекдотических мотивов, мы можем классифицировать лишь с помощью ряда типовых номеров, следуя композиционному порядку: ATh 1534* — анекдоты первой половины (предложено Хонти); Агнеш Ковач для этой же части предлагает номера 1532* + 1581*; вторая половина представляет собою хорошо известный сюжет ATh 1641. См. также Bolte-Polívka II, 401 ff. и Thompson, «Folktale», p. 144 ff. Для концовки (заключительного приключения) Агнеш Ковач предлагает номер ATh 1550*.

33. Цыган на небе и в преисподней

(MNGY I, 383) Мотивы, соединенные в этой сказке, часто выступают в роли самостоятельных анекдотов: ATh 502/B* + 800 + 1059* + 1072 + 1063 + 1084 + 1069* + 1096 + 1036. См. также Bolte-Polívka III, 94. I, 342; Köhler, «Kleinere Schriften zur Märchenforschung», Weimar, 1898, I, S.477, 86 ff.; Thompson, «Folktale», p. 149, 197, 444, 197 ff. Мы полагаем, что подобные сказки заслуживают внимания. Для венгерского фольклора сочетание таких анекдотических сюжетов — явление вполне обычное. Наша сказка записана во второй половине прошлого века в комитате Бихар.

34. «Ты ловчее отца!»

(MNGY III, 389) ATh 1525/D; см. также Bolte-Polívka III, 390 ff.; Thompson, «Folktale», p. 167, 174 ff, 199 ff. Эта известная по всему миру анекдотическая сказка представлена и в Венгрии многими популярными вариантами. Наш текст был записан в прошлом столетии в Трансильвании Балажем Орбачом, выдающимся исследователем этой области. *Токань* — венгерское национальное кушанье: мелко нарезанное мясо, тушенное с луком, салом и черным перцем.

35. Как двое у пастуха осла украли
(Kálmány II, 139) ATh —, 1543* (предложили Берзе Надь).
К вопросу о международных связях см. Bolte-Polívka III, 9;
Wesselski, «Der Hodscha Nasreddin», Weimar, MCMXI, II, S. 161,
229; Köhler I, 507 ff.

36. Цирульник и бедняк
(Ősz János, «A Csudatáska, eredeti székely népmesék — «Волшебная сумка. Подлинные секейские народные сказки» — Kolozsvár, 1941, 135 o.) ATh —, 1549*.

37. Трое глухих
(Ortutay III, 571) ATh 1698/A; см. также Thompson «Folktales», p. 211; см. далее Aarne, «Schwänke über schwerhörige Menschen», Hamina, 1914, FFC. 20, S. 16 ff. Сказительница — Иштванне Гал (Эдльхазашкозар).

38. Три монаха
(Ősz János, op.cit., 96) ATh 1536/B; см. также J. Bédier, Les Fabliaux», Paris, 1895, p. 236 suiv.; Pillet, «Das Fableau von les trois bossus menestrels», 1901. (К сожалению, последняя книга известна нам только понаслышке.)

39. Смерть и старуха
(MNGY II, 436) ATh 335/B* или 336*. О сходной теме см. Bolte-Polívka III, 293 ff., где указываются материалы из средневековых проповедей, в том числе — из Пелбарта Темешварского.

40. «Это уж неправда!»
(MNGY II, 456) ATh 852; см. также Bolte-Polívka II, 506 ff. и Thompson, «Folktales», p. 156.

41. Отцова свадьба
(MNGY XII, 131) ATh —, 1962* (предложено Хонти). Наши сказочники очень любят такие ошеломительные небылицы. Фрагменты из них часто появляются в зачинах и концовках. Все географические названия (река Ольт и пр.) — трансильванские.

42. Жеребиное яйцо из Ратота
(MNGY VIII, 464) ATh 1319; см. также Bolte-Polívka I, 317 ff.; Wesselski, «Der Hodscha Nasreddin», I, S. 149. Истории, высмеи-

вающие ту или иную деревню, пользуются большой любовью и в Венгрии, где они обыкновенно связаны с деревней Ратот. Записано в начале XX века в деревне Моха (комитат Фейер).

43. Король Матяш и золоторунный баранчик

(MNGY X, 103) ATh 889; возможно, также 889/B (предложено Агниеш Ковач). Сказка была известна уже в средние века; см. Wesselski, «Märchen des Mittelalters», S. 32, 200 ff. Несколько типов венгерских сказок связаны с именем Матфея (Матяша) Корвина, выдающегося государя эпохи Возрождения, одной из крупнейших фигур венгерской истории. Подобные явления характерны не только для венгерского фольклора: некоторые исторические персонажи стягивают вокруг себя циклы сказок. В данном случае особенно любопытно, что до конца прошлого века, а, по утверждению Графенауэра, и вплоть до наших дней сказки, легенды, мифические и анекдотические истории о короле Матфее бытовали (или даже продолжают бытовать) в карпато-украинском, украинском, словацком, словенском, южно-славянском и румынском фольклорах. См. об этом: Z. Kuzselya, *Ugors'kij Korolj Matvij Korvin v slavjanskij ustnij slovestnosti*, Lemberg, 1906; Eu. Perfeckij, «Podkarpatské a Haličskoruské tradície o králi Mátyásovi Corvinovi», Bratislava, 1926, I. Grafenauer, «Slovenske prigovodke o Kralju Matjažu», Ljubljana, 1951. Кроме того, несколько работ Графенауэра посвящены эпическим песням, так или иначе касающимся фигуры Матфея: король Матфей оказывается одним из главных легендарных героев словенского народа. См. также J. Komorovsky, «Kralj Matej Korvin», Bratislava, 1957. К этому прибавим только, что образ венгерского короля продолжает жить в фольклоре этих народов как эпическое воспоминание о борьбе против турецкого вторжения и турецкого деспотизма.

Наша сказка была записана в начале этого века от Андраша Вереша.

44. Король Матяш и секейская девица

(MNGY X, 107) ATh 875; см. также Bolte-Polivka II, 349 ff. Этому типу сказок посвящена важная монография Яна де Фриза «Die Märchen von Klugen Rätsellösern» Helsinki, 1928, FFC. 73. Сказка (так же, как и предыдущая) записана от Андраша Вереша. Она очень популярна и широко распространена, отчасти, впрочем, — благодаря школьным учебникам.

45. Про Матяша-короля
(MNGY VI, 317) Для первой половины — Атб 922; см. Bolte-Polívka III, 214. В этой связи может быть использована одна из самых значительных работ финской историко-географической школы W. Anderson, «Keiser und Abt», Helsinki, 1923, FFC. 73, Испытание мудрости сближает эту сказку с предыдущей. Вторая половина входит в число излюбленных шванков или остроумных рассказов на счет женщин.

46. Король Матяш и молодой староста
(Kálmány II, 131) Примыкает к тому же типу, что и предыдущая сказка: Атб 922/В*. Записано от превосходного сказителя — Михая Борбея.

47. Король Матяш и певчий из Цинкоты в корчме
(Kálmány I, 141) Атб —. В целой серии сказок типа 922 вторая (после короля Матфея) роль принадлежит певчому из Цинкоты. Об этом персонаже рассказывается множество анекдотов, как если бы он был реальным историческим лицом. *Цинкота* — деревня близ Пешта (ныне район Будапешта). *Мента* — венгерское верхнее платье, короткая куртка на меху.

48. «Только раз была в Буде собачья ярмарка!»
(Berze Nagy II, 581) Атб —; см. Bolte-Polívka III, 188 ff. Записано в 1939 году от Шандора Вашша, крестьянина-бедняка 65-и лет, в деревне Чаньосро.

49. Король Матяш и паренек
(Ortutay III, 620) Атб —. Эта короткая история ясно указывает на свой источник — знаменитое изречение из «Второго послания к Фессалоникийцам Святого апостола Павла», являясь его анекдотической иллюстрацией. Текст взят из рукописного наследия Калмана; запись сделана, по всей вероятности, в начале нашего века.

50. Господа дворяне и камыши
(Berze Nagy II, 586) Атб —. Известно несколько вариантов этой истории, которая знакома и письменной анекдотической литературе. Записано от Шандора Надя, крестьянина 66-и лет, в деревне Сапорца (1934).

51. Король Матяш и хворый епископ
(Ortutay III, 623) АТх —. Из рукописного наследия Калманя (относится к началу века).

52. Лайош Кошут и господа дворяне
(Ortutay III, 626) АТх —. Эта короткая история принадлежала первоначально к кругу преданий о Матфее и по сю пору чаще всего связывается с именем этого короля. Тем не менее мы предпочли для нашего сборника этот новейший, записанный в 1947 году вариант, где в роли героя выступает Кошут, вожь Освободительной войны 1848 года, — чтобы показать, как процесс изменения устной традиции протекает буквально у нас на глазах. К этому следует добавить, что и меткие слова, сперва приписывавшиеся королю Матфею, парод нередко влагал в уста Кошуту. Записано от Шандора Вереша в Дебрецене.

53. Три узла
(MNGY XIII, 403) АТх —. Об одном из мотивов см. Köhler, «Kleinere Schriften» I, S. 148. Мы находим у крестьян несколько так наз. «пророческих сказок», и почти всегда они касаются событий мирового значения. Сказка записана около ста лет назад в Фюзешдярмат.

54. Когда кабале конец?
(Ortutay III, 624) АТх —. Записано от Имре Хетеша в 1947 году в деревне Дебрёкёз (комитат Тольна). В 1947—48 годах венгерские фольклористы собирали материалы о революции 1848 года, о крепостном праве и о Лайоше Кошуте. Примерно в 500 деревнях было сделано около 50 000 записей.

55. Петр-апостол хочет быть Богом
(MNGY I, 503) АТх —, 774/А*. Записал Карой Тёрёк в 1870 году в Ходемзёвашархей. Истории об апостоле Петре очень популярны в венгерском сказочном эпосе: апостол неизменно попадает впросак, служба поучительным примером для слушателей, — как в средневековых притчах.

56. Апостол Петр и пчелы
(MNGY I, 505) АТх —, 774/В*. Также из записей Кароя Тёрёка. Для вкусов и симпатий венгерского сказителя характерно, что одну и ту же идею, один и тот же тезис он охотно выражает посредством различных историй.

57. Отчего крестьянин много работает?
(MNGY VIII, 477) ATh —, 775* (предложено Хонти).

58. Поп и косьба

(Berze Nagy II, 560) ATh —. Венгерский народ знает множество подобных историй, высмеивающих духовенство, и любит их. Записано от Давида Надя, крестьянина 70-и лет, в деревне Катадфа (1935).

59. Кто плетень заплел?

(Berze Nagy II, 559) ATh —. Записано от Шандора Бокоша, крестьянина 50-и лет, в деревне Келькэд (1935).

60. Два кума

(Berze Nagy II, 555) ATh —. Характерный пример крестьянского рационализма. Записано от «старого дяденьки Гарзо» в деревне Бещефа (1934).

61. Лиса, медведь и бедняк

(MNGY I, 470) ATh 154. Детальная разработка темы — у К. Krohn, «Mann und Fuchs, drei vergleichende Märchenstudien», Helsingfors, 1891. См. также Thompson, «Folktale», p. 226. Записано Палом Дюлаи, известным историком литературы, во второй половине прошлого века в Коложваре (ныне Клуж).

62. Король Котофей

(MNGY I, 433) ATh 103 или 103/B*; см. также Bolte-Polivka I, 425 и Thompson, «Folktale», p. 223. Также из коложварской коллекции Пала Дюлаи.

63. Колобанчик

(MNGY II, 432) ATh —, 2028/B*. Сказка относится к числу страшных историй, которыми пугали детей.

64. Козел-козлиня, шкуры половина

(Arany 138) ATh 212; см. также Thompson, «Folktale», p. 227. Сказки со стихотворными вкраплениями встречаются в венгерском фольклоре нечасто. Стихи исполнитель иногда даже поет.

65. Петушок и брильянтовый грош

(Arany 49) ATh —, 715/B*; см. также Bolte-Polivka I, 258 и Thompson, «Folktale», p. 77. См. далее R. S. Boggs, «The Halfchick

Tale in Spain and France», Helsinki, 1933, FFC, 111; в монографии рассматривается этот тип сказки. Наш текст свидетельствует, что венгерские кумулятивные сказки красотой формы не уступают фольклорным произведениям того же жанра у других народов Европы.

66. Петушок плетень подрыл

(MNGY I, 438) АТх 2022; см. также *Volte-Polívka I*, 293 ff. Записано во второй половине прошлого века в комитате Бихар.

67. Лозинка и птичка

(Arany 120) АТх 2030 или 2030/В*; см. также *Volte-Polívka II*, 100 ff; Köhler, *op.cit.*, I, S.136, 184 ff.

*

Ниже приводится библиография самых значительных изданий венгерских народных сказок и легенд на иностранных языках. (Библиография журнальных публикаций завела бы нас слишком далеко.) В переводах прошлого века бросаются в глаза резкие следы литературной обработки и стилизации. Особенно трудно — исходя из сегодняшних понятий — считать фольклорным материалом публикации Майлата и Пульски. Однако, по нашему мнению, они характеризуют свою эпоху и позволяют понять, что именно считалось тогда народными сказками и легендами.

Georg von Gaal, *Märchen der Magyaren*, bearbeitet und herausgegeben... Wien, 1822.

Johann Graf Majláth, *Magyarische Sagen und Märchen*. Brünn, 1825. (Под тем же названием появилось и второе, расширенное издание в двух томах, 1837.)

G. Stier, *Ungarische Märchen und Sagen*. Aus der Erdélyischen Sammlung übersetzt. Berlin, 1850.

G. Stier, *Ungarische Volksmärchen*. Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt. Pesth, 1857.

Therese Pulszky, *Sagen und Erzählungen aus Ungarn I—II*. Berlin, 1851.

W. Henry Jones and Lewis L. Kropf, *The Folk-Tales of the Magyars*. Collected by Kriza, Erdélyi, Pap and others. Translated and edited, with comparative notes. London, Folk-Lore Society XIII, 1886 (на обороте титула: 1889).

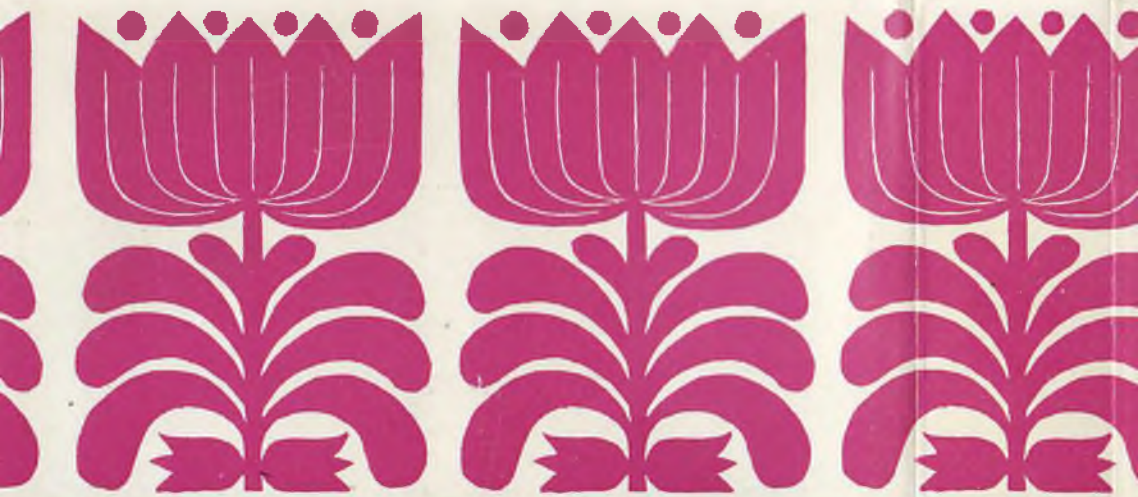
- M. Klimo, *Contes et Légendes de Hongrie*. Paris 1898.
- E. Róna-Sklarek, *Ungarische Volksmärchen*. Ausgewählt und übersetzt. Leipzig, 1909. (Переводчица выражает признательность Й. Больке за его сопоставительные примечания.)
- N. Pogány, *The Hungarian Fairy Book*. London, 1913.
- N. Pogány, *Magyar Fairy-Tales from Old Hungarian Legends*. London, 1930.
- Prof. Dr. A. Solymossy, *Hongaarsche Sagen, Sprookjes en Legendes*. Verzameld en verklaard. Zutphen, 1929.
- Eug. Bencze, *Contes et légendes hongrois*, Paris, 1940.
- P. A. Löffler, *Le conte populaire hongrois...* Paris (без года издания).
- Tibor Csorba, *Węgierskie bajki ludowe*. Budapest, 1940.
- А. Гидаш, «Венгерские народные сказки», Москва, 1952.
- Ssobhi, *Efsancha-je bastani* («Исторические рассказы, I. Персидские и венгерские народные сказки»). Teheran, 1952.
- Ssobhi, *Daschtanha-je milal* («Сказки разных народов»). В сборник включены русские, персидские, украинские, латышские, литовские, грузинские, венгерские, датские и проч. народные сказки. (Издатель обоих персидских сборников заимствовал венгерские материалы из собраний Дюлы Ортутай.)
- Chügakusci sehai mingva senju 8 («Сказки всего мира для старших школьников», том 8). *Hangari no mingva* («Венгерские народные сказки»). Редактор Tokunaga Yasumoto. Hübunkan, Tokio, 1962.
- Gyula Ortutay: *Ungarische Volksmärchen*. Bedin, 1957.
- Gyula Ortutay, *Ungarische Volksmärchen, gekürzt und illustriert*. Stuttgart, 1962.
- Gyula Ortutay, *Hungarian Folk Tales*, в сокращении, с иллюстрациями. Budapest, 1962.
- Gyula Ortutay, *Unkarilaisia kansansatuja*. Helsinki, 1965.
- Linda Dégh, *Folktales of Hungary*. The University of Chicago Press, 1965.
- Gyula Ortutay, *Madarské lidové pohádky*. Praha, 1966.
- Ágnes Kovács, *Ungarische Volksmärchen*. Köln, 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕНГЕРСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ	7
1. Про королевича, который искал бессмертья	63
2. Змей-королевич	72
3. Золотоволосые братец и сестрица	92
4. Крестьянский парнишка	112
5. Вечер, Полуночник и Рассвет	141
6. Петер Ландыш	150
7. Волшебный вол и его хозяин	158
8. Дерево до небес	164
9. Незнайка	189
10. Братец-оленинок	231
11. Мальчик с камышинами	251
12. Маленький свинопас	265
13. Про малого, который утаил свой сон	269
14. Мальчик из гроба	278
15. Расписные залы	292
16. Розан и Фиалка	301
17. Старый рыбак и его кичливая жена	306
18. Панциманици	309
19. Девять вопросов черта	313
20. Илок и Мухок	319
21. Три дурня	323
22. «А ты скажи: сено!»	329
23. Сказка про пастуха	333
24. Ленивая кошка	337
25. Охотник до сходок	339
26. «Доброго здоровья!»	339
27. Колож Малый и Колож Большой	344
28. Кумовья богатый и бедный	349
29. Силач Янош	355
30. Работник Янош	361
31. Мельничка	369
32. Шмель и Мохпач	372
33. Цыган на небе и в преисподней	382

34. «Ты ловчее отца!»
35. Как двое у пастуха осла украли
36. Цирульник и бедняк
37. Трое глухих
38. Три монаха
39. Смерть и старуха
40. «Это уж неправда!»
41. Отцова свадьба
42. Жеребиное яйцо из Ратота
43. Король Матяш и золоторунный баранчик
44. Король Матяш и секейская девица
45. Про Матяша-короля
46. Король Матяш и молодой староста
47. Король Матяш и певчий из Цинкоты в корчме
48. «Только раз была в Буде собачья ярмарка!»
49. Король Матяш и паренек
50. Господа дворяне и камыши
51. Король Матяш и хворый епископ
52. Лайош Кошут и господа дворяне
53. Три узла
54. Когда кабале конец?
55. Петр-апостол хочет быть богом
56. Апостол Петр и пчелы
57. Отчего крестьянин много работает?
58. Поп и косьба
59. Кто плетень заплел?
60. Два кума
61. Лиса, медведь и бедняк
62. Король Котофей
63. Колобанчик
64. Козел-козлина, шкуры половина
65. Петушок и брильянтовый грош
66. Петушок плетень подрыл
67. Лозинка и птичка

ПРИМЕЧАНИЯ



**ВЕНГЕРСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**